

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2022. Том 49, № 4

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2022. Том 49, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлигич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии, профессор Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук профессор кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Ивахненко. Корректур, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 26,7. Дата выхода 30.12.2022. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 715 Худавердян А.Ю.**
Комплексное палеоантропологическое исследование останков эпохи поздней бронзы и раннего железного века из провинций Ширак и Гехаркуник (Армения)
- 737 Егизарян Э.М.**
Декрет Артаксеркса I Лонгимана от 457 г. до н. э.
- 746 Сизов С.К.**
Продажа гражданства в городах эллинистической Ахайи
- 757 Дороненко И.А.**
Speculatores Augusti: организационная структура и функции
- 767 Денисова И.В.**
Вокруг софиста Юлиана: риторические школы Афин IV в.
- 784 Болгова А.М.**
Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии
- 795 Литовченко Е.В.**
Некоторые аспекты «enkyklios paideia» в корреспонденции Сидония (Ер. IV. 3 и IX. 9)
- 805 Ильина А.А.**
Евангелизация язычников: взгляд Алкуина
- 812 Ермишин Л.В.**
Болгарское войско 1919–1927 гг.: внутриполитический аспект в историческом дискурсе
- 823 Королькова Н.В.**
Кампания «За права человека» в СССР в 1970–1980 гг. как инструмент политики США

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 829 Виноградов А.Е.**
«Странная» клятва Ивана III: эхо монголов?
- 839 Соломин В.А., Кулабухов В.С., Галушко И.Г., Сергиенко М.А.**
Участие Б.К. Миниха в политических процессах в период правления российских императриц в 20–40-е гг. XVIII в.
- 849 Шаповалов В.А.**
Бытовая сказка как аксиологический источник по воззрениям крестьян на барина и его власть в русской деревне
- 858 Пушкаренко Е.А.**
Немецкая система пропаганды в Генеральном округе Беларусь: структура, содержание и принципы деятельности
- 870 Иваненко Я.И.**
Развитие дорожной сети республиканского значения Курской области в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.)
- 880 Антипов А.М.**
Великая Отечественная война в учебниках истории России, Украины и Белоруссии: методологические проблемы и перспективы

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 898 Каторжевский П.Н.**
Левый популизм и политическое наследие еврокоммунизма
- 906 Еряшев Н.И.**
Борьба элит за власть в Италии в конце 1940-х гг. и влияние её исхода на выбор страной евроатлантического курса
- 915 Магазинникова Е.А., Рыжов И.В.**
Процесс принятия внешнеполитических решений в Королевстве Саудовская Аравия: основные институты и факторы влияния
- 924 Иванков К.В.**
Особенности формирования политической элиты Украины
- 935 Белащенко Д.А., Бурков А.Д., Шоджонов И.Ф.**
Проблемы и перспективы российско-казахстанских отношений в контексте украинского кризиса
- 944 Волкова А.Е.**
Особенности построения политико-мифологических конструкторов региональных этнократий в постсоветской России: изобретение, смыслы, нарративы
- 954 Ашмарина А.А.**
К вопросу о терминологии миграции: российский и французский взгляды

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE**2022. Volume 49, No. 4**

Until 2020, the magazine was published with the name «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИИЛ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House.

Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL**Editor-in-Chief**

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, associate professor of the Russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, doctor of historical sciences, associate professor, professor (Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Russia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, doctor of historical sciences, associate professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after P.G. Demidova)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate Эл № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.

Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor Yu.V. Ivakhnenko. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: galushko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 26,7. Date of publishing: 30.12.2022. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 715 **Khudaverdyan A.Yu**
Comprehensive Paleoanthropological Research of the Late Bronze Age and Early Iron Age Remains from the Province of Shirak and Geharkunik (Armenia)
- 737 **Egizaryan E.M.**
Decree of Artaxerxes I Longimanus from 457 B. C.
- 746 **Sizov S.K.**
The Sale of Citizenship in the Cities of Hellenistic Achaia
- 757 **Doronenko I.A.**
Speculatores Augusti: Organizational Structure and Functions
- 767 **Denisova I.V.**
Around the Sophist Julian: Rhetorical Schools in Athens in the Fourth Century A. D.
- 784 **Bolgova A.M.**
Public Competitions of Sophists and Rhetorical Presentations (epideixis akroasis) in Early Byzantium
- 795 **Litovchenko E.V.**
Some Aspects of the «enkyklios paideia» in the Correspondence of Sidonius (Ep. IV. 3 and IX. 9)
- 805 **Ilyina A.A.**
Evangelization of the Pagans: Alcuin's View
- 812 **Ermishin L.V.**
The Bulgarian Army 1919–1927: the Internal Political Aspect in Historical Discourse
- 823 **Korolkova N.V.**
Campaign «For Human Rights» in the USSR in 1970–1980 as an Instrument of United States Policy

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 829 **Vinogradov A.E.**
«Strange» Oath of Ivan III: an Echo of the Mongols?
- 839 **Solomin V.A., Kulabuhov V.V., Galushko I.G., Sergienko M.A.**
B.C. Minikh's Participation in Political Processes During the Reign of Russian Empresses in the 20–40s of the XVIII Century
- 849 **Shapovalov V.A.**
Everyday Fairy Tale as an Axiological Source According to the Views of the Peasants on the Master and his Power in the Russian Countryside
- 858 **Pushkarenko E.A.**
German Propaganda System in the General District of Belarus: Structure, Content and Principles of Activity
- 870 **Ivanenko Ya.I.**
Development of the Nationwide Importance Roads in Kursk Region During the Fourth Five-Year Plan (1946–1950)
- 880 **Antipov A.M.**
The Great Patriotic War in the History Textbooks of Russia, Ukraine and Belarus: Modern Discussions and Methodological Problems

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 898 **Katorzhevskij P.N.**
Left Populism and the Political Legacy of Eurocommunism
- 906 **Eriashev N.I.**
The Elite Struggle in Italy in the Late 1940-s and its Influence on the Country's Euro-Atlantic Strategic Posture
- 915 **Magazinnikova E.A., Ryzhov I.V.**
Foreign Policy Decision-Making in the Kingdom of Saudi Arabia: Main Institutions and Factors of Influence
- 924 **Ivankov K.V.**
The Features of the Formation of the Ukrainian Political Elite
- 935 **Belashchenko D.A., Burkov A.D., Shodzhonov I.F.**
Issues and Prospects in Bilateral Russian-Kazakh Relations in the Context of Ukrainian Crisis
- 944 **Volkova A.E.**
Features of the Construction of Political and Mythological Constructs of Regional Ethnocracies in Post-Soviet Russia: Invention, Meanings, Narratives
- 954 **Ashmarina A.A.**
On the Question of Migration Terminology: Russian and French Approaches

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(393); 94(479); 569.96

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-715-736

Оригинальное исследование

Комплексное палеоантропологическое исследование останков эпохи поздней бронзы и раннего железного века из провинций Ширак и Гехаркуник (Армения)¹

Худавердян А.Ю.

Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Республики Армения,
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренца, 15
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению скелетных останков 67 индивидов (28 мужчин, 26 женщин, 9 детей и у четырех без определения пола). В составе исследованных групп можно условно выделить два краниологических комплекса. Первый из них представлен низкоголовым долихокранным типом с широким лбом, второй – долихокранным среднешироким лобным диаметром. Одонтологический комплекс относится к южному грацильному типу с высоким уровнем редукции гипоконуса вторых верхних моляров, средними размерами зубов. Проанализированы тотальные размеры и формы тела взрослого населения. В статье представлены новые сведения по антропологии населения могильников Норатус (Гехаркуникская провинция), Лернакерт, Маисян и Кети (провинция Ширак).

Ключевые слова: Армения, эпоха поздней бронзы, раннего железного века, краниология, краниоскопия, одонтология

Для цитирования: Худавердян А.Ю. 2022. Комплексное палеоантропологическое исследование останков эпохи поздней бронзы и раннего железного века из провинций Ширак и Гехаркуник (Армения). *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 715–736. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-715-736

Comprehensive Paleoanthropological Research of the Late Bronze Age and Early Iron Age Remains from the Province of Shirak and Geharkunik (Armenia)

Anahit Yu. Khudaverdyan

Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Science of Republic of Armenia,
15 Charenc St., Yerevan 0025, Republic of Armenia
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Abstract. The paper examines the skeletal remains of 67 individuals (28 men, 26 women, 9 children and 4 without sex definition). The skeletal remains under study were conditionally distinguished into two

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта № 2 OTTSH-009.

craniological complexes, those of the low-head dolichocrane with a wide forehead and dolichocrane with a medium wide frontal diameter types. The odontological complex was found to be of the southern gracile type characterized by a high level of reduction of the hypoconus of the second upper molars and medium tooth sizes. The total size and shape of the body of an average adult were analysed. The proposed article presents and discusses new data on the anthropology of the population of the burial grounds Noratus (Gegharkunik province), Lernakert, Maisyan and Ketі (Shirak province). According to their odontological status, representatives of the Late Bronze Age and Early Iron Age correspond morphologically to populations of the southern gracile odontological type. Anthropological material employees of the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia.

Key words: Armenia, Late Bronze Age, Early Iron Age, craniology, craniology, odontology

For citation: Khudaverdyan A.Yu. 2022 Comprehensive Paleoanthropological Research of the Late Bronze Age and Early Iron Age Remains from the Province of Shirak and Gegharkunik (Armenia). *Via in tempore. History and political science*. 49 (4): 715–736 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-715-736

Введение

В предлагаемой статье представлены и обсуждаются новые сведения по антропологии населения могильников Норатус (Гехаркуникская провинция), Лернакерт, Маисян и Кети (провинция Ширак). Первые раскопки могильника Норатус произвел археолог А.А. Мартиросян (1964 г.), затем продолжил работу А.С. Пилипосян (1989–1990 гг.). В 1960 г. В.П. Алексеев, участвуя в работах Армянской антропологической экспедиции, организованной Институтом экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР и Институтом этнографии АН СССР, имел возможность исследовать в краеведческом музее г. Камо небольшую серию черепов, полученных в результате раскопок, осуществленных А.А. Мартиросяном. Результаты краниологического анализа этого материала были опубликованы В.П. Алексеевым в 1964 и 1974 гг.

Череп характеризуются резко выраженным комплексом южноевропейских особенностей. Размеры, характеризующие выступание носовых костей и высоту переноса, крайне велики [Алексеев, 1974, с. 98–99]. Большая часть коллекции из раскопок А.С. Пилипосяна утрачена, однако в фондах кабинета физической антропологии Института археологии и этнографии НАН РА сохранились краниометрические бланки с измерениями черепов, сделанными антропологом А.К. Паликян, однако данные не доведены до публикации. На основании археологического инвентаря выделены три группы погребений: средней (пог. 8–13, 26), поздней бронзы (пог. 1–7, 17–20, 22–24) и урартского (пог. 18, 20, 21, 22) периодов [Пилипосян, 1991, с. 29–31].

Антропологический материал из могильников Маисян и Кети был собран в 2013–2014 гг. сотрудниками Института археологии и этнографии НАН РА (Л.А. Петросян) и Ширакского краеведческого музея (А.А. Хачатрян, Л.Г. Еганян). Антропологический материал из могильника Лернакерт был собран в 2019–2021 гг. сотрудниками Института археологии и этнографии НАН РА (Б.В. Варданян).

Объект и методы исследования

В работе анализируются только материалы эпохи поздней бронзы из могильника Норатус. Серия насчитывает 9 мужских, 5 женских и 7 детских черепов (табл. 1).

Серия Маисян состоит из останков 11 индивидуумов. Гендерные зависимости распределены следующим образом: 8 мужских и 3 женских скелета. Из раскопок могильника Кети извлечены костные останки женского скелета (табл. 1).

Серия состояла из останков 30 индивидуумов (табл. 1). Из них 2 случая принадлежат детям, 28 – взрослым людям. Гендерные зависимости распределились следующим образом: 11 мужских и 13 женских скелетов. У четырех индивидов пол не определен. Антропологический материал из провинции Ширак был в неудовлетворительном состоянии.

После реставрации черепа были изучены по измерительным и описательным программам в соответствии с общепринятым антропологическим методикам [Алексеев, Дебец, 1964; Зубов, 1968а, 1968б, 2006; Мовсесян и др., 1975; Scott, Turner, 1997].

Результаты и их обсуждение

Краниометрия. Мозговая коробка мужских черепов из некрополя Норатус (рис. 1) характеризуется как долихокранная, с большим продольным и средним поперечным диаметрами (табл. 2). Она низкая абсолютно, по высотно-поперечному указателю метриокранная. Параметры длины и ширины основания черепа находятся в пределах средних величин. Затылок средней ширины, со средними дугой и хордой. Величина теменной дуги находится на границе малых и средних величин, а хорда – средних. Лоб широкий, лобно-поперечный указатель средний – мезозем. Величина лобной хорды находится на границе малых и средних величин, а дуга – малых. Скуловой диаметр средний, длина основания лица – большая. Высота лица находится на границе средних и больших величин, большая по значению верхней ширины и средняя на уровне зигомаксиллярных точек. Лицо мезогнатное, углы горизонтальной профилировки входят в категорию очень малых величин, т. е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Верхнелицевой указатель попадает в категорию лептен, что свидетельствует об узком верхнем отделе лица. Высота носа большая, ширина средняя, носовой указатель малый (лепториния). Дакриальная ширина большая, высота – очень большая, указатель также большой. Симотическая ширина большая, высота – большая, указатель – большой. Угол выступания носовых костей большой. Орбиты средневысокие и среднеширокие, мезоконхные. Длина нёба большая, ширина – очень малая, указатель также малый. Длина альвеолярной дуги большая, ширина – средняя.

При сопоставлении эмпирических квадратических отклонений со стандартными, осуществленными по 63 признакам и указателям, размах изменчивости превышает в мужской группе в 32, в женской – 18 случаях. В мужской группе особенно повышенной вариабельностью отмечаются высотный диаметр от ро, ширина затылка, ширина альвеолярной дуги, длина и ширина нёба, ширина орбиты от d, дакриальная высота, угол профиля лба от назiona, зигомаксиллярный угол, а также те индексы, где фигурируют отмеченные выше линейные параметры. Достоверность вышеперечисленных расхождений оценивалась по таблицам F-распределения [Лакин, 1973, с. 320–322], где мы находим подтверждение для 11 признаков (8:1, 17:8, 20:1, 20:8, 61, 62, 63, 52:51, 52:51а, 32, <zm).

Мозговая коробка женских черепов из Норатуса также долихокранная, с большим продольным и средним поперечным диаметрами (табл. 2, рис. 6). Она высокая, величина высотно-поперечного указателя также большая (акрокран). Длина основания черепа большая, ширина – очень малая. Затылок средней ширины, со средней дугой и хордой. Величина теменной дуги находится в пределах средних величин, а хорда – больших. Параметры наименьшей величины лобной кости находится на границе средних и больших величин, а наибольшей ширины – больших. Лобно-поперечный указатель средний – мезозем. Величины лобных дуг и хорды большие. Лицо узкое, средневысокое, мезогнатное, углы горизонтальной профилировки входят в категорию малых и очень малых величин. Верхнелицевой указатель попадает в категорию лептен. Высота и ширина носа средние, указатель средний (мезориния). Дакриальная высота очень большая, ширина – большая,

указатель – большой. Симотическая высота, ширина и указатель – очень большие. Орбиты средневысокие и среднеширокие (мезоконхные). Ширина нёба очень малая, длина – малая. Длина альвеолярной дуги малая, ширина – большая.

В женской группе особенно повышенной вариабельностью отмечаются длина основания черепа, верхняя высота и ширина лица, средняя ширина лица, длина альвеолярной дуги, высота носа, высота и ширина орбиты, зигомаксиллярный угол и те указатели, где фигурируют выше отмеченные линейные параметры. Достоверность вышеперечисленных расхождений подтверждается для 12 признаков (5, 29, 27, 48:17, 43, 46, 60, 62, 55, 51, 52, <zm).

Выбор признаков для индивидов из памятников Мастара и Лернакерт был в определенной степени ограничен наличием доступных индивидуальных данных (табл. 2 и 3). Мужские черепа из Мастара имеют долихокранную черепную коробку с очень большим продольным, малым поперечным диаметрами (табл. 3). Ширина лобной кости средняя, затылок – очень большая. У женщин черепная коробка долихокранная, с очень большим продольным, средним поперечным диаметрами. Затылок узкий, наибольшая ширина лба – очень большая, наименьшая ширина – средняя. Верхняя ширина лица малая, нёбо узкое. Профилированность в горизонтальной плоскости средняя.

Мозговая коробка мужских черепов из некрополя Лернакерт (табл. 2) характеризуется как долихокранная, со средними продольным и поперечным диаметрами. Величина теменной дуги находится в пределах больших величин, а хорда – средних. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний – мезозем. Величины лобной хорды и дуги находятся в пределах средних величин. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностей углов (место прикрепления мышц *m. masseter* и *m. pterygoideusmedialis*) нижней челюсти сильно выражена. Наименьшая ширина ветви и высота симфиза средних размеров. Угловая ширина – большая. Тело нижней челюсти очень низкое с большой толщиной. Мозговая коробка женских черепов также долихокранная, с очень большим продольным и высотным диаметрами, средним поперечным. Лоб широкий, лобно-поперечный указатель средний – мезозем. Величина лобной хорды находится на границе больших и очень больших величин, а дуга – средних. Затылок широкий, с очень большой дугой и хордой. Величины теменной хорды и дуги находятся в пределах очень больших величин.

Краниоскопия. Частоты краниоскопических признаков в изученной серии представлены в табл. 4. Как известно, неметрические признаки на черепе могут служить альтернативой генетическим маркерам при исследовании древних популяций.

Для *норатуской группы* характерны повышенные частоты *sutura frontalis*, *foramina frontalia*, *spina trochlearis*, *foramina infraorbitalia*, *foramina zygomaticofacialia*, *os zygomaticum bipartitum tripartitum*, *os wormii suturae coronalis*, *os wormii suturae sagittalis*, *foramina parietalia*, *os Incae completus*, *os apicis lambdae*, *os interparietale s. sagittalis*, *condylus occipitalis bipartitum*, *processus paramastoideus*, *tuberculum praecondylare*.

В *группе маусян-кети* наблюдаются повышенные частоты следующих краниоскопических признаков: *os wormii suturae squamosum*, *os postsquamosum*, *sutura mendoza*, *os asterion*, *foramina mastoidea* (на шве), *foramina mastoidea* (вне шва), *sutura incisive*, отсутствие *foramina spinosum*, *canalis condyloideus*, *foramina mentalia*.

Для *лернакертской серии* характерны повышенные частоты наличия *foramina supraorbitalia*, *processus frontalis squamae temporalis*, *processus temporalis ossis frontalis*, *os epiptericum*, *processus interparietalis*, *os wormii suturae lambdoidea*, *foramen pterygospinosum*, *canalis craniopharyngeus*, *foramina mentalia*, *foramina mandibularia*.

Одонтология. Программа одонтологического исследования включала измерительные и описательные показатели. Мезиодистальные размеры первых и вторых моляров в *норатуской популяции* попадают в категорию средних значений, третьих – малых и средних, вестибуло-лингвальные размеры первых и третьих моляров попадают в категорию

малых значений, вторых – средних (табл. 5). Однотометрические показатели в целом позволяют охарактеризовать коронки зубов как средние. Данное заключение подтверждается величиной среднего модуля ряда верхних моляров (10, 25), служащего усредненной характеристикой абсолютных размеров зубов ($m \text{ cor } M (1-3) = (m \text{ cor } M 1 + m \text{ cor } M 2 + m \text{ cor } M 3) / 3$), где $m \text{ cor} = (MD \text{ cor} + VL \text{ cor} / 2)$, что дает возможность судить о мезодонтизме группы. Высота коронки для первых моляров попадают в категорию средних значений, для вторых – малых, для третьих – малых и очень малых значений. По площади коронки фиксируется формула $M1 > M2 > M3$ при уменьшении площади последнего – третьего моляра. Мезио-дистальный диаметр шейки моляров попадают в категории средних значений (за исключением $M3$ /правого/).

Сопоставление по соотношению мезиодистальных и вестибулолингвальных размеров верхних первых и вторых моляров (третий стэп-индекс) выявило следующую закономерность. Величина третьего стэп-индекса, вычисленная по вестибулолингвальному диаметру (97,58), здесь выше рассчитанной по мезиодистальному (88,03). Приведенные А.А. Зубовым [1968а, табл. 28, с. 100] данные о панойкуменном распределении значений третьего стэп-индекса позволяют заключить, что в большинстве современных популяций его величины, вычисленные по мезиодистальным показателям, выше рассчитанных по вестибулолингвальным. Это может свидетельствовать о том, что на значительной части земного шара эволюционная тенденция к уменьшению размеров вторых моляров в большей степени захватывала поперечный диаметр зуба, нежели продольный. Меньшая редукция вестибулолингвального диаметра вторых верхних моляров по сравнению с мезиодистальным, возможно, отражает консервативность морфогенетических процессов на изучаемой территории. Правда, здесь нужно оговориться, что изученная группа малочисленная ($n=5$), и данный факт нельзя не учитывать.

У пяти индивидов из погребений 1/2, 4/5, 1/4, 19/1, 10 наблюдается флуктуирующая асимметрия размеров зубов. Как известно, асимметрия размеров и структуры зубов человека носит ненаправленный, флуктуирующий характер, связанный с колебаниями пенетрантности и экспрессивности генов в силу целого комплекса причин генетического характера [Зубов, Халдеева, 1989, с. 28]. Повышение ее уровня может быть вызвано также неблагоприятным воздействием окружающей среды (холод, высокая температура и др.), перенесенным в период формирования постоянных зубов [Harris, Nweeia, 1980, p. 134; Худавердян, 2014, с. 228–229].

Мезиодистальные размеры первых и вторых моляров в *лернакертской серии* попадают в категорию средних значений, третьих – больших (на верхней челюсти) и очень малых (на нижней челюсти), вестибуло-лингвальные размеры моляров верхней челюсти попадают в категорию малых и средних значений, размеры моляров нижней челюсти – малых (табл. 5). Однотометрические показатели в целом позволяют охарактеризовать коронки зубов как средние. В лернакертской популяции величина третьего стэп-индекса, вычисленная по вестибулолингвальному диаметру (96,06), ниже рассчитанной по мезиодистальному (97,84).

Одонтоскопия. В современных одонтологических исследованиях бесспорно признана высокая таксономическая ценность *лопатообразной формы лингвальной поверхности верхних резцов*. Частота встречаемости этого маркера в мире обладает достаточно четко выраженным градиентом как в этнической дифференциации, так и в географической локализации. Исследования лингвальной поверхности верхних резцов позволяют констатировать, что лопатообразные формы этих зубов в группе из Лернакерта составляет 2 случая (пог. 7 и 12) на медиальных резцах. На латеральных резцах эти формы также зафиксированы у этих индивидуумов. Самая высокая частота лопатообразной формы зафиксирована среди северо-американских индейцев (100 %). К этому уровню лопатообразности приближаются эскимосы, эвенки Камчатки, монголы, нанайцы, китайцы, дагестанцы [Гаджиев, 1979; Зубов, Золотарева, 1980; Дубова, Тегако, 1983; Зубов, Халдеева, 1989]. Ми-

ровой минимум частоты лопатообразности (близкий к нулю) зафиксирован на территории Кавказа (за исключением Дагестана), Латвии и Литвы [Гравере, 1978; Гравере, Зубов, Са- рап, 1979; Папрецкене, 1986; Зубов, Халдеева, 1989].

У одного индивида из Лернакерта форма левого латерального резца – «премоляро- видная». На резце короннорадикулярная борозда сдвинута мезиально и отрезает (или пе- ресекает) лингвальный бугорок от подходящего в этом месте к нему мезиального краевого гребня (рис. 3).

Редукция гипоконуса вторых верхних моляров ($M^2 \sum 3, 3+$). Признак зафиксирован у 2 индивидов из погребений 1/4 и 4/5 (33,34%) некрополя Норатус и у 2 индивидов из мо- гильника Лернакерт (пог. 3 и 9). В распределении частот наличия этого фена не обнару- живается четких закономерностей, связанных с антропологическими типами или с терри- торией. Мировой максимум грацильных M^2 выявлен в группе узбеков [Дубова, 1978, с. 34–45], наименьшая частота фена обнаружена у долган – 2,2 % [Аксянова, 1979, с. 98]. В группах западного одонтологического ствола маркер варьирует от 28,8 % у украинцев [Сегеда, 1979, с. 15] до 90,5 % в Дагестане [Гаджиев, 1979, с. 122].

Бугорок Карабелли на M^1 (Сага M^1). Признак фиксируется у двух индивидов из мо- гильника Норатус (пог. 14 и 1/4) (рис. 4) и у 2 – из Лернакерта (пог. 9 и 12). Европеоидные группы характеризуются высокими частотами наличия бугорка Карабелли (осетины – 40,0 %, белые американцы, по А. Дальбергу, – 41,1 %). Мировой максимум частоты бу- горка Карабелли приходится на северную ветвь (до 60 %) европеоидной расы. К югу и во- стоку процент случаев наличия бугорка резко падает, так что у южных европеоидов они сравниваются с частотами признака в метисных и даже монголоидных группах [Зубов, 2006, с. 58–59].

Косой гребень. Признак зафиксирован на первых молярах у двух индивидов из по- гробений 14, 1/4 (28,58 %) некрополя Норатус и у одного в группе Лернакерт (пог. 9). Процентное распределение маркера по расовым группам изучено недостаточно и пока не дало четких закономерностей в географическом распределении.

Коленчатая складка метаконида на первом нижнем моляре (DW) является древ- ней эпохально стабильной структурой, частота наличия которой за последние тысяче- летия не претерпела определенных изменений [Халдеева, 1992]. Градиент concentra- ции фена позволяет разграничить западные и восточные группы. Высокие частоты наличия коленчатой складки метаконида выявлены у селькупов (50 %), монголов [Зу- бов, Золотарева, 1980], у этнических групп Сибири. В кругу западного одонтологиче- ского ствола распределение фена (1,1–28,5 %) имеет особые закономерности. Усиление концентрации маркера связывается с «финским» компонентом, на наличие которого указывают и повышенные частоты встречаемости M_14 [Халдеева, 1992]. Высокие ча- стоты выраженности маркера характерны для групп, в различной степени связанных с уралолопоноидной общностью и объединенных лингвистически, а также для восточно- го одонтологического ствола в целом, включая австралийцев и индейцев. Минималь- ные частоты его проявления отмечены в Украине (3,0–5,0 %) и Дагестане – 20 % [Се- геда, 1979; Гаджиев, 1979]. У двух индивидов из Лернакерта (пог. 3 и 9) отмечается коленчатая складка метаконида.

Большую диагностическую ценность на нижних молярах являет характеристика ва- рианта «2» второй борозды метаконида, прочно вошедшей в одонтологические про- граммы как маркер, дифференцирующий западный и восточный стволы, а в пределах за- падного ствола – южный и северный варианты [Зубов, Золотарева, 1980]. Наибольший процент (69,1 %) 2 med (II) отмечен у литовцев [Бальчюнене, 1987]. Среди групп западно- го одонтологического ствола фен варьирует, образуя очаги пониженной концентрации на Кавказе, в некоторых выборках Центральной Азии и в выборках с чертами североевро- пейского реликтового типа. В восточных популяциях 2 med (II) встречается очень редко:

2 % – у монголов, 2,9 % – у тувинцев [Халдеева, 1992]. В группе Лернакерт вариант 2 med (II) обнаружен у двух индивидов (пог. 3 и 9).

Форма 3 первой борозды эоконуса на первом верхнем моляре (1e0, M¹). Признак фиксируется у двух индивидов из некрополя Лернакерт (пог. 3 и 12). Мировой максимум концентрации фена выявлен у монголов – 85 % [Зубов, Золотарева, 1980]. Высокие частоты встречаемости 1 e0 (3) (более 40 %) отмечаются во многих популяциях восточного одонтологического ствола. Наибольший процент наличия маркера зафиксирован у корейцев (76,2 %), наименьший – у литовцев [Папрецкене, 1986].

Остеометрия. Основные остеометрические характеристики индивидов из могильника Лернакерт приведены в табл. 6. В мужской части выборки отсутствуют все продольные размеры длинных костей конечностей. Поперечный диаметр головки плечевой кости попадает в градацию средних величин. Наибольшая и наименьшая ширины середины диафиза плечевой кости и обе окружности диафиза – средние. Наименьшая окружность диафиза локтевой кости – средняя. Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы – эуроления. Поперечный диаметр диафиза лучевой кости – малый при среднем сагиттальном диаметре. Окружность бедренной кости попадает в категорию средних величин. Поперечный и сагиттальный диаметры середины диафиза – средний. Сагиттальные диаметры большеберцовых костей и обе ширины середины диафиза попадают в категорию средних величин.

Все продольные размеры длинных костей конечностей женской части серии попадают в рубрикацию малых величин (табл. 5). Поперечный диаметр головки плечевой кости попадает в градацию средних величин; наибольшая ширина середины диафиза плечевой кости и окружность середины диафиза попадают в категорию малых величин. Наименьшая окружность диафиза локтевой кости – малая. Сагиттальный и поперечный диаметры середины диафиза бедренных костей – малых размеров. Верхний сагиттальный диаметр диафиза, окружность середины диафиза относятся к малым величинам. Ширина нижнего эпифиза большеберцовых костей относится к малым величинам. В категорию малых величин также попадают сагиттальные и поперечные диаметры, а также окружность середины диафиза. Длина тела женских скелетов, рассчитанная по наибольшей длине бедренной кости, составила: 147,6 см (формулы К. Пирсона и А. Ли, и М. Троттер, Г. Глезер). Таким образом, реконструированный рост женщин попадает в категорию малых размеров.

Развитие мышечного рельефа длинных костей. В целом весь мышечный рельеф на мужских скелетах в подавляющем большинстве случаев развит очень хорошо у индивидов из лернакертского некрополя. На плечевых костях в первую очередь необходимо отметить сильное и очень сильное развитие гребней большого и малого бугорков, гребня супинатора (табл. 6). Средние величины по этим признакам суммарно превышают нормальные значения (2 балла). Элементы рельефа хорошо выражены и в местах прикрепления дельтовидной мышцы (отводит руку до горизонтального уровня, при сокращении передней части – сгибает, задней – разгибает плечо). Из костей предплечья значительно развиты локтевая и лучевая, а также гребни пронатора и супинатора на локтевой кости. Следовательно, можно констатировать значительное развитие мышц, приводящих в различного рода движения плечевые и локтевые суставы, особенно вращательные, а также обеспечивающих силовые действия. Очень хорошо развита ягодичная бугристость и шероховатая линия бедренных костей, что свидетельствует о большой нагрузке на мышцы, сгибающие, разгибающие, приводящие и отводящие бедро, а также сгибающие и разгибающие голень (рис. 5). На бедренных костях сильно развита *linea aspera* (рис. 5). На берцовых костях наблюдаются усиления выраженности линии камбаловидной мышцы (рис. 6) (*m. soleus*, часть трехглавой – в основном сгибает стопу, поднимает пятку).

Можно констатировать, что как мужчины, так и женщины из Лернакерта в процессе жизнедеятельности в той или иной степени занимались тяжелым физическим трудом. У 5 индивидов физические нагрузки могут ассоциироваться с верховой ездой.

Выводы

Обобщая приведенные данные, можно обозначить следующие положения:

1. В могильнике Норатус захоронены индивиды различного пола и возраста. К настоящему времени исследованы останки 21 индивида (9 мужчин, 5 женщин, 7 детей). В группе Маисян-Кети 12 скелетов (8 мужчин, 4 женщины), а в некрополе Лернакерт их 30 (11 мужчин, 13 женщин, 2 детей, у 4 не определена половая принадлежность).

2. Мозговая коробка норатуских черепов долихокранная, высота свода у мужчин малая, у женщин – большая. Лица средневысокие, у мужчин среднеширокие, у женщин – узкие. Высота носа у мужчин большая, у женщин – средняя, ширина в обеих группах средняя. Орбиты средневысокие и среднеширокие, мезоконхные. Мозговая коробка черепов из могильника Мастара долихокранная, ширина лобной кости средняя, у мужчин затылок широкий, у женщин – узкий. Мозговая коробка лернакертских черепов также долихокранная, у мужчин лоб среднеширокий, у женщин – широкий. Более подробная антропологическая характеристика невозможна из-за ограниченности доступных индивидуальных данных.

3. Характерной особенностью строения затылочной кости черепов из Норатуса (43,75 %) является сохранение двустороннего мендозного шва тех или иных размеров. Сплошного мендозного шва (от одного астериона до другого) обнаружено не было. Явно выраженную предрасположенность к неполному зарастанию мендозного шва В.В. Бунак [Бунак, 1927] относил к особенностям признака переднеазиатского типа. Такой же особенностью, по мнению исследователя, является метопический шов. Сохранение лобного шва (метопизм) фиксируется на 11,77 % черепов. Разделенная швом скуловая кость *os jaronisum* многими исследователями рассматривается в качестве восточного признака. Признак встречается у 66,67% индивидов.

4. Представители эпохи поздней бронзы и раннего железного века по своему одонтологическому статусу соответствует морфологически популяциям южного грацильного одонтологического типа. Одонтометрические показатели позволяют охарактеризовать коронки зубов как средние.

5. У населения из могильника Лернакерт (5 индивидов) физические нагрузки могут ассоциироваться с верховой ездой. Определить длину тела мужских скелетов не получилось из-за фрагментарности костей, у женщин реконструированный рост попадает в категорию малых размеров (147,6 см).

Таблица 1
Table 1

Антропологический материал с территории Республики Армения
Anthropological material from the territory of the Republic of Armenia

	Регион, местность, серия	Мужчины	Женщины	Дети	Пол не определен	Общее количество
1	Провинция Ширак: Лернакерт	11	13	2	4	30
2	Провинция Ширак: Маисян-Кети	8	4		-	12
3	Провинция Гехаркуник: Норатус	9	9	7	-	25
4	Общее количество	28	26	9	4	67

Средние размеры и показатели черепов из Норатуского и Лернакертского могильников
 Average sizes and indexes of skulls from the Noratus and Lernakert burial grounds

№ по Мартину и др.	Признак	Норатус		Норатус		Лернакерт	
		♂		♀		♂ ♀	
		x/n	s	x/n	s	x/n	x/n
1	Продольный диаметр	188,2 (9)	<u>7,4</u>	179,3 (4)	2,0	183,3 (2)	184 (2)
8	Поперечный диаметр	139,8 (9)	<u>5,7</u>	135,9 (4)	3,9	140? (1)	136,2 (3)
8:1	Черепной указатель	74,5 (9)	<u>5,1</u>	74,9 (3)	0,9	73,3 (1)	74,7 (2)
17	Высотный диаметр от ба	129,9 (7)	4,5	2,7 (3)	4,5	-	142 (1)
17:1	Высотно-продольный указатель	68,6 (7)	2,6	73,9 (3)	1,0	-	73,6 (1)
17:8	Высотно-поперечный указатель	93,9 (7)	<u>6,8</u>	98,2 (2)	-	-	95,4 (1)
20	Высотный диаметр от ро	110,5 (7)	<u>10,2</u>	111,5 (2)	-	-	126,8 (1)
20:1	Высотно-продольный указатель	58,3 (7)	<u>5,3</u>	62,1 (2)	-	-	65,7 (1)
20:8	Высотно-поперечный указатель	79,8 (7)	<u>6,0</u>	82,7 (2)	-	-	85,2 (1)
5	Длина основания черепа	106,2 (7)	<u>5,8</u>	99,2 (3)	<u>7,8</u>	-	101 (1)
9	Наименьшая ширина лба	101,9 (8)	4,6	95,4 (3)	4,1	97,2 (2)	98 (2)
9:8	Лобно-поперечный указатель	73,3 (8)	2,7	70,9 (3)	3,1	69,5 (1)	71,6 (2)
10	Наибольшая ширина лба	121,4 (9)	5,0	116,5 (4)	3,8	117 (2)	122,5 (2)
11	Ширина основания черепа	125,6 (7)	4,8	111 (1)	-	133 (1)	119,5 (1)
11:8	Аурикулярно-поперечный указатель	90,9 (7)	2,8	81,2 (1)	-	95 (1)	80,3 (1)
12	Ширина затылка	111,9 (9)	<u>7,8</u>	105,0 (4)	3,8	116 (1)	110,8 (2)
29	Лобная хорда	109,6 (9)	<u>5,0</u>	111,1 (4)	<u>4,7</u>	113,1 (2)	113,8 (1)
30	Теменная хорда	111,1 (9)	6,1	111,2 (5)	3,2	115,5 (2)	121,4 (2)
31	Затылочная хорда	99,4 (9)	5,3	94,3 (4)	3,0	-	104 (1)
26	Лобная дуга	121,5 (9)	<u>8,2</u>	129,0 (3)	6	127,5 (2)	123,5 (2)
27	Теменная дуга	121,3 (9)	8,4	120,5 (4)	<u>11,7</u>	131,5 (2)	134 (2)
28	Затылочная дуга	115,9 (9)	<u>10,1</u>	108,4 (3)	7,2	-	126,5 (2)
7	Длина затылочного отверстия	33,9 (7)	<u>4,6</u>	34,0 (3)	2	-	32,8 (1)
16	Ширина затылочного отверстия	32,9 (8)	<u>2,8</u>	29,0 (3)	<u>3,6</u>	-	28,8 (1)
40	Длина основания лица	104,4 (6)	<u>5,8</u>	94,1 (3)	4,8	-	98 (1)
40:5	Указатель выступания лица	97,8 (6)	<u>4,3</u>	72,1 (2)	-	-	97,1 (1)
45	Скуловой диаметр	134,0 (5)	<u>5,7</u>	118,5 (2)	-	-	126 (1)
48	Верхняя высота лица	73,7 (7)	3,3	64,7 (4)	<u>4,9</u>	-	74 (1)
45:8	Поперечный фациocereбральный указатель	98,6 (5)	3,5	88,3 (2)	-	-	84,6 (1)
48:17	Вертикальный фациocereбральный указатель	56,9 (6)	2,4	48,8 (3)	<u>5,4</u>	-	52,2 (1)
48:45	Верхний лицевой указатель	55,5 (5)	2,8	57,3 (2)	-	-	58,8 (1)
43	Верхняя ширина лица	108,8 (7)	<u>4,7</u>	101,2 (3)	<u>5,4</u>	-	103,5 (1)
46	Средняя ширина лица	96,3 (5)	3,1	83,7 (3)	<u>18,8</u>	-	92 (1)
60	Длина альвеолярной дуги	58,2 (6)	<u>3,3</u>	48,7 (4)	<u>5,9</u>	-	57,2 (1)
61	Ширина альвеолярной дуги	62,4 (6)	<u>1,4</u>	62,3 (4)	2,9	-	60,8 (1)
62	Длина неба	49,2 (5)	<u>1,5</u>	40,3 (4)	<u>3,8</u>	-	45,5 (1)
63	Ширина неба	32,3 (6)	<u>0,9</u>	32,5 (4)	<u>3,3</u>	-	32 (1)
63:62	Небный указатель	65,7 (5)	2,4	81,3 (4)	<u>10,9</u>	-	70,4 (1)
55	Высота носа	55,5 (6)	2,8	48,9 (4)	<u>4,5</u>	-	53,3 (1)
54	Ширина носа	24,9 (6)	1,5	23,7 (4)	0,4	-	22 (1)
54:55	Носовой указатель	44,9 (6)	2,6	48,6 (4)	3,6	-	41,3 (1)
51	Ширина орбиты от mf	43,6 (7)	2,9	40,8 (4)	<u>3,4</u>	-	43,8 (1)
51a	Ширина орбиты от d	40,3 (7)	2,3	37,1 (3)	<u>2,6</u>	-	39 (1)

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8
52	Высота орбиты	33,5 (7)	<u>2,2</u>	33,0 (4)	<u>3,3</u>	-	35,2 (1)
52:51	Орбитный указатель (mf)	77,3 (7)	<u>8,3</u>	80,9 (4)	5,1	-	80,4 (1)
52:51a	Орбитный указатель (d)	83,6 (7)	<u>8,4</u>	84,8 (3)	<u>6,1</u>	-	90,3 (1)
MC	Максиллофронтальная ширина	19,3 (5)	1,9	20,5 (2)	-	-	18,7 (1)
MS	Максиллофронтальная высота	9,1 (5)	2,4	6,0 (2)	-	-	8 (1)
MS: MC	Максиллофронтальный указатель	46,6 (5)	8,7	29,3 (2)	-	-	42,8 (1)
DC	Дакриальная ширина	24,7 (5)	1,0	23,4 (2)	-	-	23,5 (1)
DS	Дакриальная высота	15,2 (5)	<u>2,9</u>	14,0 (2)	-	-	10,8 (1)
DS:DC	Дакриальный указатель	61,28 (5)	<u>9,9</u>	54,3 (2)	-	-	45,96 (1)
SC	Симотическая ширина	9,6 (5)	<u>2,0</u>	13,5 (2)	-	-	9 (1)
SS	Симотическая высота	4,8 (5)	0,8	5,0 (2)	-	-	5 (1)
SS:SC	Симотический указатель	51,2 (5)	10,7	53,4 (2)	-	-	55,6 (1)
32	Угол профиля лба от назиона	79,8 (5)	<u>5,2</u>	82,0 (2)	-	-	90 (1)
	Угол профиля лба от глабеллы	74,4 (5)	4,3	83,0 (2)	-	-	87 (1)
72	Общий лицевой угол	84,6 (5)	2,4	84,5 (2)	-	-	86 (1)
73	Средний лицевой угол	84,2 (5)	1,7	90,0 (2)	-	-	85 (1)
74	Угол альвеолярной части	85,4 (5)	6,1	84,5 (2)	-	-	92 (1)
75(1)	Угол выступания носа	30,3 (5)	3,7	33,2 (2)	-	-	29 (1)
77	Назомаллярный угол	134,1 (8)	<u>4,8</u>	136,0 (3)	4,5	-	139 (1)
<zn	Зигомаксиллярный угол	110,6 (5)	<u>7,2</u>	117,7 (3)	<u>10,1</u>	-	128 (1)
68 (1)	Длина нижней челюсти от мышелков	-		-		-	101,5? (1)
68	Длина нижней челюсти от углов	-		-		-	79,9 (1)
70	Высота ветви	-		-		-	52?
71a	Наименьшая ширина ветви	-		-		33,7 (1)	32,2 (1)
65	Мышелковая ширина	-		-		-	105,5 (1)
66	Угловая ширина	-		-		108 (1)	101,3 (1)
67	Передняя ширина	-		-		44 (1)	44,9 (2)
69	Высота симфиза	-		-		34,4 (2)	32 (1)
69 (1)	Высота тела	-		-		29,1 (1)	27,7 (2)
69 (2)	Толщина тела	-		-		13,7 (2)	12,5 (1)

Таблица 3
Table 3

Средние размеры и указатели черепов из могильников Маисян-Кети
 Average sizes and indexes of skulls from the Maisyan-Keti burial grounds

	Признак	♂			♀		
		n	x	s	n	x	s
1	Продольный диаметр	1	204,0	-	1	183,3	-
8	Поперечный диаметр	3	135,34	7,2	2	136,0	-
9	Наименьшая ширина лба	3	97,67	5,5	2	95,5	-
10	Наиболь. ширина лба	2	119,15	-	2	119,0	-
12	Ширина затылка	1	119,0	-	2	97,5	-
29	Лобная хорда	2	110,0	-	3	106,57	1,2
30	Теменная хорда	3	118,0	5,7	2	112,5	-
31	Затылочная хорда	1	83,7?	-	1	94,0	-
43	Верхняя ширина лица		-	-	1	96,0	-
62	Длина неба		-	-	1	37,8	-
71a	Наименьшая ширина ветви	1	36,0	-	2	31,5	-
67	Передняя ширина	1	49,0	-	1	40,0	-
69	Высота симфиза	1	37,0	-	2	29,85	-

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8
69 (1)	Высота тела	2	30,4	-		-	-
69 (2)	Толщина тела	2	14,75	-	1	13,0	-
77	Назomlaярный угол		-		1	141,0	-
8:1	Черепной указатель	1	69,69	-	1	75,29	-
9:8	Лобно-поп. указатель	1	72,29	-		-	-

Таблица 4

Table 4

Частоты краниоскопических признаков у индивидов эпохи поздней бронзы и раннего железа из могильников Лернакерт, Маисян-Кети, Норатус
Frequencies of cranioscopic signs in individuals of the Late Bronze and Iron Ages from the Lernakert, Maisyan-Keti, Noratus burial grounds

	Эпоха поздней бронзы	Лернакерт %	Маисян-Кети %	Норатус %
1	Sutura frontalis	(0/7)	10 (1/10)	11,77 (2/17)
2	Foramina supraorbitalia	60 (3/5)	12,5 (1/8)	41,18 (7/17)
3	Foramina frontalia	20 (1/5)	(0/8)	29,42 (5/17)
4	Spina trochlearis	(0/4)		5,89 (1/17)
5	Foramina infraorbitalia	(0/3)		66,67 (8/12)
6	Foramina zygomaticofacialia	66,7 (2/3)	66,67 (2/3)	100 (11/11)
7	Os zygomaticum bipartitum tripartitum	50 (1/2)	33,34 (1/3)	66,67 (8/12)
8	Processus frontalis squamae temporalis	50 (1/2)		20,0 (2/10)
9	Processus temporalis ossis frontalis	100 (1/1)		90,0 (9/10)
10	Os epipterium	100 (1/1)		20,0 (2/10)
11	Os Wormii suturae squamosum	60 (3/5)	100 (5/5)	92,86 (13/14)
12	Os postsquamosum	25 (1/4)	100 (1/1)	50,0 (7/14)
13	Os parietale bipartitum	(0/6)		(0/16)
14	Os Wormii suturae coronalis	(0/7)		5,56 (1/18)
15	Os bregmaticum	(0/6)		(0/15)
16	Os Wormii suturae sagittalis	(0/6)		11,77 (2/17)
17	Foramina parietalia	50 (3/6)	25 (2/8)	66,67 (10/15)
18	Os Incae completus	(0/7)	(0/11)	5,99 (1/17)
19	Os triquetrum	(0/7)	(0/11)	(0/17)
20	Os quadratum	(0/7)	(0/11)	(0/17)
21	Os apicis lambdae	(0/7)	(0/11)	5,99 (1/17)
22	Os interparietale s. sagittalis	(0/7)	(0/11)	5,99 (1/17)
23	Propcessus interparietalis	14,3 (1/7)	(0/11)	(0/19)
24	Os Wormii suturae lambdoidea	71,5 (5/7)	45,56 (5/11)	47,06 (8/17)
25	Sutura mendoza	28,6 (2/7)	60 (3/5)	43,75 (7/16)
26	Os asterion	50 (2/4)	100 (1/1)	23,08 (3/13)
27	Os Wormii sut. occipitomastoideum	25 (1/4)		36,37 (4/11)
28	Foramina mastoidea на шве	40 (2/5)	100 (4/4)	46,16 (6/13)
29	Foramina mastoidea вне шва	40 (2/5)	60 (3/5)	38,47 (5/13)
30	Sutura incisiva	50 (1/2)	100 (2/2)	90,91 (10/11)
31	Foramen pterygospinosum	100 (1/1)		37,5 (3/8)
32	Canalis craniopharyngeus	50 (1/2)		44,45 (4/9)
33	Отсутствие foramina spinosum	(0/1)	100 (1/1)	46,16 (6/13)
34	Condylus occipitalis bipartitum	(0/2)		44,45 (4/9)
35	Processus paramastoideus	(0/1)		80,0 (8/10)
36	Tuberculum praecondylare	(0/2)		22,23 (2/9)

Окончание табл. 4

37	Canalis condyloideus	(0/1)	100 (1/1)	70,0 (7/10)
38	Foramina mentalia	100 (1/1)	100 (1/1)	88,89 (8/9)
39	Sulcus mylohyoideus	(0/5)		-
40	Foramina mandibularia	33,4 (2/6)		-

Таблица 5
Table 5

Размеры зубов индивидов из Лернакерт и Норатус
Teeth sizes of individuals from Lernakert and Noratus

	Норатус <i>Верхняя челюсть</i>		Лернакерт <i>Верхняя челюсть</i>		Лернакерт <i>Нижняя челюсть</i>	
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}					
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
	%	%	%	%	%	%
И1	-	-	7 (3)	7,5 (1)	6,4 (4)	6,4 (2)
И2	-	-	6,1 (2)	-	6,2 (4)	6,2 (6)
С	-	-	8 (3)	8,2 (1)	7,8 (7)	7,92 (5)
Р1	8,7 (2)	8,4 (2)	8,9 (3)	7,9 (4)	6,9 (3)	7,9 (7)
Р2	8,7 (2)	9,3 (2)	7,3 (2)	7,9 (2)	8,5 (3)	8,5 (5)
М1	11,1 (8)	10,97 (6)	10,92 (9)	10,6 (5)	10,2 (5)	10,1 (14)
М2	11,1 (6)	11,5 (2)	10,9 (9)	11,2 (4)	9,8 (7)	9,7 (10)
М3	9,9 (1)	10,2 (2)	10,5 (4)	10,4 (4)	9,2 (2)	9,2 (4)
	Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}					
И1	-	-	8,5 (3)	8,3 (1)	5,3 (4)	5,8 (3)
И2	-	-	6,9 (2)	-	5,8 (4)	5,1 (6)
С	-	-	7,3 (4)	7,1 (2)	6,8 (7)	6,3 (6)
Р1	6,3 (1)	6,7 (2)	7,9 (3)	6,93 (4)	6,2 (3)	6,3 (7)
Р2	6,2 (2)	6,6 (2)	-	6,6 (2)	6,94 (3)	6,5 (5)
М1	10,4 (9)	10,3 (6)	10 (7)	11,2 (5)	10,8 (5)	10,98 (14)
М2	9,4 (6)	9,2 (4)	9,8 (5)	9,5 (4)	10,7 (7)	10,6 (11)
М3	7,9 (1)	8,5 (2)	9,3 (4)	9,93 (4)	6,3 (3)	6,4 (5)
	Высота коронки H _{cor}					
М1	6,1 (9)	5,95 (7)	6,3 (9)	6,1 (5)	6 (5)	6,1 (13)
М2	5,8 (6)	5,8 (4)	6,7 (5)	6,3 (4)	7,3 (7)	7,4 (11)
М3	4,6 (1)	5,1 (2)	5,9 (4)	5,7 (4)	5,3 (3)	6,4 (5)
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD _{col}					
М1	7,8 (9)	7,5 (7)	7,5 (9)	8,1 (5)	8,8 (5)	8,7 (13)
М2	7,4 (3)	7,2 (2)	7,2 (9)	6,98 (4)	9,4 (7)	8,9 (11)
М3	5,8 (1)	6,7 (2)	7 (4)	7,1 (4)	7,97 (3)	8,5 (4)
	Площадь коронки MD × VL					
М1	115,5 (8)	112,7 (6)	115,7 (7)	117,9 (5)	109,98 (5)	110,8 (13)
М2	109,1 (4)	111,7 (2)	109,2 (7)	105,5 (5)	104,1 (7)	104,3 (10)
М3	78,3 (1)	86,2 (2)	97,1 (4)	92,7 (4)	104,8 (1)	92,3 (1)
	Индекс коронки I _{cor} (VL / MD) × 100					
М1	106,5 (8)	107,2 (6)	104,6 (7)	96,6 (5)	95,1 (5)	91,9 (13)
М2	115,5(4)	118,5 (2)	111,6 (7)	119,7 (4)	92,6 (7)	90,4 (10)
М3	125,4 (1)	119,8 (2)	113,5 (4)	116,4 (4)	98 (2)	89,7 (4)
	Модуль коронки m _{cor} MD + VL / 2					
М1	10,8 (8)	10,7 (6)	10,8 (5)	10,92 (4)	10,6 (5)	10,6 (14)
М2	10,5 (4)	10,6 (2)	10,5 (5)	10,3 (4)	10,3 (7)	10,3 (9)
М3	8,9 (1)	10,2 (2)	9,9 (4)	9,7 (4)	9,4 (2)	9,8 (5)

Таблица 6
 Table 6

Средние размеры и индексы длинных костей индивидов эпохи поздней бронзы и раннего железа из могильника Лернакерт
 Average sizes and indices of long bones of Late Bronze and Iron Ages individuals from the Lernakert burial ground

	♂		♀	
	пр.	лев.	пр.	лев.
Плечевая кость				
1. Наибольшая длина	-	-	307 (2)	301.5 (2)
2. Общая длина	-	-	303.5 (2)	297.3 (2)
3. Ширина верхнего эпифиза	-	-	44 (2)	43.5 (3)
4. Ширина нижнего эпифиза	52? (1)	-	58.7 (1)	58.3 (1)
5. Наибольший Ø середины диафиза	21 (1)	21.6 (2)	21.2 (2)	20.8 (5)
6. Наименьший Ø середины диафиза	19.8 (1)	17.5 (2)	15.1 (2)	16.8 (5)
7. Наименьшая окружность диафиза	59 (2)	58.5 (2)	56.2 (3)	55.6 (5)
7а. Окружность середины диафиза	66 (1)	66.5 (2)	60 (2)	61.9 (5)
7:1 Индекс массивности	-	-	18.6 (2)	18.9 (2)
6:5 Указатель поперечного сечения	94.3 (1)	81.7 (2)	71.4 (2)	80.5 (5)
Лучевая кость				
1. Наибольшая длина	-	-	-	-
2. Физиологическая длина	-	-	-	-
4. Поперечный Ø диафиза	-	11.8 (1)	9.7 (1)	-
5. Сагиттальный Ø диафиза	-	11.5 (1)	13.8 (1)	-
3. Наименьшая окружность диафиза	-	38 (1)	36 (1)	-
3:2 Указатель массивности	-	-	-	-
5:4 Указатель поперечного сечения	-	97.5 (1)	142.3 (1)	-
Локтевая кость				
1. Наибольшая длина	-	-	-	234? (1)
2. Физиологическая длина	-	-	-	206.2 (1)
11. Сагиттальный Ø диафиза	15 (1)	13 (1)	10.5 (2)	11.5 (3)
12. Поперечный Ø диафиза	16.3 (1)	16.2 (1)	14.1 (2)	14.5 (3)
13. Верхний поперечный Ø диафиза	19.95 (2)	17? (1)	18 (2)	18.1 (3)
14. Верхний сагиттальный Ø диафиза	23.5 (2)	18.5? (1)	19.97 (3)	21.9 (3)
3. Наименьшая окружность диафиза	39 (1)	38 (1)	28 (1)	40 (1)
3:2 Указатель массивности	-	-	-	19.4 (1)
11:12 Указатель поперечного сечения	92.1 (1)	80.3 (1)	75.9 (2)	80.3 (3)
13:14 Указатель платолении	85.1 (2)	91.9 (1)	90.6 (2)	83 (3)
Бедренная кость				
1. Наибольшая длина	-	-	397.5 (2)	391 (1)
2. Длина в естественном положении	-	-	388 (2)	381 (1)
21. Мыщелковая ширина	-	-	69 (1)	70.5 (1)
6. Сагиттальный Ø середины диафиза	27.8 (1)	27.6 (3)	21.3 (4)	21.8 (5)
7. Поперечный Ø середины диафиза	27.7 (1)	26.9 (3)	22.93 (4)	23.2 (5)
9. Верхний поперечный Ø	34 (1)	34.7 (3)	27.1 (4)	28.2 (5)
10. Верхний сагиттальный Ø	25 (1)	26 (3)	18.9 (4)	19.6 (5)
8. Окружность середины диафиза	88 (1)	86.7 (3)	70.3 (4)	71.7 (6)
8:2 Указатель массивности	-	-	18 (2)	18.7 (1)
6:7 Указатель пилэстрии	100.4 (1)	102.4 (3)	93.2 (4)	94.1 (5)
10:9 Указатель платиметрии	73.6 (1)	74.6 (3)	69.9 (4)	69.5 (5)
Большая берцовая кость				
1. Полная длина	-	-	326 (1)	325 (1)

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5
2. Мышечково-таранная длина	-	-	301 (1)	301 (1)
1а. Наибольшая длина	-	-	330 (1)	329 (1)
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	-	-	61 (2)	66 (1)
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	-	-	44 (1)	42.9 (1)
8. Сагиттальный Ø середины диафиза	32 (1)	28.9 (2)	24.3 (5)	23.7 (5)
8а. Сагиттальный Ø на уровне пит. отв.	35 (1)	31.5 (2)	26.5 (4)	25.4 (4)
9. Поперечный Ø середины диафиза	20 (1)	18.1 (2)	16.98 (5)	16.94 (5)
9а. Поперечный Ø на уровне пит. отв.	22.1 (1)	21.5 (2)	17.8 (4)	17.9 (4)
10. Округлость середины диафиза	84 (1)	75.5 (2)	63.3 (5)	63.3 (5)
10б. Наименьшая округлость диафиза	77 (1)	72 (2)	59.98 (4)	59.8 (4)
9:8 Указатель сечения	62.5 (1)	63.3 (2)	69.9 (4)	70.5 (4)
10б:1 Указатель прочности	-	-	19.4 (1)	18.8 (1)
9а:8а Указатель платикнемии	63.2 (1)	68.7 (2)	68.9 (4)	70.8 (4)
10:1 Указатель массивности	-	-	20.4 (1)	19.7 (1)

Таблица 7
Table 7

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей мужских скелетов из Лернакерта
The score characteristic of the development of the relief of the long bones of male skeletons from Lernakert

Признак	Правая	Левая	Правая и левая суммарно
Плечевая кость (Humerus)			
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	3 (1)	2.5 (2)	2.7 (3)
Tuberositas deltoidea	3 (1)	2.3 (2)	2.5 (3)
Tuberculum majus, tuberculum minus			
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	2 (2)	1.8 (2)	1.9 (4)
Средний балл	2.7 (4)	2.2 (6)	2.4 (10)
Лучевая кость (Radius)			
Tuberositas radii		3	
Margo interossea		2.5	
Бороздки для сухожилий разгибателей			
Processus styloideus			
Средний балл			
Локтевая кость (Ulna)			
Margo interossea, margo posterior	3 (1)	3 (1)	3 (2)
Crista musculi supinatoris	2.5? (1)		2.5? (1)
Tuberositas ulnae	3 (1)	3 (1)	3 (2)
Средний балл	2.9 (3)	3 (2)	2.9 (5)
Бедренная кость (Femur)			
Trochanter major			
Trochanter minor			
Tuberositas glutea	2.5 (1)	2.8 (2)	2.7 (3)
Linea aspera	3 (1)	2.8 (2)	2.9 (3)
Epicondili			
Средний балл	2.75 (2)	2.8 (4)	2.8 (6)
Большая берцовая кость (Tibia)			
Tuberositas tibiae	3? (1)	3? (1)	3 (2)
Margo anterior, margo interossea	2.5 (1)	2.3 (2)	2.4 (3)

Окончание табл. 7

1	2	3	4
Linea m. solei, m. soleus	2 (1)	2 (2)	2 (3)
Бороздки для сухожилий разгибателей			
Средний балл	2.5 (3)	2.5 (5)	2.5 (8)
Малая берцовая кость (Fibula)			
Развитие краев	3 (1)	3 (1)	3 (2)

Таблица 8
Table 8

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей женских скелетов из Лернакерта
The score characteristic of the development of the relief of the long bones of female skeletons
from Lernakert

Признак	Правая	Левая	Правая и левая суммарно
Плечевая кость (Humerus)			
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	2 (2)	2.25 (4)	2.2 (6)
Tuberositas deltoidea	1.9 (3)	1.9 (3)	1.9 (6)
Tuberculum majus, tuberculum minus	2 (2)	1.9 (5)	1.92 (7)
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	1.7 (3)	1.7 (5)	1.7 (8)
Средний балл	1.9 (10)	1.94 (17)	1.93 (27)
Лучевая кость (Radius)			
Tuberositas radii	1.5 (1)	1 (1)	1.25 (2)
Margo unterossea	2.5 (1)	1 (1)	1.8 (2)
Бороздки для сухожилий разгибателей	2 (1)	-	2 (1)
Processus styloideus	-	-	-
Средний балл	2 (3)	1 (2)	1.7 (5)
Локтевая кость (Ulna)			
Margo interossea, margo posterior	2.2 (2)	2 (2)	2.1 (6)
Crista musculi supinatoris	1.5 (2)	1.4 (3)	1.4 (5)
Tuberositas ulnae	1.7 (3)	1.9 (3)	1.8 (6)
Средний балл	1.8 (7)	1.8 (8)	1.8 (17)
Бедренная кость (Femur)			
Trochanter major	1 (3)	1.2 (3)	1.1 (6)
Trochanter minor	2 (3)	2 (2)	2 (5)
Tuberositas glutea	1.7 (3)	2 (6)	1.9 (9)
Linea aspera	1.5 (4)	1.84 (6)	1.7 (10)
Epicondili	1.5 (1)	1.5 (1)	1.5 (2)
Средний балл	1.54 (14)	1.71 (18)	1.64 (32)
Большая берцовая кость (Tibia)			
Tuberositas tibiae	1.5 (2)	1 (1)	1.3 (3)
Margo anterior, margo interossea	2.1 (5)	2 (5)	2.1 (10)
Linea m. solei, m. soleus	1.5 (5)	1.2 (3)	1.4 (8)
Бороздки для сухожилий разгибателей	1 (1)	1 (1)	1 (2)
Средний балл	1.5 (13)	1.38 (10)	1.45 (23)
Малая берцовая кость (Fibula)			
Развитие краев	2 (4)	1.92 (6)	1.95 (10)

Рис. 1. Антропологический материал могильника Норатус: 1) череп мужчины из погребения 1/3, 2) череп ребенка из могильника 19, 3) череп мужчины из погребения 3/1, 4) череп мужчины из погребения 4/5

Fig. 1. Anthropological material from the Noratus burial ground: 1) skull of a man from burial 1/3, 2) skull of a child from burial 19, 3) skull of a man from burial 3/1, 4) skull of a man from burial 4/5

Рис. 1 (продолжение). Антропологический материал могильника Норатус: 1) череп мужчины из погребения 3/3, 2) череп женщины из могильника 2/2, 3) череп женщины из погребения 1/2, 4) череп мужчины из погребения 1/3

Fig. 1 (continued). Anthropological material from the Noratus burial ground: 1) male skull from burial 3/3, 2) female skull from burial 2/2, 3) female skull from burial 1/2, 4) male skull from burial 1/3

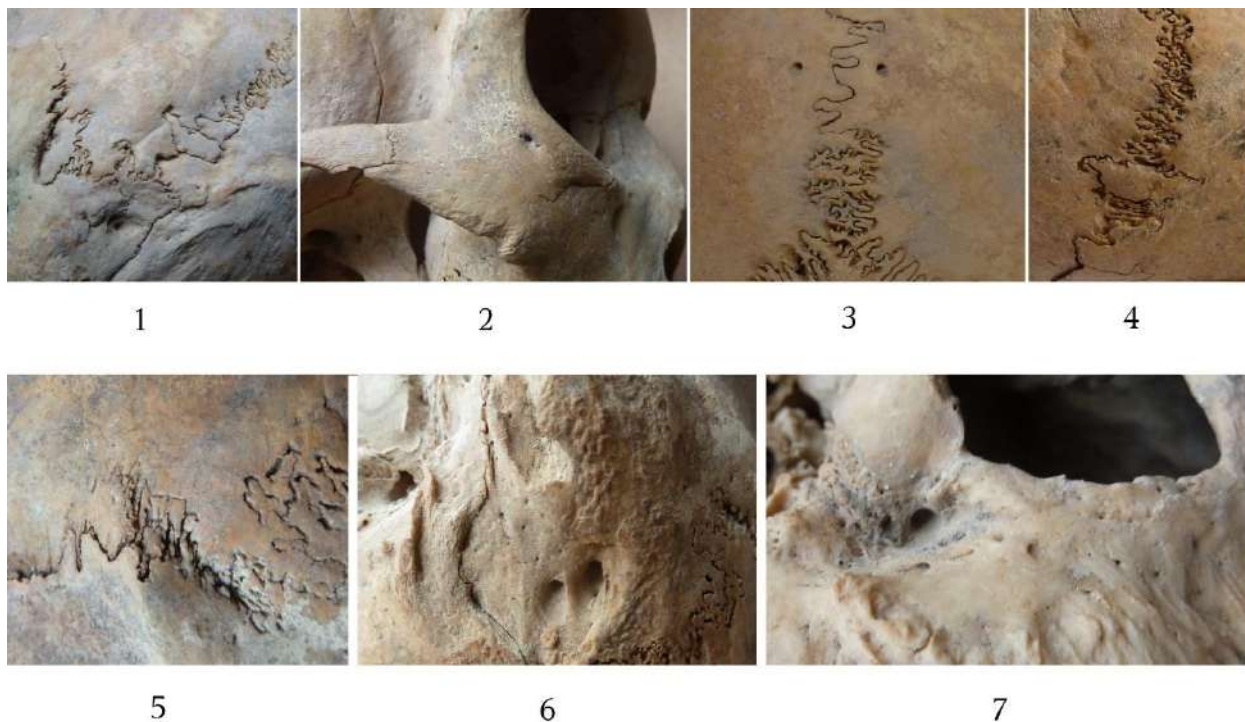

Рис. 2. Краниоскопические признаки: 1) os postsquamosum, os wormii suturae lambdoidea, 2) os zygomaticum bipartitum tripartitum, foramina zygomaticofacialia, 3) foramina parietalia, 4) os wormii suturae coronalis, 5) Os wormii suturae squamosum, os wormii suturae lambdoidea, 6) foramina mastoidea (вне шва), 7) canalis condyloideus

Fig. 2. Cranioscopic signs: 1) os postsquamosum, os wormii suturae lambdoidea, 2) os zygomaticum bipartitum tripartitum, foramina zygomaticofacialia, 3) foramina parietalia, 4) os wormii suturae coronalis, 5) Os wormii suturae squamosum, os wormii suturae lambdoidea, 6) foramina mastoidea (outside the seam), 7) canalis condyloideus

Рис. 3. «Премоляр» I2, коронорадикулярная борозда, разделяющая лингвальный бугорок (Лернакерт: пог. 22-1, индивид 7)

Fig. 3. «Premolar» I2, coronoradicular groove separating the lingual cusp (Lernakert: 22-1, individual 7)

Рис. 4. Первые верхние постоянные моляры не редуцированы. На втором моляре полностью редуцирован гипоконус (балл 3+) и заметно уменьшен метаконус. Здесь отмечаются дополнительные бугорки Карабелли (баллы 1–3)

Fig. 4. The first upper permanent molars are not reduced. On the second molar, the hypocone is completely reduced (score 3+) and the metacone is noticeably reduced. Additional tubercles of Carabelli are noted here (points 1–3)

Рис. 5. Комплекс всадника (Лернакерт: пог. 10)

Fig. 5. Horseman complex (Lernakert: bur. 10)

Рис. 6. Linea m. solei на берцовой кости (Лернакерт: пог. 13)

Fig. 6. Linea m. solei on the tibia (Lernakert: bur. 13)

Список литературы

- Аксянова Г.А. 1979. Население бассейна Печоры и Нижней Оби. Ненцы, коми-зыряне, обские угры. Этническая одонтология СССР. Москва, Наука: 93–113.
- Алексеев В.П. 1974. Происхождение народов Кавказа. Краниологическое исследование. Москва, Наука, 318.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. 1964. Краниометрия: (Методика антропологических исследований). Москва, Наука, 128.
- Бальчюнене И.А. 1987. Одонтология древнего и современного населения Литвы. Автореф. дисс... д-ра биол. наук. Вильнюс, 34.
- Бунак В.В. 1927. *Сrania Armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии. Труды Антропологического НИИ при МГУ. Вып. 2. Москва, 264.
- Гаджиев Ю.М. 1979. Дагестан. Народы Кавказа. Этническая одонтология СССР. Москва, Наука: 141–163.
- Гравере Р.У. 1978. Одонтологическая характеристика древнего и современного населения Латвии в связи с этнической историей латышей. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 23.
- Гравере Р.У., Зубов А.А., Сарап Г.Г. 1979. Литовцы, латыши, эстонцы. Этническая одонтология СССР. Москва, Наука: 68–92.
- Дубова Н.А. 1978. К проблеме формирования памиро-ферганской расы. Советская этнография, 4: 34–45.
- Дубова Н.А., Тегало Л.И. 1983. Одонтологическая характеристика населения Северо-Восточной Азии. На стыке Чукотки и Аляски. Москва, Наука, 170–199.
- Зубов А.А. 1968а. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас. Проблемы эволюции человека и его рас. Москва, 5–122.
- Зубов А.А. 1968б. Одонтология: (Методика антропологических исследований). Москва, Наука, 199.
- Зубов А.А. 2006. Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. Москва, Этно-Онлайн, 72.
- Зубов А.А., Золотарева И.М. 1980. Монголы в мировой систематике одонтологических типов. Вопросы антропологии, 64: 69–88.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. 1989. Одонтология в современной антропологии. Москва, Наука, 232.
- Лакин Г.Ф. 1973. Биометрия. Москва, 293.
- Мовсисян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г. 1975. Программа и методика исследования аномалий черепа. Вопросы антропологии, 51: 127–150.
- Папрецкене И.А. 1986. Антрополого-одонтологическая характеристика литовцев. Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. Москва, Наука, 165–171.
- Пилипосян А.С. 1991. Раскопки на Норатусском участке строительства Советского коллектора. Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в Республике Армения (1989–1990). Ереван: АН Армения: 29–31.
- Сегеда С.П. 1979. Украинцы. Этническая одонтология СССР. Москва, Наука, 32–47.
- Халдеева Н.И. 1992. Вариации строения зубов: теоретические и практические аспекты одонтологии. Новое в методике и методологии антропологических исследований. Серия: Народы и культуры. Вып. X. Кн. 2. Москва, 147–182.
- Худавердян А.Ю. 2014. Флуктуирующая асимметрия зубной системы у древнего населения Армении. Вестник Новосибирского государственного университета (Археология и этнография), 13 (3): 226–233.
- Harris E.F., Nweeia M.T. 1980. Dental Asymmetry as a Measure of Environmental Stress in the Ticuna Indians of Colombia. *American Journal of Physical Anthropology*, 53: 133–142.
- Scott G.R., Turner C.G. 1997. *The Anthropology of Modern Human Teeth: Dental Morphology and its Variation in Recent Human Population*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 382.

References

- Aksyanova G.A. 1979. Naseleniye basseyna Pechory i Nizhney Obi. Nentsy, komi-zyryane, obskiye ugry [Population of the Pechora and Lower Ob basins. Nenets, Komi-Zyryans, Ob Ugrians]. In:

- Etnicheskaya odontologiya SSSR [Ethnic odontology of the USSR]. M., Nauka: 93–113 (in Russian).
- Alekseev V.P. 1974. Proiskhozhdeniye narodov Kavkaza [Origin of the peoples of the Caucasus]. M., Nauka, 317.
- Alekseev V.P., Debets G.F. 1964. Kranimetriia: Metodika antropologicheskikh issledovaniy [Cranimetry (method of anthropological research)]. M., Nauka, 128 (in Russian).
- Balchyunene I.A. 1987. Odontologiya drevnego i sovremennogo naseleniya Litvy [Odontology of the ancient and modern population of Lithuania]. Abstract of diss... doc. biol. Sciences. Vilnius, 34 (in Russian).
- Bunak V.V. 1927. Crania Armenica. Issledovaniye po antropologii Peredney Azii [Crania Armenica. Research on the anthropology of Western Asia]. In: Trudy Antropologicheskogo NII pri MGU. Byp. 2. [Proceedings of the Anthropological Research Institute at Moscow State University. Issue 2.] M., 264 (in Russian).
- Gadzhiev Yu.M. 1979. Narody Kavkaza [Dagestan. Peoples of the Caucasus]. In: Etnicheskaya odontologiya SSSR [Ethnic odontology of the USSR]. M., Nauka: 141–163 (in Russian).
- Gravere R.U. 1978. Odontologicheskaya kharakteristika drevnego i sovremennogo naseleniya Latvii v svyazi s etnicheskoy istoriyey latyshey [Odontological characteristics of the ancient and modern population of Latvia in connection with the ethnic history of Latvians]. Abstract of diss... cand. history Sciences. Riga, 23 (in Russian).
- Gravere R.U., Zubov A.A., Sarap G.G. 1979. Litovtsy, latyshi, estontsy [Lithuanians, Latvians, Estonians]. In: Etnicheskaya odontologiya SSSR [Ethnic odontology of the USSR]. M., Nauka: 68–92 (in Russian).
- Dubova N.A. 1978. K probleme formirovaniya pamiro-ferganskoy rasy [On the problem of the formation of the Pamir-Fergana race]. In: Sovetskaya etno-grafiya [Soviet ethnography], 4: 34–45 (in Russian).
- Dubova N.A., Tegako L.I. 1983. Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya Severo-Vostochnoy Azii [Odontological characteristics of the population of Northeast Asia]. In: Na styke Chukotki i Alyaski [At the junction of Chukotka and Alaska]. M., Nauka, 170–199 (in Russian).
- Zubov A.A. 1968a. Odontologiya (metodika antropologicheskikh issledovaniy) [Odontology (methodology of anthropological research)]. M., Nauka, 200 (in Russian)
- Zubov A.A. 1968b. Nekotoryye dannyye odontologii k probleme evolyutsii cheloveka i yegoras [Some odontological data on the problem of the evolution of man and his races]. In: Problemy evolyutsii cheloveka i yego ras [Problems of evolution of man and his races]. M.: 5–122 (in Russian).
- Zubov A.A. 2006. Metodicheskoye posobiye po antropologicheskomu analizu odontologicheskikh materialov [Methodological guide for anthropological analysis of odontological materials]. M., Ethno-Online, 72 (in Russian).
- Zubov A.A., Zolotareva I.M. 1980. Mongoly v mirovoy sistematike odontologicheskikh tipov [Mongols in the world taxonomy of odontological types]. In: Voprosy antropologii, 64: 69–88 (in Russian).
- Zubov A.A., Khaldeeva N.I. 1989. Odontologiya v sovremennoy antropologii [Odontology in contemporary anthropology]. M., Nauka, 232 (in Russian).
- Lakin G.F. 1973. Biometriya [Biometrics]. M., 293 (in Russian).
- Movsesyan A.A., Mamonova N.N., Rychkov Yu.G. 1975. Programma i metodika issledovaniya anomalii cherepa [Program and methodology for the study of skull anomalies]. In: Voprosy antropologii [Anthropological issues]. 51: 127–150 (in Russian).
- Papreckene I.A. 1986. Antropologo-odontologicheskaya kharakteristika litovtsev [Anthropological and odontological characteristics of Lithuanians]. In: Problemy evolyutsionnoy morfologii cheloveka i yego ras [Problems of evolutionary morphology of man and his races]. M., Nauka, 165–171 (in Russian).
- Piliposyan A.S. 1991. Raskopki na Noratusskom uchastke stroitel'stva Sovetskogo kollektora. Nauchnaya sessiya posvyashchennaya itogam polevykh arheologicheskikh issledovaniy v Respublike Armeniya (1989–1990) [Excavations at the Noratus site for the construction of the Soviet collector. Scientific session dedicated to the results of field archaeological research in the Republic of Armenia (1989–1990)]. Yerevan: AS Armenia: 29–31 (in Russian).
- Segeda S.P. 1979. Ukraintsy [Ukrainians]. In: Etnicheskaya odontologiya SSSR [Ethnic odontology of the USSR]. M., Nauka: 32–47 (in Russian).

- Khaldeeva N.I. 1992. Variatsii stroyeniya zubov: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty odontologii [Variations in the structure of teeth: theoretical and practical aspects of odontology]. In: *Novoye v metodike i metodologii antropologicheskikh issledovaniy. Seriya: Narody i kul'tury Byr. X. Kn. 2* [New in the methodology and methodology of anthropological research. Series: Peoples and cultures. Issue H. B. 2.]. M., 147–182 (in Russian).
- Khudaverdyan A.Yu. 2014. Fluktuiruyushchaya asimmetriya zubnoy sistemy u drevnego naseleniya Armenii [Fluctuating asymmetry of the dental system in the ancient population of Armenia]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (Arkheologiya i etnografiya)* [Bulletin of the Novosibirsk State University (Archaeology and Ethnography)], 13 (3): 226–233 (in Russian).
- Harris E.F., Nweeia M.T. 1980. Dental Asymmetry as a Measure of Environmental Stress in the Ticuna Indians of Colombia. *American Journal of Physical Anthropology*, 53: 133–142.
- Scott G.R., Turner C.G. 1997. *The Anthropology of Modern Human Teeth: Dental Morphology and its Variation in Recent Human Population*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 382.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.05.2022

Received 15.05.2022

Поступила после рецензирования 12.09.2022

Revised 12.09.2022

Принята к публикации 12.09.2022

Accepted 12.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Худавердян Анаит Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения, г. Ереван, Армения

Anahit Yu. Khudaverdyan, PhD in History, Senior Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia

 [ORCID: 0000-0002-1458-783X](https://orcid.org/0000-0002-1458-783X)

УДК 94(355):[340.130.55:711.4.025(569.4)]
DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-737-745
Оригинальное исследование

Декрет Артаксеркса I Лонгимана от 457 г. до н. э.

Егизарян Э.М.

Религиозная духовная образовательная организация высшего образования
«Заокский университет Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня»,
Россия, Тульская обл., 301000, п. Заокский, ул. Руднева, 43А
E-mail: eegizaryan@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка понять и осмыслить значение декрета Ахеменидского царя Артаксеркса I относительно восстановления разрушенного в 586 году до н. э. Иерусалима. Используемые источники и литература позволяют не только усвоить судьбу данного декрета и его последствия для иудейского общества репатриантов, вернувшихся из плена, но и увидеть непостоянство ахеменидской политики по отношению к бывшим пленникам. В статью включены семь разделов: 1) Политика в провинции Иудея; 2) Вопрос подлинности; 3) Суть декрета; 4) Демографические изменения; 5) Восстановление города; 6) Изменение статуса города; 7) Последствия для жречества. Совокупность данных всех разделов позволяет показать то, каким образом политика персидского царя отразилась на судьбе иудейского общества середины V века до н. э.

Ключевые слова. Ахемениды, декрет, Артаксеркс I Лонгиман, Ездра, Неемия, провинция Иудея, жречество, демография

Для цитирования: Егизарян Э.М. 2022. Декрет Артаксеркса I Лонгимана от 457 г. до н. э. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 737–745. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-737-745

Decree of Artaxerxes I Longimanus from 457 B. C.

Eduard M. Egizaryan

Religion Spiritual Educational Organization of the Higher Education
«Zaoksky Adventist University of the Seventh-Day Adventist Christian Church».
43A Rudneva St., Zaoksky vil., Tula region 301000, Russia
E-mail: eegizaryan@yandex.ru

Abstract. This article attempts to understand and comprehend the meaning of the decree of the Achaemenid king Artaxerxes I concerning the restoration of Jerusalem destroyed in 586 B. C. The sources and literature used make it possible not only to understand the fate of this decree and its consequences for the Jewish society of repatriates who returned from captivity, but also to see the inconstancy of the Achaemenid policy towards former captives. The article includes seven sections: 1) Politics in the province of Judah; This section discusses very briefly the question of the inconstancy of political decisions regarding the western Judean province as part of the Achaemenid empire; 2) The question of authenticity; The question of the authenticity of the document plays a key role, so it is raised in this section; 3) The essence of the decree; here it is important to understand what issues the decree itself stipulates; 4) The sources and literature used allow not only to learn the fate of this decree and its consequences for the Jewish society of repatriates who returned from captivity, but also to see the inconstancy of the Achaemenid policy towards former captives demographic changes; 5) The restoration of the city; This and the next section explores the issue of fundamental changes in the issue of construction and transformation of the city from the peripheral temple center to the religious and political center of the post-exilic period; 6) Changing the status of the city; 7) Consequences for the priesthood; This section discusses the issue of changes in the priestly class. The totality of data from all sections

allows us to show how the policy of the Persian king affected the fate of Jewish society in the middle of the 5th century B. C.

Keywords: The Achaemenid dynasty, decree, Artaxerxes I Longimanus, Ezra, Nehemiah, the province of Judah, priesthood, demography

For citation: Egizaryan E.M. 2022. Decree of Artaxerxes I Longimanus from 457 B. C. Via in tempore. History and political science. 49 (4): 737–745 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-737-745

Введение

Политика первых ахеменидских царей в провинции Иудея отличалась крайней нестабильностью. Такое непостоянство было обусловлено различными подходами персидских правителей к проблемам государственного строительства и внешнеполитической ориентации. Эти факторы особенно были актуальными на юго-западных окраинах державы [Вейнберг, 1973, с. 28]. Примером такого непостоянства может служить декрет Артаксеркса I Лонгимана, который был вручён Ездру на седьмом году правления ахеменидского царя, однако позже отменён, и только на двадцатом году его же правления вошёл в силу. Данная устная «ратификация» этого декрета привела ко многим коренным изменениям в судьбе еврейских репатриантов. Ахеменидские цари, покоря соседние государства, такие как Мидия, Вавилон и Египет, придавали своим завоеваниям характер «союза с народами этих стран, короновались по местным обычаям и пользовались традиционными системами датировки и методами управления» [Дандамаев, 2004, с. 627]. Кроме того, по мнению М.А. Дандамаева, «Ахеменидская держава была первым и, пожалуй, единственным на древнем Востоке государством, провозгласившим вполне терпимое и доброжелательное отношение к культурным традициям и религиям подвластных народов» [Дандамаев, 1971, с. 103].

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования является декрет Артаксеркса I о восстановлении Иерусалима от 457 г. до н. э. Предмет исследования: рассмотрение последствий данного декрета, те судьбоносные изменения для небольшой провинции Иудея, которые принёс указ ахеменидского царя. Используя самые главные источники данного периода – книги Ездры и Неемии, а также прибегая к современным историческим исследованиям в этой области, мы смогли применить историко-системный метод и проследили, каким образом проявлялась динамика взаимоотношений ахеменидских царей по отношению к населению Иудеи, в чём заключалась суть и какими были последствия декрета от 457 г. до н. э.

Политика в провинции Иудея

Динамика взаимоотношений персидской монархии с маленькой Иудеей может быть представлена на основании царских документов, которые были сохранены в Книге Ездры-Неемии, либо о них нам известно из других источников:

1. Указ Кира от 538 г. до н. э. о возвращении евреев в Палестину, восстановлении Храма в Иерусалиме и возвращении из Вавилона храмовой утвари (Ездра 1:2–4) привёл к первой волне репатриации. Эти тексты, содержащие указы Кира, признаются вполне подлинными, поскольку их «содержание соответствует всей политике персидского царя и содержит ряд смысловых и текстуальных совпадений с другими эдиктами этого правителя» [Вейнберг, 1973, с. 8–9].

2. Правление Камбиза характеризовалось усилением вмешательства власти в храмовые дела [Дандамаев, 1966, с. 38], поэтому, возможно, именно с этим связано замедление строительства Храма в Иерусалиме. Во всей Ахеменидской державе, по утверждению

М.А. Дандамаева, «храмы, как правило, платили подати и выполняли государственные повинности, но некоторые храмы получали от царей привилегии и занимали особое положение. Как известно, к числу таких храмов относился и Иерусалимский храм (см. Ездра 5)» [Дандамаев, 1966, с. 38]. Однако на основании Книги Ездры о таком отношении можно говорить, начиная с правления Дария I.

3. Короткое правление Лже-Смердиса отмечено в источниках как время, в которое было разрушено много святилищ и которые восстановил Дарий I [Бехистунская надпись, 61–71]. По-видимому, разрушение храмов также преследовало определённую цель, а именно: централизацию культа (по крайней мере, в Персии и Мидии)¹ [Дандамаев, 2001, с. 279]. Хотя надпись не уточняет, какие святилища были разрушены, тем не менее мы могли бы предположить, что если и не разорение, то, по крайней мере, приостановка строительства Храма в Иерусалиме тоже могла произойти в это время.

4. Указ Дария I Гистаспа от 520 г. относительно продолжения строительства Храма, по крайней мере отчасти, был обусловлен необходимостью административно-политических перемен в самой империи, поскольку восстания, произошедшие в 522–521 гг., обнаружили уязвимость и непрочность Ахеменидской империи. Ставка, сделанная на провинцию Иудея, была продиктована именно тем, что территориально Иудея служила лучшим плацдармом как для нападения, так и для быстрого улаживания проблем в Египте, этом беспокойном, подверженном постоянным восстаниям регионе.

5. Относительно царствования Ксеркса, названного у Ездры Ахашверошем (см. 4:6), дана всего лишь одна заметка: «в начале царствования его, написали обвинение на жителей Иудеи и Иерусалима». Какова природа этого обвинения, остаётся непонятным.

6. Артаксеркс I Лонгиман отличался непостоянством. Это утверждение, очевидно, вытекает не только из его внутренней политики относительно восстановления Иерусалима (ср. Ездра 7:12–26; 4:7–23 и Неем 2:1–6), но и в отношении его подданных, например, в отношении военачальника Мегабиза. Поэтому неудивительно, что в седьмой год его правления был издан декрет, который подразумевал восстановление Иерусалима и храмового служения. Однако несколько позже политика в отношении иудеев изменилась, и жители провинции Иудея столкнулись с отрицательным отношением к восстановлению города – стройка приостановилась.

7. На двадцатом году своего правления (см. Неем 2), то есть в 444 г. до н. э., царь «сменил гнев на милость» и восстановление города продолжилось.

Таким образом, внимание в данной статье будет обращено на распоряжение ахеменидского царя Артаксеркса I от 457 г. до н. э., учитывая, что именно с этим указом связаны многочисленные изменения, затронувшие провинцию Иудея.

Вопрос подлинности

В целом до недавнего времени и по отношению к этому указу учёные сохраняли консенсус, заключающийся в признании его исторической подлинности. Однако, начиная с исследования Гунневега [Gunnweg, 1985], этот консенсус был несколько оспорен. Кроме того, известный американский историк Лестер Граббе, занимающийся историей Иудеи периода Второго Храма, под влиянием последнего заявил: «теперь, прочитав Гунневега, я убедился, что необходимо задать более фундаментальные вопросы, и что мою оригинальную уютную реконструкцию следует отправить в корзину для мусора» [Grabbe, 1991, p. 99]. Стоит, однако, отметить, что, хотя Граббе и задаётся робкими вопросами относительно подлинности самих декретов в Книге Ездры вообще, он не переходит полностью в «критический лагерь». Граббе соглашается с тем, что в книге присутствует значительное редакторское вмешательство [Grabbe, 1991, p. 101]. Он ставит вопросы относительно композиции самой Книги Ездры и тех указов, которые были вплетены автором в ткань его повествования, а также выражает неуверенность, что их «нынешняя форма все ещё передаёт

их первоначальное сообщение» [Grabbe, 1991, p. 102]. Итак, подводя промежуточный итог, учёный поясняет, что «картина, представленная до сих пор, была несколько негативной. Это не означает, что консенсус обязательно ошибочен, но подчеркивает необходимость фундаментальной переоценки вопроса об источниках» [Grabbe, 1991, p. 103].

Иными словами, в историографии вопроса относительно подлинности указа Артаксеркса I Лонгимана, записанного в Книге Ездры 7:12–26, сохраняется взаимопонимание – этот указ большинством учёных признаётся подлинным. Возникающие проблемы касаются передачи указа, поскольку он «содержит ряд еврейских элементов и проблем, которые обычно не ожидаются в таком документе» [Grabbe, 1991, p. 102]. Таким образом, несмотря на представленный дискурс и исходя из вопросов, поднятых в нём, можно говорить о подлинности арамейского документа.

Суть декрета

Указ царя Артаксеркса I, изложенный в письме к Ездры (7:12–26), относился, как уже было сказано, к 7-му году его правления, то есть к 457 г. до н. э., и содержал несколько важных привилегий для общины Иерусалима:

1. Обещание материальной поддержки Храму и его священству.
2. Освобождение всех групп священства от налогов.
3. Обеспечение правом отправления правосудия посредством назначения «правителей и судей» (7:25).

Исследование Книги Ездры показывает, что, представляя ретроспективно взаимоотношения иудеев с персидской царской администрацией, автор намеренно сводит воедино все попытки противодействия иудеям, начиная с Кира II и заканчивая Артаксерксом I, хотя при этом автор не упоминает Камбиза и Лже-Смердиса (я полагаю, что «отождествление Ахашвероша = Артахшастры (т. е. Артаксеркса) масоретского текста с Камбизом» в Ездры 4:6–7 является искусственной) [Вейнберг, 1973а, с. 319]. Эти противодействия связаны как со строительством Храма (4:1–5), так и с восстановлением города (4:6–23). Поэтому последний отрывок (4:6–23) хронологически следует после того, как Ездра получил письмо с декретом царя, поскольку, судя по этому отрывку, иудеи уже восстанавливали Иерусалим, что вызвало неудовольствие местных чиновников. Соответственно, они написали письмо, в котором было сказано о пришедших от царя иудеях, которые строили город (4:11, 12). Естественно то, что этими иудеями от царя могли быть только Ездра и его сподвижники. После этого последовал запрет на строительство.

Однако закономерен вопрос, почему Ездра стал восстанавливать город, хотя в указе царя об этом ничего не говорилось? Было выдвинуто несколько предположений [Шей, 1998, с. 19]: 1) Ездры были даны какие-то устные распоряжения относительно города; 2) существовал ещё один, не сохранившийся у автора Ездры указ; 3) в рамках существующего указа Ездра понимал, что обладает властью восстанавливать город. К сожалению, у нас нет дополнительной информации, поэтому и нет «возможности ограничиться меньшим числом предположений» [Шей, 1998, с. 19]. Следовательно, можно прийти к фактическому выводу – Ездра стал восстанавливать стену на основании данного указа, но потом отменил своё же решение, о чём свидетельствует Ездра 4. Однако такой тип поведения был свойственен Артаксерксу I, как было сказано ранее. Теперь можно проанализировать все последствия данного в 457 г. до н. э. указа.

Демографические изменения

Письмо царя Ездры начинается с того, что «всякий из народа Израилева и из священников его и левитов, желающий идти в Иерусалим, шел с тобою» (7:13). Иными словами, с этим указом связана вторая волна репатриации, возвращения пленников из Вавилона в Палестину. Соответственно, можно говорить о демографических изменениях, затронув-

ших провинцию Иудея. Следует напомнить, что до 457 г. до н. э. в провинции Иудея, судя по спискам Ездры и Неемии, проживало 42 360 человек (Неем 7:66 / Ездра 2:64). Эти списки содержат перепись населения гражданско-храмовой общины, состоявшего из переселенцев и местных недепортированных иудеев, примкнувших к общине [Вейнберг, 1973а, с. 70]. Причём многие учёные полагают, что эти списки «являются подлинным указанием на структуру общины изгнанников в течение десятилетий после освобождения Киром» [Smith, 1991, р. 80]. Однако значительно труднее определить количество населения после второй волны репатриации, поскольку из перечисленных в Ездры 8:1–14 глав поколений (список переселенцев 457 г.) 12 нежреческих коллективов девять уже были упомянуты в Ездры 2 / Неем 7. В Ездры 8 все главы поколений обозначены с использованием еврейского предлога *min* (от, из), который демонстрирует связь между частью и целым (например, 8:2 «из сыновей Финееса Гирсон» и т. д.), что означает, что в 457 г. до н. э. в репатриации участвуют те коллективы, основная часть которых переселилась ранее.

В настоящее время существует множество методов для определения количества населения [Carter, 1999, р. 195]. Тем не менее присутствует и определённый скептицизм, поскольку «определить площадь населенного пункта в городе в любое время непросто, так как ни один город не раскопан полностью. Количество жителей на гектар населенного пункта установить принципиально невозможно» [Grabbe, 2004, р. 200].

И всё же внимательный анализ списков Ездры и Неемии позволяет сделать некоторые выводы. Подсчёт жителей Иерусалима после проведённого Неемией синоикизма (см. Неем 11:4 и слл.) показывает, что в городе проживало 3 044 мужчины, то есть население города составляло около 15 000 чел. Если учесть, что в город переселился каждый десятый человек (Неем 11:1), то можно сделать вывод, что всего в провинции Иудея в середине V в. до н. э. проживало порядка 150 000 чел. Даже в более позднее время соотношение жителей Иерусалима к населению всей страны было так же 1:10 [Finkelstein, 1940, р. 11, 12]. Иными словами, по сравнению с первой волной переселения в V веке население провинции выросло более чем в три с половиной раза.

Такой демографический взрыв в середине V века мог произойти как благодаря притоку новых репатриантов, так и росту их экономического благосостояния, а кроме того – и присоединению к общине недепортированного населения.

Восстановление города

Теперь обратим внимание на изменения, произошедшие после получения декрета 457 г. до н. э. Ранее речь шла о том, что строительство было приостановлено, а затем продолжено в 444 г. до н. э. Ли Левин в своей работе относительно истории Иерусалима отмечает, что возвращение репатриантов в город произошло благодаря тому, что после разрушения 586 г. до н. э. он не был заселён завоевателями [Levine, 2002, р. 4]. На каком этапе строительства остановился Ездра, сказать не представляется возможным за неимением данных, однако что произошло после 444 г. до н. э., сказать можно.

Интересную характеристику городу даёт сам Неемия: «Но город был пространен и велик, а народа в нем было немного, и дома не были построены» (Неем 7:4). Сопоставление различных данных свидетельствует о преобладании в городах «специализированного (то есть не чисто домашнего) ремесла» [Дьяконов, 1969, с. 12]. То же можно сказать и об Иерусалиме. Эти ремесленники были объединены в соответствующие гильдии по специальностям [Mendelsohn, 1940, р. 17–21], что делало город мощным центром ремесленного производства.

Как известно, древний палестинский город всегда отличался оборонительными укреплениями. Особенно это касается Иерусалима, который находился на пересечении крупных торговых путей. Поэтому для его восстановления было потрачено много сил и энергии. Согласно общепринятой позиции, после изгнания Иерусалим подвергся простой

перестройке, однако археологические данные не подтверждают подобную оценку. Раскопки продемонстрировали, что Неемия уменьшил размеры города посредством того, что на восточном склоне юго-восточного холма он не восстанавливал внешнюю стену, а оставил ранее населенный пояс между двумя стенами [Tuland, 1967, p. 180]. Интересно отметить, что об этих важных деталях не сообщается в библейских текстах. Поэтому можно сказать, что текст Неем 3:8 повествует о той части города, которая изначально относилась к Иерусалиму, но в 444 г. до н. э. не была включена в проект восстановления.

Изменение статуса города

После осуществлённого синойкизма население Иерусалима увеличилось, однако в V в. до н. э. город не выделялся среди прочих городов Палестины в качестве административного центра [Вейнберг, 1973а, с. 276]. Тем не менее израильский учёный Й. Ахарони на археологическом материале показывает изменения в статусе Иерусалима [Aharoni, 1962, p. 30]. Это становится понятным благодаря оттискам на ручках кувшинов, обнаруженных в Рамат Рахеле. Если до IV в. до н. э. применялись клейма с надписями *yhd – yhwd* (то есть Иуда/Иудея), то к середине IV в. до н. э. преимущественно используется надпись *yršlm* – Иерусалим. Кроме того, некоторые оттиски наряду с надписью *yršlm* содержат надпись *ha- 'ir* (город) [Aharoni, 1961, p. 109]. Соответственно, делается вывод о постепенно возрастающей роли Иерусалима в провинции Иудея.

После 457 г. до н. э. изменения в статусе города происходят даже на уровне административно-политической терминологии. Если до указа 457 г. до н. э. Иерусалим воспринимался, прежде всего, как город Храма Яхве, и именно так он фигурировал в ряде официальных персидских документов (Ездра 1:2–4; 6:3, 5; 7:15–17, 19), то после указа, во второй половине V–IV вв. до н. э., происходит существенная трансформация его роли и статуса. Можно обозначить, по крайней мере, три важных изменения. Город стал: 1) административным центром; 2) резиденцией наместника; 3) религиозно-политическим центром общины. На последний фактор оказали влияние две важные причины: 1) проведённый Неемией синойкизм (Неем 11:1) и 2) возрастающее влияние иерусалимских первосвященников на рубеже V–IV вв. до н. э. Эта возрастающая роль Иерусалима, по оценке Левина, приводит к тому, что к городу начинают относиться как к святому исторически, теологически и этнически [Levine, 2002, p. 41].

Последствия для жречества

Исследование указа от 457 г. до н. э. показывает, что в нём впервые вводится деление общины на жрецов и нежрецов. Если раньше община воспринималась как нечто цельное, без упоминания и деления на сословия и руководимая людьми светскими, то с середины V в. до н. э. происходит быстрый рост в составе жреческих коллективов, а также умножение численности священников. Это, в свою очередь, сказывается на статусе общины, состоящей из двух больших групп населения, и этот факт признаётся во внешних документах.

Важное изменение происходит и на уровне деления внутри жреческого сословия. По-видимому, с середины V в. до н. э. статус левитов в жреческом сословии усиливается. Этот вывод можно сделать, исходя из наблюдения, как термины «священник» и «левит» используются у Ездры и Неемии. У Ездры 33/20, а у Неемии 37/38, что обуславливает представленный вывод.

Эту разницу можно наблюдать также при сравнении двух указов Дария I от 520 г. до н. э. и Артаксеркса I от 457 г. до н. э. В указе Дария относительно строительства Храма и выдачи всего необходимого сказано, чтобы всё делали, «как скажут священники Иерусалимские» (Ездра 6:8, 9), а в указе Артаксеркса уже появляется разделение, и в репатриации может участвовать «всякий из народа Израилева и из священников его и левитов»

(Ездра 7:13). Кроме того, говоря об освобождении от уплаты налогов, царь перечисляет все категории жрецов: «чтобы ни на кого из священников или левитов, певцов, привратников, нефинеев и служащих при этом доме Божиим, не налагать ни подати, ни налога, ни пошлины» (Ездра 7:24). Таким образом, в более раннем указе священство воспринимается как единое целое, а в указе от 457 г. до н. э., который служит неким рубежом, священство уже делится на категории. Такая разница может быть связана с тем, что в конце VI – первой половине V вв. до н. э. все левитские коллективы были в основном связаны с периферийным священством Иудеи допленной эпохи, поэтому состав левитов и священников был в целом однородным. После же 457 г. до н. э. численность левитов увеличивается благодаря новым коллективам различного происхождения, которые симпатизировали взглядам сторонников цадокидов на структуру всего жречества и общины в целом [Gunneweg, 1965, p. 222–225].

Заключение

Итак, мы увидели, что, несмотря на достаточно переменчивую политику персидских царей по отношению к еврейским репатриантам, декрет от 457 г. до н. э. после приостановки его действия был «ратифицирован» в 444 г. до н. э. Декрет касался восстановления Иерусалима и всей его инфраструктуры, в том числе и судебных органов, функционирование которых должно было осуществляться на основании местного религиозного законодательства, традиций и положений. Это восстановление привело к второй волне репатриации, дальнейшему росту населения столицы провинции Иудея (о чём можно судить на основании современных демографических исследований), постепенному изменению статуса самого города, в котором прослеживается динамика развития от города Храма Яхве вплоть до трансформации в религиозно-политический центр. Кроме того, наблюдается и увеличение численности священнического сословия, которое постепенно становится не столь однородным, как ранее. Всё большую роль в духовной жизни населения начинают играть различные левитские коллективы. Таким образом, на основании данного обзора можно говорить не только о подлинности, но и о вполне судьбоносном значении декрета, изложенного в Книге Ездры.

Список литературы

- Вейнберг Й.П. 1973. Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 33.
- Вейнберг Й.П. 1973а. Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы. Диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Тбилиси, 425 с.
- Дандамаев М.А. 2004. Ахеменидская держава. История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй. Под ред. А.В. Седова. М., Вост. лит.: 581–655.
- Дандамаев М.А. 1971. Ахеменидское государство и его значение в истории Древнего Востока. История Иранского государства и культуры. М., Наука, 347.
- Дандамаев М.А. 2001. Персидская держава в VI–IV вв. до н. э. История Древнего Востока. М., Высш. шк., 462.
- Дандамаев М.А. 1966. Храм и государство в поздней Вавилонии. ВДИ. 1966. № 4: 17–39.
- Дьяконов И.М. 1969. Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Города и торговля древнего Востока III–I тыс. до н. э.». Ереван: 12–17.
- Шей У. 1998. Пророчество Даниила 9:24–27. Глубины пророчеств, т. 2. Заокский: 5–55.
- Aharoni Y. 1961. Excavations at Ramat Rahel. BA. Vol. 24, No. 4 (Dec.): 97–118.
- Aharoni Y. 1962. Excavations at Ramat Rahel, I. Rome, 321.
- Carter Ch.E. 1999. The Emergence of Yehud in the Persian Period. A Social and Demographic Study. JSOTSup, 294; Sheffield, Sheffield Academic Press, 392.

- Finkelstein L. 1940. *The Pharisees. The Sociological Background of Their Faith. Volume I.* Philadelphia, 442.
- Grabbe L.L. 1991. *Reconstructing history from the book of Ezra. Second Temple Studies 1. Persian Period.* Edited by Philip R. Davies. *Journal for the Study of the Old Testament Supplement Series* 117. Sheffield, JSOT Press, 192.
- Grabbe L.L. 2004. *A History of the Jews and Judaism in the Second Temple Period, Vol. 1. Yehud: A History of the Persian Province of Judah.* London, New York, T&T Clark International, XXII + 472.
- Gunneweg A.H.J. 1985. *Esra. KAT; Gutersloh, Mohn, 212.*
- Gunneweg A.H.J. 1965. *Leviten und Priester. Göttingen, FRLANT 89, 225.*
- Levine L.I. 2002. *Jerusalem: portrait of the city in the second Temple period (538 B. C. E. – 70 C. E.).* Philadelphia, The Jewish Publication Society, 500.
- Mendelsohn I. 1940. *Guilds in Ancient Palestine. BASOR, No. 80 (Dec., 1940): 17–21.*
- Smith D.L. 1991. *The Politics of Ezra: Sociological Indicators of Postexilic Judaeon Society. Second Temple Studies 1. Persian Period.* Edited by Philip R. Davies, *Journal for the Study of the Old Testament Supplement Series* 117. Sheffield, JSOT Press, 192.
- Tuland C.G. 1967. 'ZB in Nehemiah 3:8. A Reconsideration of Maximalist and Minimalist Views. *AUSS* 5: 158–180.

References

- Vejnberg J.P. 425. *Grazhdansko-hramovaja obshhina v zapadnyh provincijah Ahemenidskoj derzhavy [Civil-temple community in the western provinces of the Achaemenid state].* Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni doktora istoricheskikh nauk. Tbilisi, 425 (in Russian).
- Vejnberg J.P. 1973. *Grazhdansko-hramovaja obshhina v zapadnyh provincijah Ahemenidskoj derzhavy [Civil-temple community in the western provinces of the Achaemenid state],* Extended abstract of ScD dissertation (History). Tbilisi, 33 (in Russian).
- Dandamaev M.A. 2004. *Ahemenidskaja derzhava [Achaemenid empire]. Istorija drevnego Vostoka: Ot rannih gosudarstvennyh obrazovanij do drevnih imperij [History of the Ancient East: From Early State Formations to Ancient Empires].* Pod red. A.V. Sedova; In-t vostokovedenija. M., Vost. lit.: 581–655 (in Russian).
- Dandamaev M.A. 1971. *Ahemenidskoe gosudarstvo i ego znachenie v istorii Drevnego Vostoka [The Achaemenid state and its significance in the history of the Ancient East]. Istorija Iranskogo gosudarstva i kul'tury [History of the Iranian state and culture].* M., Nauka: 94–104 (in Russian).
- Dandamaev M.A. 1966. *Hram i gosudarstvo v pozdnej Vavilonii [Temple and state in late Babylonia].* VDI. 1966. № 4: 17–39 (in Russian).
- Dandamaev M.A. 2001. *Persidskaja derzhava v VI–IV vv. do n. je. [Persian power in the VI–IV centuries B. C.]. Istorija Drevnego Vostoka [History of the Ancient East].* M., Vyssh. shk., 462 (in Russian).
- D'jakonov I.M. 1969. *Problemy goroda v Vavilonii II tys. do n. je. [Problems of the city in Babylonia II millennium B. C.]. Tezisy dokladov Vsesojuznogo simpoziuma «Goroda i torgovlja drevnego Vostoka III–I tys. do n. je.» [Abstracts of the All-Union Symposium «Cities and trade of the ancient East III–I millennium B. C.».]* Erevan: 12–17 (in Russian).
- Aharoni Y. 1961. *Excavations at Ramat Raḥel. BA. Vol. 24, No. 4 (Dec.): 97–118.*
- Aharoni Y. 1962. *Excavations at Ramat Raḥel, I. Rome, 321.*
- Carter Ch.E. 1999. *The Emergence of Yehud in the Persian Period. A Social and Demographic Study.* JSOTSup, 294; Sheffield, Sheffield Academic Press, 392.
- Finkelstein L. 1940. *The Pharisees. The Sociological Background of Their Faith. Volume I.* Philadelphia, 442.
- Grabbe L.L. 1991. *Reconstructing history from the book of Ezra. Second Temple Studies 1. Persian Period.* Edited by Philip R. Davies. *Journal for the Study of the Old Testament Supplement Series* 117. Sheffield, JSOT Press, 192.
- Grabbe L.L. 2004. *A History of the Jews and Judaism in the Second Temple Period, Vol. 1. Yehud: A History of the Persian Province of Judah.* London, New York, T&T Clark International, XXII + 472.
- Gunneweg A.H.J. 1985. *Esra. KAT; Gutersloh, Mohn, 212.*
- Gunneweg A.H.J. 1965. *Leviten und Priester. Göttingen, FRLANT 89, 225.*

- Levine L.I. 2002. Jerusalem: portrait of the city in the second Temple period (538 B. C. E. – 70 C. E.). Philadelphia, The Jewish Publication Society, 500.
- Mendelsohn I. 1940. Guilds in Ancient Palestine. BASOR, No. 80 (Dec., 1940): 17–21.
- Smith D.L. 1991. The Politics of Ezra: Sociological Indicators of Postexilic Judaeae Society. Second Temple Studies 1. Persian Period. Edited by Philip R. Davies, Journal for the Study of the Old Testament Supplement Series 117. Sheffield, JSOT Press, 192.
- Tuland C.G. 1967. 'ZB in Nehemiah 3:8. A Reconsideration of Maximalist and Minimalist Views. AUSS 5: 158–180.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.07.2022

Received 17.07.2022

Поступила после рецензирования 07.09.2022

Revised 07.09.2022

Принята к публикации 07.09.2022

Accepted 07.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Егизарян Эдуард Михайлович, преподаватель, Заокский университет Церкви Христиан-Адвентистов Седьмого Дня, п. Заокский, Тульская обл., Россия

Eduard M. Egizaryan, Lecturer, Zaoksky University of the Church of Christian Adventists of the Seventh Day, Zaoksky village, Tula region, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4554-9457](https://orcid.org/0000-0002-4554-9457)

УДК 94(38)

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-746-756

Оригинальное исследование

Продажа гражданства в городах эллинистической Ахайи

Сизов С.К.

Нижегородский государственный исследовательский университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23
E-mail: Sergey_Sizov@yahoo.com

Аннотация. Данная публикация содержит комментированный перевод на русский язык двух надписей, относящихся к III в. до н. э., из Димы и Тритеи, городов Ахайи [Rizakis, 2008]. Оба документа представляют собой отрывки из постановлений местных органов власти, вероятно, народного собрания, и регулируют порядок предоставления гражданских прав в обоих городах взамен на уплату тем или иным лицом некоей суммы денег. Покупателями гражданства являлись, по-видимому, местные свободные, но неполноправные жители, подобные по статусу афинским метекам, причем гражданами становились и их потомки. К кандидатам предъявлялись определенные требования; в частности, будущие граждане должны были быть совершеннолетними и свободнорожденными. Надпись из Димы допускает также предоставление гражданства вдовам. Приобретатели гражданства распределялись по филам и приравнивались в правовом отношении к коренным гражданам обоих городов. Продажа гражданства в эпоху эллинизма была новым явлением и отражала новое качество «открытости» греческих полисов. Подобные факты известны в целом ряде городов эллинистического мира, но именно надписи из Ахайи позволяют в деталях проследить саму процедуру возмездной натурализации в этот период.

Ключевые слова: эллинизм, Ахайя, Дима, Тритея, полис, гражданство, метеки

Для цитирования: Сизов С.К. 2022. Продажа гражданства в городах эллинистической Ахайи. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 746–756. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-746-756

The Sale of Citizenship in the Cities of Hellenistic Achaia

Sergey K. Sizov

Lobachevsky State Research University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave, Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: Sergey_Sizov@yahoo.com

Abstract. This publication contains a translation into Russian (with a commentary) of two inscriptions dating back to the 3rd century B. C. E., from Dyme and Tritaia, the cities of Achaia [Rizakis 2008, p. 44–49, n° 3; p. 134–137, n° 94]. Both documents represent fragments from the resolutions of local authorities, probably the people's assembly, and regulate the procedure for granting civil rights in both cities in exchange for the payment of a certain amount of money by one or another person. The buyers of citizenship were, apparently, free, but restricted in rights local residents, similar in status to Athenian metics. Their descendants also became citizens. There were certain requirements for candidates, in particular, the would-be citizens had to be adult and freeborn persons. The inscription from Dyme also allows the granting of citizenship to widows. Acquirers of citizenship were distributed to *phylai* and became legally equal to the native citizens of both cities. The sale of citizenship in the Hellenistic age was a new phenomenon that reflected the new quality of the «openness» of Greek *poleis*. Similar facts are known in a number of cities of the Hellenistic world, but it is the inscriptions from Achaia that make it possible to trace in detail the very procedure of paid naturalization during this period.

Keywords: Hellenism, Achaia, Dyme, Tritaia, *polis*, citizenship, metics

For citation: Sizov S.K. 2022. The Sale of Citizenship in the Cities of Hellenistic Achaia. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 746–756 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-746-756

Введение

Продажа гражданских прав в древнегреческих полисах – явление немислимое в период Высокой классики – стала возможной в эпоху эллинизма. Первые, не слишком многочисленные свидетельства о предоставлении гражданства за определенную сумму денег, уплачиваемую в городскую казну, относятся к концу IV и к III в. до н. э. Подобные случаи в это время имели место в Византии ([Aristot.] *Оес.* II 1346b 26–29), Эфесе (Syll.³ 363; SEG XXXIX 1153; 1155, на Фасосе (IG XII Suppl. 355), в Аспенде (SEG XVII 639), в Фаселиде (Macarios VIII, 26: CPG II, p. 217). Стоимость приобретения гражданства была различной: всего 1 мина – в Фаселиде, 6 мин – в Эфесе, 20 мин – на Фасосе, 30 – в Византии. Приобретателями гражданства, насколько можно судить, всегда выступали лица, уже постоянно проживавшие на территории полиса. Во всех упомянутых городах продажа гражданских прав имела характер разовой акции, хотя в Эфесе она повторялась неоднократно [см. подробнее: Migeotte, 2014, p. 341–344]. О том, каким образом подобная практика развивалась во II и I вв. до н. э., сведений нет, однако чрезвычайно показательным выглядит распоряжение Августа, который в 21 г. до н. э. запретил афинянам «принимать кого-либо в граждане за деньги» (Dio Cass. 54.7), а это означает, что к тому времени для Афин продажа гражданства стала существенным источником дохода. Позднее в восточных провинциях Римской империи она превратилась в рутинную практику [Robert, 1940, p. 41–42; Müller, 2016, p. 284–288].

Процитированные выше свидетельства о продаже гражданских прав в эллинистическое время не содержат особых подробностей, которые касались бы самой процедуры возмездной натурализации. Тем больший интерес представляют две надписи из Ахайи, датируемые по палеографическим соображениям III веком до н. э. и целиком посвященные правилам предоставления гражданства за деньги. Несмотря на фрагментированный характер этих эпиграфических памятников, они содержат достаточно много информации о том, каков был порядок отбора кандидатов, уплаты требуемых сумм, зачисления новых граждан в подразделения гражданского коллектива и т. д. Изучая эти документы, мы можем увидеть, как происходила продажа гражданства на практике.

Объект и методы исследования

Данная публикация содержит комментированный перевод двух надписей на камне, обнаруженных на территории Ахайи (северо-западный Пелопоннес), близких по времени и содержанию. Первая из них происходит из города Димы; она была впервые опубликована Ж. Марта в 1878 г. [Martha, 1878, p. 94–96, n° 2], а затем переиздавалась с комментариями, теми или иными изменениями в восстановлении утраченных фрагментов, а также (в некоторых случаях) с разными вариантами перевода на современные языки А. Фиком [Fick, 1880, S. 321–323, Nr 2], О. Хоффманом (GDI 1614), Ф. Хиллером фон Гертрингеном (Syll.³ 531), Ж. Бингеном [Bingen, 1954, p. 86–87, n° 4], А. Ридзакисом [Rizakis, 1990, p. 110–123, n° 1; 2008, p. 44–49, n° 3], Э. Макил [Mackil, 2013, p. 455–458, nr 35]. Вторая надпись содержит текст документа, составленного в городе Тритее. После первой публикации К. Питтакисом (AE XI, 1847, nr 2038) надпись из Тритеи издавалась с комментариями, новыми конъектурами и переводами А. Вильгельмом [Wilhelm, 1911, S. 37–42, Nr 7] и А. Ридзакисом [Rizakis, 1990, p. 129–134, n° 3; 2008, p. 134–137, n° 94].

В данной работе за основу принят текст обеих надписей в чтении А. Ридзакиса, который, с одной стороны, использовал для восстановления и толкования этих документов

новые работы и находки в области греческой эпиграфики, неизвестные его предшественникам, а с другой – проявил разумный скептицизм в отношении слишком смелых и слабо обоснованных конъектур, предложенных эпиграфистами в более ранних изданиях. Комментарий дан в подстрочных примечаниях. Методологической основой работы явились как специфические методы работы с эпиграфическими памятниками, так и общенаучные методы исторического исследования (историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный и др.).

Результаты и их обсуждение

Надпись из Димы.

[Θεοί! Ἐπί τ]οῖσδε εἶμεν τὰν πολιτ[εῖαν] τοῖς ἐποί-
[κοις - - - ἐν τᾷ π]όλι· τὸν θέλοντα κοινωνεῖν τᾶς πολι-
[τείας - - - - -]α ἐλεύθερον καὶ ἐξ ἐλευθέρων δόντα
[- - - - - ἐπὶ γρα]μματέος τοῖς Ἀχαιοῖς Μενανδρίδα
5 [- - - - - ἐν] τᾷ πρώτῳ ἐξαμῆνῳι, τὸ δὲ λοιπὸν
[ἐν τῷ - - - - - μ]ηνί, ὡς οἱ Ἀχαιοὶ ἄγοντι. εἰ δὲ μὴ δοῖη
[τὸ ὄλον ἐν τῷ ἐν]αυτῷ τῷ ἐπὶ Μενανδρίδα, ἀλλὰ
[καθυστερίζοι], μὴ ἔστω αὐτῷ ἡ πολιτεία. εἰ δὲ τις
[ἔχοι ὑὸν νεώτερον] ἑπτακαίδεκα ἐξέ}τέων ἢ θυγατέρα
10 [ἀνέκδοτον, ὁμοσ]άσθω ἐμ βουλᾷ ὁ πατήρ τὸν νόμιμον ὄρκ-
[ον· ἢ μὰν εἶμεν α]ὐτοῦ γενεᾶν καὶ [νεώ]τερον ἑπτα-
[καίδεκα ἐτέων] τὸν ὑὸν παῖδ[α γνήσιον]· ἐξομοσα-
[μένου δὲ τὰν τοῦ ὑο]ῦ ἀ[λ]ικίαν [- - c.11 - -]Ἡ ὀρθῶς
[καὶ δικαίως ὁμοσ]άσθω ΚΑΙ[- - c.9 - -]ΟΒΟΥΛΑΙ
15 [. . . τὸν νόμιμον ὄρ]κον ἄνπα[λιν - - - - -]. . ΔΟΞΑΙ
[- - - - - c.15 - - - -]ΑΙΕΣΤ[- - - - - c.15 - - - - -]ς αὐ-
[τῷ καὶ γενεᾷ. εἰ δὲ] χήρα ἐλευ[θέρα καὶ ἐξ] ἐλευθέ-
[ρων θελήσει κοι]νωνεῖ[ν τᾶς πολιτείας - - c.5 - -]ἔστω
[- - - - - c.15 - - - -]τᾷ γυν[αικὶ - - - c.9 - - - πο]λι-
20 [τεῖαν αὐτᾷ καὶ] γενεᾷ. εἰ δὲ ἔχοι ὑὸν νεώτερον] ἑπτα-
[καίδεκα ἐτέων] ἢ θυγατέρ[α ἀνέκδοτον, ὁμο]σαμ-
[έναν τὸν νόμιμον ὄ]ρκον ἐμ [βο]υλ[αῖ· ἢ μὰν α]ὐτᾷ[ς] εἶμε-
[ν γενεᾶν καὶ νεώτ]ε[ρον] τ[ὸν] ὑὸν ἑπτακαίδεκα] ἐτέ-
[ων καὶ παῖδα γνήσιον (?) ἐπομνυ]όμενος [- - c.6 -] ἀνάπ[α]-
25 [λιν- - - - - c.15 - - - -]ον καὶ γυναῖκα κα[ὶ] γεν[ε]άν. ἄ-
[πογραφέντω δὲ] ποτὶ τὸμ βούλαρχον καὶ [προσ]τάταν δα-
[μοσιοφυλάκω]ν καὶ γραμματιστάν. τοὺς δὲ ἀπογ-
[ραφέντες καὶ ὑῶ]ν ὁμοσαμένους τὰν ἀλικίαν καὶ δόν-
[τες τὸ ἀργύριον] καθὼς γέγραπται, διακλαρωσάν-
30 [τω αἰ συναρ]χίαι ὡς ἰσότατα ἐπὶ τὰς φυλάς, καὶ λα-
[χόντω ἐπὶ τὰν] Σ<τρ>ατίδα, ἐπὶ τὰν Δυμαίαν, ἐπὶ τὰν Θεσμι-
[αίαν· καὶ κοινω]νεόντω θεοκολιᾶν, ἃν ἡ πόλις καθιστᾷ ἐν
[τᾷ φυλαῖ τᾷ] ἑαυτῶν, καὶ ἀρχείων τῶν τε εἰς τὸ κοινὸν
[καὶ τὰν πόλιν - - c.7 - -]ας τὰς τε εἰς τὸ κοινὸν ΚΑΙΓ. [.]

Во имя богов! Чтобы гражданство было предоставлено переселенцам², [проживающим?] в городе, на следующих условиях: пусть тот, кто хочет обрести гражданство, [при условии, что он] свободный человек и происходит от свободных³, уплатит [такую-то сумму⁴ в год], когда секретарем ахейцев является Менандрид⁵, в течение первого полугодия, а остальное – в месяце [таком-то], согласно ахейскому календарю. Если же он не заплатит [полную сумму] в год при Менандриде, но [опоздает], то пусть не будет ему гражданства. Если у кого-либо [есть сын моложе] семнадцати лет или [незамужняя] дочь, то пусть отец произнесет в совете установленную законом клятву, что они являются его потомством, и что сын моложе семнадцати лет и является его [законнорожденным] ребенком⁶. Когда же он подтвердит клятвой возраст [сына ...], пусть произнесет правильно [и правдиво...] заново⁷ клятву, [требуемую законом..., то пусть будет гражданство] ему [и

² Использованный здесь термин *έλοκοι* (в греческом языке чаще всего обозначающий переселенцев в колонии), по всей очевидности, имеет тот же смысл, что и *μέτοικοι*, *σύνοικοι* или *λάροικοι*, т. е. свободные люди, поселившиеся в городе, или потомки таких переселенцев, не имевшие гражданских прав. Наиболее известная аналогия – афинские метеки. В документе из Мегар (SEG XXXIX 411, стк. 22) переселенцы, нашедшие убежище в этом городе, также названы *έλοκοι*. В научной литературе недавно возникла дискуссия по поводу того, являлись ли эти переселенцы, жившие в Диме, выходцами из других городов Ахейского союза. По мнению Э. Макил, это исключено, а с точки зрения К. Лазаньи, напротив, основная масса принимаемых в граждане *έλοκοι* состояла из иногородних ахейцев [Mackil, 2013, p. 262; Lasagni, 2017, p. 90–91]. Представляется, что разрешить этот вопрос невозможно, хотя упоминание в конце надписи о возникновении у новых граждан прав и, возможно, обязанностей в отношении Ахейского союза должно скорее свидетельствовать о том, что хотя бы часть *έλοκοι* федерального гражданства не имела.

³ Греки, в отличие от римлян, не считали возможным предоставлять гражданство вольноотпущенникам. Аналогичное ограничение содержится и в постановлении о продаже гражданства в Эфесе (Syll³ 363, стк. 9).

⁴ Размер суммы остается неизвестным. В свое время А. Фик [Fick, 1880, S. 321] предположил, что она составляла один талант, восстановив конец строки 3 следующим образом: *ἐξ ἑλευθέρων τά[λαντον]*; эта конъектура была воспроизведена и в Syll.³ 531. Заново осмотрев камень, Ж. Бинген установил, что строка заканчивалась словом *δόντα* [Bingen, 1954, p. 86], как, собственно, и значилось в первоначальном издании надписи. Заметим попутно, что, как уже отмечалось, ни в одном из подобных случаев стоимость гражданских прав не достигала такой огромной суммы, как талант серебра. Тем не менее сумма была отнюдь не символической, а достаточно весомой, поскольку покупателям гражданства предоставлялась возможность уплатить ее по частям.

⁵ Секретарь ахейцев – один из членов федерального правительства Ахейского союза, иногда его имя использовалось для обозначения года (IG IV 1² 60; VII 223; SEG XIII 327), хотя чаще в роли эпонима выступал глава Ахейского союза – стратег. На строке 4 имя и должность Менандрида стоят в родительном падеже, как обычно в эпонимных формулах; тем не менее Э. Макил переводит эту строку так, как будто в оригинале использован дательный падеж: «*ραυ [(sum) to the sec]retary of the Achaians, Menandris*» [Mackil, 2013, p. 456]. Деньги, разумеется, уплачивались в городскую, а не в федеральную казну, тем более что последняя никоим образом не находилась в ведении секретаря.

⁶ Как видно отсюда, в Диме совершеннолетие наступало в 17 лет, а не в 18, как во многих других полисах. Отец должен был подтвердить клятвой возраст сына прежде всего потому, что совершеннолетний юноша должен был приниматься в число граждан самостоятельно и уплачивать соответствующую сумму, чего не требовалось от несовершеннолетних, которые впоследствии могли безвозмездно приобрести гражданский статус как дети отца-гражданина. Возраст дочери значения не имел, важен был лишь тот факт, что она находилась под опекой отца, а не мужа. Слово «законнорожденный» (*γνήσιον*) в тексте не сохранилось, но единодушно восстанавливается издателями, поскольку такое условие обычно предъявлялось к будущим гражданам (см., например, Aristot. Resp. Athen. 42.1).

⁷ «Заново» – едва ли относится к отцу, который уже произнес свою клятву (хотя именно так понимает эту фразу Э. Макил [Mackil, 2013, p. 456]). Скорее всего, в утраченной части текста упоминался свидетель или городской магистрат, который должен был клятвенно подтвердить утверждения отца. Возможно, сохранившиеся в конце строки 14 буквы «*ΒΟΥΛΑΙ*» могут являться начальным фрагментом слова *βούλαρχος*, т. е. «председатель совета». В таком случае именно ему надлежало поклясться, что отец говорит правду, повторив заново его слова [Rizakis, 1990, p. 113, 119–120; 2008, p. 48]. Примерно такую же подтверждающую клятву произносили в Афинах свидетели, присутствовавшие при приеме мальчиков во фратрию: «Я удостоверяю, что ребенок, представленный таким-то, действительно является его законным сыном, рожденным его супругой, и я клянусь Зевсом Фратрием, что говорю правду. Если моя клятва верна, то пусть будет мне много всего хорошего, если же нет, то наоборот» (IG II² 1237, сткк. 109–113).

потомству]. Если же вдова, свободная и происходящая от свободных, [пожелает] обрести гражданство [...], пусть будет [...] женщине [...гражданство ей самой] и потомству. Если у нее [есть сын моложе] семнадцати лет или [незамужняя] дочь, то пусть произнесет в совете [установленную законом] клятву, что они являются ее [потомством, и что сын моложе семнадцати лет и является ее законнорожденным ребенком, что он подтвердит клятвой (?) ...] заново⁸, [...то пусть получит гражданство] и женщина, и потомство⁹. Пусть они будут внесены в списки у председателя совета, председателя коллегии хранителей архива и секретаря¹⁰, и после того, как они клятвенно подтвердят возраст сыновей и уплатят предписанную [сумму], пусть объединенные власти¹¹ распределят их по жребию, как можно равномернее, между филами, кому выпадет Стратида, кому – Димея, а кому – Фесмиэя¹². И пусть они занимают жреческие должности, которые город устанавливает в их филах, и государственные должности, предназначенные как для союза, [так и для города...] ¹³ и предназначенные для союза [...] ¹⁴.

⁸ «Он» – то же лицо, которое должно было подтвердить клятву отца.

⁹ Известный на примере афинского права принцип, согласно которому вдова должна была иметь опекуна-мужчину, который выступал бы от ее имени, по-видимому, не действовал в ряде областей Греции [Vatin, 1970, p. 248–251], в т. ч. и в Ахайе. Вдова, в отличие от замужней женщины, имела достаточно самостоятельный статус, могла выступать соискателем гражданства и являться (даже в Афинах) законной представительницей своих несовершеннолетних детей [Günther, 1993]. Прием женщин (скорее всего, именно вдов) в граждане также зафиксирован в эпиграфических документах из Милета и Илиона [Günther 1993, S. 321–323]. Клятвам женщин греки придавали серьезное правовое значение, когда речь заходила о религиозных делах, вопросах частного права и некоторых других [Fletcher, 2014].

¹⁰ Во многих полисах существовали списки граждан, хранимые в городском архиве и пополняемые по мере включения в гражданский коллектив новых членов [Savalli, 1985, p. 400–408]. Например, в одном из городов Карии секретарь совета вносил имена новых граждан в архивные документы: ὁ δὲ γραμματεὺς τῆς βουλῆς <...> τῶν ὀνομάτων ἀναγραφῆν <...> ἀναγραφάτω εἰς τὸ δημόσιον [Robert, 1983, p. 212–213, n° 26, сткк. 4–6]. Употребленное в этой и некоторых других надписях слово δημόσιον для обозначения архива объясняет смысл названия коллегии δαμοσιούλακες – «хранители архива» [Klaffenbach, 1960, S. 13–14; Rizakis, 2008, p. 33].

¹¹ «Объединенные власти» (συναρχίαι) – часто встречающееся в надписях из городов Ахейского союза эллинистической эпохи обозначение совместного заседания всех или наиболее значимых коллегий должностных лиц. Помимо прочего, на таких заседаниях предварительно рассматривался вопрос о даровании почестей тому или иному лицу [Sizov, 2017 a]. В данном случае συναρχίαι должны были собраться вместе, чтобы провести важную процедуру распределения новых граждан по филам.

¹² В греческих городах существовало два способа распределения лиц, принятых в число граждан, по подразделениям гражданского коллектива: либо новый гражданин сам выбирал себе филу, фратрию и т. д., либо этот выбор осуществляли власти полиса, которые при этом чаще всего прибегали к жеребьевке [Savalli, 1985, p. 387–392; Jones, 1991, p. 87–97]. Как видно из надписи, в Диме был принят второй из названных способов. Зачисление в филу было необходимым условием осуществления гражданских, прежде всего, политических прав. Название филы «Стратида», очевидно, происходит от древнего названия города Димы («Стратос»: Strabo VIII 7.5.387; Steph. Byz. s.v. Δύμη), а фила Фесмиэя могла быть связана с местным культом Деметры Фесмофоры [Rizakis, 2008, p. 290, n. 143].

¹³ Здесь подчеркивается, что новые граждане будут обладать теми же правами, что и остальные димейцы, включая политические права вплоть до возможности занимать жреческие и государственные должности в городе, а также претендовать на избрание в число членов федерального правительства Ахейского союза. То, что под «τὸ κοινὸν» подразумевается именно Ахейская федерация, обычно не вызывает сомнения у исследователей, хотя недавно К. Лазаньи высказала предположение, что имеется в виду «τὸ κοινὸν τῆς πόλεως», т. е. сообщество граждан города [Lasagni, 2017, p. 91–92]. Главным аргументом при этом выступает отсутствие полного названия союза (τὸ κοινὸν τῶν Ἀχαιῶν), как обычно называются федерации в греческих надписях. На это можно возразить, что, во-первых, дополнение τῶν Ἀχαιῶν могло содержаться в утраченном начале строки 34, а во-вторых, повторное упоминание τὸ κοινὸν в конце этой же строки точно не сопровождается уточнением τῆς πόλεως (после слова τὸ κοινὸν идут буквы και), а без такого уточнения термин τὸ κοινὸν должен означать скорее «союз», чем «сообщество граждан города». Приведем в качестве параллели фразу Полибия (IV 60.9) «τὰς εἰς τὸ κοινὸν εἰσφορὰς», которая означает «взносы в пользу союза» (имеется в виду, хотя и не именуется полным названием, Ахейский союз).

¹⁴ Надпись обрывается в начале фразы, которая, очевидно, касалась каких-то прав или обязанностей лиц, принятых в гражданский коллектив Димы, как граждан Ахейского союза. Предложенная А. Фиком [Fick, 1880, S. 322], исправленная О. Хоффманом (GDI 1614) и поддержанная Ф. Хиллером фон

Надпись из Тритеи

[- - - - -]
IOONOM[- - - - -]
πόλιος NOMIM[- - - - -]
λεος ἕκαστος ΑΦΥ/[- - - - -]
[.]ΟΙ συμπολιτεύειν δ[οκιμασθέντες κατὰ τὸν νόμον (?) πρότε]-
5 ρον δὲ μή. ὁ δὲ βούλα[ρχος δότω τὰν ψᾶφον περὶ αὐτῶν]
ἐν τῷ πρώτῳ τελείῃ[ι ἐκκλησίῃ· οἱ δὲ δοκιμασθέντες]
τᾶς πόλιος ἐόντω πολ[ῖται καὶ πολιτογραφηθέντες (?) ἀ]-
ποδόντω τὸ ἀργύριον κα[θότι προγέγραπται τὸ μέρος τὸ]
ἐπιβάλλον κατ' ἐνιαυτό[ν, τὸ μὲν μέρος ἀρξάμενοι ἀπὸ]
10 τοῦ μετὰ Δεξιλάου ἐνια[υτοῦ, τὸ δὲ ἀργύριον ἐπὶ δαμι]-
οργοῖς τοῖς μετὰ Δεξιλάου [πρὶν ἐξιέναι τὸν ἐνιαυτόν· οἱ]
δὲ δαμιοργοὶ οἱ μετὰ Δεξ[ιλίου καταγραφόντων μετὰ τῶν τα]-
μιᾶν ἐ[φ'] οἷς καὶ τὰ ἄλλα δά[νεια καταγράφοντι· κατὰ τὰ αὐτὰ]
δὲ καὶ οἱ ποτεχῆς δαμιορ[γοὶ καταγραφόντων καὶ διδόντων]
15 παντὸς τοῦ ἀργυρίου τὸ[ν λόγον εἰς τὴν βουλάν· καὶ τῷ μὲν ἀπο]-
[δ]όντι τὸ ἀργύριον καὶ τὸ μ[έρος εἶναι τὴν πολιτείαν καθό]-
τι γέγραπται· εἰ δὲ τίς κα μ[ὴ ἀποδῶι τὸ ἀργύριον ἢ τὸ μέρος τὸ]
ἐ[πι]βάλλον κατ' ἐ[νια]υτὸ[ν οἱ δαμιοργοὶ ἀπογραψάντων αὐ]-
[τ]ὸν τοῖς πολεμ[άρχ]οις ὀφείλοντα τῷ πόλι· κύριοι δ' ἔστων οἱ]
20 [πολέμ]αρχοὶ πράξαντε[ς] [- - - - -]
[. . . c.8. . . α]ὐτοῖς γεγ[ραμμένοις] [- - - - -]
[. c.14. . . .]СОСТОУ[- - - - -]

Чтобы они были приняты в граждане [после проверки по закону (?) ¹⁵], но не прежде этого.

Чтобы председатель совета [поставил на голосование вопрос о них] на первом же регулярном [народном собрании; прошедшие проверку] пусть станут гражданами города [и, будучи занесены в списки граждан (?) ¹⁶], пусть заплатят деньги в соответствии [с тем, что было ранее написано о доле], приходящейся на каждый год, [сделав первый взнос] в год после Дексилая, а сумму того года, когда дамиургами были коллеги Дексилая ¹⁷, [пусть

Гертрингеном (Syll³.531) конъектура [φόρων καὶ τᾶς εἰσφορ]ᾶς τᾶς [τε] εἰς τὸ κοινὸν κα(γ)γ[ραφᾶς] подразумевает, что речь шла об обязанности новых граждан уплачивать регулярные и чрезвычайные налоги в союзную казну, а также подлежать призыву в союзное войско. А. Ридзакис в своей редакции надписи не принимает это восстановление строки 34 как слишком сомнительное [Rizakis, 1990, p. 111, 115; 2008, p. 46–47], хотя в более поздней публикации несколько неожиданно цитирует эту конъектуру в качестве подтверждения одного из своих тезисов, никак не комментируя причины изменения своего отношения к ней [Rizakis, 2012, p. 33, n. 58]. По мнению К. Лазаньи, предлагаемое восстановление невозможно ввиду того, что оно слишком пространно и не соответствует размеру лакуны в тексте [Lasagni, 2017, p. 90, n. 35]. Заметим также, что обязанность платить взносы (εἰσφοραί) в федеральную казну ложилась не на граждан, а на полис в целом; существование специального налога на нужды федерации, который уплачивали бы отдельные граждане Ахейского и других федеративных союзов, не подтверждается источниками и крайне маловероятно [Сизов, 2018, с. 109–115].

¹⁵ Все издатели надписи предполагают, что на этой строке упоминалась т. н. «докимасия» – индивидуальная проверка каждого кандидата в граждане на заседании совета, суда или народного собрания с целью выяснить, нет ли каких-либо обстоятельств, препятствующих принятию его в гражданский коллектив Тритеи. Подобная практика существовала в Афинах и ряде других городов Греции [Feyel, 2007].

¹⁶ Конъектура А. Вильгельма πολιτογραφηθέντες [Wilhelm, 1911, S. 38] вызывает большие сомнения, поскольку из всего содержания надписи вытекает, что соискатели гражданства будут записаны в число граждан не раньше, чем заплатят полную сумму [Rizakis, 1990, p. 132; 2008, p. 136].

¹⁷ Дексилай – местный эпоним, возглавлявший коллегию дамиургов, должностных лиц, которые в ахейских городах были наделены довольно большой властью [Сизов, 2017 b].

уплатят до конца года]¹⁸. Чтобы дамиурги, находящиеся в должности вместе с Де[ксилаем, внесли это в списки вместе с] казначеями так же, как записываются другие долги¹⁹. [Пусть таким же образом] и дамиурги, которые придут им на смену, [внесут это в списки и представят отчет совету] о полной сумме поступивших денег. Уплатившему основную сумму и взнос [пусть будет предоставлено гражданство в соответствии] с тем, что было написано выше²⁰. Если же кто-либо не [заплатит основную сумму или взнос], приходящийся на каждый год, [то пусть дамиурги внесут его в список] для полемархов [как должника города], а у полемархов [будет право] ... после взыскания²¹ ...

Присутствие Димы и Тритеи в списке городов, которые уже в эллинистическую эпоху прибегали к продаже гражданских прав, примечательно само по себе.

Во-первых, небольшие по размерам, преимущественно аграрные полисы Ахайи не могли быть столь привлекательными для соискателей гражданства, как Афины, Эфес или Византий, и тем не менее Дима и Тритея сочли возможным предложить приобретение гражданских прав на возмездной основе не отдельным, названным по имени, лицам, а целым группам местных метеков²². Таким образом, продажа гражданства в эллинистическую эпоху стала, по-видимому, явлением повсеместным.

Во-вторых, оба названных полиса, в отличие от других, где известна такая практика, входили в федеративное государство²³ и должны были подчиняться федеральным законам Ахейского союза, а это означает, что в федерациях эллинистического времени регулирование состава гражданского коллектива городов-участников оставлялось на усмотрение самих полисов. Продажа гражданства не противоречила союзному законодательству; более того, упоминание «союза» на последних строках надписи из Димы свидетельствует о том, что новоиспеченные граждане этого города автоматически приобретали и права федерального гражданства в Ахейском союзе.

Представленные здесь документы не дают прямого ответа на вопрос, вызвавший споры среди исследователей: какой была основная цель продажи гражданства в эллинистическое время? Одни полагают, что подобная мера использовалась исключительно в фискальных целях и была вызвана острой нехваткой средств в городской казне [Robert, 1940, p. 37–41; Gauthier, 1985, p. 200–201; Walser, 2008, S. 293–296], другие подчеркивают, что набор новых граждан, даже таким способом, был вызван прежде всего демографическими проблемами и необходимостью пополнить поредевший гражданский коллектив, или, по крайней мере, создать для метеков стимул, побуждающий их не уезжать из города [Ogden, 1996, p. 296–299; Oliver, 2011, p. 359–360], третьи занимают промежуточную по-

¹⁸ Таким образом, плата за получение гражданства состояла из основной суммы (τὸ ἀρυύριον), которую следовало уплатить в год Дексиса, и дополнительного взноса (τὸ μέρος), который должен быть уплачен в следующие годы равными долями.

¹⁹ Речь идет о регистрации поступления денег в казну, что было обязанностью дамиургов, которые вели особые списки лиц, имеющих задолженность перед городом, и фиксировали каждый взнос, сделанный для погашения такой задолженности. Сами деньги принимали городские казначеи. А. Вильгельм предположил, что средства, поступившие от новых граждан, помещались в особый фонд и затем давались в займы частным лицам под процент [Wilhelm, 1911, S. 38, 40], но его конъектуры на строках 12–14 «ἐκδανείζοντων» и «ἐκδανείζοντι» вместо «καταγράφοντων» и «καταγράφοντι» выглядят не слишком вероятными и не были приняты в последующих изданиях надписи.

²⁰ Это предписание не сохранилось.

²¹ Здесь упоминается другой список, в который дамиурги вносили данные о должниках города, которые просрочили платеж. Этот документ передавался другим должностным лицам – полемархам, которые, очевидно, должны были заняться взысканием этих денег.

²² Следует предполагать, что и в Тритее гражданство продавалось не заезжим иностранцам, а людям, постоянно проживавшим в городе.

²³ И Дима, и Тритея принадлежали к числу полисов-инициаторов восстановления Ахейского союза в 281 г. до н. э. (Ролуб. II 41.12), каковая дата, кстати, представляет собой terminus post quem, по крайней мере, для надписи из Димы.

зицию, отдавая должное обоим названным факторам [Mackil, 2013, p. 387; Müller, 2016, p. 291–292].

В последнее время стала проводиться параллель между продажей гражданских прав и широко распространенной в эллинистическую эпоху практикой предоставления всевозможных почестей, в т. ч. и гражданства, т. н. «благодетелям», оказавшим ценные услуги полису: уплата немалой суммы в городскую казну могла также рассматриваться как «благодетельство», а может быть, город также рассчитывал, что новые граждане – люди состоятельные и в будущем не откажутся помочь полису средствами, когда такая помощь потребуется [Müller, 2016, p. 292; Dmitriev, 2019, p. 15]. Что касается Димы и Тритеи, то эти города должны были испытывать тяжелые финансовые затруднения, особенно в последние десятилетия III в. до н. э., когда, по словам Полибия (II 62.3), в результате непрерывных войн имущество пелопоннесцев было «вконец уничтожено».

С другой стороны, декрет Димы, обычно датируемый 219/8 годом до н. э. и содержащий список 52 человек, которым местное гражданство было предоставлено безвозмездно в награду за участие в защите города от неприятеля [Rizakis, 2008, p. 49–54, n° 4], свидетельствует о существовании настоятельной необходимости вливания «свежей крови» в ряды граждан этого полиса.

Однако отсутствие доказательств того, что представленные надписи о продаже гражданства относятся именно к упомянутому периоду, а не к более благополучным временам первой половины и середины III в. до н. э., не позволяет судить о том, было ли вызвано это явление в городах Ахайи финансовыми затруднениями, демографическими проблемами или и тем, и другим.

Ясно лишь то, что западная часть Пелопоннеса, наряду с другими регионами греческого мира, была затронута характерным для эллинистической эпохи процессом ослабления принципа исключительности и замкнутости гражданского коллектива в греческом полисе и превращения непроходимой прежде стены между гражданами и негражданами в довольно эластичную перегородку.

В то же время нужно подчеркнуть вслед за К. Мюллер [Müller, 2016, p. 292–293], что торговлю гражданскими правами не следует рассматривать как признак полного упадка престижа и значения института полисного гражданства в эллинистическом мире.

Предложение вступить в ряды граждан действовало очень короткое время, а отбор кандидатов производился достаточно тщательно, так что продажу гражданства в Ахайе, как и в других областях эллинистического мира, следует рассматривать скорее как «исключительную меру» [Gauthier, 1985, p. 201], чем как привычную и систематическую практику.

Данная работа подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта «Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в постклассическое время: правовые основы, практики, дискурсы» (проект № 20-09-00099).

Сокращения

AE – Αρχαιολογική Εφημερίς.

CPG II – von Leutsch E.L., Schneidewin F.G. Corpus Pseudoepigrapharum Graecorum. V. II. Hildesheim, 1965.

GDI – Collitz H., Bechtel E. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Bd. 1–4. Göttingen, 1884–1915.

IG – Inscriptiones Graecae.

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum.

Syll.³ – Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Editio tertia. V. 1–3. Leipzig, 1915–1920.

Список литературы

- Сизов С.К. 2018. Союзный бюджет в федерациях эллинистической Греции. *Studia historica*. Вып. XVI: 99–118.
- Bingen J. 1954. Inscriptions d'Achaïe. In: *Bulletin de correspondance hellénique*. V. 78: 74–88.
- Dmitriev S. 2019. Citizenship for Sale? Grants of *Politeia* for Money: a Reappraisal. In: *Citizenship in Classical Antiquity: Current Perspectives and Challenges*. Conference Program with Abstracts. London: 14–15.
- Feyel C. 2007. La *dokimasia* des nouveaux citoyens dans les cités grecques. In: *Revue des études grecques*. V. 120: 19–49.
- Fick A. 1880. Die neu aufgefundenen Inschriften von Dyme (Achaja). In: *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. Bd. 5: 320–325.
- Fletcher J. 2014. Women and Oaths In: *Oaths and Swearing in Ancient Greece*. A. Sommerstein, I. Torrance (eds.). Berlin: 156–178.
- Gauthier Ph. 1985. Les cités grecques et leurs bienfaiteurs. Paris, École Française d'Athènes, 236.
- Günther L.-M. 1993. Witwen in der griechischen Antike – zwischen Oikos und Polis. In: *Historia*. Bd. 42: 308–325.
- Jones N.F. 1991. Enrollment Clauses in Greek Citizenship Decrees. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 87: 79–102.
- Klaffenbach G. 1960. Bemerkungen zum griechischen Urkundenwesen. Berlin, Akademie-Verlag, 44.
- Lasagni Ch. 2017. *Politeia* in Greek Federal States. In: *Citizens in the Graeco-Roman World*. L. Cecchet, A. Busetto (eds.). Leiden; Boston: 78–109.
- Mackil E. 2013. *Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in Making a Greek Koinon*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 593.
- Martha J. 1878. Inscriptions d'Achaïe. In: *Bulletin de correspondance hellénique*. V. 2: 40–44, 94–101.
- Migeotte L. 2014. Les Finances des cités grecques aux périodes classique et hellénistique. Paris, Les Belles Lettres, 770.
- Müller Ch. 2016. Le prestige peut-il s'acheter? Réflexions sur la vente de la citoyenneté et des honneurs dans les cités grecques aux époques hellénistique et romaine. In: *Le Prestige à Rome à la fin de la République et au début du Principat*. R. Baudry, F. Hurllet (eds.). Nanterre: 281–294.
- Ogden D. 1996. *Greek Bastardy in the Classical and Hellenistic Periods*. Oxford, Clarendon Press, 430.
- Oliver G. 2011. Mobility, Society, and Economy in the Hellenistic Period. In: *The Economies of Hellenistic Societies: Third to First Centuries BC*. Z.H. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen (eds.). Oxford: 345–367.
- Rizakis A.D. 1990. La *politeia* dans les cités de la confédération achéenne. In: *Tyche*. V. 5: 109–134.
- Rizakis A.D. 2008. Achaïe III. Les cités achéennes: épigraphie et histoire. Athènes, KERA, 496.
- Rizakis A.D. 2012. La double citoyenneté dans le cadre des *koina* grecs: l'exemple du *koinon* achéen In: *Patrie d'origine et patries sélectives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine*. A. Heller, A.-V. Pont (eds.). Paris, Bordeaux: 23–38.
- Robert L. 1940. Sur un diction relative à Phasélis. La vente du droit de cité. In: *Robert L. Hellenica*. V. 1. Limoges: 37–42.
- Robert J. & L. 1983. Fouilles d'Amyzon en Carie. T. I. Paris, De Boccard, 301.
- Savalli I. 1985. I neocittadini nelle città ellenistiche. Note sulla concessione e l'acquisizione della *politeia*. In: *Historia*. Bd. 34: 387–431.
- Sizov S.K. 2017a. The *συναρχία* in the Achaian Federation and Its Member Cities. In: *Tyche*. Bd. 32: 225–234.
- Sizov S.K. 2017b. The *Damiourgoi* in the Cities of the Peloponnese and the Achaian *Koinon*. In: *Dialogues d'Histoire Ancienne*. V. 43: 11–32.
- Vatin C. 1970. Recherches sur le mariage et la condition de la femme mariée à l'époque hellénistique. Paris, De Boccard, 313.
- Walser A.V. 2008. *Bauern und Zinsnehmer. Politik, Recht und Wirtschaft im frühhellenistischen Ephesos*. München, C.H. Beck Verlag, 385.
- Wilhelm A. 1911. *Neue Beiträge zur griechischen Inschriften-Kunde*. 1. Tl. Wien, A. Holder, 70.

References

- Sizov S.K. 2018. Soyuznyj byudzhnet v federazyakh ellinisticheskoy Grezii [Federal budget in the federations of Hellenistic Greece]. In: *Studia historica*. Issue XVI: 99–118 (in Russian).
- Bingen J. 1954. Inscriptions d'Achaïe. In: *Bulletin de correspondance hellénique*. V. 78: 74–88.
- Dmitriev S. 2019. Citizenship for Sale? Grants of *Politeia* for Money: a Reappraisal. In: *Citizenship in Classical Antiquity: Current Perspectives and Challenges*. Conference Program with Abstracts. London: 14–15.
- Feyel C. 2007. La *dokimasia* des nouveaux citoyens dans les cités grecques. In: *Revue des études grecques*. V. 120: 19–49.
- Fick A. 1880. Die neu aufgefundenen Inschriften von Dyme (Achaja). In: *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. Bd. 5: 320–325.
- Fletcher J. 2014. Women and Oaths In: *Oaths and Swearing in Ancient Greece*. A. Sommerstein, I. Torrance (eds.). Berlin: 156–178.
- Gauthier Ph. 1985. Les cités grecques et leurs bienfaiteurs. Paris, École Française d'Athènes, 236.
- Günther L.-M. 1993. Witwen in der griechischen Antike – zwischen Oikos und Polis. In: *Historia*. Bd. 42: 308–325.
- Jones N.F. 1991. Enrollment Clauses in Greek Citizenship Decrees. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 87: 79–102.
- Klaffenbach G. 1960. Bemerkungen zum griechischen Urkundenwesen. Berlin, Akademie-Verlag, 44.
- Lasagni Ch. 2017. *Politeia* in Greek Federal States. In: *Citizens in the Graeco-Roman World*. L. Cecchet, A. Busetto (eds.). Leiden; Boston: 78–109.
- Mackil E. 2013. *Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in Making a Greek Koinon*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 593.
- Martha J. 1878. Inscriptions d'Achaïe. In: *Bulletin de correspondance hellénique*. V. 2: 40–44, 94–101.
- Migeotte L. 2014. Les Finances des cités grecques aux périodes classique et hellénistique. Paris, Les Belles Lettres, 770.
- Müller Ch. 2016. Le prestige peut-il s'acheter? Réflexions sur la vente de la citoyenneté et des honneurs dans les cités grecques aux époques hellénistique et romaine. In: *Le Prestige à Rome à la fin de la République et au début du Principat*. R. Baudry, F. Hurlet (eds.). Nanterre: 281–294.
- Ogden D. 1996. *Greek Bastardy in the Classical and Hellenistic Periods*. Oxford, Clarendon Press, 430.
- Oliver G. 2011. Mobility, Society, and Economy in the Hellenistic Period. In: *The Economies of Hellenistic Societies: Third to First Centuries BC*. Z.H. Archibald, J.K. Davies, V. Gabrielsen (eds.). Oxford: 345–367.
- Rizakis A.D. 1990. La *politeia* dans les cités de la confédération achéenne. In: *Tyche*. V. 5: 109–134.
- Rizakis A.D. 2008. Achaïe III. Les cités achéennes: épigraphie et histoire. Athènes, KERA, 496.
- Rizakis A.D. 2012. La double citoyenneté dans le cadre des *koina* grecs: l'exemple du *koinon* achéen In: *Patrie d'origine et patries sélectives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine*. A. Heller, A.-V. Pont (eds.). Paris, Bordeaux: 23–38.
- Robert L. 1940. Sur un diction relative à Phasélis. La vente du droit de cité. In: *Robert L. Hellenica*. V. 1. Limoges: 37–42.
- Robert J. & L. 1983. *Fouilles d'Amyzon en Carie*. T. I. Paris, De Boccard, 301.
- Savalli I. 1985. I neocittadini nelle città ellenistiche. Note sulla concessione e l'acquisizione della *politeia*. In: *Historia*. Bd. 34: 387–431.
- Sizov S.K. 2017a. The *συναρχία* in the Achaian Federation and Its Member Cities. In: *Tyche*. Bd. 32: 225–234.
- Sizov S.K. 2017b. The *Damiourgoi* in the Cities of the Peloponnese and the Achaian *Koinon*. In: *Dialogues d'Histoire Ancienne*. V. 43: 11–32.
- Vatin C. 1970. *Recherches sur le mariage et la condition de la femme mariée à l'époque hellénistique*. Paris, De Boccard, 313.
- Walser A.V. 2008. *Bauern und Zinsnehmer. Politik, Recht und Wirtschaft im frühhellenistischen Ephesos*. München, C.H. Beck Verlag, 385.
- Wilhelm A. 1911. *Neue Beiträge zur griechischen Inschriften-Kunde*. 1. Tl. Wien, A. Holder, 70.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.08.2022
Поступила после рецензирования 09.09.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Received 02.08.2022
Revised 09.09.2022
Accepted 09.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сизов Сергей Кузьмич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9867-9549](https://orcid.org/0000-0001-9867-9549)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey K. Sizov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Ancient and Medieval History, Lobachevsky State Research University, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(03)

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-757-766

Оригинальное исследование

Speculatores Augusti: организационная структура и функции

Дороненко И.А.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Россия, г. Омск, 644077, пр. Мира, 55а
E-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Аннотация. *Speculatores Augusti* составляли особое подразделение преторианской гвардии. Корпус начал свою историю как когорты разведчиков и телохранителей при триумвирах, а закончил ее службой политического сыска и убийств неугодных принцепсу. В историографии и по сей день нет устоявшегося представления о командной и организационной структуре *speculatores*. Дискуссии в основном ведутся вокруг должности *trecenarius*, численности подразделения и его включении в состав преторианских когорт. Мы же предлагаем рассматривать спекуляторов как часть гарнизона Рима, что и определяло его структуру и набор функций. Императорская гвардия постоянно изменялась, тогда как причины трансформаций по-прежнему остаются неизвестными.

Ключевые слова: *Speculatores Augusti*, преторианская гвардия, когорты, римская армия

Для цитирования: Дороненко И.А. 2022. *Speculatores Augusti*: организационная структура и функции. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 757–766. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-757-766

Speculatores Augusti: Organizational Structure and Functions

Илья А. Doronenko

Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira Ave., Omsk 644077, Russia
E-mail: ilya.doronenko99@gmail.com

Abstract. The *Speculatores Augusti* were a special unit of the Praetorian Guard. Initially the corps was a cohort of spies and bodyguards under the triumvirs. Afterwards the *Speculatores* were an Intelligence Service. The historians do not have established view about command and organizational structure. Discussions are mainly around the *Trecenarius*, the size of the unit and when the *Speculatores* were included in the Praetorian Guard. We propose to consider the *Speculatores* as part of the Garrison of Rome. It determined a structure and functions. The Praetorian Guard often changed, but now we do not understand entirely the reason. All the history of the corps fits into one trend that defined the history of the garrison of Rome: the strengthening of the specialization of the corps. Separate study of career paths is still required for both *Augusti* speculators and soldiers from other special divisions. We try to find out in this work what position the *Augusti* speculators occupied in the garrison of Rome and what exact functions this corps performed from the end of the 1st century. до н. э. and follow 312 A. D.

Keywords: *Speculatores Augusti*, Praetorian Guard, cohortes, Roman army

For citation: Doronenko I.A. 2022. *Speculatores Augusti*: Organizational Structure and Functions. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 757–766 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-757-766

Введение

Октавиан Август в 27 г. до н. э. положил начало формированию системы императорских подразделений, центральное место в которой занимали преторианские когорты. Гвардия принцепсов уже с первых лет своего существования стала нести на себе целый ряд функций, выходящий за рамки охраны *primus inter pares*. В первую очередь, это касается так называемых «особых подразделений», куда входили *statores Augusti*, *evocati Augusti* и *speculatores Augusti*. Последним и будет посвящена данная статья.

Эти формирования отличает своя собственная организационная структура внутри преторианской гвардии. Мы попытаемся в данной работе выявить, какое положение в гарнизоне Рима занимали *speculatores Augusti*, и какие именно функции выполнял данный корпус с конца I в. до н. э. и до 312 г. Оговоримся, что затрагивать историю разведки в регионах в период Республики и Империи будем лишь в тех случаях, когда это напрямую касается столичных подразделений.

В историографии проблематика *speculatores* рассматривалась крайне редко и, прежде всего, в специальных работах, посвященных преторианской гвардии. А. Домашевский [Domaszewski, 1908] и Ф. Ламмерт [Lammert, 1929, S. 1583–1586] представили достаточно общее описание данного подразделения, по большей части останавливаясь на республиканских и легионных *speculatores*, которые заслуживают и по сей день отдельного исследования. М. Дюрри [Durry, 1938] и А. Пассерини [Passerini, 1939] представили свои концепции организационной структуры *speculatores Augusti*. Основные расхождения касались численности корпуса, положения *trecenarius* и *centurio speculatorum*, хронологии изменений в структуре спекуляторов. Появление не так давно статьи Н. Чезарика о командирах *speculatores Augusti* [Cesarik, 2014, p. 93–116], являвшейся ответом на публикацию Дж. Манна [Mann, 1983, p. 136–140], демонстрирует, что проблема организации корпуса не утратила своей актуальности. Функционал спекуляторов рассматривался также в специальных работах по гвардии С. Бингэм [Bingham, 1997; Bingham, 2013], А. Аргуина [Argüin, 2006] и М. Спайделя [Speidel, 1994], а также в истории римской разведки Е.С. Данилова [Данилов, 2011].

Соответственно, по-прежнему остается нерешенным целый ряд вопросов: 1) изменение положения спекуляторов на протяжении всей истории преторианской гвардии; 2) структура командования; 3) взаимосвязь организационной структуры и функционала. Мы же постараемся ответить на поставленные вопросы, уделяя внимание и другим аспектам проблемы.

На данный момент известно сто тридцать надписей, в которых фигурируют *speculatores Augusti*. В основном это эпитафии, дипломы и латеркули. Не все из них удается однозначно датировать, а ряд фактов из нарративных источников иногда не находят в них подтверждения. В отличие от других работ по этой проблематике, мы намерены рассмотреть спекуляторов Августа не только как часть структуры преторианской гвардии, но и всех столичных подразделений в целом.

Объект и методы исследования

Объектом исследования в данной статье являются особые подразделения преторианских когорт, куда входили *speculatores Augusti*. Предметом же выступает организационная структура и функции спекуляторов-преторианцев. В качестве основного метода предлагается системный анализ, который позволит представить преторианские когорты как совокупность специализированных подразделений и рассмотреть особый набор функций и принципов организации в них. Реализовать потенциал данного метода позволили методы источниковедческого анализа.

Результаты и их обсуждение

Преторианская гвардия изначально была сформирована из разнородных подразделений, которые были в армии периода Республики. Так называемые в отечественной историографии «преторские» когорты [Гуськов, 2014, с. 138–139] были затем соединены с эвекатами, спекуляторами и статорами. Известно, что у Марка Антония уже служили подразделения *speculatores*, сведенные в когорт, о чем свидетельствует денарий 32–31 г. до н. э. (RSC. 6). А. Пассерини указывал на три манипулярных знамени, что отражает в том числе и структуру когорты из трех манипул в легионе [Passerini, 1939, p. 71]. Аппиан упоминает отряды в три сотни человек («*τριακόσιοι*»), которые привели с собой на совещание в Мутину Марк Эмилий Лепид, Марк Антоний и Октавиан (App. Civ. IV. 2). Скорее всего, в тексте подразумеваются именно спекуляторы, учитывая упомянутую выше монету Антония.

Ранее отдельное подразделение разведчиков не фиксируется. В гражданских войнах 49–45 гг. до н. э. фигурировали лишь *speculatores*, которые были в составе легионов (например: Caes. BC. III. 66, 1; VA. 35, 2–4; VH. 38, 1)²⁴. Маловероятно, что в республиканских легионах насчитывалось несколько сотен спекуляторов. А в Мутине они выступают уже в качестве полководческого эскорта, чего мы не наблюдаем в более ранние периоды. В 27 г. до н. э., когда Август стал формировать уже преторианскую гвардию, *speculatores* стали *Augusti*, но еще не полноценной частью когорты. В легионах же осталась своя собственная разведка. Светоний упоминает, что принцепс пригласил к обеду своего бывшего охранника («*qui speculator suus olim fuisset*»), у которого он остановился (Aug. LXXIV). Характерно, что это был «свой» спекулятор для Августа. Учитывая то, что у него была собственная вилла, становится ясно, что он являлся заслуженным ветераном, но при этом само событие точно датировать нельзя. Можно предположить, что безымянный разведчик мог входить в *τριακόσιοι*, упомянутые Аппианом.

До 23 г., когда преторианские когорты были размещены в *castra praetoria*, *speculatores* не входили в состав преторианских когорты, хотя считались императорским подразделением [Speidel, 1994, p. 22; Bingham, 1997, p. 136]. Об этом свидетельствует эпиграфический материал²⁵. Так, Тит Назидий Мессор служил как *speculatores* при Августе (AE. 1954, 0162)²⁶. При нем же он получил почетную отставку. Вполне возможно, что, говоря о десяти когортах, Кассий Дион включил в преторианскую гвардию и *speculatores* (Dio. LV. 24, 6). Учитывая, что на тот момент императорские когорты были квингенарные, количество спекуляторов укладывается в сообщение Аппиана [Гуськов, 2007, с. 193]. Предполагаем, что Сеян назначил самолично командира и для *speculatores* (Tac. Ann. IV. 2, 3), хотя они по-прежнему воспринимались в качестве отдельного подразделения в составе гвардии. Так, когда Отон выступил из Рима против вителлианцев, с ним были *speculatores*, преторианские когорты, ветераны гвардии и большое число моряков (Tac. Hist. II. 11). В данном случае всадники, очевидно, преторианские, и *speculatores* отделены друг от друга, а также от преторианских когорты. Подчеркивается это и в дипломах 76 г., в которых указано, что спекуляторы служили в «претории» вместе с «*milites*» девяти преторианских когорты (CIL. XVI 21 = III 853 = ILS. 1993). Поэтому тезис о том, что *speculatores*

²⁴ Подробнее о республиканских *speculatores* см.: [Lammert, 1929, S. 1583; Данилов, 2011, с. 91–93].

²⁵ [C(aio)] Iulio C(ai) f(ilio) Vel(ina) Basso et / L(ucio) Iulio C(ai) f(ilio) Vel(ina) Praesenti / speculatoribus Caesaris Aug(usti) / C(aius) Iulius Bassus pater v(ivus) f(ecit) / Turpilia L(uci) filia Iunia Bassi (CIL. III 04843). Gaviae P(ubli) f(iliae) Virunae / L(ucius) Dindius Respectus / |(centurio) leg(ionis) XIII geminae / P(ublius) Dindius Speratus / |(centurio) speculatorum Aug(usti) / filii [matri] indulgen/tissima[e et sibi] fecerunt (CIL. III 5223 = CIL. III 11692). Вторая надпись примечательна еще и тем, что отражает наиболее раннюю структуру командования *speculatores*.

²⁶ T(ito) Nasidio Messori / veterano / ex equitibus speculator(ibus) / donis donato / militaribus ab Aug(usto) / adlecto ex decreto dec(urionum) / remissa honoraria / aedilitate / Pviro col(onia) Iul(ia) Felici / Luco Feroniae / Hedia Verecunda / uxor / l(ocus) d(atus) d(ecreto) d(ecurionum). Монумент датируется правлением Флавиев.

исчезли в конце I в. как подразделение, не совсем корректен [Argüín, 2006, p. 32]. Их могли затронуть лишь пертурбации 69–70 гг., когда гвардия несколько раз меняла свою организационную структуру. Так, Тацит пишет, что Вителлий посылал спекуляторов в Сирию и Иудею (Hist. II. 73). Он вполне мог собрать такой же корпус всадников из своих рейнских легионеров, из которых и сформировал собственные преторианские когорты. Спекуляторы наверняка размещались в *castra praetoria*, тогда как присланные разведчики из легионов квартировались в *castra peregrinorum* [Baillie Reynolds, 1923, p. 178]. Вряд ли спекуляторы были распределены по преторианским когортам лишь в год четырех императоров [Bingham, 2013, p. 89]. Включение разведчиков в гвардию точно должно было свершиться к 68 г. [Durry, 1938, p. 109]. Изменения командной структуры в 50–60-е гг., которые мы рассмотрим в соответствующем месте, явно проходили уже в преторианских когортах, учитывая статус *speculatores* как «*Augusti*» к тому времени.

Спекуляторы были, в конечном итоге, распределены по преторианским когортам. Об этом прямо свидетельствует ряд надписей (CIL. VI 2653; 2660; 2668; 2683; 2722; 2743; 2799). В большинстве из них указывается также центурия, в которой служил *speculator*. Это напоминает структуру кавалерии в гвардии [Cowan, 2014, p. 33]. В преторианских когортах служили как пехотинцы, так и кавалеристы [Passerini, 1939, p. 69]. Тацит сообщает, что на Фуцинском озере за порядком во время навмахии следили преторианцы: «*Praetoriarum cohortium manipuli turmaeque*» (Ann. XII. 56). В трактате Псевдо-Гигина указано, что в лагере размещались четыре преторианские когорты и четыреста преторианских всадников (De mun. castr. XXX). Кавалерия была частью когорты и центурии, что нашло отражение в эпиграфике (CIL. VI 100 = XI 136a = ILS. 2076; 2517; 2519; 2672 = ILS. 2054). Исследователи склоняются к тому, что преторианская кавалерия имела следующую структуру [Passerini, 1939, p. 69–70; Argüín, 2006, p. 31]: три турмы по тридцать человек приходились на одну манипулу. Впрочем, такая численность не была вполне типичной для римской армии. Командовал турмой *optio equitum* (CIL. VI 02440, 37191). В каждой турме был и знаменосец – *vexillarius equitum* (CIL. VI 32709a = VI 37191 = ILS. 9190). Эти должности, как мы покажем в дальнейшем, могли быть и у *speculatores Augusti*. Спекулятором, как и кавалеристом, преторианец мог стать после шести-восьми лет службы [Durry, 1938, p. 109]. Таким образом, *speculatores* постепенно интегрировались в состав преторианских когорт, а структура менялась от особой когорты до распределенного по центуриям корпуса, что в итоге сделало их организационно похожими на преторианскую кавалерию.

Сколько же было *speculatores Augusti*? А. Домашевский предлагал следующую схему: вместе с Отоном мятеж против Гальбы поднимало 23 спекулятора (Tac. Hist. I. 27), а еще один предал Гальбу, который заверил императора, что убил претендента (Ibid. 35). На основании этого историк сделал вывод, что эти спекуляторы были из одной когорты, следовательно, всего в преторианской гвардии насчитывалось 288 телохранителей в 69 г. [Domaszewski, 1908, S. 93]. Справедливо отмечается, что факт готовности этих воинов принять участие в свержении принцепса еще не означает их принадлежность к одной центурии [Crimi, 2012, p. 492]. Действительно, заговор Отона и латеркули не являются надежными свидетельствами в пользу трехсотенного корпуса. Так, на всю центурию, фрагмент сохранился достаточно неплохо, мог быть один уволенный спекулятор (CIL. VI 2378 = 325119 = 13911 = ILS. 2102) или даже три (CIL. VI 2379 = 32520 = XI. 618,06 = 806d = AE. 1968, 26 = AE. 1999, 421). Увольнение из рядов гвардии раз в два года все-таки не позволяет объяснить такую неравномерность. Тем более что в источнике нет указания на командиров спекуляторов. Наиболее высокое звание среди изначальной группы заговорщиков, не считая Отона, – у опциона Ветурия. Тем не менее численность корпуса в три сотни человек является наиболее вероятной. Во-первых, М. Дюрри верно обращает внимание на «*τριάκοντοι*» у будущих триумвиров. Август мог и в этом случае взять уже существующее подразделение и интегрировать его в гвардию. Во-вторых, в истории военного дела античности есть множество примеров элитных подразделений, насчитывавших три-

ста человек (спартанские гиппеи, священный отряд из Фив, царская агема Александра) [Speidel, 1994, p. 22]. При этом численность спекуляторов менялась в зависимости от увеличения числа когорт и становления их миллиарными. Предполагаем, что количество спекуляторов было привязано к центуриям. Так, в одной центурии (которых было по шесть в когорте) служило четыре *speculatores*. Следовательно, изменение общего числа центурий влекло за собой и общее увеличение численности спекуляторов. В итоге же изначальная численность корпуса была около трехсот человек с последующим увеличением.

Особенно дискуссионным является вопрос о командовании спекуляторами. Изначально руководил корпусом *centurio speculorum*. Примерно с середины I в. н. э. должность командующего *speculatores* заменяется на *trecenarius*. Однако А. Пассерини считал, что эта должность не связана со спекуляторами [Passerini, 1939, p. 92–93]. Для доказательства он использует лишь предполагаемую этимологию слова «*trecenarius*» («трехсотенник»), а так как спекуляторов могло быть не триста человек, то и никакой взаимосвязи нет. Впрочем, эта концепция строится на еще больших допущениях, чем признание факта того, что треченарий командовал *speculatores*. А. Домашевский пришел к выводу, что это звание указывало не на размер жалования, а на его положение в командной структуре [Domaszewski, 1908, S. 93]. Однако А. Пассерини отметил, что немецкий историк не вполне корректно усматривал резкую смену званий. Он верно указал, что *trecenarius* и *centurio speculorum* в надписях встречаются в одном временном промежутке, пока не остается лишь одно наименование должности [Passerini, 1939, p. 92]. М. Дюрри датировал появление *trecenarii* временем правления Нерона [Durry, 1938, p. 110]. Видимо, наиболее раннее упоминание треченариев относится к Луцию Мунацию Сабину, проходящему в надписи как «*centurio speculorum*» (CIL. X 6674 = ILS. 2020) [Durry, 1938, p. 138]. Несколько позднее датируется надпись, в которой фигурирует Марк Веттий, дослужившийся из преторианцев до прокуратора Лузитании (CIL. XI 395 = ILS. 2648 = AE. 2009, 468). К тому же известна надпись из Помпей, датируемая по консулату Тита Куция Цилта и Луция Юния Галлиона 56 г. (CIL. IV 3340,45 = AE. 1993, 454 = 2010, 32 = 272)²⁷. В ней указывается, что Альфен Вар, *trecenarius Augusti*, принял участие в продаже рабов на аукционе. Мы считаем, что одновременность надписей объясняется тем, что уже полученные должности до «реформы» не меняли по умолчанию свои названия.

Н. Чезарик предлагает рассматривать *centurio speculorum* и *centurio speculorum equitum*, известных по надписям, как командиров разных центурий – пешей и конной [Cesarik, 2014, p. 109; 112]. На наш взгляд, это не вполне верная интерпретация, обусловленная скудностью доступных нам источников. Спекуляторы были, прежде всего, конным подразделением, учитывая специфический набор функций, а также логично предположить уточнение к «*centurio*» – «*peditum*», если принимать версию хорватского исследователя. Но такая формулировка не прослеживается в эпиграфике. К тому же он упоминает две центурии спекуляторов, тогда как, согласно его концепции, треченарий командует тремя сотнями. Этот парадокс разрешило бы включение *exercitator equitum speculorum* (CIL. XI 395 = AE. 2009, 468) как третьего центуриона, но автор этого не делает. Более того, человек на данной должности занимался подготовкой спекуляторов сродни *campidoctor* в легионах [De la Bédoyère, p. 54], поэтому появление и исчезновение «*equitum*» в разных надписях мы можем объяснить лишь вариацией в рамках нормы, что тоже характерно для эпиграфики. К примеру, даже в рядах гвардии отряд *statores* мог именоваться как *centuria* (AE. 1933, 87 = 1939, 187 = 2012, 1379), так и *numerus* (CIL. X 1766 = ILS. 2136 = AE. 1988, 298).

²⁷ T(ito) Cutio Cilto L(ucio) Iunio co(n)s(ulibus) / VI K(alendas) Septembres P(ublius) Alfe/nus Varus trecena/rius Augus{s}ti scripsi / me ac(c)episse ab(!) L(ucio) Cae/cilio Iu<c=Q>undo HS vigin/ti quinque (!) quadrin/gentos triginta nove(m) / nummo(s) ex auctione ve/naliciaria P(ubli) Alfeni / Pollionis de(curionis?) N(umeri) Epri / Niciae // pro parte eius (!) quam / stipulatus ve/ex / delegatu eorum / ac{c}tum Iuliae Cos/sta(n)tiae Nucheriae // P(ubli) Alfeni / Va[ri] trecenari(i) Augu[sti] / P(ubli) Alfeni Pollionis / T(iti?) Trausi Adme[ti] / [P(ubli)] Alfeni Vari / trecenari(i) Aug(usti) / P(ubli) Alfeni Pollionis.

Итак, треченарий появился примерно в годы правления Нерона, и кем в итоге являлся? Тезис Манна, что *trecenarius* было почетным званием за прохождение трех центурионатов, не представляется верным [Mann, p. 138–139]. Так, Луций Арбуст Валентин был эвокатом, центурионом вигилов, городских когорт, преторианских и, наконец, VII легиона²⁸. В надписи нет упоминания «*trecenarius*», что несколько странно, учитывая предполагаемый высокий статус. К тому же приравнивание центурионата в *statores* и когортах вигилов не подтверждается эпитафией Луция Татиния Гноза, который был центурионом вигилов, статоров и городских когорт (AE. 1933, 87 = 1939, 187 = 2012, 1379), а также Луция Лелия Фуска (CIL. VI 32709a = 37191 = ILS. 9190). Более того, треченарий и *princeps castrorum* Марк Тиллий Руф отмечен лишь как центурион когорт урбаниканов и вигилов (CIL. X 5064 = ILS. 2667). С другой стороны, Луций Комин Максим прошел три центурионата, но так и не стал треченарием, получив назначение в качестве трибуна преторианской, городской и, видимо, пожарной когорты (CIL. XIV 3626 = ILS. 2742)²⁹. Всегда можно применить аргумент о неупоминании термина в надписи по неизвестным причинам, но его принципиальная недоказуемость не позволяет его в полной мере рассмотреть.

Следующая проблема связана с *trecenarius legionis* и *cohortis*. Квинт Требеллий Максим действительно в посвянительной надписи отражен следующим образом: (*centurio*) / *leg(ionis) V Mac(edonicae) / trecen{n}arius / coh(ortis) III praet(oriae)* (CIL. III 7534 = ILS. 4063). К сожалению, нам не удалось найти фотографии самой надписи, поэтому опираемся лишь на исходный текст из CIL. Даже если принять, что Квинт Требеллий и не был центурионом в преторианской когорте, и треченарий приписан к конкретной когорте, то возникает проблема с латеркулями. В случае с эвокатами и спекуляторами, которые были включены в состав преторианских подразделений, вполне это видно. Но нет ни одной увольнительной надписи, как и диплома, в которой бы упоминался треченарий. Аргумент от умолчания всегда представляется шатким, но в данном случае он скорее симптоматичный. В связи с этим, стоит отвергнуть замечание А. Пассерини о принадлежности треченария к преторианской когорте [Passerini, 1939, p. 93].

Все надписи вполне ясно дают понять, что треченарии были связаны с гвардией, если не брать в учет фрагментарные источники. Тем не менее есть надгробие Луция Лелия Фуска, датируемое периодом правления Флавиев или Антонинов, которое выбивается из этого ряда (CIL. VI 32709a = 37191 = AE 1899, 143 = 208)³⁰. Воин в надписи предстает как «*CCC LEG VII*» (CIL. VI 32709a = 37191 = ILS. 9190). Но в эпитафии могла быть и ошибка. Судя по дошедшим до нас немногочисленным источникам, дублирования статусов центуриона и треченария в надписях не было. Либо же отдельно указывалось «*ex trecenario*» (CIL. III 6224 = 7591 = ILS. 2295; X 5064 = ILS. 2667; XI 2112; ILS. 9188 = AE. 1908, 10). Поэтому мы можем прийти пока к промежуточному выводу – в эпитафии имелось в виду, что Фуск был центурионом VII легиона, получившим до этого звание треченария.

²⁸ D(is) M(anibus) / L(ucio) Arbustio L(uci) fil(io) An(ie)n(si) / Valentino Crem(ona) / p(rimo) p(ilo) leg(ionis) III Fl(aviae) Fel(icis) evoc(ato) Aug(usti) / ex coh(orte) III pr(aetoria) |(centurioni) coh(ortis) II vig(ilum) / |(centurioni) coh(ortis) XI urb(anae) |(centurioni) coh(ortis) VII pr(aetoriae) |(centurioni) leg(ionis) VII <Cl=GE>(audiae?) / |(centurioni) leg(ionis) VII Gemin(ae) P(iae) F(elicis) / L(ucius) Arbustius Valens et / C(aius) Arbustius Vitalis ff.

²⁹ D(is) M(anibus) / L(uci) Comini L(uci) f(ili) Maximi domu Mantua / pr(imi!) p(ilari!) bis procuratori M(arci) Antonini Aug(usti) pr(aef(ecto) leg(ionis) II Tr(a=O)ianae Fortis CC(ducenario) / trib(uno) c(o)hor(tis) / VII praetoriae XIII urbanae III vig(i=V>l(um) / centurio(ni) c(o)hortis I pr(aetoriae) X urbanae V / vig(ilum) evocato Augustorum beneficiar(io) / praef(ectorum) praetori vixit annis LXXXII / dieb(us) XVIII Numitoria C(ai) f(ilia) Moschis / coniux bene merenti heres.

³⁰ Dis Manibus / L(uci) Laeli Fusci |(centurionis) CCC(trecenarii) leg(ionis) VII / G(eminae) P(iae) F(elicis) vix(it) ann(os) LXV / militavit ann(os) XXXXII / optio(nis) eq(uitum) vex(illarii) eq(uitum) fisci / curator(is) evoc(ati) |(centurionis) in / coh(orte) I vig(ilum) |(centurionis) statorum / |(centurionis) coh(ortis) XIII urb(anae) |(centurionis) coh(ortis) X pr(aetoriae).

Мы все-таки считаем, что *trecenarius* был командиром спекуляторов, не причислявшимся к одной когорте. В литературе верно подчеркивается его более высокий статус в сравнении с другими преторианскими центурионами [Passerini, p. 73; 91]. Неудивительно, что треченарии затем могли получить повышение в легионах, чтобы передавать свой опыт личному составу [Durry, 1939, p. 139]. Можем допустить, что должность «*centurio speculatorum*» не исчезла в период принципата Нерона и трансформировалась в пост заместителя командира корпуса, однако это противоречит тому, что *speculatores* к концу I в. были распределены по когортам и центуриям. Примечательно, что аналогичная ситуация и с *evocati Augusti*, которые тоже были распределены внутри гвардии.

О следующих ступенях командной структуры известно еще меньше. Тацит упоминает тессерария Барбия Прокула и опциона Ветурия. Они служили в отрядах *speculatores* (Tac. Hist. I. 25)³¹. Дюрри же предполагал, что уже к году четырех императоров спекуляторы были распределены по когортам [Durry, 1938, 109]. Действительно, по структуре, о чем мы писали выше, они несколько напоминали турмы и декурии [Cowan, 2014, p. 33]. Поэтому нельзя исключать существование *vexillarius speculatorum*, который был бы знаменосцем при спекуляторах в каждой когорте [Durry, 1938, p. 110]. В надписи из Египта, которая относится к провинциальным войскам, фигурирует опцион спекуляторов (CIL. III 14137,1 = AE. 1898, 91 = AE. 1902, 218). *Optio speculatorum* однозначно был, но неизвестны упоминания этой должности после 69 г. Тессерарий же никак более не фиксируется, но существование штаба при командире спекуляторов, учитывая их специфический набор функций и организацию, кажется вполне очевидным. В результате можно говорить о сходстве на организационном уровне спекуляторов с преторианской кавалерией, хотя особая должность командира корпуса выделяет из общей массы преторианцев.

Изучение функций *speculatores Augusti* осложняется тем, что в нарративных источниках зачастую не уточняется, выполнял ли конкретное поручение спекулятор или простой преторианец. Данная проблема применительно к когортам в целом была рассмотрена В.В. Юровым [Юров, 2022, с. 246]. Набор функций же наверняка был определен еще в республиканские времена – разведка, военная курьерская служба и в последнюю очередь эскорт [Passerini, 1939, p. 70; Bingham, 2013, p. 89]. Так, при Клавдии *speculatores Augusti* вместе с германской стражей непосредственно охраняли принцепса (Suet. Claud. XXXV). Не вполне понятно, почему принцепс прибегал к защите спекуляторов. Вероятно, сказало его недоверие к германским телохранителям, но подтвердить это прямыми данными источников нельзя. Эскорт из спекуляторов в 68–69 гг. был скорее от безвыходности, так как *germani corporis custodes* были расформированы Гальбой (Galb. XVIII; Tac. Hist. II. 11). Пригодилось *speculatores* копьё-ланца, которое вполне могло использоваться, чтобы расчистить путь от толпы перед принцепсом [Speidel, 1994, p. 22]³². В основном же императорская фамилия охранялась преторианцами, так как об иных случаях охраны принцепса спекуляторами источники не сообщают [Юров, 2020, с. 482–489].

Они же использовались императорами для убийств неугодных им лиц (Senec. De ira. I. 18, 4)³³. Агриппа Постум, скорее всего, был казнен *centurio speculatorum* (Tac. Ann. I. 6; Dio. LVII. 3, 6). Всадники служили посыльными принцепсов и префектов. Калигула отправлял в Рим через них донесения во время своего похода за Рейн (Suet. Calig. XLIV). Сеян же посылал через преторианцев письма Тиберию (Tac. Ann. IV. 10, 2; 41, 3). *Speculatores* занимались также политическим сыском. Эпиктет, говоря о правлении Домициана, указывает, что воины в штатском провоцировали мирных жителей на не вполне благонадежные разговоры об императоре, чтобы получить основания для заключения под

³¹ «Barbium Proculum tesserarium speculatorum et Veturium optionem eorundem perductos».

³² Помимо ланцей, спекуляторы использовали особую обувь (Tert. Cor. I. 3).

³³ При этом в Dig. XLVII. 20, 6 утверждается о казнях, которые совершались спекуляторами в провинциях.

стражу (Discourses IV. 13, 5). Тигеллин ранее мог их использовать в слежке за неудобными (Phil. Apoll. IV. 43) [Bingham 1997, p. 140]. Они же следили за тем, чтобы люди посещали выступления, столь охотно даваемые *urbi et orbi* Нероном (Tac. Ann. XVI. 5). Охрана правопорядка во время празднеств входила в обязанности гвардии [Сибгатуллин, Гурин, 2021, с. 1093].

Специфический набор функций определил и организационную структуру. Для эскорта, доставки сообщений и слежки нужны, прежде всего, небольшие группы профессионалов, общее командование которыми осуществляет командир высокого ранга – треценарий. Для арестов надежнее было использовать целые центурии и когорты, чтобы любое сопротивление было подавлено (Tac. Ann. XV. 69).

Заключение

Итак, *Speculatores Augusti* были особым подразделением в преторианской гвардии. Выйдя из гражданских войн на излете Республики, они стали частью системы императорских подразделений. Наибольшее значение было у спекуляторов при Юлиях – Клавдиях и во время гражданской войны 68–69 гг. В дальнейшем их функции были распределены между фрументариями, созданными при Адриане [Bingham, 2013, p. 91], и *equites singulares Augusti*, учрежденными Траяном [Durry, 1939, p. 28; Argüin, 2006, p. 33; Данилов, 2011, с. 94–95]. И уже в III в. спекуляторы были вытеснены *tectores*. Вне преторианской гвардии *speculatores* сохраняются вплоть до Восточной Римской империи [Сердюкова, 2005, с. 93].

Особый набор функций обусловил организационную структуру корпуса. Необходимость быстрого реагирования и исполнения специфических поручений привела к тому, что спекуляторы были достаточно рано включены в состав когорт, а сам процесс реформирования корпуса завершился с созданием должности треценария.

Speculatores решали широкий круг задач: от убийств до эскорта. Близость к принцепсу и предопределила их участие в событиях 68–69 гг. [Шерстнев, 2012, с. 94]. Но вся история корпуса укладывается в единую тенденцию, определявшую историю гарнизона Рима: усиление специализации корпусов. В конце отметим, что по-прежнему требуется отдельное изучение карьерных путей как *speculatores Augusti*, так и воинов из других особых подразделений.

Список литературы

- Гуськов Е.А. 2007. К вопросу о квингенарном и милиарном типе преторианских когорт. В кн.: *Antiquitas Iuventae*. Материалы конференции, проходившей 20–22 апреля 2007 г. Саратов, Наука: 181–190.
- Гуськов Е.А. 2014. Преторианские когорты периода II Триумvirата. В кн.: *Antiquitas Iuventae*. Материалы конференций, проходивших в 2012–2013 гг. Саратов, Изд-во Саратовского университета: 138–157.
- Данилов Е.С. 2011. Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославль, Изд-во Ярославского государственного университета, 230 с.
- Сердюкова С.Г. 2005. *Frumentarii* и *speculatores*. Некоторые аспекты охранительной системы в эпоху Империи (по данным нарративных источников). В кн.: *Studia historica V*. К 70-летию Юлия Берковича Циркина. М.: 89–94.
- Сибгатуллин Р.В., Гурин И.Г. 2021. Преторианская гвардия в системе управления Римом при первых принцепсах. В кн.: XVI Королевские чтения. Материалы конференции, проходившей 5–7 октября 2021 г. Самара, Нац. исслед. ун-т им. С.П. Королева: 1093–1094.
- Шерстнев Е.Е. 2012. Преторианцы и легионы в борьбе за императорский престол в марте 68 – апреле 69 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 211.
- Юров В.В. 2020. Преторианские когорты: функция императорского эскорта. В: *Via in tempore*. История. Политология. 47 (3): 482–489.

- Юров В.В. 2022. Полицейские и репрессивные функции преторианских когорт. В: *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 243–254.
- Argüín A.R.M. 2006. *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma.* Madrid, Almena Ediciones, 246.
- Baillie Reynolds P.K. 1923. The Troops Quartered in the Castra Peregrinorum. In: *The Journal of Roman Studies.* 13: 168–189.
- Bingham S. 1997. *The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome.* PhD diss., British Columbia. Ottawa, National Library of Canada, 290.
- Bingham S. 2013. *The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces.* London, I.B. Tauris, 240.
- Cesarik N. 2014. Quintus Raecius Rufus and the Problem of Princeps Praetorii and Trecenarius. *Diadora, glasilo Arheološkog muzeja u Zadru.* 28: 93–116.
- Cowan R. 2014. *Roman Guardsman 62 B. C. – A. D. 324.* Oxford, Osprey Publishing Ltd, 65.
- Crimi G. 2012. Il mestiere degli speculatores: nuovi dati e ricerche dopo gli studi di Manfred Clauss. In: *Le métier de soldat dans le monde romain. Actes du cinquième Congrès de Lyon:* 491–504.
- De la Bédoyère G. 2017. *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard.* New Haven; London, Yale University Press, 336.
- Domaszewski A. 1908. *Die Rangordnung des römischen Heeres.* Bonn, A. Marcus und E. Weber, 275.
- Durry M. 1938. *Les cohortes pretoriennes.* Paris, E. de Boccard, 454.
- Lammert F. 1929. Speculatores. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.* LII. Stuttgart, J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung: 1583–1586.
- Mann J.C. 1983. Trecenarius. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 52: 136–140.
- Passerini A. 1939. *Le coorti pretorie.* Roma, 362.
- Speidel M.P. 1994. *Riding for Caesar: The Roman Emperors Horse Guards.* Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 201.

References

- Gus'kov E.A. 2007. К вопросу о квингенарном и милиарном типе преторианских когорт [On the question of the quingenarian and military type of Praetorian cohorts]. In: *Antiquitas Iuventae. Materialy konferencii, prohodivshej 20–22 aprlja 2007 g.* [Proceedings of the conference held April 20–22, 2007]. Saratov, Nauka: 181–190 (in Russian).
- Gus'kov E.A. 2014. Pretorijskie kogorty perioda II Triumvirata [Praetorian cohorts of the period of the II Triumvirate]. In: *Antiquitas Iuventae. Materialy konferencij, prohodivshih 2012–2013 gg.* [Proceedings of conferences held in 2012–2013.]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta: 138–157 (in Russian).
- Danilov E.S. 2011. *Vojna i razvedyvatel'naja dejatel'nost' v antichnom Rime* [Warfare and intelligence activities in ancient Rome]. Jaroslavl', Izdatel'stvo Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta, 230 p. (in Russian).
- Serdjukova S.G. 2005. Frumentarii i speculatores. Nekotorye aspekty ohranitel'noj sistemy v jepohu Imperii (po dannym narrativnyh istochnikov) [Frumentarii and speculatores. Some aspects of the security system in the era of the Empire (according to narrative sources)]. In: *Studia historica V. K 70-letiju Julija Berkovicha Cirkina* [To the 70th anniversary of Yuli Berkovich Tsirkin]. M.: 89–94 (in Russian).
- Sibgatullin R.V., Gurin I.G. 2021. Pretorijskaja gvardija v sisteme upravljenja Rimom pri pervyh princepsah [Praetorian Guard in the system of government of Rome under the first princeps]. In: *XVI Korolevskie chtenija. Materialy konferencii, prohodivshej 5–7 oktjabrja 2021 g.* [XVI Korolev Readings. Proceedings of the conference held October 5–7, 2021]. Samara, Nac. issled. un-t im. S.P. Koroleva: 1093–1094 (in Russian).
- Sherstnev E.E. 2012. Pretorijskij i legiony v bor'be za imperatorskij prestol v marte 68 – aprele 69 gg. [Praetorians and legions in the struggle for the imperial throne in March 68 – April 69]. *Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Diss.]. Saratov, 211 (in Russian).
- Jurov V.V. 2020. Pretorijskie kogorty: funkcija imperatorskogo jeskorta [Praetorian cohorts: the function of the imperial escort]. In: *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. History. Political science]. 47 (3): 482–489 (in Russian).

- Jurov V.V. 2022. Policejskie i repressivnye funkcii pretorijskih kogort [Police and repressive functions of the Praetorian cohorts]. In: *Via in tempore. Istorija. Politologija* [Via in tempore. History. Political science]. 49 (2): 243–254 (in Russian).
- Argüin A.R.M. 2006. *Pretorianos: la guardia imperial de la antigua Roma*. Madrid, Almena Ediciones, 246.
- Baillie Reynolds P.K. 1923. The Troops Quartered in the Castra Peregrinorum. In: *The Journal of Roman Studies*. 13: 168–189.
- Bingham S. 1997. *The Praetorian Guard in the Political and Social life of Julio-Claudian Rome*. PhD diss., British Columbia. Ottawa, National Library of Canada, 290.
- Bingham S. 2013. *The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces*. London, I.B. Tauris, 240.
- Cesarik N. 2014. Quintus Raecius Rufus and the Problem of Princeps Praetorii and Trecenarius. *Diadora, glasilo Arheološkog muzeja u Zadru*. 28: 93–116.
- Cowan R. 2014. *Roman Guardsman 62 B. C. – A. D. 324*. Oxford, Osprey Publishing Ltd, 65.
- Crimi G. 2012. Il mestiere degli speculatores: nuovi dati e ricerche dopo gli studi di Manfred Claus. In: *Le métier de soldat dans le monde romain. Actes du cinquième Congrès de Lyon*: 491–504.
- De la Bédoyère G. 2017. *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven; London, Yale University Press, 336.
- Domaszewski A. 1908. *Die Rangordnung des römischen Heeres*. Bonn, A. Marcus und E. Weber, 275.
- Durry M. 1938. *Les cohortes pretoriennes*. Paris, E. de Boccard, 454.
- Lammert F. 1929. Speculatores. In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. LII. Stuttgart, J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung: 1583–1586.
- Mann J.C. 1983. Trecenarius. In: *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 52: 136–140.
- Passerini A. 1939. *Le coorti pretorie*. Roma, 362.
- Speidel M.P. 1994. *Riding for Caesar: The Roman Emperors Horse Guards*. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 201.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.08.2022

Received 03.08.2022

Поступила после рецензирования 07.09.2022

Revised 07.09.2022

Принята к публикации 07.09.2022

Accepted 07.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дороненко Илья Алексеевич, магистрант кафедры всеобщей истории исторического факультета, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Pyu A. Doronenko, Master's student of the Department of world history, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

 [ORCID: 0000-0003-0773-8334](https://orcid.org/0000-0003-0773-8334)

УДК 94

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-767-783

Оригинальное исследование

Вокруг софиста Юлиана: риторические школы Афин IV в.

Денисова И.В.

Белгородский национальный исследовательский государственный университет,
Россия, г. Белгород, 308015, ул. Победы, 85
E-mail: denisova@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной работе исследуется проблема истории афинского риторического образования в IV веке, времени расцвета риторических школ в Афинах. Рассматриваются главные афинские школы этого периода, известные по письменным источникам, а конкретно – обобщаются данные о персоналиях – главах и выпускниках этих школ, исследуется их биография, научные труды и корпоративные связи. Это позволяет реконструировать систему афинских риторических школ IV в., определить их учеников. Одна из главных школ Афин – школа софиста Юлиана Каппадокийского, наследником которого стал знаменитый ритор Прозерсий. Эта школа прославлена в труде ее выпускника Евнапия «Жизнь философов и софистов». Но помимо неё в Афинах существовал ещё ряд соперничающих с ней риторических школ, которые зачастую были не менее успешны; их функционирование отражено в византийском словаре «Суда». Помимо историко-биографического и просопографического анализа статья обобщает данные о структуре афинских кафедр риториков IV в. в соответствии со статусом города, определяет их региональную специфику и представляет особенности их функционирования.

Ключевые слова: афинские риторические школы, Юлиан Каппадокийский, Прозерсий, позднеантичные риторики, позднеантичные софисты

Для цитирования: Денисова И.В. 2022. Вокруг софиста Юлиана: риторические школы Афин IV в. *Via in tempore. История. Политология.* 49(4): 767–783. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-767-783

Around the Sophist Julian: Rhetorical Schools in Athens in the Fourth Century A. D.

Irina V. Denisova

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: denisova@bsu.edu.ru

Abstract. This paper examines the problem of Athenian rhetorical education in the 4th century, the heyday of rhetorical schools in Athens. The main Athenian schools of this period, known from written sources, are considered. The article summarizes data on personalities – the heads and graduates of these schools, investigates their biography, scientific works and corporate ties. This data will help us to reconstruct the system of Athenian rhetorical schools of the 4th century A. D. for the entire period of their development, to identify their students. One of the main schools of Athens was the school of the sophist Julian of Cappadocia, whose heir was the famous rhetorician Proeresius. This school is glorified in the work of its graduate Eunapius «The Life of Philosophers and Sophists». But besides it, in Athens there were a number of rhetorical schools competing with it, which were often no less successful, their existence is reflected in the Byzantine dictionary «Suda» (lat. *Suidae Lexicon*). In addition to historical, biographical and prosopographic analysis, the article summarizes data on the structure of the Athenian chairs of orators of the 4th century A. D. in accordance with the status of the city, determines their regional specifics and presents the features of their functioning.

Key words: Athenian rhetorical schools, Julian of Cappadocia, Proeresius, Late Antique rhetoricians, Late Antique sophists

For citation: Denisova I.V. 2022. Around the Sophist Julian: Rhetorical Schools in Athens in the Fourth Century A.D. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 767–783 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-767-783

Введение

Проблема афинского риторического образования IV в. не нова в *историографии*, она активно разрабатывается и в последнее время. В частности, афинским школам в Поздней античности (философской и риторической) посвящена значительная часть работы Эдварда Уоттса [Watts, 2006]. Развитие афинской образовательной среды в IV в. на материалах Евнапия исследуется в работе Роберта Дж. Пенеллы [Penella, 1990]. Польские исследователи подготовили просопографический сборник обо всех греческих риторах Римской империи [Janiszewski, Stebnicka, Szabat, 2015]; также основная информация обо всех афинских интеллектуалах IV в. собрана в I томе кембриджского свода «Просопография Поздней Римской империи» [Jones, Martindale, Morris, 1971].

Относительно иных (не риторических) школ – проблема существования афинской Академии (философской школы) затрагивается в работе Алана Кэмерона [Cameron, 1969]. Вопросы развития философских школ Афин изучаются в работах ирландского исследователя Д. О’Мира [O’Meara, 2003] и итальянского историка М. Ди Бранко [Di Branco, 2006]. Проблемы взаимоотношения язычников и христиан в Афинах и школах города анализируются в работах немецкого автора А. Брайтенбаха [Breitenbach, 2003], американского византолога Э. Калделлиса [Caldellis, 2009]. Вопросы обрядов и ритуалов для афинских студентов поднимаются в статье Д. Де Фореста [De Forest, 2011]. Общекультурная жизнь Афин в Поздней античности освещена в работе А. Франц [Frantz, 1988], а также сборнике афинских исследователей под редакцией П. Кастрена [Castrén, 1994a].

Р. Крибиоре исследует основные принципы и основы позднеантичной риторической школы на примере антиохийской школы Либания [Cribiore, 2007].

В отечественной историографии данная проблема разработана в недостаточной степени, но можно отметить статьи А.М. Болговой [Болгова, 2016, с. 205–214; Болгова, 2018, с. 427–436], Р.В. Светлова [Светлов, 2018, с. 21–29], М.А. Ведешкина [Ведешкин, 2021, с. 278–306], посвященные функционированию афинских школ разного типа в III–VI вв., причем М.А. Ведешкин останавливается именно на риторических школах III – начала IV вв. Деятельность афинских школ в период обучения там св. Григория Богослова освещена в работе митрополита Илариона (Алфеева) [Митр. Иларион (Алфеев), 2013]³⁴. Эта проблема затрагивалась и в нашем исследовании применительно к классическому образованию св. Григория Богослова [Денисова, 2021, с. 597–613].

В то же время в современной историографии проблема истории риторических школ Афин IV в. нуждается в дальнейшей разработке, в частности, не в полной мере преодолена путаница между риторическими и философскими школами, некоторые исследователи продолжают соотносить афинских риторов и софистов с философами, хотя это разные дисциплины [Митр. Иларион (Алфеев), 2013].

Новизна данной работы обусловлена не только исследованием истории риторических школ Афин IV в., но и рассмотрением этих школ с позиций просопографического подхода, обобщением и систематизацией историко-биографических сведений обо всех известных преподавателях данных школ в вышеуказанный период, главным из которых был Юлиан Каппадокийский, «тиран Афин», как его называет автор IV–V вв. Евнапий (Eunap. V. soph. 482).

³⁴ Первое издание – М., 1998; второе – СПб., 2001.

Основными письменными *источниками* по теме являются «Жизнь философов и софистов» вышеупомянутого Евнапия, дающая системный обзор всем известным афинским школам и их преподавателям в IV в. Также важны аутентичные поэмы, письма и речи получавших образование в Афинах в IV в. христианского проповедника и епископа св. Григория Богослова, сочинения языческого ратора Либания, а также речи преподававшего в Афинах ратора Гимерия. Кроме того, интересны письма и законодательные акты, касающиеся Афин и афинских школ, также получавшего образование там в это время императора Юлиана II Отступника. В исследовании привлекалась «Церковная история» Евсевия Кесарийского. Использовалась и информация из произведений «Хроника» и «О знаменитых мужах» церковного писателя 2-й пол. IV в. Иеронима Стридонского. О культурной жизни в регионе в этот период имеются сведения в анонимном географическом трактате IV в. «Описание всего мира и народов», а также поэме галло-латинского поэта IV в. Авзония «О знаменитых городах».

Биографии многих афинских преподавателей Поздней античности собраны в византийском словаре X в. «Суда». Информация о произведениях позднеантичных афинских интеллектуалов частично содержится в «Мириобиблионе» византийского патриарха IX в. Фотия.

Информация о преподавателях Поздней античности содержится и в законодательных памятниках, в частности в ранневизантийском памятнике VI в. «Дигестах»; данные об управлении региона Ахайя в изучаемый период содержатся в «Списке должностей» V в. – *Notitia Dignitatum*.

Также отметим нарративные источники, где есть сведения об интеллектуальной жизни Афин данного периода: это «Деяния» историка 2-й пол. IV в. Аммиана Марцеллина; «История» автора начала V в. Олимпиодора; «Новая история» языческого историка конца V в. Зосима; «Церковные истории» Сократа Схоластика, Созомена (1-я пол. V в.) и Евагрия Схоластика (конец VI в.).

В качестве вспомогательных привлекались: «Анналы» Тацита (I–II вв.), «География» географа Страбона (I в. до н. э. – I в. н. э.), ранневизантийский лингво-географический трактат «Этники» Стефана Византийского (VI в.).

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются афинские школы риторического образования в IV веке, времени расцвета риторических школ в Афинах, и их руководители. В процессе научного исследования проблемы был использован историко-сравнительный метод. На основе сравнительного анализа мы смогли выявить общее и особенное в тенденциях развития афинских школ по сравнению с прочими, реконструировать систему афинских риторических школ IV в., определить их руководителей. Кроме того, просопографический подход позволил сконцентрировать внимание на истории изучения деятельности отдельных руководителей школ и кафедр раторов IV в. в соответствии со статусом города, что определяет их региональную специфику и представляет особенности их функционирования.

Результаты и их обсуждение

Конкретные сведения о Балканах, в том числе Аттике, в IV в. дает анонимный трактат «Описание всего мира и народов». Там указывается, что в это время Ахайя, Греция и Лаконика являются необширным, гористым и не очень плодородным краем, где производилось оливковое масло и аттический мёд. Наибольшая же его слава заключалась в «блеске наук и риторского искусства». Крупнейшие города – Коринф и Афины. Если Коринф славился торговлей, то Афины были историко-культурным центром, таким музеем, где возвышался древний акрополь с многочисленными статуями, воскрешавшими великие битвы древности, а также звучали предания старины (Ехр. 52). Данная информация интересна прежде всего тем, что анонимный источник указывает применительно к IV в. на расцвет риторских, а не

философских школ. Последние тоже были, но применительно к этому времени находились в упадке. Подъем афинской философской школы начался в V в., найдя отражение в творчестве Плутарха Афинского [Лосев, 2000, с. 5]. Аналогично латинский поэт 2-й пол. IV в. Авзоний прославляет Афины за «чистейшую славу аттической речи» (Auson. Ord. urb. 15).

О количестве риторических школ и кафедр в Афинах в Поздней античности, как достаточно верно замечает М.А. Ведешкин [Ведешкин, 2021, с. 278–306], можно судить на основе закона «Дигест», где указывается, что все города в зависимости от статуса – самые большие, большие и малые, – могут иметь соответственно: 1) 10 врачей и по 5 грамматиков и раторов, освобожденных от налогов; 2) 7 врачей и по 4 грамматика и 4 ратора; 3) 5 врачей и по 3 грамматика и ратора (Dig. XXVII.I.6).

Но вывод Ведешкина о том, что Афины были малым городом и имели минимальное число утвержденных кафедр – всего 3, какими-то окольными путями получив добавочные 2 кафедры, кажется странным и необоснованным. Деление на самые большие, большие и малые города в «Дигестах», на наш взгляд, соответствует классификации неримских городов (*civitates peregrinae*) в Римской империи на союзные (*civitas foederata*), свободные (*civitas libera et immunis*), платящие дань (*civitas stipendiaria*). Наибольшее число привилегий было у союзных городов, именно к таким С.А. Жебелёв относит и Афины [Жебелёв, 1913, с. 99–100]. Принадлежность Афин к числу союзных городов в Римской империи со ссылкой на Тацита (Tac. Ann. II.53) утверждает А.Б. Ранович, выделяя их из около 100 остальных городов Ахайи [Ранович, 1949, с. 220].

Нет никаких оснований полагать, что это изменилось в Поздней античности. Вышеуказанный географический трактат среди крупнейших городов Греции в IV в. называет только Коринф и Афины (Ehr. 52). Равно это подтверждается тем, что император Юлиан, объясняя свои мотивы узурпации власти, отправил послания в Рим, Коринф, Спарту и Афины; послание сенату и народу афинскому дошло до настоящего времени (Jul. Ep. ad cur. Athen.). Из него явствует, что в Афинах было местное самоуправление (булэ).

Равно Авзоний в поэме «О знаменитых городах» среди 20 лучших городов империи на 15 место ставит Афины, и это единственный город Балканской Греции, который он выделяет (Auson. Ord. urb. 15).

О том, что город был крупнейшим и значимым в IV в., свидетельствует и Зосим, который сообщает, что вторгшийся в 395–396 гг. на Балканы Аларих сразу устремился к Афинам как крупнейшему городу Греции, но взять его не смог по каким-то причинам (Zos. V. 5–6).

В «Полемахической речи» работавший в Афинах в IV в. ритор Гимерий составляет настоящий панегирик Афинам и их истории (Him. Or. VI). Равно и рассказ Евнапия о суде над ритором в городе свидетельствует о присутствии в нём проконсула (Eunap. V. soph. 483–485).

В списке должностей империи V в. *Notitia Dignitatum* указано, что проконсулами управлялись провинции Азия и Ахайя, а в Ахайе было 4 проконсула (Not. Dign. Orient. I, XXI). Проконсулы занимались гражданской властью, решали судебные дела, наблюдали за греческими общинами, у них был свой штат. Резиденция одного из проконсулов находилась в Афинах [Ляхин, 2005, с. 121–125].

Утверждение М.А. Ведешкина о том, что суд проконсула над студентами Юлиана проходил в Коринфе [Ведешкин, 2021, с. 278–306], безосновательно и не подтверждено у Евнапия, на которого он голословно ссылается. Сам Евнапий не указывает место суда, но, скорее всего, он проходил в Афинах. Студентов школы Юлиана арестовали сразу, и не сообщается, что их куда-то перевозили (Eunap. V. soph. 483–484). Также это подтверждается и тем, что, когда Проэресий был изгнан с помощью интриг других преподавателей, а затем вернулся в Афины, проконсул слушал его защитительную речь именно в театре Афин (Eunap. V. soph. 488–490).

Все это достаточно явно указывает на то, что Афины были крупнейшим городом Балкан, с очень высоким статусом, и в них было как минимум 5 преподавательских ка-

федр софистов, освобожденных от налогов. Это подтверждается сведениями Евнапия, указывавшего на выборы и назначение на риторические кафедры Афин 6 софистов после смерти Юлиана Каппадокийского: Проэресия, Гестестиона, Епифания, Диофанта и Сополида с Парнасием (Eunap. V. soph. 487). Также Гимерий сообщает о свободном статусе для афинских софистов, прося аналогичный для своего сына Руфина, перечисляя в качестве имеющих иммунитет несколько софистов, в том числе и себя (Him. Or. VII).

Основные материалы по информации об афинских риторах и софистах (что, по сути, одно и то же) даёт историко-биографический трактат Евнапия «Жизнь философов и софистов» и византийский словарь «Суда».

Корни афинской риторики IV века лежат в III столетии. Источники, в том числе сами риторы IV в. из Афин, упоминают ряд имен выдающихся софистов, своих предшественников.

Софист **Каллиник**, который был современником Юлиана Каппадокийского, помещается авторами PLRE в 1-ю пол. IV в. [Jones, Martindale, Morris, 1971, p. 173–174]. Он не связан с известным по «Суде» Каллиником Светорием (Suid. K 231), но в то же время о нем слышал молодой Либаний (314–392 гг.) (Lib. Or. I.11). Согласно данным «Суды», софист **Каллиник Светорий** был сыном Гая, уроженцем города Петра в Сирии или Аравии, затем переехал в Афины и стал там софистом. Он являлся автором нескольких сочинений: «Лупу, или о плохом вкусе в риторике», «Просфонетикон Галлиену», «К Клеопатре», «Относительно историй Александрии» в 10 книгах, «Против философских сект», «О возрождении Рима», а также другие экномии и речи (Suid. K 231). То есть этот Каллиник Светорий жил во времена императора Галлиена (253–268 гг.). Мы не разделяем точку зрения о том, что было два Каллиника, и полагаем, что речь идет об одном и том же лице, хотя и более старшего поколения, чем Юлиан. Либаний примерно в начале 330-х гг., когда ему было от 15 до 20 лет, слышал от своего друга Ясиона, передававшего информацию от более старших поколений, о мощи слова Каллиников и Трептолемов и множества других софистов (Lib. Or. I.11). П. Кастрен также соотносит Каллиника с погибшим на Евфрате софистом Каллиником, в честь которого был назван город [Castrén, 1994b, p. 1–14], о чём упоминает Либаний в одном из своих писем (Lib. Ep. 21). Также сирийский ритор Каллиник как автор трактата «О дурном подражании (κακοζήλια) риторике» без каких-либо других данных упоминается в другой статье в «Суде» (Suid. K 158). На наш взгляд, этого ритора также можно соотнести со Светорием.

К этой же эпохе, что и Каллиник, могут относиться афинские софисты, современники Кассия Лонгина, грамматика, ритора и философа, возглавлявшего Афинскую школу до 267 г., а затем уехавшего в Пальмиру к Зенобии. Он был казнён императором Аврелианом после подавления восстания и разгрома Пальмирского царства в 272 г. [Castrén 1994b: 1–14]. Евсевий Кесарийский в «Подготовке к Евангелию» цитирует работу философа-неоплатоника Порфирия Тирского (233–302 гг.), где тот сообщает, что однажды Лонгин его пригласил на пир в честь Платона, где также присутствовали другие интеллектуалы: Никагор Софист, Майор, Аполлоний Грамматик, Деметрий Геометр, Просен Перипатетик, Каллиент Стоик (Euseb. Praep. Evan. X.3). Из них точно ритором являлся **Никагор Софист**. Остальные, кроме Аполлония, являвшегося грамматиком, были философами и преподавателями философских дисциплин. О Никагоре «Суда» сообщает, что он был афинский софист, сын ритора Мнесея. Он жил во времена императора Филиппа, написал трактаты «Жизни знаменитых», «О Клеопатре в Трое», «Посольскую речь к императору Филиппу» (Suid. N 373). Соответственно, Никагор также относился к более старшему поколению, нежели Юлиан Каппадокийский.

Его сыном, вероятно, был упоминаемый в «Суде» афинский софист **Минукиан**, где Никагор назван как его отец. Он жил при императоре Галлиене, написал трактаты «Искусство риторики», «Прогимназмы» и различные речи (Suid. M 1087). Об этой династии софистов и родстве с ней упоминает Гимерий в речи Ареопагу о свободном статусе для своего сына, говоря, что его сын Руфин является потомком софиста Минукиана, софиста Ни-

кагора, а также Плутарха, представляющих настоящую славу Афин (Him. Or. VII). То есть Гимерий, сам происходящий из семьи ратора Амейния из Прусы Вифинской (Suid. I 348), породнился с афинской династией софистов. Минукиан мог быть, вероятно, либо отцом, либо дедом его жены. Поэтому Гимерий и мог унаследовать кафедру Минукиана или его сына, своего тестя в Афинах, что случилось после смерти Прозерсия (Eunap. V. soph. 494). Смерть Прозерсия датируется 366 годом, когда ему было 90 лет или 91 год [Watts, 2006, p. 76; Penella, 1990, p. 83], то есть тогда Гимерий и занял кафедру.

К школе Минукиана принадлежал и софист **Генетлий** из Петры Палестинской, сын Генетлия. В «Суде» сообщается, что он был учеником Минукиана и Агапита, являлся афинским преподавателем и конкурировал с Каллиником. Он был очень способен и мог запомнить всю речь на слух, но умер достаточно молодым – в 28 лет. Он написал «Беседы» и «Декламации», включавшие речь от имени человека, который потерял родной город после разрушения Фив, «Послание» (Προεμπτικόν) к его товарищам (гетаирам) Дадуху и Асклепиаду, а также «Панегирики» (Suid. Γ 132). Этот Генетлий жил в конце III в., будучи современником софиста Каллиника, вероятно, младшим. Данные о нём позволяют выдвинуть предположение, что к школе Никагора и Минукиана принадлежали также Агапит, Дадух и Асклепиад. В «Суде» упоминается только один Агапит – христианский епископ начала IV в., которым восхищался Евсевий Кесарийский (Suid. Α 156), Дадух не упоминается, а Асклепиад – как грамматик I в. до н. э., живший во времена Аттала и Эвмена Пергамских и Помпея (Suid. Α 4173).

Современниками Лонгина, Никагора и Майора, а также знаменитого философа Порфирия и историка Дексиппа также были сирийские риторы **Павел** и **Андромах** (Eunap. V. soph. 457). Евнапий сообщает о них применительно к временам императора Галлиена, Клавдия, Тацита, Аврелиана и Проба, то есть во 2-й половине III в. У них могла быть отдельная школа. Андромах упоминается в «Суде» как софист из Неаполя в Сирии, сын Зоны или Сабина. Он был преподавателем в Никомедии при императоре Диоклетиане (Suid. Α 2185). Время жизни обоих Андромахов совпадает, так что это могло быть одно лицо, но в какой-то период Андромаху пришлось покинуть Афины и переехать в Никомедию. Аналогичная ситуация была уже во 2-й пол. IV в. у Либания, который не смог получить место преподавателя в Афинах и уезжал в Константинополь, но затем возвращался обратно (Lib. Or. I.26–33). Что касается Павла, то «Суда» упоминает целых 6 Павлов; из них подходят двое: 3) софист, который комментировал сочинения и речи Лисия (Suid. Π 811), – его город Гермея, по сообщению Стефана Византийского, был расположен в Геллеспонте близ Кизика (Steph. Byz., Γέρμη); 4) египетский софист из Ликополя, который жил при императоре Константине, был сыном Виссариона Дидима (Suid. Π 812). Однако место их происхождения не совпадает с тем, которое указано у Евнапия: первый был из Геллеспонта, а второй из Египта, хотя Павел 4 по времени жизни мог бы соответствовать афинскому софисту из Сирии. Так что в данном случае, вероятно, Павел из Сирии не был настолько известен, что попасть в «Суду». Как сирийцы, Павел и Андромах могли принадлежать к школе сирийца Каллиника.

Достигшими славы современниками Юлиана Каппадокийского у Евнапия названы **Эпагат** и **Апсин Лакедемонский**, ученики которого также названы спартанцами (Eunap. V. soph. 483–484). Об Эпагате ничего больше неизвестно, а вот данные об Апсине содержит «Суда». В словаре Суда упоминаются 3 Апсина. Первый – это афинский софист Апсин, отец софиста Онасима, который, в свою очередь, был отцом другого Апсина (Suid. Α 4734). Вторым – это софист Апсин, происходящий из Гадары, по легенде, рожденный Паном; он обучался в Смирне у Гераклида Ликийского и Никомедии у Василида; затем преподавал софистику в Афинах при императоре Максимиане (Геркулии, тетрархе, правившем в 285–305 гг. и боровшемся за власть до своей смерти в 310 г. [Jones, Martindale, Morris, 1971, p. 573–574]), был награжден консульским званием (Suid. Α 4735). Третий – афинский софист Апсин, сын софиста Онасима Афинского, более младший современник Апсина Гадарского (Suid. Α 4736).

Софист **Онасим** также упоминается в «Суде», о нем говорится, что он был кипрского (или спартанского) происхождения, жил во времена императора Константина (305–337 гг.), был историком, софистом и весьма плодовитым писателем: он написал «Разделения положений», «Искусство судебной речи к Апсину» (вероятно, сыну), «Искусство контroversий», «Прогимназмы», декламации, энкомии и много других работ (Suid. O 327). Онасим был связан со Спартой и занимался судебной риторикой, обучив и своего сына, Апсина 3.

Именно **Апсин 3** был главным конкурентом Юлиана Каппадокийского, обучая студентов-земляков из Спарты (Eunap. V. soph. 484). Это подтверждается региональной ориентацией кафедр софистов в Афинах IV в., о чем пишет Евнапий (Eunap. V. soph. 487–488).

Апсин 2 (в «Суде» их призывается различать, сообщая, что Апсин 3 – младше) был явно пришлым ритором, современником отца Апсина 3, Онасима, не имевшим отношения к этой семье. Этот ритор происходил из Гадары в Иудее (Strab. Geogr. XVI. II. 29). Обучение Апсин 2 проходил в Смирне и Никомедии, а уже будучи взрослым, прибыл в Афины. Апсин 2 прославился при императоре Максимиане.

Учеником Апсина 3 был **Фемистокл**, который был достаточно боевитым и драчливым студентом. Он напал на студентов Юлиана Каппадокийского, из-за чего случилась потасовка. После этого школа Апсина от лица некоего Фемистокла, видимо, помощника главы школы, подала иск на школу Юлиана по поводу беспорядков. Фемистокл был слабым в риторическом искусстве и не смог произнести защитительную речь без подготовки, а Апсину проконсул произносить ее запретил. От школы Юлиана в качестве ответчика выступил его ученик Проэресий. Так как проконсул запретил выступать учителям школ, Апсину и Юлиану, не являвшимся участниками потасовки, можно заключить, что Фемистокл и Проэресий в ней участвовали. Защитная речь Проэресия произвела такое впечатление, что ей заплодировал не только проконсул, но даже враждебный Апсин (Eunap. V. soph. 483–485). Это указывает на то, что школа Юлиана могла заниматься преподаванием судебной риторики.

Наиболее выдающимся ритором Афин в 1-й пол. IV в. Евнапий называет **Юлиана Каппадокийского**, процветавшего во времена пергамского философа Эдесия (Eunap. V. soph. 482–483). Жизнь Эдесия датируется периодом примерно с 280 по 355 гг. «Суда» уточняет, что Юлиан Каппадокийский был софистом и сыном Домна, из Кесарии Каппадокийской, современником софиста Каллиника, жившего во времена императора Константина (имеется в виду император Константин I, правивший с 305 по 337 гг.) (Suid. I 435). Э. Уоттс датирует его смерть примерно началом 330-х годов, основываясь на том, что Либаний, приехавший в Афины в 336 г., уже не знал Юлиана, а учился у его учеников [Watts, 2006, p. 51].

Юлиан действительно был наиболее выдающимся среди всех афинских риторов того времени, ученики к нему стекались отовсюду. Свои занятия он вёл в частном доме, в котором также был небольшой амфитеатр для выступлений, там же висели портреты наиболее успешных учеников школы (Eunap. V. soph. 483). Помещения для занятий позднеантичных риторов в целом были проникнуты античным антуражем, который настраивал учеников на нужный лад и погружение в классическую эпоху. Там размещались многочисленные скульптуры и бюсты античных божеств, знаменитых ораторов, философов и поэтов, политических деятелей, иногда современных риторов и прославившихся учеников, также там были колонны и перистилы с небольшими дворишками и садами. Там же находились и библиотеки с классической литературой [Cribiore, 2007, p. 43–47]. Школа Юлиана Каппадокийского могла быть билингвической, с преподаванием как греческого, так и латинского языка.

Преподавание в частном доме, а не публичной аудитории было связано с исторической традицией частного характера учительства, а также с враждой между жителями Афин и студентами, устраивавшими беспорядки, так что студентам и преподавателям было запрещено давать публичные лекции в городе (Eunap. V. soph. 483), в отличие от большинства городов империи. О подобных беспорядках и драках среди афинских студентов сообщает Либаний, который в молодости мечтал участвовать в похищениях «абитуриентов» для перехвата их к другому учителю, практикуемых студентами в своих риторических школах

(Lib. Or. I.19). Непосредственно практику драки студентов разных школ в Афинах описывает Евнапий (Eunap. V. soph. 483–484). Об участии своих студентов в драках, в результате чего они отсутствовали на занятиях и получали увечья, сообщает в своих речах Гимерий (Him. Or. XVI, LXV, LXVI). Студенты дрались не только между собой, но были нападения и на преподавателей. В частности, однажды ранения получил Гимерий, вынужденный на период лечения прервать свои занятия, о чем он сообщает в одной из своих речей (Him. Or. LXIX). Также беспорядки могли быть связаны с жесткими ритуалами неформальной инициации для только прибывших новичков [De Forest, 2011, p. 315–342], которых подвергали всяческим унижениям, насмешкам и испытаниям, прежде чем отвести в баню и надеть необходимый трибон (Phot. Bibl. 80.28). Этим испытаниям подвергался св. Григорий Богослов в бытность своего обучения в Афинах, и от них он стремился избавить своего друга св. Василия Великого, который прибыл на обучение на год позже (Greg. Or. XLIII.15–17).

От Юлиана Каппадокийского не сохранилось известных произведений, но кажется интересной гипотеза о том, что упомянутый у Фотия «Лексикон» некоего Юлиана, расположенный в алфавитном порядке все слова из речей 10 аттических ораторов (Phot. Bibl. cod. 150), мог принадлежать именно этому позднеантичному софисту [Ведешкин, 2021, с. 278–306]. Фотий отмечает, что этот лексикон был лучше аналогичных произведений, очень обширен, но не выходил за пределы несамостоятельной компиляции. Однако в то же время составление лексиконов было характерно скорее для грамматиков, нежели риториков и софистов. А вот идея о том, что Юлиан мог быть тем софистом, который написал работу о греческой колонизации, касающейся Антиохии, о чем упоминает Евагрий, перечисляя его имя с софистами Ульпианом и Либанием (Evagr. HE. I.20), кажется более предпочтительной. Что касается Ульпиана, то он мог быть антиохийским ритором, у которого учился Проэресий до своего прибытия в Афины к Юлиану Каппадокийскому (Eunap. V. soph. 487).

Еще одна гипотеза – о том, что Юлиан Кападокийский был тем Юлианом, кто был в составе языческой экспедиции в Египет в Долину Царей, профинансированной императором Константином I в 326 г., и оставил восторженную надпись о том, что прошел путем великого Платона, кажется слишком умозрительной и бездоказательной, тем более что автор явно склоняется к философии, а не риторике. Это признает и сам автор гипотезы [Ведешкин, 2021, с. 278–306].

После смерти Юлиана многие его ученики соревновались в эпитафиях учителю на погребении, как и другие риторы (Eunap. V. soph. 485).

После смерти Юлиана на вакантные кафедры назначили Проэресия, Гефестиона, Епифания, Диофанта, Сополида и Парнасия. Евнапий указывает, что Проэресий, Гефестион, Епифаний Сириец, Диофант Араб и Тускиан были среди лучших учеников Юлиана Каппадокийского (Eunap. V. soph. 483).

Среди учеников Юлиана наиболее выделялись происходивший из Армении **Проэресий** и его друг Гефестион. Проэресий сначала учился в Антиохии у Ульпиана. С Гефестионом они в юности были настолько бедны, что делили один трибон на двоих. Юлиан умер бездетным, поэтому Проэресий мог стать его преемником по праву «духовного усыновления» (Eunap. V. soph. 487). «Суда» сообщает о том, что Проэресий происходил из Кесарии Каппадокийской (что не противоречит сведениям Евнапия: Каппадокия и Армения соседствовали; в любом случае Проэресий считается армянином), был сыном Панкратия, получил высшие награды при императоре Константине, а процветал при императоре Юлиане, будучи старшим современником Либания. По словам Евнапия, Проэресию покровительствовал император Констанций, подаривший ему острова, снабжавшие Афины продовольствием. Проэресий даже приезжал в Галлию к императору, а в Риме в честь него, как царя красноречия, была поставлена статуя (Eunap. V. soph. 492).

Представители других школ, недовольные Проэресием, серьёзно уступали ему в риторическом искусстве. В частности, его главные враги не могли произносить речь экспромтом, без отделки и подготовки, что легко делал Проэресий (Eunap. V. soph. 489–490).

При императоре Юлиане Прозерсий попал в опалу как христианин и лишился своей кафедры, хотя Евнапий считает его язычником (Eunap. V. soph. 493). Отставка Прозерсия связывается в историографии с рядом антихристианских законов императора Юлиана, связанных с запретом христианам преподавать и обучаться в языческих риторических и философских школах [Денисова, 2021, с. 597–613]. Однако Иероним Стридонский в «Хронике» сообщает, что Прозерсию было сделано исключение и разрешено преподавать, он сам отказался (Hier. Chron. a. 363). Кроме того, император Юлиан специально отдавал предпочтение Либанию, чтобы принизить Прозерсия (Suid. Π 2375). «Суда» сообщает о плохих отношениях императора Юлиана с Прозерсием, из-за чего он возвышал Либания (Suid. Λ 486; Suid. Π 2375). Сохранилось письмо Отступника к Прозерсию, где он оправдывается за то, что не приветствовал его, объясняя это занятостью, а также обещает предоставить материалы для написания исторического сочинения (Jul. Ep. 14(17)). Э. Уоттс считает данное письмо холодной и ироничной отпиской [Watts, 2006, p. 67].

Прозерсий курировал в области набора студентов всю Малую Азию, а также Египет и земли к западу до Ливии (Eunap. V. soph. 487–488). Он строго относился к тому, чтобы сразу принимать учеников из «своих» регионов в свою школу, в частности, прибывшего в Афины в 16-летнем возрасте лидийца Евнапия он сразу взял под свое крыло, окружил заботой и относился как к родному сыну, о чём сам Евнапий оставил личные впечатления (Eunap. V. soph. 485, 493). Этим можно объяснить и такое внимание к школе Прозерсия в «Жизни философов и софистов» Евнапия.

Прозерсий также называется в качестве учителя для святых Григория Богослова и Василия Великого в различных источниках [Денисова, 2021, с. 597–613], как и непосредственно самого Евнапия, который после обучения покинул Афины и занимался преподаванием риторики у себя на родине в Лидии (Eunap. V. soph. 486, 493, 500–503).

Из всех риторов, возглавивших кафедры после Юлиана, неясна судьба **Гефестиона**, о котором Евнапий сообщает, что Прозерсий уговорил его «покинуть Афины и мир людей». Э. Уоттс полагает, что Прозерсий вытеснил своего друга и конкурента Гефестиона из-за того, что они должны были курировать один регион [Watts, 2006, p. 56]. Возможно, Гефестиону пришлось покинуть Афины также из-за недовольства представителей других школ, что 4 из 6 кафедр заняли представители школы Юлиана. В то же время в словах Евнапия, по мнению Р. Пенеллы, может содержаться эвфемизм, обозначающий скорую смерть Гефестиона [Penella, 1990, p. 80]. Аналогично о смерти как уходе из мира людей Евнапий сообщает применительно к Прозерсию (Eunap. V. soph. 493).

Евнапий из учеников Прозерсия помимо себя называет только некоего **Евсевия** из Александрии. Его Прозерсий послал в Рим преподавать, Евсевий славился своими политическими речами (Eunap. V. soph. 493). В «Суде» упоминаются два Евсевия: 1) церковный историк Евсевий Памфил Кесарийский (Suid. Ε 3737); 2) софист из Аравии, который был соперником софиста Ульпиана (Suid. Ε 3738). В данном случае с учеником Прозерсия можно соотнести Евсевия 2, но у них различается происхождение. Кроме того, непонятно, где преподавал Евсевий Аравийский и был ли вообще в Афинах.

В «Суде» упоминаются два софиста под именем **Ульпиан**: первый происходил из Эмесы и оставил ряд сочинений об эмесцах, гелиополисах, боспорянах и других, а также различные другие риторические сочинения (Suid. Ο 911); второй был антиохийцем, но сначала преподавал в Эмесе, жил во времена Константина, оставил после себя много различных сочинений (Suid. Ο 912). Есть вероятность того, что это одно и то же лицо, а кроме того антиохийский учитель Прозерсия и Гефестиона (Eunap. V. soph. 487) и отец Епифания Сирийского (Suid. Ε 2741).

Соперником Евсевия Александрийского был **Музоний**, являвшийся и его учеником. Где он посещал школу Евсевия, в Афинах или Риме, Евнапий не уточняет. Так или иначе, Музоний заставил Евсевия заниматься исключительно политическими речами (Eunap. V. soph. 493). «Суда» упоминает двух Музониев: первый – философ-стоик I в., убитый при

императоре Нероне, являвшийся одним из идеалов для императора Юлиана Отступника (Suid. M 1305); второй – интеллектуал 2-й пол. IV в., живший при императоре Иовиане (363–364 гг.), отличавшийся необычайной глубиной и силой суждений, занимавшийся судебными тяжбами (Suid. M 1306). Возможно, он был судебным ритором. Также некоего философа Музония, отличавшегося доблестью и ученостью и имевшего трех детей, упоминает Зосим (Zos. V.5). Возможно, это был тот самый Музоний, ученик Евсевия, выступивший против учителя и снискавший славу на поприще судебной риторики и философии.

Что касается **Тускиана**, то Евнапий упоминает его как свидетеля восхитительной речи Проэресия перед проконсулом во время судебного процесса над школой Юлиана Каппадокийского. Также он называет Тускиана одним из немногих друзей Проэресия, который первым встретил того по прибытии из ссылки, связанной с изгнанием из города конкурентами, подкупившими консула. Также Тускиан мог претендовать на кафедру Проэресия. Тускиан, происходивший из Лидии, стал одним из главных источников для своего земляка Евнапия по школе Юлиана Каппадокийского и Проэресия (Eunap. V. soph. 483, 484, 488). Учитывая, что разница в возрасте между Проэресием и Евнапием была больше 70 лет – когда 16-летний Евнапий прибыл в Афины, Проэресию было 87 лет (Eunap. V. soph. 486, 493), – то и Тускиан был уже старческого возраста, когда общался с Евнапием, но он был явно младше Проэресия. В «Суде» упоминается еще и некий **Тускиан Фригийский** как главный критик Либания, которого возвышал император Юлиан в пику Проэресию, он же напал на императора Юлиана, будучи современником Либания и софиста Акакия (Suid. A 784; Λ 486). Кембриджские историки выдвигают версию о совпадении этих двух Тускианов [Jones, Martindale, Morris, 1971, p. 926], но мы с этим не согласны. На наш взгляд, они принадлежали к разным поколениям, чтобы всерьез рассматриваться как конкуренты. На момент начала правления императора Юлиана Проэресию было уже примерно 80 лет, а Тускиан Лидийский вряд ли стал его защищать от молодого тогда Либания. Кроме того, Евнапий точно не мог ошибиться в происхождении Тускиана, считая его своим земляком и общаясь с ним лично. Тускиан Фригийский же принадлежал к младшему поколению, будучи конкурентом Либания. Не исключено, что он был христианским учеником Проэресия, критиковавшим императора Юлиана и Либания по религиозным соображениям. В отдельной статье «Суда» сообщает о ещё одном Тускиане, который просто назван «искуснейшим» (δεινότατος) ритором, без привязки к какому-либо месту и времени (Suid. T 835).

Епифаний Сирийский также пользовался известностью, хотя у него был неподходящий для ритора вялый и слабый голос. Он считался соперником Проэресия и умер, не достигнув старости, так что Евнапий не знал его лично (Eunap. V. soph. 493–494). Однако произведения Епифания могли быть известны в Афинах. Евнапий сообщает, что друг Проэресия Милесий критиковал работу некоего ритора Епифания «Разделения» за излишнюю мелочность и аккуратность (Eunap. V. soph. 491). Это мог быть как раз Епифаний Сирийский.

В словаре Суда упоминаются 4 Епифания. К нашему софисту подходит лишь один – петреец, сын Ульпиана, преподававший в Афинах, написавший множество работ: об общем и разделении, о положениях, декламации, прогимназмы, демархические, полемархические, эпидейктические и различные смешанные наблюдения (Suid. E 2741), – город Петра, по сообщению Стефана Византийского, расположен в Палестине Третьей (Steph. Byz., Πέτρα) [Meineke, 1849, p. 519].

Также косвенно о Епифании свидетельствует и ситуация Либания, который оказался в учениках Диофанта Араба, что удивило Евнапия, называвшего Епифания и Проэресия в качестве более логичных альтернатив (Eunap. V. soph. 495). Сам Либаний говорит, что в школе Диофанта он оказался по принуждению, его похитили и насильственно разлучили с тем ритором, к которому он хотел попасть. Это возмущало и его самого, и его несостоявшегося учителя, а также отвратило юношу от всех студенческих мероприятий. Впоследствии Либаний признал своего кумира скромным и скудным ритором и даже радовался, что не попал в его школу (Lib. Or. I.16, 20–23). Речь очевидно идет о Епифании, к которо-

му Либаний должен был попасть по региональному принципу, который соблюдал и сам Епифаний при рекрутинге. Однако есть небольшая вероятность, что имелся в виду и Прозерсий, так как Либаний очень радуется, что не последовал по стопам его учеников, очевидно репресслируемых, «о ком лучше молчать» (Lib. Or. I.23). Тут речь могла идти об учениках-христианах, которые подвергались преследованиям при императоре Юлиане и его преемниках, примером чего были св. Василий Великий и св. Григорий Назианзин [Денисова, 2021, с. 597–613]. Кроме того, уничижительная характеристика Либания своего несостоявшегося учителя коррелирует с данными «Суды» о конкуренции Прозерсия и Либания.

Другой ученик Юлиана **Диофант** происходил из Аравии. Его называли конкурентом Прозерсия, но тот не относился к этому серьезно. Диофант пережил Прозерсия и прочел эпитафию на его могиле, где восхвалял своего знаменитого современника. Евнапию самому доводилось слышать его речи, которые он считает весьма слабыми, чтобы о них что-то писать (Eunap. V. soph. 494). Либаний характеризовал обучение у Диофанта, как такое, где можно было «познакомиться только с трудами над речами» (Lib. Or. I.20).

Отдельно выделяет Евнапий ученика Диофанта – **Либания**, который учился в Афинах, но преподавал далее в Константинополе, Никомедии и прежде всего в Антиохии Сирийской. Евнапий отмечает, что тот практически не посещал учителя, занимался самостоятельно, очень углублялся в древности и насыщал ими свою речь, демонстрируя высочайшую эрудицию. Но сами его речи в устном виде были «немошные, безжизненные и неодоухотворенные», зато письменные сочинения были прекрасными. Также их украшали его сирийско-финикийский слог и личное обаяние (Eunap. V. soph. 495–496).

Сополида Евнапий отмечает как усердного ратора, который из всех сил старался воспроизвести стиль древних, иногда это получалось. Самому Евнапию его доводилось слушать. Но его аудитория часто не понимала его, так как были еще более безвкусны и малообразованны в красноречии. Его кафедру наследовал его сын (Eunap. V. soph. 494).

Парнасий профессионально занимался риторикой, у него было не очень много учеников, но он был достаточно деятельным и активным, благодаря чему также стал известен (Eunap. V. soph. 494).

Сополид и Парнасий были из низшего сословия, достаточно посредственные учителя, они набирали местных учеников в Афинах.

Современником Прозерсия был ритор **Милесий** из Смирны, прославившийся и как поэт, ему покровительствовал префект Анатолий. Единственным ритором, которым Милесий восхищался, был Прозерсий (Eunap. V. soph. 491–492). Милесий был другом Прозерсия и поддерживал того, когда у него умерли две дочери-погодки (Eunap. V. soph. 493).

Среди конкурентов Прозерсия также назван **Гимерий**, от которого сохранился корпус речей, с изящным слогом и полной дистанцированностью от современности. Он происходил из Прусы Вифинской, был сыном ратора Амейния. Он тщательно готовил свою речь перед конкурсом афинских раторов, назначенным префектом претория Анатолием (Eunap. V. soph. 490–491). Гимерий ездил ко двору императора Юлиана и выступал с речью, надеясь на почести. Евнапий положительно оценивает его речи, называя его способным и прекрасным оратором. После смерти Прозерсия он появился в Афинах (Eunap. V. soph. 494) и конкурировал с ним за место (Suid. I 348). Вероятно, его школе временно отдали кафедру Прозерсия при Юлиане, и теперь Гимерий стал набирать студентов, преимущественно из Малой Азии, откуда и сам происходил. О том, что сам Гимерий возглавлял кафедру в Афинах и в дальнейшем, сохранилось много упоминаний в его речах к своим студентам (напр., Nim. Or. XI, XVI, XXVII, XLV, и др.). Из монодии своему сыну Руфину, где Гимерий прославляет его ораторское мастерство, ум, образованность и благочестие (Nim. Or. VIII), можно заключить, что Гимерий надеялся, что сын унаследует его кафедру. Внезапная смерть юноши оборвала эти планы.

У Гимерия и Прозерсия обучались **свв. Василий и Григорий**, о чем указывают церковные историки Сократ Схоластик и Созомен, затем отправившись к Либанию в Сирию

(Socr. HE. IV.26; Soz. HE. VI.17). Это подтверждается и в житийной традиции. В данном случае вероятно, что святые перешли из школы Проэресия в школу Гимерия, который унаследовал кафедру своего знаменитого предшественника. Их риторическое искусство было настолько велико, что друзья, сверстники и учителя всячески пытались удержать обоих при кафедре. Если св. Василий все же покинул Афины, то св. Григорий на некоторое время занял кафедру и преподавал в Афинах риторику, ему было около 30 лет на тот момент. Потом он тоже покинул Афины и вернулся на родину (Greg. Pro vit. 238–277; Greg. Or. XLIII.24). В данном случае св. Григорий мог наследовать кафедру Гимерия.

Одним из вопросов является то, в какой риторической школе в Афинах учился **император Юлиан**. О его образовании в Афинах сообщает историк IV в. Аммиан Марцелин, указывая на его обучение философии (Amm. Marc. XVI.1). Также и Зосим пишет, что Юлиан по настоянию жены императора Констанция императрицы Евсевии был послан в Афины учиться у философов и превзошел всех учителей по всем предметам (Zos. III.2).

Вместе с тем в надгробной речи Юлиану Либаний уточняет, что тот изначально обучался у некоего *софиста*-христианина (считается, что это был Гекеболий), а также был в Никомедии, когда он там преподавал. Но Юлиан не посещал занятия Либания, а только покупал его речи, так как у него была клятва и обязательства посещать школу своего софиста (Lib. Or. XVIII.13–14). В другой речи Либаний указывает, что начало обучения Юлиана совпало с его началом преподавательской деятельности, а Юлиан выделялся среди всех учеников (Lib. Or. XIII.9). То есть антиохийский ритор не только знал, когда Юлиан стал учиться в Афинах, но и то, как он учился. Это позволяет предположить обучение в риторической школе, где Либаний мог иметь своих знакомых по учёбе, ставших его источниками.

Прибыв в Афины, по сведениям Либания, Юлиан посещал и философов, и раторов. В бытность студентом он славился своей кротостью, доверчивостью и застенчивостью, выделяясь речью и мечтая остаться для занятий науками в Афинах (Lib. XVIII.27–31). Сам Юлиан об этом периоде рассказывает смутно в своем «Послании сенату и народу афинскому». Он говорит, что очень хотел остаться в Афинах, боясь ехать в Медиолан к своему двоюродному брату императору Констанцию II, молясь всем богам, чтобы ему удалось умереть в Афинах. В Афинах же он находился на пути в Медиолан, куда его вызвал император, и провел в Афинах 6 месяцев (Jul. Ep. ad cur. Athen. 5).

Св. Григорий Богослов его подробно описывает в одном из обличительных «Слов» на него, представляя в качестве одного из однокашников, который еще в бытность свою в Афинах вызывал у него неприятие своей внешностью и поведением (Greg. Or. V.23). Это указание, а также замечания Либания позволяют сделать выводы не только о философском, но и риторическом образовании императора Юлиана в Афинах. Св. Григорий хорошо его знал. Вряд ли это было возможно, если бы Юлиан учился не в той же школе, что и «великие каппадокийцы», ведь в Афинах он провел всего полгода. Они же обучались именно в риторической школе в Афинах, не отвлекались ни на что постороннее, уделяя внимание только посещению христианского храма и учёбе [Денисова, 2021, с. 597–613]. Так как Гимерий получил кафедру в 360-е годы, после отхода Проэресия от дел, учителем Юлиана, вероятнее всего, был сам Проэресий. Это кажется правдоподобным, поскольку Проэресий был в милости у императора Констанция II, а тот, вероятно, выбрал в учителя для своего двоюродного брата кого-то надежного и пользующегося доверием, чтобы держать полностью под контролем своего младшего родственника. Кроме того, Проэресий был на тот момент абсолютно лучшим ритором Афин, а член императорского дома должен был обучаться у лучших. Этим может объясняться и, с одной стороны, скрытая враждебность Юлиана к Проэресию, отмечаемая в источниках, – ратора он мог считать ставленником ненавистного двоюродного брата-венценосца и его шпионом. А с другой – его официальная благорасположенность к Проэресию, сделанное для него исключение, разрешавшее преподавать, несмотря на христианские взгляды. Так Юлиан оказал почтение своему учителю, исключив его из сферы действия своего репрессивного законодательства.

В то же время Евнапий ничего не сообщает о периоде обучения императора Юлиана у Прозерсия, притом что оба для него были кумирами.

Еще один ритор, которого упоминает Евнапий и который мог быть в Афинах, – это **Акакий**. Писатель сообщает, что он происходил из Кесарии Палестинской, жил во времена Либания и затмил его славу, так что Либаний посвятил ему книгу «Об одаренности». Отличаясь безукоризненностью слога и достигнув вершины славы, Акакий умер молодым (Eunap. V. soph. 497). В «Суде» упоминаются два Акакия; второй из них – это софист 2-й пол. IV в., живший при императоре Юлиане и Либании, который вместе с Тускианом Фригийским обвинял императора в ложности суждений (Suid. A 784), весьма вероятно, с позиции христианства. В данном случае Акакий также мог быть христианским ритормом из учеников Прозерсия, обучавшимся вместе с Тускианом, хотя это исключительно гипотеза. У Либания сохранилось множество писем Акакию. Кембриджские историки рассматривают 3 Акакиев-интеллектуалов этой эпохи, которые были адресатами Либания [Jones, Martindale, Morris: 6–7]: 1) Акакий 5 – константинопольский грамматик, ему Либаний посвятил 2 письма (Lib. Ep. 398, 431); 2) Акакий 6 – софист из Кесарии Палестинской, преподававший в Финикии, Антиохии и Палестине, – ему Либаний послал достаточно много писем, упоминал в письмах другим адресатам (Lib. Ep. 50, 259, 274, 289, 454, 560, 722, 754, 755, 815, 1283, 1284, 1304, 1306, 1307, 1479), а также в речи «Антиохийцам за риторов», где рассказывает, как кесарийцы переманили своего ритора из Антиохии на родину, проявив больше рвения к риторике (Lib. Or. XXXI.42), – считается, что речь идет об Акакии; 3) Акакий 7 – ритор и поэт, который учился в Афинах, преподавал в Киликии и Тарсе, язычник, вероятно, был другом Либания, получив от него много писем, упомянут во многих из них (Lib. Ep. 26, 44, 59, 60, 121, 127, 148, 190, 316, 326, 338, 345, 371, 373, 378, 481, 685, 695, 700, 715, 719, 735, 781, 782, 1121, 1286, 1301, 1342, 1372, 1388, 1538). В данном случае интересно, что Акакий 7 обучался в Афинах, но его вряд ли можно соотнести с Акакием Кесарийским, тем более что они различались в религиозных взглядах. Так что определенно можно сказать только то, что Акакий Кесарийский был христианским ритормом и соперником Либания. Был ли он христианским учеником Прозерсия, судить сложно.

В целом в Афинах было ограниченное число кафедр, а риторов – чрезвычайно много, о чём говорит и Евнапий. В частности, в риторическом состязании, устроенном прибывшим в Афины сановником Анатолием, участвовало минимум 13 риторов кроме Прозерсия (Eunap. V. soph. 488, 492). По свидетельству Либания, в Афинах многие юноши, окончившие риторические школы, не могли получить кафедры, из-за чего прожили всю жизнь, «и рта не раскрыв» (Lib. Or. I.27).

Школ было много еще и потому, что вряд ли все кафедры могли отдать представителям одной школы. Попытки же монополизировать всех учеников оканчивались не только драками, но и изгнанием из города, что пережил и Прозерсий, против которого объединились все остальные риторы [Watts, 2006, p. 58]. Это позволяет предполагать, что Сополид и Парнасий не принадлежали к школе Юлиана – Прозерсия, а были представителями других школ. В частности, указание на то, что Сополид и Парнасий набирали учеников из местных жителей, может говорить о том, что их зона ответственности – Эллада, Балканы. Они могли принадлежать к школе Апсина, у которого обучались спартанцы.

Заключение

В целом можно выделить несколько школ конца III–IV вв. в Афинах (курсивом дан ритор, возглавлявший школу):

1) Школа Юлиана Каппадокийского (Малая Азия): *Юлиан Каппадокийский – Прозерсий, Гефестион, Епифаний Сирийский, Диофант Аравийский, Тускиан Лидийский, Александр, Евсевий Аравийский (?)*.

1.1. Школа Прозерсия: *Прозерсий* – император Юлиан (?), св. Григорий Богослов, св. Василий Великий, Тускиан Фригийский (?), Акакий Кесарийский (?), Евнапий, Евсевий Александрийский, Музоний.

1.2. Школа Диофанта: *Диофант* – Либаний.

2) Школа Никагора (Афины/Рим): *Никагор* – *Агапит* (?), *Минукиан* – *Генетлий*, *Дадух* (?), *Асклепиад* (?) – *Гимерий* – св. Григорий Богослов, св. Василий Великий, Руфин (сын Гимерия).

3) Школа Апсина (Спарта): *Апсин* – *Онасим* – *Апсин* – Фемистокл, *Парнасий* (?), *Сополид* (?) – сын *Сополида*.

4) Школа Каллиника (Сирия): *Каллиник Светорий* – *Павел* (?), *Андромах* (?).

Возможно, отдельными школами были также школы Майора, Трептолема, Эпагата.

Таким образом, исследуя риторические школы в Афинах в IV в., можно прийти к выводу, что в городе действовало множество конкурирующих школ и риторов. Государственных кафедр же было всего 5 (или 6) – это максимальное число, учитывая официальный административный статус Афин как достаточно низкий – одного из региональных центров Балкан, – и за них шла жесткая борьба между учителями. Кроме того, шла борьба и за различных учеников, причем как легальными методами, через земляческие связи, юридические решения магистратов, так и незаконными: похищения студентов, драки между студентами разных школ, подкупы должностных лиц для борьбы с соперниками и закрытия их школ.

В Афинах в IV в. наиболее прославилась школа софиста Юлиана Каппадокийского, к которой в дальнейшем принадлежал и которую возглавлял знаменитый ритор Прозерсий, прославленный своим учеником Евнапием в трактате «Жизнь философов и софистов», а далее Гимерий.

Помимо этой школы в Афинах пользовались известностью и имели много учеников и другие школы. Кафедры распределялись между школами по наиболее выдающимся риторам, формировались по региональному принципу, принимая студентов с западных частей империи, Балкан, Малой Азии, Сирии и Палестины, Египта и Аравии. Этот принцип не всегда соблюдался, а школы буквально перехватывали друг у друга «абитуриентов» даже из чужой зоны влияния. В 1-й пол. IV в. случилось достаточно редкое событие: ученики одной школы Юлиана Каппадокийского смогли занять 3 кафедры из 5, что указывает на расцвет именно этой школы – это Прозерсий, Епифаний, Диофант.

Наибольшего расцвета достигла школа Прозерсия, который пользовался покровительством императора Констанция. Ситуация изменилась после смерти Прозерсия, когда его кафедра ушла к Гимерию. У Прозерсия и Гимерия обучались такие выдающиеся церковные и государственные деятели, оставившие обширное творческое наследие, как св. Григорий Богослов, св. Василий Великий, император Юлиан.

Сокращения

Amm. Marc. – Ammianus Marcellinus, Res Gestae – Аммиан Марцеллин, «Деяния»

Auson. Ord. urb. – Ausonius, Ordo urbium nobilium – Авзоний, «О знаменитых городах»

Dig. – Imperator Justinianus, Digestae – имп. Юстиниан I, «Дигесты»

Eunap. V. soph. – Eunapius Sardianus, De vitis philosophorum et sophistarum – Евнапий Сардский, «Жизнь философов и софистов»

Euseb. HE. – Eusebius Caesariensis, Historia Ecclesiastica – Евсевий Кесарийский, «Церковная история»

Euseb. Praep. Evan. – Eusebius Caesariensis, Praeparatio Evangelica – Евсевий Кесарийский, «Подготовка к Евангелию»

Evagr. HE. – Evagrius Scholasticus, Historia Ecclesiastica – Евагрий Схоластик, «Церковная история»

Exp. – Expositio totius mundi et gentium – «Описание всего мира и народов»

Greg. Or. – St. Gregorius Theologus, Orationes – св. Григорий Богослов, «Слова»

- Greg. Pro vit. – St. Gregorius Theologus, Pro vita sua – св. Григорий Богослов, «О своей жизни»
Hier. Chron. – St. Hieronymus, Chronica – блаж. Иероним Стридонский, «Хроника»
Hier. De vir. ill. – St. Hieronymus, De viris illustribus – блаж. Иероним Стридонский, «О знаменитых
мужах»
Him. Or. – Himerius, Orationes – Гимерий, «Речи»
Jul. Ep. – Imperator Iulianus, Epistulae – имп. Юлиан II, «Письма»
Jul. Ep. ad cur. Athen. – Imperator Iulianus, Epistula ad curiam et populum Atheniensem – имп.
Юлиан II, «Послание к сенату и народу Афинскому»
Lib. Ep. – Libanius, Epistulae – Либаний, «Письма»
Lib. Or. – Libanius, Orationes – Либаний, «Речи»
Not. Dign. Orient. – Notitia Dignitatum, In partibus Orientis – «Список должностей», восточная часть
Phot. Bibl. – Photius, Bibliotheca Codices – Фотий, «Мириобиблион» («Библиотека»)
Socr. HE. – Socrates Scholasticus, Historia Ecclesiastica – Сократ Схоластик, «Церковная история»
Soz. HE. – Sozomenus, Historia Ecclesiastica – Созомен, «Церковная история»
Steph. Byz. – Stephanus Byzantinus, Ethnica – Стефан Византийский, «Этники»
Strab. Geogr. – Strabo, Geographica – Страбон, «География»
Suid. – Suida Lexicon – «Суда»
Tac. Ann. – Tacitus, Annales – Тацит, «Анналы»
Zos. – Zosimus, Historia Nova – Зосим, «Новая история»

Список литературы

- Болгова А.М. 2016. К вопросу о закрытии Афинской Академии в 529 г. В: Известия Уральского
федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Т. 18. 3 (154): 205–214.
- Болгова А.М. 2018. Посвящение в студенты и другие неформальные ритуалы в высших школах
позднеантичных Афин. В: Научные ведомости Белгородского государственного
университета. Серия: История. Политология. 45: 427–436.
- Ведешкин М.А. 2021. Юлиан Каппадокийский и афинские школы конца III – начала IV вв. В:
Образовательные пространства и антропопрактики города. М., Аквилон, 278–306.
- Денисова И.В. 2021. В какой афинской школе обучались св. Григорий Богослов и св. Василий
Великий? В: Via in tempore. История. Политология. Т. 48. 3: 597–613.
- Жебелев С. 1903. АХАИКА. В области древностей провинции Ахайя. СПб., Типография
И.Н. Скороходова, 392.
- Лосев А.Ф. 2000. История античной эстетики. Т. VII. Последние века. Кн. 2. Харьков, Фолио; М.,
ООО «Издательство АСТ», 544.
- Ляхин Е.В. 2005. Ахайя после реформ Диоклетиана – Константина. В: Antiquitas Iuventae: Сб.
науч. тр. студентов и аспирантов. Под ред. Е.В. Смыкова, А.В. Мосолкина. Саратов,
Научная книга, 121–125.
- Митрополит Иларион (Алфеев). 2013. Жизнь и учение святителя Григория Богослова. М.,
Издательство Московской Патриархии РПЦ, 576.
- Ранович А.Б. 1949. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М.; Л., Изд-во АН СССР,
264.
- Светлов Р.В. 2018. Понятие свободы в отечественной политико-правовой мысли в контексте
обсуждения «Афинской школы». В: Научное мнение. 11: 21–29.
- Breitenbach A. 2003. Das «wahrhaft goldene Athen»: Die Auseinandersetzung griechischer Kirchenväter
mit der Metropole heidnisch-antiker Kultur. Berlin/Vienna, Philo, 352.
- Caldellis A. 2009. The Christian Parthenon. Clasicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Cambridge,
Cambridge University Press, 252.
- Cameron Al. 1969. The Last Days of the Academy at Athens. In: Proceedings of the Cambridge
Philological Society. 195: 7–29.
- Cameron Al. 2016. Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy. Oxford,
Oxford University Press, 359.
- Castrén P. (ed.). 1994a. Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529.
Helsinki, Finnish Institute Athēnai, 228.
- Castrén P. 1994b. General Aspects of Life in Post-Herulian Athens. In: Post-Herulian Athens: Aspects of
Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai, 1–14.

- Cribiore R. 2007. *The School of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton; Oxford, Princeton University Press, 360.
- De Forest D. 2011. *Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens*. In: *Journal of Late Antiquity*. 11. Volume 4, Number 2: 315–342.
- Di Branco M. 2006. *La città dei filosofi: storia di Atene da Marco Aurelio a Giustiniano*. Firenze, Olschki, 304.
- Frantz A. 1988. *The Athenian Agora: Late Antiquity, A. D. 267–700*. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 156.
- Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. 2015. *Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire*. Oxford, Oxford University Press, 450.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. (ed.). 1971. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I, A. D. 260–395. Cambridge, Cambridge University Press, 1153.
- Meineke A. (ed.). 1849. *Stephani Byzantini Etnicorum quae supersunt*. Berlin, G. Reimeri, 818.
- O'Meara D.J. 2003. *Platonopolis. Platonic Political Philosophy in Late Antiquity*. Oxford, Clarendon Press, 250.
- Penella R.J. 1990. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD: Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds, Francis Cairns, 165.
- Watts E. 2006. *City and school in late antique Athens and Alexandria*. Berkeley, Los Angeles; London, University of California Press, 288.

References

- Bolgova A.M. 2016. *K voprosu o zakrytii Afinskoj Akademii v 529 g.* [On the issue of the closure of the Academy of Athens in 529]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities.]. T. 18. 3 (154): 205–214 (in Russian).
- Bolgova A.M. 2018. *Posvyashchenie v studenty i drugie neformal'nye ritualy v vysshih shkolah pozdneantichnyh Afin* [Initiation into students and other informal rituals in the higher schools of Late Antique Athens]. In: *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: History. Political science.]. 45: 427–436 (in Russian).
- Vedeshkin M.A. 2021. *Yulian Kappadokijskij i afinskie shkoly konca III – nachala IV vv.* [Julian of Cappadocia and the Athenian schools of the late III – early IV centuries]. In: *Obrazovatel'nye prostranstva i antropopraktiki goroda. Kollektivnaya monografiya* [Educational spaces and anthropological practices of the city. Collective monograph]. M., Akvilon, 278–306 (in Russian).
- Denisova I.V. 2021. *V kakoj afinskoj shkole obuchalis' sv. Grigorij Bogoslov i sv. Vasilij Velikij?* [What school in Athens did St. Gregory the Theologian and St. Basil the Great?]. In: *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political science]. T.48. 3: 597–613 (in Russian).
- Zhebelev S. 1903. *AXAIKA. V oblasti drevnostej provincii Ahajya* [AXAIKA. In the area of antiquities of the province of Achaia]. Saint Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova, 392 (in Russian).
- Losev A.F. 2000. *Istoriya antichnoj estetiki. T. VII. Poslednie veka. Kn. 2* [History of ancient aesthetics. T. VII. Last centuries. Book 2]. Kharkov, Folio; Moscow, OOO «Izdatel'stvo ACT», 544 (in Russian).
- Lyahin E.V. 2005. *Ahajya posle reform Diokletiana – Konstantina* [Achaia after the reforms of Diocletian – Constantine]. In: *Antiquitas Iuventae: Sb. nauch. tr. studentov i aspirantov* [Antiquitas Iuventae: Collection of scientific works of students and graduate students] Pod red. E.V. Smykova, A.V. Mosolkina. Saratov, Nauchnaya kniga, 121–125 (in Russian).
- Metropolitan Ilarion (Alfeev). 2013. *Zhizn' i uchenie svyatitelya Grigoriya Bogoslova* [The life and teachings of St. Gregory the Theologian]. M., Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii RPC, 576 (in Russian).
- Ranovich A.B. 1949. *Vostochnye provincii Rimskoj imperii v I–III vv.* [Eastern provinces of the Roman Empire in the I–III centuries]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 264 (in Russian).
- Svetlov R.V. 2018. *Ponyatie svobody v otechestvennoj politiko-pravovoj mysli v kontekste obsuzhdeniya «Afinskoj shkoly»* [The concept of freedom in domestic political and legal thought in the context of the discussion of the «Athenian school»]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion]. 11: 21–29 (in Russian).

- Breitenbach A. 2003. Das «wahrhaft goldene Athen»: Die Auseinandersetzung griechischer Kirchenväter mit der Metropole heidnisch-antiker Kultur. Berlin/Vienna, Philo, 352.
- Caldellis A. 2009. The Christian Parthenon. Clasicism and Pilgrimage in Byzantine Athens. Cambridge, Cambridge University Press, 252.
- Cameron Al. 1969. The Last Days of the Academy at Athens. In: Proceedings of the Cambridge Philological Society. 195: 7–29.
- Cameron Al. 2016. Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy. Oxford, Oxford University Press, 359.
- Castrén P. (ed.). 1994a. Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai, 228.
- Castrén P. 1994b. General Aspects of Life in Post-Herulian Athens. In: Post-Herulian Athens: Aspects of Life and Culture in Athens, A. D. 267–529. Helsinki, Finnish Institute Athēnai, 1–14.
- Criboire R. 2007. The School of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton; Oxford, Princeton University Press, 360.
- De Forest D. 2011. Between Mysteries and Factions: Initiation Rituals, Student Groups, and Violence in the Schools of Late Antique Athens. In: Journal of Late Antiquity. 11. Volume 4, Number 2: 315–342.
- Di Branco M. 2006. La città dei filosofi: storia di Atene da Marco Aurelio a Giustiniano. Firenze, Olschki, 304.
- Frantz A. 1988. The Athenian Agora: Late Antiquity, A. D. 267–700. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 156.
- Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. 2015. Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire. Oxford, Oxford University Press, 450.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. (ed.). 1971. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I, A. D. 260–395. Cambridge, Cambridge University Press, 1153.
- Meineke A. (ed.). 1849. Stephani Byzantini Etnicorum quae supersunt. Berlin, G. Reimeri, 818.
- O'Meara D.J. 2003. Platonopolis. Platonic Political Philosophy in Late Antiquity. Oxford, Clarendon Press, 250.
- Penella R.J. 1990. Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century AD: Studies in Eunapius of Sardis. Leeds, Francis Cairns, 165.
- Watts E. 2006. City and school in late antique Athens and Alexandria. Berkeley, Los Angeles; London, University of California Press, 288.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.06.2022

Received 03.06.2022

Поступила после рецензирования 05.09.2022

Revised 05.09.2022

Принята к публикации 05.09.2022

Accepted 05.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Irina V. Denisova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, National Research University «BelSU», Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6612-4191](https://orcid.org/0000-0002-6612-4191)

УДК 94(495)

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794

Оригинальное исследование

Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии

Болгова А.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Аннотация. В работе рассматривается такой вид общественной активности в позднеантичных (ранневизантийских) городах, как конкурсы софистов и риторические выступления (представления) 2-й пол. IV–VI вв. Для представителей «Третьей» (2-я пол. IV в.) и «Четвертой» софистики (конец V–VI вв.) были характерны подобные конкурсы и выступления, связанные, прежде всего, с образовательным процессом в высших риторических школах и городскими праздниками, а также с «гастролями» софистов и частными поводами граждан. Как правило, такой конкурс сопровождался рекламой или индивидуальными приглашениями, если это был «закрытый показ». Темы конкурсных выступлений носили «школьный» характер (сюжеты из мифологии и древней истории), персональный характер посвящения правителю, полководцу, именитому гражданину, по поводу свадьбы или актов благотворительности (филантропии). Существовали тщательно разработанные риторические техники для голоса, мимики, жестов и др. Поведение зрителей отличалось устойчивыми вариантами – криками, аплодисментами, речёвками и даже акробатическими действиями типа цирлидерских. Отношения между софистами (риторами) на конкурсах эволюционировали от благородно-уважительных во II–III вв. («Вторая» софистика) до мелочно-ревностных с проявлениями зависти и тайных пакостей конкуренту. Наиболее информативный материал о конкурсах софистов и выступлениях риторов содержится в сочинениях Либания и Хорикия – ведущих представителей, соответственно, «Третьей» и «Четвертой» софистики.

Ключевые слова: софистика, риторика, Поздняя античность, конкурс, выступление, состязание, высшая школа, образование, город, Ранняя Византия, общественная жизнь, праздники

Для цитирования: Болгова А.М. 2022. Общественные конкурсы софистов и риторические выступления (epideixis akroasis) в Ранней Византии. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 784–794. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794

Public Competitions of Sophists and Rhetorical Presentations (epideixis akroasis) in Early Byzantium

Anna M. Bolgova

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: bolgova@bsu.edu.ru

Abstract. The paper considers such a type of social activity in Late Antique (Early Byzantine) cities as sophist competitions and rhetorical contests (performances) of the 4th–6th centuries. Representatives of the «Third» (the 2nd half of the 4th century) and «Fourth» sophistry (the end of the 5th – 6th centuries) were characterized by such competitions and performances, associated primarily with the educational process in higher rhetorical schools and city holidays, as well as with the «tours» of the sophists and private occasions of citizens. As a rule, such a competition was accompanied by advertising or invitations if it was a «private screening». The topics of competitive performances were of a «school» nature (plots from mythology and

ancient history), personal dedication to the ruler, commander, eminent citizen, about a wedding or acts of charity (philanthropy). There were carefully developed rhetorical techniques for voice, facial expressions, gestures, etc. The behavior of the audience was distinguished by stable options – shouting, applause, chants, and even acrobatic actions such as cheerleading. Relations between sophists (rhetoricians) at competitions evolved from noble and respectful in the 2th – 3th centuries («Second» sophistry) to petty-zealous with manifestations of envy and arranging dirty tricks for a competitor. The most informative material about sophist competitions and speeches by rhetors is contained in the writings of Libanius and Choricus, the leading representatives, respectively, of the «Third» and «Fourth» sophistry.

Key words: sophistry, rhetoric, late antiquity, competition, performance, competition, high school, education, city, Early Byzantium, public life, holidays

For citation: Bolgova A.M. 2022. Public Competitions of Sophists and Rhetorical Presentations (epideixis akroasis) in Early Byzantium. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 784–794 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-784-794

Введение

Две важнейшие обязанности позднеантичного практикующего софиста, преподававшего в высшей школе риторики, заключались в том, чтобы периодически проводить общественные выступления (представления) и знакомить юношей с древними образцами, то есть учить. В силу большой социальной мобильности софисты и риторы часто посещали многочисленные города, где не было риторических школ, и в рамках «гастролей» устраивали подобные выступления, чаще всего на общественных праздниках в городах. Весьма часто вместо сольных выступлений устраивали целые конкурсы («состязания») софистов как в силу агонистических традиций античности, так и в силу стремления расширить круг участников и оживить публику. Такие конкурсы и выступления занимали важное место в общественной жизни ранневизантийских городов и были тесно связаны с практикой деятельности высших риторических школ.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает феномен риторических конкурсов и публичных выступлений софистов в позднеантичном Восточном Средиземноморье.

Методы исследования: сравнительно-исторический, метод контент-анализа, историко-биографический, а также анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение

Предметом рассмотрения здесь будет период 2-й пол. IV–VI вв., который объединяет два поколения – «Третью» софистику (2-я пол. IV в.) и «Четвертую» софистику (конец V–VI вв.). Эти два периода обладают многими общими чертами, за исключением того, что представители последней были уже христианами, однако это мало отражалось на их творчестве [Bolgov, Bolgova etc., 2018]. Кроме того, последние известны нам почти исключительно в одном локусе – Газе Палестинской, но это не делает их маргинальными, так как аналогичные сочинения из крупнейших центров империи того времени не сохранились.

Публичные представления и конкурсы (состязания)

Чаще всего софисты позднеантичного времени, помимо индивидуальных практик, были преподавателями высших риторических школ, так что их общественные выступления и конкурсы были теснейшим образом связаны с образовательным процессом в данных школах.

Причины конкурсов – «выпускной экзамен» в школе, городской праздник, гастроли (шоу), визит начальника, частный повод

Софист мог публично представить собственное искусство в нескольких случаях. Как мы знаем из сочинений Либания, в течение долгих десятилетий его руководства высшей

риторической школой в Антиохии софист практиковал публичные демонстрации своего искусства через регулярные промежутки времени, в зимние и весенние месяцы, – в те месяцы, когда в школе проходили сессии, а город был полон студентов (Lib. Or. 1. 196, 7; 199, 10; ep. 1292). Он также давал выступления и летом (Lib., Ep. 394 a). В Антиохии выступления софистов, по-видимому, включались в общегородской праздник, чтобы все студенты могли присутствовать на нем (Lib., Or. II. 279, 11). Возможно, что именно таким образом сам Либаний впервые услышал в Афинах трех софистов в период своего обучения (Lib., Or. I. 14, 5) [Cribiore, 2007, p. 304].

По всей видимости, софисты стремились добиться от города включения своих выступлений и конкурсов в программу городских общественных праздников, а не наоборот, так как риторов в империи было много и им нужна была постоянная практика.

Во время длительных каникул летом и в начале осени софисты имели возможность путешествовать с места на место, и в ходе этих «странствий» часто устраивались дружеские состязания (Eunap. VS, p. 17; Lib., Or. I. 176; ep. 394 a). Иногда такие состязания были отнюдь не дружественными (Eunap. VS, p. 81, 86), так как помимо чисто профессиональной конкуренции они предполагали соперничество за гонорар.

Постепенно возникает практика публичных риторических выступлений в городе как форма экзамена или выпускного квалификационного экзамена для студентов.

Иногда губернатор провинции или другой магистрат, проезжая через город, обращался к выдающемуся софисту, чтобы тот продемонстрировал ему образец его красноречия. Или, напротив, чиновник иногда путешествовал на большое расстояние, чтобы увидеть и услышать кого-нибудь из знаменитостей.

Префект Египта Максим, который ранее был губернатором Галатии, любил слушать декламации и воздавал хорошую честь софистам (Lib. Ep. 1230). Максим украсил Анкиру зданиями, фонтанами и источниками, что увеличивало количество софистов и стимулировало конкурсы среди них. Либаний посоветовал Кастрикию, что он должен «использовать свой язык для ушей, которые знали, как судить» (Ep. 1117).

Даже императоры иногда посещали залы и аудитории софистов или устраивали слушания при дворе. Это было сделано впервые Адрианом и продолжено некоторыми другими императорами, в том числе в IV в. император Юлиан, когда он посетил Антиохию с целью начать войну на Востоке, прежде всего осведомился о софисте Либании, и когда он увидел Либания, то его первыми словами были: «Когда я смогу тебя послушать?» (Lib. Or. I, 81,22).

Однажды провинциальный губернатор, официальная резиденция которого находилась в Антиохии, послал к Либанию с просьбой дать образец его искусства, но Либаний отказался говорить, если губернатор не выйдет из дворца и не придет в его (Либания) аудиторию (Lib., Or. I. 77, 4)³⁵.

Поскольку литературные произведения императора Юлиана могли соперничать с Либанием, софист сообщил забавную историю: какое-то время он пребывал в страхе, что сам император намеревался вступить в *риторический конкурс* в качестве его противника и таким образом победить своего дидакала (Lib. Ep. 758).

В позднеантичном обществе в целом были распространены публичные выступления и конкурсы, в которых учителя, учащиеся и стремящиеся к славе поэты могли представить свои работы³⁶, и губернаторы были весьма рады принять дары Муз.

Хорикий в Эпитафии Прокопию (7[VIII].15) рассказывает случай из его жизни, произошедший в городе на соседней «египетской реке», скорее всего, в Александрии: когда

³⁵ Похожую историю Филострат рассказывает о софисте II в. Полемоне, который однажды, неоднократно отказываясь выступать, фактически вынудил некоего высокопоставленного магистрата подойти к своей двери с подарком в виде десяти талантов и просьбой (Philos. VS 535).

³⁶ См. [Cribiore, 2001, p. 241–242] касательно Египта.

Прокопий был еще молод, он победил там опытного софиста-«ветерана» в ораторском конкурсе³⁷.

Хорикий заявлял, что долг ритора двоякий: наряду с его задачей вести молодых людей к познанию древних классиков, другой его важной обязанностью было представить публичные состязания и очаровать свою аудиторию разумными и красивыми речами (Chor. p. 111. 20–23). Такое представление, как *επισείξις* – либо презентация одного ритора, либо дружественные конкурсы между двумя или более риториками (Chor. p. 367) [Walden, 1912, p. 213].

Такое представление, как правило, было экспромтом или импровизацией. Но ритор выходил, чтобы представить свое искусство перед публикой лишь после тщательной подготовки. В других случаях, однако, аудитория просила ритора выступить на заданную тему и лишь затем на состязании импровизировать. В любом случае выступающий самостоятельно отвечал за то, чтобы пригласить и собрать аудиторию³⁸.

Приглашение публики на закрытый показ

Как правило, выступления были открыты для всей желающей публики, но иногда, например, когда они проводились по особому запросу для правителя или высокопоставленного чиновника, они проводились перед ограниченной аудиторией в закрытом режиме. Либаний в конце своей карьеры, обнаружив, что некие люди жаловались на количество его выступлений, исключил присутствие публики в этих случаях, хотя ранее признавал открытые выступления (Lib., Or. I. 180, 1; Eunap. VS, p. 61; ср. Himer., Or., XVII; Lib., ep., 25, 244, 964). В одном из писем Либаний упоминает о речи, произнесенной им перед аудиторией из четырех человек (Lib., ep., 31); в другом – о выступлении за закрытыми дверями (Lib., ep., 286); наконец, однажды специально приглашенная аудитория была ограничена пятнадцатью слушателями (Lib., Or. I. 50, 12).

Реклама конкурса (выступления)

Приглашения рассылались за некоторое время до проведения выступления софиста, или по городу рассылались посыльные, чтобы специально собрать как целевую аудиторию студентов, как правило, учеников других софистов или даже обучавшихся по другим направлениям (не риторике), чтобы привести их на конкретную лекцию (Lib., I. 199, 11).

Приглашения рассылались чаще всего либо за три дня до вручения (Themist., 313 d); либо накануне (Lib., ep. 243 a).

Иногда софист лично приходил к своим друзьям, чтобы пригласить их на свое выступление (Synes., Dion, 11). Аудитория нередко собиралась лестью (Lib., Or. I. 62,16; ep., 173, 546, 1292).

Если важного человека пропустили и не заметили, когда рассылались приглашения, это вызывало серьезные обиды (Lib., I. 205, 18; III. 446, 9). Получить приглашение считалось честью (Lib., ep., 173).

Либаний стремился подавить зависть коллег и снять обиды тех, кого (случайно) пропустили, увеличивая количество своих выступлений (Lib., ep., 394 a). Он говорит в одном месте, что его постоянно просят, даже летом, устраивать представления, и что он пригласил на представление весь город (ep., 1292; 1296). Слово, используемое для «отправки приглашения», «приглашения» – *kaleo* (Lib., Or. I. 199, 11); для «сбора аудитории» – *ageiro* (Themist., 282d). Отметим при этом, что во II в. Элий Аристид говорит (Or. II, p. 575), что зазывать аудиторию – это деградация профессии софиста. По прошествии двух столетий мы видим, что это было уже не зазорно.

³⁷ [Litsas 1980, p. 217]: «Прокопий обучался мастерству риторики, и впоследствии он довел его до искусства».

³⁸ Ср. термин *επισείξις* в Chor. p. 22. 18; 121. 11. В целом о риторических состязаниях в первые века н.э. см.: [Walden, 1912, p. 218–264, особенно 223–226].

Когда Либаний постарел, очевидно, что студенты уже были не всегда готовы приехать на его выступление, но в «старые добрые времена» они не нуждались в уговорах, и если софист был выдающимся, то целые толпы стекались в лекционный зал (Lib., Or. I. 199, 7) ³⁹.

Оплата выступления и гонорар

Как правило, насколько нам известно, в Антиохии вход на риторические выступления был бесплатным (Lib., I, 200, 18).

Иногда софист выступал для богатого покровителя в частном порядке, чтобы получить значительный гонорар или подарок ⁴⁰. В иных случаях покровитель мог засвидетельствовать свое уважение к софисту другими способами.

В Афинах иногда могла взиматься плата за вход на конкурс или выступление софистов (Philos., VS, 519, 527, 604).

Допускалась ли вся городская публика к выступлениям, которые предназначались, в первую очередь, для студентов и имели учебно-квалификационные цели? Должны ли были студенты платить за посещение таких выступлений?

Кажется вероятным предположить, что учебно-квалификационные представления не были публичными (открытыми), но были и другие, предназначенные в большей степени для широкой публики, за которые не предусматривалось никакой оплаты (Lib., ep. 571, 572, 579, 617).

Менее продвинутая и более механическая часть курса, состоявшая исключительно из учебного материала, в отличие от более продвинутой и яркой части, представлявшейся на публике, обычно давалась не самими софистами, а их ассистентами.

На этих общественных или полуофициальных представлениях студент имел возможность увидеть на практике реализацию принципов, которым его учили в аудитории. Фактически представления были, в первую очередь, предназначены для дополнения обучения в классе, и они составляли регулярную часть курса софиста ⁴¹. В них софисты демонстрировали все искусства и приемы софистического ремесла (Lib. Or. II, 280). Эта демонстрация умений и навыков была очень важной, поскольку в этих случаях софист представлял перед своими студентами в моменты своего величайшего триумфа.

Внутри школы студенты также учились давать выступление либо для своих одноклассников с потока (группы), либо перед всей школой (Themist., 304 a).

Структура выступления: лалия, диалексис, эпидейксис, мелетия

Обычно софист, особенно если он приехал из чужих краев и был чужим в городе, где собирался декламировать, начинал свой основной дискурс коротким вступлением (*lalia*), призванным заслужить доброжелательность своих слушателей ⁴². Эта вступительная речь могла иметь любую форму, но обычно она содержала несколько слов, восхваляющих принимающий город и умаляющих способности говорящего (Philos., VS, 535, 572; Lib., Or. I.

³⁹ Слушатели также неохотно приходили во II в. на выступления Аристиды в Смирне (Ael. Arist., II, p. 573, 579). Аристид, однако, не был оратором, выступавшим с импровизированными речами (то есть читал «по бумажке») и не пользовался особой популярностью у публики (Philos., VS, 581, 582).

⁴⁰ Такой случай произошел с Полемоном (Philos., VS, 535).

⁴¹ Обычные термины для обозначения взаимоотношений учителя и ученика – *synousia* (Philos., VS, 604) или *homilia* (Porphyr., Vit. Plotin., 5), публичное выступление – *epideixis akroasis* (Philos., 586, 589; Lib., Or. I. 199, 8, 11).

⁴² Такое короткое вступление называется *lalia*, или, точнее, *prolalia*, или, по своему характеру, *dialexis*; также *prologos* и *proagon* (Eunap., VS, p. 82, 101; Themist., 329 d). Либаний упоминает софиста, прославившегося своими прологами (Or. I. 210, 5). Люди выучивали прологи Либания наизусть (Lib., Or. I. 40,12; 63,9). Студенты Либания порой аплодировали так сильно, что прерывали нить речи у софиста, и в прологе он призывал их так не делать (Lib., I. 179, 17).

276, 15). Иногда предлагалось короткое повествование и мораль, согласно которой аудитория должна благосклонно отнестись к выступающему.

После вступительной речи софист переходил к основной части. Она могла быть:

1) *dialexis* – более или менее неформальный дискурс, имеющий характер беседы на любую тему, представляющую общественный интерес, например, искусство софиста, или, возможно, на какую-то более философскую тему или этического характера. Диалексис иногда мог быть и вступительной речью (Himer., Or., VI, XVII, XXII). Его готовили заранее или давали экспромтом (Lib., Or., VI);

2) *epideixis*, или хвалебная речь;

3) *meletia*, драматическая или полудраматическая репрезентация или интерпретация персонажей в заданных ситуациях, или аргументы за или против определенных воображаемых линий поведения (контroversия и свазория).

Заданная тема или импровизация

Иногда софист готовил свою речь заранее, а затем либо декламировал ее, либо читал, когда приходило время для выступления. Иногда способность импровизировать считалась непременным условием для софиста («мыслящего ритора»), в отличие от ритора, просто воспроизводящего материал.

Представляется, что большинство сохранившихся речей Хорикия были написаны на заранее подготовленные темы. В частности, первая речь епископу Маркиану была представлена на тщательно организованном празднике по случаю освящения церкви св. Сергия. В нем принимала участие большая толпа вместе с кругом элиты граждан и городских чиновников (Chor. p. 3. 17). Энкомий полководцу Сумму описывается Хорикием как экспромт, но, как можно судить по его содержанию, формату и стилю, софист работал над его текстом до или после его презентации. С другой стороны, речь по случаю Брумалий Юстиниана, как кажется, была составлена *εκ του πρῶχειρου*, спонтанно во время самого события⁴³. В другом случае, когда Хорикий нашел дополнительное время, чтобы порадовать своих студентов *εὐκκλίων εὐωχίαν* (Chor. p. 196. 6)⁴⁴, он задается вопросом, где он мог бы отобрать лучшие материалы для того, чтобы он мог угодить им больше всего.

Техника речи – голос, мимика, жесты

Когда Либаний читал лекции в Константинополе, то он собирал большую аудиторию; некоторые приходили послушать, как он говорит, но больше всего, по его словам, – чтобы увидеть его жесты. Вся манера софиста на сцене, как видно из выражений, которые употребляются в его отношении, была полна напыщенной агрессивностью. Она специально разрабатывалась, чтобы произвести впечатление на публику. И эта манера не всегда ограничивалась сценой; даже в частной жизни софист часто по привычке был властным и высокомерным.

Голос софиста был тщательно настроен по тембру и по своей гибкости и мелодичности напоминал тонкий музыкальный инструмент. Мы можем полагать, что часто это во многом напоминало пение песни, и в лучшем случае оно могло быть разновидностью модулированной интонации.

Музыкальный и хорошо модулированный голос и гармоничный языковой поток можно рассматривать как дополняющие друг друга, а греческое ухо было тонко восприимчиво к обоим. Конечно, софист уделял большое внимание совершенству своего литературного стиля, и его язык все больше и больше становился как бы тепличным, вынужденным и искусственным по своему характеру.

⁴³ Характерно, что после пункта 10 (Chor. p. 177) попытка «затемнения» смыслов ломается, и ритор говорит о конкретных реалиях фестиваля. Также прерывание повествования по прибытии полководца Сумма (par. 14, Chor. p. 178) показывает, что эта тема была представлена Хорикием спонтанно, на определенный запрос в данный момент.

⁴⁴ Фраза приблизительно означает «общее обучение».

Характерной и узнаваемой чертой прозы этого периода был поэтический стиль не только поэтических ритмов, но и поэтических слов, выражений и форм мысли.

Темы выступлений (образовательные, похоронные, свадебные, похвальные в честь правителей и полководцев, филантропические)

Публичное выступление, несомненно, часто рассматривалось как интеллектуальное исследование, в ходе которого софист знакомил своих учеников и публику с новыми методами и новыми способами искусства.

Обычно он начинал свою декламацию несколькими словами предисловия, в котором он, пользуясь случаем, кратко объяснял технические особенности темы, которую он собирался обсудить, упоминал любые новшества в способе обращения, которые он вводил, и призывал аудиторию увидеть, с каким успехом он применяет на практике принципы, которым он учит.

Примеры такого рода введений есть у Гимерия и Хорикия. Один пример, из Гимерия, представляет собой введение не в дискуссионную или судебную тему, а в так называемый *protreptikos*, одну из многих форм речей, культивируемых в софистических школах.

Второй и третий примеры есть у Хорикия Газского. Они представляют собой выступления, соответственно, к двум выступлениям с противоположных сторон судебной темы. Сюжет таков: некий богатый и алчный старик решил женить своего сына на обеспеченной, но некрасивой девушке. Сын влюбляется в другую девушку, бедную, но красивую, и просит у отца разрешения жениться на ней. Отец отказывается давать его. Происходит война, и сын выделяется на поле битвы. Согласно закону, сын теперь может попросить любую награду, какую пожелает. Он просит руки любимой. Отец возражает. Оратор, в это время молодой человек, играет роль сначала сына, затем отца, каждый из которых изображается говорящим от своего имени.

Можно выделить целый ряд случаев, которые могли бы подвинуть ратора к организации своих выступлений в городе. Например, Хорикий, либо по собственной инициативе, либо по просьбе, выбрал для выступления происхождение праздника Брумалий Юстиниана – как культурное событие, а не просто письменный панегирик в честь императора. Император лично не присутствовал на этом событии. Хорикий, однако, нашел возможность восхвалить императорскую канцелярию косвенно, заявив, что «двор императора достаточно блестящ и без речи» (Chor. p. 175. 3–4). Его намерение в этом случае опять же носит образовательный характер, и его спонтанная мотивация происходит, главным образом, «от удовольствия, которое преобладало на празднике».

С другой стороны, Хорикий почувствовал себя обязанным представить экфрасис церкви св. Сергия в качестве вклада своего искусства вместе с другими искусствами, обеспечившими строительство и завершение этой церкви (Chor. p. 6. 2–7. 2. Cf. p. 35. 12–15).

Ритуальные речи и участие в трауре друзей и знакомых в Газе были обычной функцией Хорикия, а также его учителя Прокопия. Хорикий сочинил надгробную речь Марии, по-видимому, от имени или по просьбе своих детей; также надгробная речь Прокопия была представлена в качестве обязательства и знака благодарности своему учителю (Cf. Chor. p. 110. 5–8. Cf. p. 101. 9–20). В случае смерти близких сам Прокопий также привык принимать участие в трауре и утешать живых (Cf. Chor. p. 119. 4–16). Кажется, что в этих случаях ритор добровольно представлял более или менее импровизированные траурные речи. Хорикий жалуется на некоторых раторов, привыкших сочинять скорбные речи, стремясь использовать только эмоции своей аудитории (Chor. p. 99. 11–20). В своей эпитафии Прокопию он выходит за рамки жанра и представляет скорее хвалебную речь, для того чтобы он мог правильно воздать честь своему учителю и не быть движимым чужими эмоциями (Cf. Chor. p. 109. 11–15; 110. 9–11; 128. 22).

Еще одна функция ратора состояла в том, чтобы преподнести речь по случаю свадьбы. Соответствующий риторический жанр известен как «эпиталамий», или брачная речь. Две такие брачные речи Хорикия сохранились. По крайней мере, одна из них, Or. Nupt. in Zach.,

была представлена, возможно, экспромтом, как можно судить из эпизода, который состоялся после свадьбы: Хорикий нашел записку в аудитории, где было написано, что он не использовал должным образом гомеровскую цитату в своей недавней брачной речи (Chor. p. 195. 3–7; cf. p. 82. 1–6). Он считает, что его участие в свадьбах своих студентов – его обязательство, и он «пытается выполнить его в меру своих способностей» (Chor. p. 87. 16).

Кроме того, как сообщает Прокопий, риторические выступления в виде дружеских конкурсов происходили в Газе, когда какой-то другой оратор посещал город (Cf. Proc. Epist. 46).

Публичным выступлением оратора часто могла быть декламация. В этом случае ее содержание могло быть этического или социального характера, так что ритор мог предложить своей аудитории полезный урок, который также удовлетворял моральные запросы людей. Хорикий замечает, что Прокопий представлял свои работы в театре, чтобы очаровать публику своим красноречием и, в частности, чтобы привить юношам любовь к изучению речей (Chor. p. 112. 17–21). Прокопий также чувствовал свою обязанность проводить частные консультации со многими молодыми людьми и наставлять их, чтобы они могли избежать ненадлежащего поведения и оставаться разумными (Chor. p. 118. 3–5).

Филантропия (наследуя античной эвергесии) была еще одной темой типичной деятельности христианского светского учителя риторики в Газе. В одной из своих речей Хорикий с гордостью объявлял, по-видимому, по политическим, а также дидактическим причинам, некоторые благотворительные (филантропические) акции, сделанные полководцем Суммом (Chor. p. 78. 2–4). В другом случае он заявил, что «важным мероприятием для практикующих добродетель является память о тех, кто жил святой жизнью» (Chor. p. 5. 10–11). Он также перечислял многие из благотворительных мероприятий Прокопия и выразил убеждение, что таким образом он представил более полный образ своего умершего учителя (Chor. p. 118.21–119.19). Прокопий давал деньги на утешение страждущих; известна его помощь сиротам и вдовам, его финансовая помощь нуждающимся из личных ресурсов, его готовность разделять скорбь с теми, кто в трауре.

Во всех этих филантропических, общественных и прочих мероприятиях мастера риторики в Газе всегда находили возможности для выражения своего искусства публично; они могли хвалить или оплакивать, украшать свадьбу или передавать моральное суждение.

Поведение зрителей – клакеры, крики, аплодисменты, речёвки, прыжки

Таковы были публичные риторические представления, а софисты проявляли себя так, что молодые и старые в те дни собирались толпами, чтобы увидеть и послушать их, даже иногда оставаясь, как говорит нам Либаний, на ночь в лекционном зале, чтобы оказаться на публике утром раньше всех, так же, как люди в наши дни, когда в город приезжает любимый актер или певец. В некоторых местах «как только появлялось платье профессора, люди бежали и цеплялись за него, как железо цепляется за магнит» (Lib. Ep. 299a, 289a, 293d).

Василий Великий пишет Либанию (как слушатель) о том, что выступление последнего проходило самым блестящим образом и привлекло столько внимания, что весь народ устремился к нему, так что казалось, что город разделен на два лагеря: Либаний, который сражался на сцене, и все остальные, которые слушали. Никто не хотел остаться в стороне – от сенатора, обладавшего высоким достоинством и положением, и военачальника, отличавшегося своим званием, до простолюдина. Даже женщины приходили толпами. И что же это было за зрелище? Какова его тема? Образ и характер хулигана.

Иногда за выдающимся софистом следовали с места на место его ученики, которые поселялись там, где останавливался софист.

Присутствия Прозерсия в Афинах было достаточно, чтобы привлечь в город образованных людей со всей Греции.

Энтузиазм в лекционном зале часто был очень большим; хлопки в ладоши и крик были наиболее распространенными методами выражения восхищения, и даже старые и

больные мужчины временами вскакивали со своих мест и дико жестикулировали (Lib., I. 63, 10). О том, как хлопали в ладоши и кричали, см. Lib., Iii. 378, 19; Them., 243b, 282d; Eunap., p. 69. Однажды на похоронной речи публика кричала при каждом слове оратора (Procor., Ep., 49), но Плутарх советовал бороться против такой практики (De red. rat., 13). Ср. Lib., I. 87, 3. Иногда непослушные студенты пытались помешать сторонникам оратора криком (Lib., I. 200, 12). Иногда люди кричали до хрипоты (Lib., II. 375, 10), а людей на улице беспокоило улюлюканье в зале софистов (Plut., De red. Rat. Aud., 15; Lib., II. 80).

О прыжках с места во время выступления неоднократно пишут Фемистий и Либаний (Them., 311 с, 315 с, 343 b, 366 с; Lib., Ep., 348, 613, 1593). Порой некоторые представители аудитории настолько возбуждались, что почти делали сальто (Lib., II. 375, 10).

Жестикуляция руками была обычным явлением, как и размахивание плащом (Eunap., p. 73).

Зрители нередко пытались найти экстравагантные, необычные слова похвалы оратору, такие как «божественный», «вдохновленный», «неподражаемый» (Lib., I. 179, 9); «чудесный». Обычными словами были kalos, sophos.

Шипение было признаком неодобрения выступлением оратора (Luc., Nigr., 10), а также вой (Plut., De red. Rat. Aud., 4).

Либаний иногда втайне, наверное, хихикал при мысли, что у него есть один ученик, который кричит, как пятьдесят обычных учеников (Lib., ep. 280). Вынужденный таким образом сделать паузу в своей речи, Либаний улыбался ученику и даже спускался с подиума и подбегал к нему.

Однажды экзальтированная аудитория провозгласила Прозерсия богом, и лично проконсул и его телохранитель сопровождали его из зала (Them. 283a).

Иногда, когда соперничество между разными софистами было велико, а зал был переполнен публикой, то аплодисменты раздавались по заранее оговоренному сигналу под руководством одного из участников группы клакеров.

Когда софист был широко известен, то отрывки из его речей звучали на улице, а порой студенты, собравшись после лекции, пытались склеить отрывки, которые они оставили в своей памяти, чтобы составить (и записать) текст только что услышанной речи.

От честного состязания к мелкой ревности и зависти (II–IV вв.)

Одна из самых приятных черт академической жизни II–III вв. – профессиональная честность, присущая некоторым великим софистам, готовность признать способности даже у соперника.

Это резко контрастирует с духом IV в., который был духом вражды и мелкой ревности, и следует опасаться, что даже в более ранний период лишь величайшие из софистов могли подняться до этой высоты великодушия.

В Orat. 2.14, написанной в начале 380-х гг., Либаний признал, что он словесно избивал многих противников: «Я победил такого-то софиста, который так уменьшился, чтобы заставить замолчать, я бил другого и сверг третьего, я снова сбежал, я испугался многих софистов в Египте и тех трех в Афинах».

Острая враждебность среди софистов – это не новинка Поздней античности, но, похоже, это признак профессии, управляемой тщеславием, где многое зависело от внешнего вида. Враждебные отношения с другими софистами, которые иногда составляли войну (polemos) (Lib. Or. I, 91), способствовали повышенному эмоциональному тону начала Автобиографии Либания.

В каждом городе, где Либаний участвовал в публичных конкурсах и пытался привлечь учеников, он должен был бороться с обидой или открытым антагонизмом других учителей, борющихся за свое собственное выживание.

Иногда софисты путешествовали на большие расстояния, чтобы увидеть и послушать своих знаменитых собратьев-софистов и щедро восхвалить их.

Гимерий был достаточно откровенен, чтобы не раз рассказывать своей аудитории, что сожалеет о том, что не все люди достаточно мудры, чтобы посылать к нему своих сыновей учиться.

Следует помнить, что софист был не только учителем юношества, который временами выходил из классной комнаты, чтобы устроить публичную презентацию своего искусства; он был оратором, порой и придворным оратором своего времени. Если должен был быть освящен храм, если правительственный чиновник, провинциальный магистрат или правитель епархии должны были быть приняты в его округе, если должно быть подано прошение императору или его представителю, то софист был единственным человеком, к которому все обращались, чтобы исполнить этот долг; его услуги были востребованы и в бесчисленных других случаях.

На публичных праздниках он всегда был на виду, и, путешествуя с места на место, он часто обращался с более или менее формальной речью к жителям городов, через которые проходил. Речи, которые произносились во всех этих случаях, носили характер, называемый эпидейктическим и, как правило, носили хвалебный характер.

Выводы

Итак, софист и ритор были популярными фигурами в позднеантичном городе, причастными ко всяческому общественному поводу, и они всегда были готовы предложить публике или властям плоды своего ремесла. Их ученики, а также сограждане почитали и уважали их, как и в случае Прокопия: «всякий раз, когда он появился на рынке, каждый поднимался с места перед ним с уважением» (Chor. p. 117. 1–7; cf. p. 4. 24–5.2). Есть яркая иллюстрация основных функций софиста в городе: «[Прокопий] был пастырем стад молодежи, собирал все разряды граждан на лекциях, и даже прибывающие на рыночную площадь читали его речи» (Chor. p. 121. 8–13).

Таким образом, мастера слова были хорошо знакомы гражданам позднеантичных городов «в лицо», а их публичные выступления и конкурсы имели широкий практический диапазон – от учебно-квалификационного выступления для своих студентов до «шоу» на массовом городском (или даже провинциальном) празднике и до «закрытого показа» перед важным частным лицом и даже самим императором.

В большой мере выступления софистов в V–VI вв., существуя и ранее, заменили собой прежний широкий спектр общественных зрелищ [Weiss, 2014]. Современная аналогия со «звездами» шоу-бизнеса будет едва ли адекватной, но по внешнему восприятию недалекой от истины.

References

- Ashkenazi Y. 1991. Paganism in Gaza in the Fifth and Sixth Centuries. In: *Cathedra*. 60: 106–115.
- Ashkenazi Y. 2004. Sophists and Priests in Late Antique Gaza According to Choricus the Rhetor. In: *The Christian Gaza in Late Antiquity*. Ed. B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. Leiden; Boston: 195–208.
- Barnes T.D. 1996. Christians and the Theater. In: *Roman Theater and Society*. Ann Arbor: 178–180.
- Bolgov N., Bolgova A., Litovchenko E., Prokopenko S., Sinitsa M. 2018. «The fourth sophistry» in the cultural space of later Antiquity (VI th cent.). In: *The turkish online journal of design, art and communication – TOJDAC*, March 2018 special edition: 578–582.
- Bolgova A., Bolgov N. 2013. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricus of Gaza as a mirror of continuity. In: *L’Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l’Antiquite Tardive*. Paris: College de France: 2–3.
- Bowersock G.W. 1969. *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxford, OUP, 152.
- Brunt, Peter A. 1994. The Bubble of the Second Sophistic. In: *BICS*. 39: 25–52.
- Cameron, Averil. 1991. *Christianity and the Rhetoric of Empire*. Berkeley; Los Angeles, UCP, 261.
- Ciccolella F. 2006. «Swarms of the Wise Bee»: Literati and Their Audience in Sixth-Century Gaza. In: *Epistulae Antiquae IV*. Louvain; Paris: 12–27.

- Constantinides C. N. 2003. Teachers and Students of Rhetoric in the Late Byzantine Period. In: Jeffreys, Elizabeth, ed. *Rhetoric in Byzantium. Papers from the 35 Spring Symposium of Byzantine Studies*, Exeter College, University of Oxford (March 2001). Burlington, Vt.: 39–53.
- Cribiore R. 2007. *The school of Libanius in Late Antique Antioch*. Princeton, UP, 376.
- Declercq F. 2009. *De Redenaar onthuld: Choricius Gazaesus' Rhetor: een vertaling en onderzoek naar de fictionaliteit binnen zijn discours*. Gent, Univ., 96.
- Downey G. 1963. *Gaza in the Early Sixth Century*. Norman, UOP, 172.
- Downey G. 1958. *The Christian School of Palestine: A Chapter of Literary History*. In: *Harvard Library Bulletin*. 12: 297–319.
- Heath, Malcolm. 2004. *Menander: A Rhetor in Context*. Oxford, OUP, 374.
- Litsas F.K. 1982. *Choricius of Gaza and His Description of Festivals at Gaza*. In: *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. 32–33: 427–436.
- Litsas, Fotios K. 1980. *Choricius of Gaza: An Approach to His Work*. Diss. Chicago, 342.
- Penella, Robert J. 1990. *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D.: Studies in Eunapius of Sardis*. Leeds, Peeters, 165.
- Russel D.A. 1983. *Greek Declamation*. Cambridge, UP, 141.
- Schouler B. 2005. *Chorikios Déclamateur*. In: C. Saliou (ed.). *Gaza dans l'antiquité tardive. Archéologie, rhétorique et histoire*. Salerno: 117–133.
- Walden J.W.H. 1912. *The Universities of Ancient Greece*. New York, Charles Scribner's Sons, 368.
- Webb R. 2006. *Rhetorical and Theatrical Fictions in Chorikios of Gaza*. In: Johnson S.F. (ed.). *Greek Literature in Late antiquity. Dynamism, Didacticism, Classicism*. Aldershot: 109–123.
- Weiss Z. 2014. *Public Spectacles in Roman and Late Antique Palestine. Revealing antiquity*, 21. Cambridge, MA; London, Harvard University Press, XII, 361.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.06.2022

Received 01.06.2022

Поступила после рецензирования 09.09.2022

Revised 09.09.2022

Принята к публикации 09.09.2022

Accepted 09.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Болгова Анна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории, НИУ «БелГУ», г. Белгород, Россия

Anna M. Bolgova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, National Research University "Bel-SU", Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-8510-093X](https://orcid.org/0000-0001-8510-093X)

УДК 94(37)

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-795-804

Оригинальное исследование

Некоторые аспекты «enkyklios paideia» в корреспонденции Сидония (Ep. IV. 3 и IX. 9)

Литовченко Е.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено выявлению отдельных аспектов энциклопедических знаний («enkyklios paideia»), встречающихся в текстах писем галло-римского аристократа и епископа V в. Сидония Аполлинария. Традиция энциклопедизма, под которой понимается не просто совокупность знаний из разнообразных наук, но стремление к их демонстрации в одном сочинении с целью просвещения читательской аудитории, зародилась еще в Древней Греции. В Древнем Риме она была подхвачена и развита Варроном, Плинием Старшим и Цельсом. Интеллектуалы поздней античности, тяготевшие к классической культуре, также обнаруживают тенденцию к трансляции своей всесторонней образованности (Марциан Капелла, Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский), подражая, прежде всего, Плинию Старшему. Не избежал этой «моды» и Сидоний Аполлинарий, автор коллекции из 147 посланий. Для анализа были выбраны два его послания (Ep. IV. 3 и IX. 9), адресованные друзьям и коллегам по церковной службе, Клавдиану Мамерту и Фавсту Регийскому. Сидоний хвалит своих знакомых за их обширные знания, сравнивает их с известнейшими философами и ораторами античной эпохи, надеясь при этом на равноценный ответ. Автор статьи приходит к выводу, что энциклопедические знания Сидония носили поверхностный характер, демонстрировались им исключительно с целью самопрезентации – представления себя как образованного человека, интеллектуала. «Школярский энциклопедизм» Сидония использовался не для просвещения, а для поддержания эпистолярных связей, поскольку проявлялся в рамках лаудативного (хвалебного) дискурса, предполагавшего аналогичный и скорый ответ адресата.

Ключевые слова: поздняя античность, энциклопедизм, Сидоний Аполлинарий, эпистолярная коллекция

Для цитирования: Литовченко Е.В. 2022. Некоторые аспекты «enkyklios paideia» в корреспонденции Сидония (Ep. IV. 3 и IX. 9). Via in tempore. История. политология. 49 (4): 795–804. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-795-804

Some Aspects of the «enkyklios paideia» in the Correspondence of Sidonius (Ep. IV. 3 and IX. 9)

Elena V. Litovchenko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

Abstract. This paper highlights some aspects of encyclopedic knowledge («enkyklios paideia»), found in the texts of the letters of Sidonius Apollinaris, the Gallo-Roman aristocrat and bishop of the 5th century. The encyclopaedical tradition is understood not like a set of knowledge from various sciences, but as the desire to demonstrate it in one essay in order to educate a reader audience. It was originated in Ancient Greece and was picked up and developed by Varro, Pliny the Elder and Celsus in Ancient Rome. The intellectuals of Late Antiquity, who have gravitated to classical culture, also find a tendency to broadcast

their comprehensive education (Martianus Capella, Boethius, Cassiodorus, Isidore of Seville), imitating, first of all, Pliny the Elder. Sidonius Apollinaris, the author of the collection of 147 letters, did not escape this «fashion». Two of his messages (Ep. IV. 3 and IX. 9), addressed to his friends and fellows in Church service, Claudianus Mamertus and Faustus of Riez were selected for the analysis. Sidonius eulogized his correspondents for their wide knowledge and compared them with the best-known sophists and orators of Ancient Greece and Rome hoping for equal answer. The author comes to the conclusion that the encyclopedic knowledge of Sidonius was superficial in nature; he was shown it just with the aim of self-presentation – representing himself as an educated person, an intellectual. «Schoolish encyclopedism» of Sidonius was used not for enlightenment, but to maintain the epistolary network, since it was manifested as part of the lauditive discourse, which suggested a similar and imminent response of the addressee.

Keywords: Late Antiquity, encyclopedism, Sidonius Apollinaris, epistolary collection

For citation: Litovchenko E.V. 2022. Some Aspects of the «enkyklios paideia» in the Correspondence of Sidonius (Ep. IV. 3 and IX. 9). Via in tempore. History and political science. 49 (4): 795–804 (in Russian). 00-00. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-795-804

Введение

Интеллектуалы, обладающие энциклопедическими знаниями, во все времена вызывали уважение образованной части общества, выполняя, прежде всего, просветительскую функцию. Под «энциклопедическим» мы понимаем всестороннее образование (*enkyklios paideia* или *enkyklopaideia*), осведомленность в различных областях знания; с практической точки зрения энциклопедизм определяется как стремление включить широкий спектр знаний в одну работу [Smiraglia, 2014, p. 2]. Авторы исследования «Энциклопедизм: вчера, сегодня, завтра (статья первая: рефлексия истоков междисциплинарности естествознания и психологии – от древности до Нового времени)» отмечают, что энциклопедическая традиция античности знаменует собой латентно-стихийный этап энциклопедического развития культуры в целом, когда «постепенно формировалась потребность общества в универсальном своде знаний и в неявном, скрытом виде развивалась идея энциклопедизма», в результате чего появлялись культурно-философские трактаты («О природе», «О душе», «О государстве» и т. п.) [Семёнов, Ссорин, 2012, с. 13, 11]. При этом особенностью древнеримского энциклопедизма авторы статьи считают компиляторство, связанное с ориентацией на практическое использование научных знаний [Там же, с. 24].

Ранними примерами римских энциклопедических текстов являются труды Варрона о сельском хозяйстве и ремеслах и Плиния Старшего, которые, по всей видимости, не были предназначены в качестве практического руководства для земледельцев или ремесленников [Formisano, 2013, p. 200], преследуя именно образовательные цели. В эту группу также необходимо включить Корнелия Цельса, который составил обширную энциклопедию («*Artes*»), охватывавшую собой философию, риторику, юриспруденцию, сельское хозяйство, военное искусство и медицину. Сохранился только раздел о медицине в 8 книгах («*De medicina*»). В свое время известный ритор Квинтилиан писал, что Цельс знал «все вещи» (Quint. Inst. Or. XII. 11, 23–4). Представленная «энциклопедическая триада» получила развернутую характеристику в монографии Дж. Кёнига и Г. Вольфа, где, в частности, отмечается, что энциклопедисты вдохновлялись рассуждениями Катона, для которого идеалом *vir bonus* был образованный гражданин, способный активно участвовать в жизни республики [König, Wolf, 2013, p. 38].

Учитывая влияние античной культуры в ее позднеантичном варианте на формирование и развитие западной цивилизации, важно дополнить общую картину становления традиции «энциклопедизма» и оценить вклад отдельных авторов в рассматриваемый феномен.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является коллекция писем галло-римского интеллектуала, аристократа и епископа Сидония Аполлинария (ок. 430 – ок. 485/489 гг.), чье блестящее

образование и талант литератора не раз отмечались его современниками и потомками. Акцент в статье сделан на двух посланиях автора: третьем письме четвертой книги коллегии и девятом заключительной книги. Избранные тексты адресованы друзьям и коллегам Сидония – Клавдиану Мамерту [о нем: Schmid, 1957, S. 176] и Фавсту Регийскому [о нем: Collins, 1983; Литовченко, Парфёнов, 2018] – и являются источниками информации о философских и общенаучных познаниях автора. Помимо писем, в небольшом количестве привлекались также стихотворения Сидония.

Методологической базой исследования выступает комплексный подход к источникам, а также герменевтический подход. Герменевтика имеет большое значение в тех случаях, когда предмет исследования требует интерпретации, особенно если дело касается трактовки человеческих намерений, убеждений, действий или значения человеческого опыта в том виде, в котором он сохраняется в литературе и исторических свидетельствах. «Понимание» текста, к которому стремится исследователь, может быть трактовано как высшая ступень или «успех» интерпретации [Zimmermann, 2015, p. 2]. В нашем случае применение метода интерпретации в рамках герменевтического подхода вполне целесообразно, поскольку мы имеем дело с риторическими текстами, отличающимися многочисленными метафорами, туманными аллегориями и завуалированными намеками. Такого рода риторические установки преобладали в период Поздней античности и являлись маркерами большинства текстов, написанных на латыни.

Результаты и их обсуждение

Среди современных исследователей, так или иначе проявлявших интерес к анализу «энциклопедической» традиции в позднеантичное время, необходимо отметить работу А.М. Шишкова «Средневековая интеллектуальная культура», в которой уделено внимание корпусу семи свободных искусств Марциана Капеллы, латинского философа и эрудита первой половины V века, оказавшего, по словам автора, влияние, хотя и косвенное, на позднейшие классификации знаний, предложенные Боэцием и Кассиодором [Шишков, 2003, с. 15]. Монография В.И. Уколовой, в свою очередь, посвящена анализу перехода от античности к средневековью через призму творческого наследия таких позднеантичных интеллектуалов, как Боэций, Кассиодор и Исидор Севильский с его «Этимологиями», с фигурой которого и связывается возникновение средневекового энциклопедизма [Уколова, 1989]. В зарубежной историографии необходимо отметить статью Марко Формизано с кратким обзором позднелатинского энциклопедизма («Поздний латинский энциклопедизм: к новой парадигме практического знания» [Formisano, 2013, p. 199–204]), где он пытается обосновать новаторский потенциал эпитом и литературы энциклопедического характера, которые обычно рассматриваются лишь в качестве консервативного инструмента для передачи знаний. Текст Формизано представляет собой раздел в коллективной монографии под редакцией Джейсона Кёнига и Грега Вольфа, которые, в свою очередь, исследовали развитие энциклопедической традиции в Риме в главе «Энциклопедизм в Римской империи» [König, Wolf, 2013], в то время как Шейн Бьорнли в нескольких исследованиях анализировал «Variae» на предмет наличия, мотивов и целей энциклопедических экскурсов Кассиодора [Bjornlie, 2009, 2015]. Что же касается Сидония, то обозначенная нами проблема еще не становилась предметом специального исследования, за исключением работы Агнес Хорват «Образование Сидония Аполлинария в свете его цитат» [Horvath, 2000], представляющей краткое обозрение знаний позднеантичного интеллектуала: от литературных и языковых до библейских. Наше исследование сосредоточено в основном на двух посланиях Сидония, акцент сделан преимущественно на энциклопедических – философских и научных познаниях позднеантичного автора.

Поскольку жизнь и творчество Сидония пришлось на переходную эпоху Поздней античности, целесообразно взглянуть и на период последующий. Основателем средневекового

энциклопедизма традиционно считается Исидор Севильский [Brehaut, 1912], как уже было отмечено выше. Кроме него, за пределами хронологических рамок Римской империи, но вполне укладываясь в рамки позднеантичной эпохи, энциклопедистом можно считать Кассиодора Сенатора, который при остготском дворе исполнял роль проводника античной культуры. В его «Вариях», сборнике административной корреспонденции от лица королей и его собственного имени, несколько посланий каждой книги демонстрируют тщательный анализ энциклопедических тем, относящихся к разным областям знания – географии, биологии, истории, искусству [подробнее об этом см.: Bjornlie, 2009]. Поскольку *enkyklios paideia* почерпнут Кассиодором из сложившейся интеллектуальной традиции, основанной на дискурсивном представлении знаний, его стратегия по избирательному распределению энциклопедического контента по всей коллекции соответствовала установленной ранее модели представления универсальных знаний [Bjornlie, 2015]. Каждое отклонение от основной темы ради энциклопедических отступлений в конкретном письме связано с обоснованием действий или решений королевской власти в конкретном случае (Var. IV. 50, VIII. 31, IX. 2, XI. 14, XI. 39, XII. 4, XII. 12, XII. 14, XII. 15, XII. 22 etc.). Безусловно, в такого рода энциклопедических вставках мы можем обнаружить аллюзии на «Естественную историю» Плиния (например, Cass. Var. III. 48, 4 и Plin. NH IX. 31, 51; Cass. Var. IX. 42, 67 и Plin. NH IX. 48, 72, etc.) [более подробно об этом см.: Литовченко, 2021, с. 440-442].

Воздать почести интеллектуальному багажу представителя позднеантичной элиты и заодно продемонстрировать свои собственные познания можно было посредством лаудативного дискурса, иначе говоря, хвалебной речи (*laudatio*)⁴⁵. Так, Бозций, один из столпов интеллектуальной традиции позднеантичного времени, вызывавший у Кассиодора восхищение, прежде всего, своей образованностью, удостоился такой похвалы: «...Ты передал потомкам Ромула все лучшее, что даровали миру наследники Кекропса. Благодаря твоим переводам музыкант Пифагор и астроном Птолемей читаются на языке италийцев; арифметик Никомах и геометр Евклид воспринимаются на авсонийском наречии; теолог Платон и логик Аристотель рассуждают между собой на языке Квирина. Да и механика Архимеда ты вернул сицилийцам в латинском обличи... Всех их ты сделал ясными посредством подходящих слов, понятными – посредством точной речи, так что, если бы они могли сравнить свои творения с твоими, то, возможно, предпочли бы твое» (Var. I. 45) [пер. с лат.: Шкаренков, 2008, с. 88–89].

Такого рода восхваления присутствуют и в корреспонденции Сидония Аполлинария. Этот галло-римский аристократ и епископ Клермона является необходимым звеном в непрерывной цепи античного письмописания, сохранявшего традиции классической эпистолографии.

Уроженец Лиона, принадлежавший к знатному и богатому чиновничьему роду, получивший хорошее воспитание (*liberaliter instituti*) и отличное риторическое образование⁴⁶, Сидоний посвящает свой *otium* напряженной литературной деятельности: в молодости пишет стихи и письма, с возведением в сан отказывается от поэзии как легкомысленного, не подобающего епископу занятия, но продолжает переписку и все же, поддаваясь внутренней необходимости выражать себя через рифмованные строки, вставляет стихотворения в тексты посланий.

Сидоний изобретательно и со вкусом придает внешний глянец своим произведениям, что в целом характерно для позднелатинской поэзии и прозы, сочетая известную и редкую лексику, предпочитая метафоричность и мелкие детали событий, нежели панорамную картину позднеантичного бытия [Kelly, Waarden, 2020, p. 2; подробнее об этом

⁴⁵ В прозе – в тексте письма, в отличие от поэтического панегирика.

⁴⁶ Грамматику Сидоний изучал в Лионе, риторике, вероятно, в Арле, так как этот город был местом пребывания префекта претория Галлии, которым был отец Сидония при императоре Валентиниане III. О своих учителях Сидоний ничего не сообщает, только об «однокурсниках», одним из которых был Клавдиан Мамерт [Kelly, Waarden, 2020, p. 26].

см.: Roberts, 1989]. Превознося латинскую ученость, Сидоний мог демонстрировать знание греко-римской философии и науки. Определиться с тем, насколько глубоки были энциклопедические познания нашего автора, поможет анализ его письменного наследия.

Хвалить друг друга в переписке было необходимым условием ее продолжения, поскольку подразумевалось, что представление в самом выгодном свете ума и образованности адресата вызовет ответное письмо такого же характера, а постоянный поток писем являлся гарантом систематического функционирования «эпистолярных сетей» позднеантичного общества и маркером социальной идентичности – если с тобой в постоянной переписке состоят лучшие люди (*boni viri*), следовательно, и ты сам полноправный член узкого элитарного сообщества аристократов-интеллектуалов.

Пассаж, подобный тому, который адресовал Кассиодор Бозцию, присутствует в письме Фавсту Регийскому, которого Сидоний считал своим духовным покровителем, так как получил от него крещение. Восхваляя красноречие Фавста, Сидоний утверждает, что «...кто бы ни бросил тебе вызов, – стоик, киник, перипатетик, ересиарх, – все будут побиты их же собственным оружием и раздавлены их собственными приемами» (Sid. Ep. IX. 9, 15)⁴⁷, перед этим перечисляя известных ему греческих философов – Спевсиппа, Арата Сикионского, Зенона, Диогена, Эпикура, Сократа, Аристотеля, Ксенократа, Гераклита, Демокрита, Хрисиппа из Сол, Евклида и Клеанфа (IX. 9, 14). Агнес Хорват пишет, что упоминание Эпикура так же, как и ссылки на произведения Горация и Лукреция, могли бы свидетельствовать о его знании эпикурейской философии, а выдержки из Персия и Сенеки – о его знакомстве со стоицизмом. Однако эти цитаты, если опираться на свидетельства параллельных отрывков, в большей степени привлекли Сидония их поэтической красотой, чем глубоким содержанием [Horvath, 2000, p. 156]. Поэтому философски настроенный читатель будет разочарован: кроме простого перечисления известных имен, в лучшем случае сопровождаемого эпитетами⁴⁸, мы не обнаружим никаких концептуальных выводов. Между тем значение философии, сформировавшей в конечном итоге науку как особую форму общественного сознания, подтверждается невероятной популярностью на протяжении более чем тысячелетия труда уже упомянутого нами выше труда Бозция «Утешение философией» [об этом см.: Kaylor, Phillips, 2012].

Еще один фрагмент данного послания показывает нам то значение, которое придавал философии лично Сидоний: используя достаточно распространенный в античной литературе сюжет брака, он говорит о союзе Фавста, прежде всего как человека Церкви, с Философией. Он называет Философию красивой женщиной (*mulierem pulchram*), с которой Фавст «сочетался узами брака»: «...наделенный всеми интеллектуальными и литературными дарами, ты объединился с красивой женщиной, увидав ее на поле битвы среди вражеских войск, ... очистив ее от мрачной диалектики и ложной морали, ты соединился с ней в тесной близости и мистических объятиях (IX. 9, 12); ... она была твоим верным союзником с самых ранних лет, независимо от того, практиковал ли ты свои навыки на арене многолюдного города или усмирял плоть в глубокой пустыне; в Атене она была с тобой и в монастыре. Кто бы ни побудил тебя присоединиться к этому браку (*matrimonio*), он почувствует, что академия Платона служит церкви Христа, ... чтобы утвердить невыразимую мудрость Бога-Отца вместе с вечностью Святого Духа» (IX. 9, 13). В этих фразах Сидония слышится отзвук давно отшумевших баталий, в которых свое веское слово о пользе античной мысли для христианской философии произнес еще Климент Алексан-

⁴⁷ Здесь и далее перевод посланий Сидония наш, если не указано иное [перевод выполнен по изданию: Luetjohann, Krusch, 1887].

⁴⁸ Например, «Гераклит плачет, глаза закрыты, Демокрит улыбается, губы открыты» (*Heraclitus fletu oculis clausis Democritus risu labris apertis*) – зримое выражение сложившегося еще в античности топоса о «плачущем Гераклите и смеющемся Демокрите», базирующегося на контрастном отношении двух философов к роду человеческому.

дрийский; в письме позднеантичного аристократа и епископа античная философия, очищенная от всего языческого, поставлена на службу христианству.

Более показательным в плане проявления образованности в лаудативном дискурсе является другое письмо Сидония, адресованное Клавдиану Мамерту⁴⁹. В интересующем нас тексте Сидоний очень высоко оценивает талант Клавдиана, приславшего ему свой трактат «О природе души» (*De statu animae*), он пишет, что «ни сами Афины не были столь аттичны, ни музы столь мусичны, как Клавдиан» (IV. 3, 9).

Расписывая достоинства трактата, Сидоний концентрируется опять же не на его доктринальном содержании, а на его стилистике, которую галло-римский аристократ ценил превыше всего и, что немаловажно, понимал, в отличие от предмета дискуссии⁵⁰.

Весь немалый текст данного письма посвящен восхвалению его друга, посредством чего Сидоний показывает, насколько блестяще образован он сам: «...я не должен оценивать твои достижения, сравнивая их с серьезностью Фронтоня или мощью Апулея; ибо по сравнению с тобой Варроня, и тот, что из Атакса, и тот, что из Реата, и Плиния, дядя и племянник, всегда будут казаться провинциалами...» (IV. 3, 1). Образование своего друга Сидоний считает «непревзойденным, уникальным, ... заметным во многих областях и позволяющим вести себя свободно с великими мастерами в обсуждении любого предмета». «[Ты]», – продолжает автор письма, – «не стесняешься при необходимости владеть плектром с самим Орфеем, или посохом с Эскулапом, или правилом с Архимедом, гороскопом с Евфратом, компасами с Пердиксом, отвесом с Витрувием; не перестаешь исследовать время с Фалесом или звезды с Атласом; изучать вес с помощью Зета, числа с Хрисиппом или измерения с Евклидом» (Ibid. 3, 5). ... Вот писатель, который имеет представление о Пифагоре, ясную логику Сократа; он может раскрыть [любую] тему с Платоном или же с Аристотелем» (Ibid. 3, 6).

Несмотря на то, что здесь мы встречаем целый ряд имен античных ученых – Сидоний упоминает Архимеда, Фалеса, Евклида, Пифагора, можно заключить, что галло-римский аристократ не особенно интересовался естественными науками. Возникает устойчивое ощущение, что он не знал этих деятелей науки лучше, чем упомянутых им философов, и, вероятно, не имел представления об их роли в истории математики как науки. Данный тезис подтверждает тот факт, что его знания о естественных науках были получены в основном из двух работ: «О природе вещей» (*De rerum natura*) Лукреция и «Естественная история» (*Naturalis historia*) Плиния Старшего (Lucretius I. 257: Sid. Carm. IV. Lucretius II. 353: Sid. Carm. II. 83. Lucretius III. 102: Sid. Carm. XV. 110. Lucretius V. 1151: Sid. Ep. V. 13, 2; Plin. Nat. hist. VII. 1: Sid. Ep. VII. 14, 3; Plin. Nat. hist. XXXVI. 13, 9: Sid. Ep. II. 5, 1) [Horvath, 2000, p. 158].

Его географические познания также можно считать весьма скромными: он был знаком с итинерарием Рутилия Намациана – «О своем возвращении» (*De reditu suo*: Rut. Nam. 1.

⁴⁹ Клавдиан Мамерт (ум. ок. 473 г.) – галло-римский теолог, брат св. Мамерта (ум. ок. 475 г.), епископа Вьенна. Происходил, вероятно, из знатнейшей семьи, но отказался от мирских благ и принял монашескую жизнь. Он помогал своему брату в выполнении его функций, занимался литургическим пением. Сидоний также сообщает, что Клавдиан составил сборник фрагментов из Священного Писания на случай определенных церковных праздников (Ep. IV. 11, 6; 5, 13–15). Клавдиан Мамерт был автором теологического произведения о природе души «*De Statu Animae*», посвященного, кстати, Сидонию, в котором развенчивался тезис о телесности души, предложенный в свое время Фавстом Регийским. Его язык и стиль характеризуются подражанием Невию, Плавту, Варрону и Гракху, хотя очевидно, что он знаком был с этими авторами по отрывкам из трудов грамматиков и Апулея, которого с удовольствием читал. Сидоний представляет его знатоком архаизмов и «антикваром» (*nova ibi verba, quia vetusta, quibusque conlatus merito etiam antiquarum litterarum stilus antiquaretur*) (Ep. IV. 3, 3).

⁵⁰ Очевидно, что самые глубокие познания Сидоний демонстрирует именно в литературе: он прекрасно знаком с классиками – Теренцием, Плавтом, Вергилием и др. На первый взгляд кажется, что он не чужд и истории, по крайней мере, он цитирует Саллюстия (Ep. II. 1, 1), Цезаря (V. 13, 1), Тита Ливия (VIII. 16, 4), Светония (III. 12, 3), Тацита (III. 1, 4; III. 5, 2) etc., однако он использует цитаты историков исключительно в риторическом контексте, не комментируя и не интерпретируя события прошлого, подобно Павлину Ноланскому, который отмечал, что его «изыскания никогда не были направлены на исследование и сопоставление исторических фактов» (Paul. Nol. Ep. 28. 5).

82: Sid. Carm. VII. 503; Rut. Nam. 1. 129; Sid. Carm. V. 63; Rut. Nam. 1. 172; Sid. Carm. 26 etc.), но это, скорее, топографические знания, чем географические [Horvath, 2000, p. 159]. Сам Сидоний в жанре итинерария ограничился описанием своего путешествия в Рим, сопровождавшимся серьезным недомоганием (Sid. Ep. I. 5)⁵¹. А. Хорват считает, что Сидоний также был знаком с трудом Витрувия, поскольку описания зданий, встречающиеся в его корреспонденции, выдают и его архитектурные знания. В качестве аргументов историк ссылается на два письма Сидония (Sid. Ep. II. 2; IV. 3, 5), что, на наш взгляд, несколько «притянута за уши», поскольку описания сооружений как такового они не содержат, но известно несколько других писем Сидония, в которых упоминается о строительстве церковных зданий (Ep. II. 10; V. 8). Так, восьмое послание пятой книги адресовано Секундину, поэту, автору гекзаметров в честь епископа Пацентия (епископ Лиона ок. 450 г.), высеченных на стене базилики, построенной последним в Лионе. Речь идет о Базилике Святых апостолов Петра и Павла, возведенной в V в. на месте языческого храма⁵². Именно по просьбе Пацентия Сидоний сделал соответствующую посвященную надпись, в которой дается описание церкви, возвышающейся во всем ее великолепии, «...с высоко вздымающимся фасадом, смотрящим на равноденственный восход солнца». «Вся наполненная светом изнутри, а позолота кессонного⁵³ потолка притягивает золотые солнечные лучи. Вся базилика яркая, декорированная разнообразными сортами мрамора, пол, своды и окна украшены фигурами самого разного цвета, а мозаика цвета весенней зелени окантована смальтой сапфинового оттенка. Вход в тройной портик гордо покоится на Аквитанских колоннах; второй портик подобной конструкции закрывает атриум на дальней стороне, а пространство между ними поддерживается целым лесом колонн...» (Ep. II. 10, 4) [Литовченко, Шилина, 2018, с. 109]. Безусловно, «Десять книг об архитектуре» (*De architectura libri decem*) Сидоний читал, но вряд ли обладал действительно обширными познаниями в этой области.

Возвращаясь к интересующему нас посланию, отметим, что Сидоний сравнивает Клавдиана Мамерта также с величайшими из ораторов и политических деятелей: «... ему присущ шарм Эсхина и гнев Демосфена; он такой же свежий и яркий, как Гортензий; он бушует, как Цетег, стремителен, как Курион, осторожен, как Фабий; в изяществе – равен Крассу, в сдержанности – Цезарю, в морализаторстве – Катону, в разубеждении – Аппию, в убедительности – самому Туллию» (Ibid. 3, 6). Далее Сидоний характеризует духовную составляющую личности Клавдиана Мамерта: «Сравнивая же со святыми отцами, вы найдете его поучительным, как Иероним, разрушительным, как Лактанций, конструктивным, как Августин, выпранным⁵⁴, как Иларий, смиренным, как Иоанн; Василий – в упреке, в утешении – Григорий. Он свободно говорит, подобно Орозию, кратко, подобно Руфину; у него есть дар повествования Евсевия и сила Евхерия, чтобы взволновать – оживляющий глас Павлина и настойчивость Амвросия» (Ibid. 3, 7). И, наконец, чисто литературные нюансы: «Это твоя особая заслуга, что ты соблюдаешь каждую стопу в метре, каждый слог в стопе и каждое ударение в слог; ... ты умудряешься употреблять все богатство слов; сжатый, лаконичный метр не исключает красоту витиеватой манеры. Для тебя простая игра – [манипуляции] с крошечными хорями и мельчайшими пиррихиями (стопами), которая по эффективности превосходит не только молосский и анапестический троичный, но даже четверич-

⁵¹ Полный перевод данного послания под названием «Путешествие по Италии современника падения Западной Римской империи (Письмо к Геронию, 467 г.)» осуществлен Михаилом Стасюлевым и опубликован в издании: История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.) [Стасюлевич, 2001, с. 61–64].

⁵² Позже и ныне Кафедральный собор Сен-Жан или Собор Святого Иоанна Крестителя (фр. Cathédrale Saint-Jean-Baptiste de Lyon). Позднее, в VII в., как придел к основному зданию церкви был пристроен баптистерий Св. Иоанна.

⁵³ Кессон – многоугольное углубление; кессонный потолок включает поперечные и продольные балки, декорированные орнаментом.

⁵⁴ Букв. «*attollitur*», что можно перевести и как вздымающийся, возвышающийся, воодушевленный.

ный, эпитритный и пеонийский ритмы (*molossicas anapaesticasque ternarias sed epitritorum etiam paeoniumque quaternatas supervenire iuncturas*)» (Ibid. 3, 8).

Однако этот последний отрывок в гораздо меньшей степени связан с «*enkyklios paideia*», чем представленные выше, поскольку выдает осведомленность Сидония конкретно в риторике.

Заключение

Мы позволили себе привести здесь почти полный перевод письма Клавдиану Мармерту наряду с выдержками из послания Фавсту, поскольку считаем их наиболее показательными в плане содержания имен тех античных литераторов, ученых и богословов, о которых не упоминалось в связи со стандартными риторическими знаниями, хотя, конечно, эти перечисления по большей части свидетельствуют о широте, нежели глубине знаний нашего автора. Безусловно, «энциклопедизм» в полном смысле этого слова не был целью и сильной стороной Сидония, как для приведенных нами в качестве примеров авторов, указанных в начале статьи. Те крохи научных знаний, которые мы рассмотрели в избранных текстах Сидония, а они вполне отражают целостную картину, воссоздающуюся по его стихотворениям и переписке, воспроизводят своего рода «школярский энциклопедизм». На фоне общего падения уровня образования, отмеченного многими позднеантичными авторами (Аммиан Марцеллин, Сидоний, Авит и др.), продемонстрированного знания имен известных философов, ораторов, ученых и богословов оказалось достаточно, чтобы подать себя на страницах переписки в выгодном свете. Сидоний состоялся, прежде всего, как весьма одаренный поэт и эпистолограф и, видимо, просто не видел необходимости углубляться в философию или естественные науки. Очевидно, что Сидоний не считал своей миссией реализацию просветительской функции, а те, весьма поверхностные знания, которые он демонстрирует собеседнику и более широкому кругу читателей, использовались им в основном для формирования собственного имиджа интеллектуала и ценителя классической литературы, а также для поддержания социальных связей посредством корреспонденции, поскольку, как мы уже отмечали выше, чем более вычурное восхваление было адресовано другу по переписке, тем более развернутый аналог гарантировал его ответ.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00284 «Социальные сети как механизм влияния в общественно-политической и духовной жизни латинского Запада в IV–VI вв.». – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00284/>.

Список литературы

- Литовченко Е.В. 2021. Позднеантичная эпистолография в контексте медиализации и культурного континуитета на латинском Западе (IV–VI вв.). Дисс. д-ра ист. наук. Белгород. 804.
- Литовченко Е.В., Парфёнов В.Н. 2018. Фавст Регийский – «святитель, недостойною лирой воспетый». В: Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. 45 (4): 638–645.
- Литовченко Е.В., Шилина С.В. 2018. Патронат и эвергетизм в позднеантичном обществе (по материалам сочинений авторов V – первой половины VI веков). В: Вестник Нижневартбургского государственного университета. Гуманитарные науки. 4: 103–113.
- Семёнов И.Н., Скорин Ю.А. 2012. Энциклопедизм: вчера, сегодня, завтра (статья первая: рефлексия истоков междисциплинарности естествознания и психологии – от древности до Нового времени). В: Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 5–6: 7–46.
- Стасюлевич М.М. (сост.) 2001. История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). М., АСТ; СПб., Полигон, 496.
- Уколова В.И. 1989. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). М., Наука, 320.
- Шишков А.М. 2003. Средневековая интеллектуальная культура. М., Издатель Савин С.А., 592.

- Шкаренков П.П. 2008. *Flavii Cassiodori vita ac iter: автор и риторическая традиция на рубеже античности и средневековья*. В: Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 9: 83–101.
- Bjornlie Sh. 2015. *Rhetoric of Varietas and Epistolary Encyclopedism in the Varias of Cassiodorus*. In: *Shifting Genres in Late Antiquity*. G. Greatrex (ed). Ashgate: 289–303.
- Bjornlie Sh. 2009. *What Have Elephants to Do with Sixth-Century Politics?* In: *Journal of Late Antiquity*. 2 (1): 143–171.
- Brehaut E. 1912. *An encyclopedist of the Dark Ages: Isidore of Seville*. New York, Columbia University, 274.
- Collins R.J.H. 1983. *Faustus von Reji*. In: *Theologische Realenzyklopädie*. Band 11. G. Krause, G. Müller (eds.). Berlin, New York, W. de Gruyter: 63–67.
- Formisano M. 2013. *Late Latin encyclopaedism: towards a new paradigm of practical knowledge*. In: *Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance*. J. König, G. Wolf (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 199–204.
- Horvath A.T. 2000. *The Education of Sidonius Apollinaris in the Light of his Citations*. In: *Acta Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis*. T. XXXVI: 151–162.
- Kaylor N.H., Phillips Ph. E. (eds.). 2012. *A Companion to Boethius in the Middle Ages*. Leiden, Brill, 662.
- Kelly G., Waarden J. van. (eds.). 2020. *The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 856.
- König J., Wolf G. (eds.) 2013. *Encyclopaedism in the Roman Empire*. In: *Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance*. Cambridge, Cambridge University Press, 601.
- Luetjohann C., Krusch B. (eds.). 1887. *Apollinaris Sidonii Epistolae et carmina*. In: *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*. T. VIII. Berlin: Weidmann, 484.
- Roberts M. 1989. *The Jeweled Style. Poetry and Poetics in Late Antiquity*. Cornell University Press, 192.
- Schmid W. 1957. *Claudianus Mamertus*. In: *Reallexikon für Antike und Christentum: Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt*. Vol. 1. P. 3. F.J. Dölger (ed.) Stuttgart: Hiersemann Verlag: 169–179.
- Smiraglia R. 2014. *Introduction: An Overview of Knowledge Organization*. In: *The Elements of Knowledge Organization*. Cham: Springer, 101.
- Zimmermann J. 2015. *Hermeneutics: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 144.

References

- Litovchenko E.V. 2021. *Pozdneantichnaya epistolografiya v kontekste medievalizacii i kul'turnogo kontinuiteta na latinskom Zapade (IV–VI vv.)* [Late Antique epistolography in the context of medievalization and cultural continuity in the Latin West (4th–6th A. D.)]. Diss. d-ra. ist. nauk. Belgorod. 804 (in Russian).
- Litovchenko E.V., Parfyonov V.N. 2018. *Favst Regijskij – «svyatitel', nedostojnoyu liroj vospetyj»* [Faustus of Riez, «Great priest, who hymned by indign lyre»]. In: *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya, politologiya*. 45 (4): 638–645 (in Russian).
- Litovchenko E.V., Shilina S.V. 2018. *Patronat i evergetizm v pozdneantichnom obshchestve (po materialam sochinenij avtorov V – pervoj poloviny VI vekov)* [Patronage and euergetism in Late antique society (based on the works of the 5th – first half of 6th centuries)]. In: *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 4: 103–113 (in Russian).
- Semenov I.N., Ssorin Yu.A. 2012. *Enciklopedizm: vchera, segodnya, zavtra (stat'ya pervaya: refleksiya istokov mezhdisciplinarnosti estestvoznaniya i psihologii – ot drevnosti do Novogo vremeni)* [Encyclopedism: yesterday, today and tomorrow (Article I: The reflection of origins of interdisciplinarity of science and psychology – from antiquity to modern times)]. In: *Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*. 5–6: 7–46 (in Russian).
- Stasyulevich M.M. (sost.) 2001. *Istoriya Srednih vekov: ot padeniya Zapadnoj Rimskoj imperii do Karla Velikogo (476–768 gg.)* [History of the Middle Ages: From the Fall of the Western Roman Empire to Charlemagne (476–768)]. M., AST; SPb., Poligon, 496 (in Russian).
- Ukolova V.I. 1989. *Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ya (konec V – nachalo VII veka)* [Antique heritage and culture of the early Middle Ages (late 5th – early 7th century)]. M., Nauka, 320 (in Russian).
- Shishkov A.M. 2003. *Srednevekovaya intellektual'naya kul'tura* [Medieval intellectual culture]. M., Izdatel' Savin S.A., 592 (in Russian).

- Shkarenkov P.P. 2008. Flavii Cassiodori vita ac iter: avtor i ritoricheskaya tradiciya na rubezhe antichnosti i srednevekov'ya [Flavii Cassiodori vita ac iter: author and rhetorical tradition at the turn of Antiquity and the Middle Ages]. In: Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. No 9: С. 83–101 (in Russian).
- Bjornlie Sh. 2015. Rhetoric of Varietas and Epistolary Encyclopedism in the Variae of Cassiodorus. In: Shifting Genres in Late Antiquity. G. Greatrex (ed). Ashgate: 289–303.
- Bjornlie Sh. 2009. What Have Elephants to Do with Sixth-Century Politics? In: Journal of Late Antiquity. 2 (1): 143–171.
- Brehaut E. 1912. An encyclopedist of the Dark Ages: Isidore of Seville. New York, Columbia University, 274.
- Collins R.J.H. 1983. Faustus von Reji. In: Theologische Realenzyklopädie. Band 11. G. Krause, G. Müller (eds.). Berlin, New York, W. de Gruyter: 63–67.
- Formisano M. 2013. Late Latin encyclopaedism: towards a new paradigm of practical knowledge. In: Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance. J. König, G. Wolf (eds.). Cambridge, Cambridge University Press: 199–204.
- Horvath A.T. 2000. The Education of Sidonius Apollinaris in the Light of his Citations. In: Acta Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis. T. XXXVI: 151–162.
- Kaylor N.H., Phillips Ph. E. (eds.). 2012. A Companion to Boethius in the Middle Ages. Leiden, Brill, 662.
- Kelly G., Waarden J. van. (eds.). 2020. The Edinburgh Companion to Sidonius Apollinaris. Edinburgh, Edinburgh University Press, 856.
- König J., Wolf G. (eds.) 2013. Encyclopaedism in the Roman Empire. In: Encyclopaedism from Antiquity to the Renaissance. Cambridge, Cambridge University Press, 601.
- Luetjohann C., Krusch B. (eds.). 1887. Apollinaris Sidonii Epistolae et carmina. In: Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. VIII. Berlin: Weidmann, 484.
- Roberts M. 1989. The Jeweled Style. Poetry and Poetics in Late Antiquity. Cornell University Press, 192.
- Schmid W. 1957. Claudianus Mamertus. In: Reallexikon für Antike und Christentum: Sachwörterbuch zur Auseinandersetzung des Christentums mit der antiken Welt. Vol. 1. P. 3. F.J. Dölger (ed.) Stuttgart: Hiersemann Verlag: 169–179.
- Smiraglia R. 2014. Introduction: An Overview of Knowledge Organization. In: The Elements of Knowledge Organization. Cham: Springer, 101.
- Zimmermann J. 2015. Hermeneutics: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 144.
- Zimmermann J. 2015. Hermeneutics: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 144.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.06.2022

Received 01.06.2022

Поступила после рецензирования 10.09.2022

Revised 10.09.2022

Принята к публикации 10.09.2022

Accepted 10.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Литовченко Елена Викторовна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории историко-филологического факультета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Elena V. Litovchenko, Doctor of Historical Sciences, head of the Department of World History, Faculty of History and Philology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-1203-6049](https://orcid.org/0000-0002-1203-6049)

УДК 94

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-805-811

Оригинальное исследование

Евангелизация язычников: взгляд Алкуина

Ильина А.А.

Ивановский государственный университет,
153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, 39
by.ginevra085@gmail.com

Аннотация. В статье на основе анализа писем Алкуина, так или иначе затрагивающих проблему язычников, определяется его отношение к методам проводимой во времена Карла Великого евангелизации. Автор статьи объясняет выбор Алкуином своих адресатов, доказывает, что Алкуин был сторонником идеи «мягкой» христианизации через убеждение и проповедь, обосновывает выбор Алкуином тем и аргументов. В результате сравнения предложенной Алкуином модели евангелизации с опытом христианизации франками саксов автор приходит к выводу, что, возможно, евангелизация саксов и аваров обрела новые формы и стала более эффективной под влиянием Алкуина.

Ключевые слова: Алкуин Йоркский, письма Алкуина, каролингские завоевания, Арн Зальцбургский, евангелизация язычников

Для цитирования: Ильина А.А. 2022. Евангелизация язычников: взгляд Алкуина. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 805–811. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-805-811

Evangelization of the Pagans: Alcuin's View

Anastasiya A. Ilyina

Ivanovo State University
39 Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russia
by.ginevra085@gmail.com

Abstract. The purpose of this article is to characterize Alcuin's attitude to the evangelization of the pagans by analyzing his letters. The author explains Alcuin's choice of his addressees and tries to recreate the purpose of writing letters, identifies and analyzes the main topics of these letters, characterizes the sources of Alcuin; tries to determine the result of Alcuin's writing of these letters. As a result, author concludes, that several letters of Alcuin are devoted to the theme of the evangelization of the pagans, of which one is addressed to Charlemagne; one is addressed to Megenfrid, and three ones to Arn, Bishop of Salzburg. In his letters, Alcuin writes about the reasons for the failures in the evangelization of the Saxons, the correct procedure for receiving baptism, the ideal missionary. Alcuin's model of evangelism is mission through persuasion and preaching. Alcuin writes about how it will be right, that is, as determined by Holy Scripture and the writings of the Church Fathers, the theses of which he uses as arguments. Letters could be written to reinforce the recipients in already known and «correct» ideas, to make it clear, where to look for answers to questions that may arise, and to share these ideas with others. It is difficult to say how much Alcuin's advice was received and whether they influenced the policy of Christianization of Charlemagne.

Key words: Alcuin of York, letters of Alcuin, Carolingian conquests, Arn of Salzburg, evangelization of pagans

For citation: Ilyina A.A. 2022. Evangelization of the Pagans: Alcuin's View. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 805–811 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-805-811

Введение

Усиление и расширение Франкского королевства в ходе многочисленных завоеваний, формирование империи в территориальном смысле этого слова нередко считается наиболее заметным итогом деятельности Карла Великого [Лебек, 1993, с. 255]. Эти завоевания, в свою очередь, приводили к проведению на покоренных территориях не только административной политики, но и политики евангелизации. Евангелизация должна была, во-первых, закреплять успех завоеваний [Maug-Harting, 1996, p. 1115], а во-вторых, расширять христианский мир и способствовать спасению не только новообращенных народов, но и инициаторов их обращения.

Христианизация первого покоренного Карлом Великим языческого народа – саксов, судя по источникам, её описывающим – «Анналам королевства франков» [Annales regni Francorum], «Жизни Карла Великого» Эйнгарда [Einhard, 7], «Капитулярию для областей Саксонии» [см. Дряхлов, 2014, с. 54], а также художественным произведениям [см. Garrison, 1994, p. 133], – отличалась жестокостью и оканчивалась неудачей. Саксы упорно сопротивлялись и воспринимали христианство исключительно как символ франкского ига, отождествляли его со своим подчинением и угнетением [Cusack, 2012, p. 40].

Если пользоваться классификацией, согласно которой исследователи выделяют три варианта насаждения христианства среди язычников: 1) христианская миссия, опирающаяся на вооруженную силу; 2) миссия путем деяний (чаще всего, разрушений языческих святынь); 3) миссия через убеждение и проповедь [Dierkens, p. 83–84], то христианизацию Карлом саксов, по-видимому, можно отнести к первому варианту [Дряхлов, 2007, с. 23].

Некоторые исследователи, анализируя *Анналы*, предполагают, что король франков видел только два варианта будущего для саксов – либо их полное обращение в христианство, либо полное уничтожение [Duggan, 1997, p. 49]. Американский историк Стивен Стофферан полагает, что такая «радикализация» миссионерской работы произошла ещё до Карла под влиянием мученической смерти Бонифация [Stofferahn, 2009, p. 462].

Неудивительно, что эта проблема нашла отражение в эпистолярном наследии советника Карла Великого Алкуина – крупнейшего интеллектуала рубежа VIII–IX вв., активно реагировавшего на все актуальные для своего времени вопросы.

При знакомстве с почти тремя сотнями писем Алкуина к самым разным адресатам можно заметить, что покорение языческих народов и их обращение в христианскую веру волновало этого ученого мужа на протяжении нескольких лет. В посланиях, вызванных совершенно иными проблемами, нередко появляются строчки о соседях-язычниках – в качестве назидательного примера или при обсуждении последних новостей (см. Alc. Epp. 6, 7, 25, 41, 43, 44, 49, 50, 145, 147, 149, 153, 169, 174, 177, 184, 207).

Тем не менее среди наследия Алкуина можно найти и группу писем, посвященных исключительно теме христианизации язычников (см. Alc. Epp. 107, 110, 111, 112, 113). Поводом для их написания послужило отправление Карлом миссионеров к другому покоренному им народу – аварам, тем не менее Алкуин активно использует в качестве примеров ситуацию с саксами. Обратившись к этим письмам, мы можем увидеть, как Алкуин оценивал политику христианизации, проводимую его патроном, какие ошибки видел, что желал в ней изменить и какие аргументы для этого использовал.

Таким образом, цель нашей статьи – проанализировав послания Алкуина на тему евангелизации язычников, дать характеристику его отношению к ней и по возможности выявить степень влияния на неё. Задачи – определить, насколько, по мнению Алкуина, были эффективны результаты христианизации Саксонии, и проанализировать советы, которые Алкуин давал относительно евангелизации аваров.

Результаты и их обсуждение

Письма, посвященные христианизации язычников, адресованы Карлу Великому [Alc. Epp. 110, p. 157–159] и его приближенному Мегенфриду, по-видимому, имеющему влияние

на политику христианизации аваров [Alc. Ep. 111, p. 159–162]; целых три послания написаны епископу Зальцбурга Арну [Alc. Ep. 107, p. 153–154, Ep. 112, p. 162–163, Ep. 113, p. 163–166].

То, что Арн получил сразу несколько писем, может объясняться несколькими причинами. Во-первых, в списке тех, кому Алкуин писал чаще всего, Арн стоит на первом месте. Это связано и с дружескими отношениями между двумя интеллектуалами, и с тем, что зальцбургский епископ известен сбором и копированием произведений Алкуина [Bullough, 2004, p. 52], так что неудивительно, что большое количество писем к нему сохранилось.

Во-вторых, из текста «аварских» посланий ясно, что Арн сам жаждал получить перед миссией советы Алкуина и просил написать ему [Alc. Ep. 112, p. 162]. Этот факт особенно интересен в свете того, что перед экспедицией к аварам был созван синод на берегах Дуная, на котором уже было очерчено видение будущей христианизации [см. Conventus]. На синоде присутствовал Паулин Аквилейский, Арн и сын Карла Великого Пипин, незадолго до этого прославивший себя победами над аварами [Kožiak, 2011, p. 156]. То, что, несмотря на это, Арн хотел получить перед поездкой также наставление Алкуина, вероятно, может говорить об авторитете последнего. Впрочем, мнения исследователей относительно статуса дунайского собора расходятся. Был ли это официальный синод или неформальная встреча церковной и светской элиты? [Kožiak, 2011, p. 155] Председательствовал ли на нем Паулин Аквилейский [Sas, 2014, p. 17], или инициатором собрания был сам Алкуин? [Stofferahn, 2009, p. 472] К решениям же синода мы ещё вернемся.

В-третьих, – и, пожалуй, это главная причина – Арн, судя по текстам посланий Алкуина, возглавлял христианскую миссию к аварам, и для Алкуина было важно донести свои мысли, в первую очередь, до него. Здесь можно отметить и то, что в одном из писем Алкуин акцентирует внимание на прозвище, которое он дал зальцбургскому епископу – Aquila, Орел [Alc. Ep. 113, p. 163].

На первый взгляд кажется, что это простой перевод на латынь германского имени Арна. Но британская исследовательница Мэри Гаррисон призывает коллег внимательнее присмотреться к прозвищам, которые использует Алкуин, и считает, что посредством особого именованья своих друзей Алкуин достигал сразу несколько целей: облегчал использование их имен в стихах, требующих определенного ритма и размера; подчеркивал взаимную близость и принадлежность к единому социальному миру; в то же время устанавливал иерархию, в которой он находился выше своих адресатов; привлекал внимание адресатов к обязанностям и обязательствам; а бывало, и манипулировал ими [Garrison, 1995, p. 64]. В случае с прозвищем Арна Мэри Гаррисон видит попытку Алкуина показать самого себя как наставника, «наседку», заботливого отца, а Арна – как подопечного, «птенца», которому нужно слушаться [Garrison, 2004, p. 111]. Кроме того, Мэри напоминает, что орел – это знак апостола Иоанна, о чем Арн был прекрасно осведомлен и что позволяло Алкуину более эффективно указывать Арну на его епископские и миссионерские обязанности [Garrison, 2004, p. 114]. Кстати, именно в этом письме к Арну Алкуин очень активно цитирует Евангелие от Иоанна [Alc. Ep. 113, p. 163–166]. А согласно Исидору Севильскому, с «Этимологиями» которого также, безусловно, были знакомы оба ученых мужа, орел, обладающий необычайно острым зрением, с большой высоты видит «плавающих в море рыбешек», а значит, наиболее успешно способен схватить добычу и вытащить её на берег [Garrison, 2004, p. 113–116]. Здесь тоже можно увидеть аллюзию на работу миссионера.

В письмах ко всем трем адресатам можно выделить несколько тем. Прежде всего, Алкуин размышляет о причинах неудач в евангелизации саксов. Одной из них он называет наложение десятины на неокрепших в вере людей, указывая, что даже опытные христиане не всегда охотно отдают десятину. Насколько же это должно быть сложнее «слабой вере, детской душе и алчному уму» язычников! [Alc. Ep. 110, p. 158].

Проблема десятины имеет долгую историю. Ещё в VI веке с проблемой неуплаты десятины столкнулся Цезарий Арелатский [Дубровский, 1997]. Причем происходило это в епар-

хии, где христианизация началась задолго до епископата Цезария. Очевидно, что вопрос уплаты десятины тем более мог восприниматься в штыки в только что крещенных землях.

Стремясь смягчить «бремя» христианизации, Алкуин встает на сторону новообращенных и для этого апеллирует к авторитету апостолов, которые, проповедуя христианскую веру народам, «едва ли ... требовали поборы десятины» [Alc. Ep. 110, p. 158]. Таким образом, Алкуин делает вывод о том, что платить десятину – хорошо, но лучше отказаться от этого правила в случае с новообращенными народами, чем «погубить веру» [Alc. Ep. 110, p. 158].

Полагая, что главная причина сопротивления саксов христианству и отречения от него после ухода франкских войск заключалась в том, что они принимали крещение формально, не вникая в сущность религии [Alc. Ep. 113, p. 164], Алкуин посвящает значительное место в своих посланиях размышлениям о правильном порядке принятия христианства.

Опираясь на сочинения отцов церкви и Священное Писание, он напоминает своему читателю, что главная задача проповедников – наставить новообращенный народ в христианской вере. Именно наставление и обучение должно предшествовать крещению, а затем еще и следовать за ним. «Дважды Он [Господь] сказал “научить” и единожды “крестить”», – пишет Алкуин со ссылкой на Евангелие от Матфея [Alc. Ep. 113, p. 164]. Повторяя слова святого Августина о том, что вера происходит из желания, а не принуждения, Алкуин обращает внимание Арна на то, что и самому человеку, которого крестят, следует содействовать своему спасению путем смиренного и добровольного предоставления тела к таинству обряда крещения, а души – к принятию веры [Alc. Ep. 113, p. 164–165]. Ибо «как может быть человек принужден, чтобы он поверил, если он не верит? Человек может быть побужден к крещению, но не к вере» [Alc. Ep. 113, p. 164], «и если [он] обманчивым образом признает веру, истинно спасения не получит» [Alc. Ep. 111, p. 160].

Здесь мы можем сравнить позицию Алкуина с решением дунайского синода. Словацкий историк Растислав Кожяк, изучающий этот документ, пишет о том, что на собрании обсуждалась важность обучения язычников перед крещением, а также то, что это обучение должно быть добрым, тщательным и умеренным, убеждать больше обещанием вечной жизни и страхом вечного проклятия, чем страхом насилия. Отмечалось и то, что крещение не должно приниматься под принуждением. Вместе с тем в решениях синода нашли отражение и более формальные вопросы, которые Алкуин не посчитал нужным упомянуть в своих посланиях: в какие дни и каким образом должен осуществляться сам обряд [Kožiak, 2011, p. 157].

В неудачах, сопровождавших евангелизацию саксов, по мнению Алкуина, свою роль сыграло и стремление проповедников знакомить неподготовленных саксов сразу с «высокими» заповедями, забывая о «мягких», чем они отпугивали от христианства обращаемых. Для подкрепления этого своего тезиса Алкуин использует две пары новозаветных образов – «молока и твердой пищи» и «мехов ветхих и вина молодого» [Alc. Ep. 113, p. 164]. Под «молоком», которым должно питать менее опытных христиан, Алкуин подразумевает мягкие заповеди, под готовыми разорваться «ветхими мехами» – заостренную в язычестве душу, а под «твердой пищей» и «молодым вином» – более строгие заповеди. Эту проблему Алкуин предлагает решить путем подбора в миссию подходящих для этого священников.

Поэтому в группе писем, посвященных евангелизации язычников, Алкуин конструирует образ идеального миссионера – благочестивого, бескорыстного, милосердного и – опять-таки – не охотящегося за десятиной [Alc. Ep. 107, p. 154]. «Пусть [миссионеры] будут проповедниками, а не грабителями», – пишет Алкуин Мегенфриду [Alc. Ep. 111, p. 161]. Для подтверждения своих тезисов Алкуин снова обращается к примерам апостолов. В частности, вспоминает Павла, который гордился, что жил от труда своих рук и «объяснял Евангелие безмездно» [Alc. Ep. 111, p. 160]. Именно этим примерам должны следовать направляющиеся к аварам миссионеры.

Алкуин также особо отмечает, что, помимо прочих достоинств, священник, отправляемый к язычникам, должен обладать «умением чуткого разделения», то есть понимать,

как лучше обращаться к той или иной группе слушателей [Alc. Ep. 113, p. 166]. Для того чтобы научиться этому, Алкуин советует читать некую пастырскую книгу учителя Григория [Alc. Ep. 113, p. 166], по-видимому, «Правило пастырское» Григория Великого, которое пользовалось популярностью в Британии, на родине Алкуина [Ненарокова, 2001, с. 92]. Можно заметить и некоторую схожесть между подходом Григория к христианизации Британии и Алкуина – к христианизации покоренных Карлом Великим народов. По крайней мере, и тот и другой выступали за отказ от слишком жестоких мер.

Здесь будет уместно поразмышлять над вопросом, много ли новых для себя сведений получили адресаты Алкуина? Карл и Мегенфрид – возможно, да. Но что можно сказать про Арна? Ведь Алкуин достаточно близко к оригиналу цитирует произведения, которые, казалось бы, должны были быть известны человеку, занимающему высокую духовную должность в конце VIII века. Неужели просьба Арна наставить его перед миссией и удовлетворение Алкуином этой просьбы – не более чем риторический прием, способствующий поддержанию отношений между ними? Думаем, что дело все-таки не в этом. Да, зальцбургский епископ, судя по всему, не спрашивает у Алкуина его личное мнение, а Алкуин пишет Арну не о том, как будет лучше с его точки зрения, а о том, как будет правильно, то есть как определено Священным Писанием и сочинениями отцов церкви. Но, выбирая конкретные места из этих текстов, Алкуин дает Арну понять, на что именно обратить внимание и где искать ответы на вопросы, которые могут у него возникнуть.

Большую роль здесь играет и авторитет, которым пользовался Алкуин в интеллектуальной среде своего времени. Письма могли быть написаны не для того, чтобы открыть Арну какое-то новое знание, а для того, чтобы укрепить в уже известных и «правильных» идеях [Sas, 2014, p. 37]. А ещё поделиться этими идеями с окружающими. Ведь на это письмо Арн мог сослаться и перед подвластными ему самому миссионерами. Более того, текст этого послания был вскоре включен Арном в состав Codex Vindobonensis, своеобразного «миссионерского руководства», созданного в самом конце VIII века с целью поддержки миссии в районе Дуная [Sas, 2014, p. 38]. И это с интересной стороны характеризует способ мышления людей и способ распространения ими учения отцов церкви в исследуемую нами эпоху.

Таким образом, описанную Алкуином модель евангелизации можно отнести к третьему варианту насаждения христианства среди язычников – миссии через убеждение и проповедь. Кстати, С. Стофферан полагает, что тему мягкой христианизации Алкуин развивает и вне писем: в поэме «О святителях и святых церкви Йоркской» и «Житии святого Виллиброрда» [Stofferahn, 2009, p. 474]. Насколько же были восприняты советы Алкуина и повлияли ли они на политику христианизации, сказать трудно. Ни Эйнгард, ни Анналы не сообщают ничего конкретного о евангелизации аваров. С одной стороны, более позднее письмо Алкуина, где упоминается о «погибели гуннов», казалось бы, свидетельствует о том, что эта евангелизация оказалась неуспешной [Alc. Ep. 184, p. 309]. С другой стороны, в 797 г. (как раз вскоре после написания Алкуином вышеназванных посланий) увидел свет новый «Саксонский капитулярный» Карла Великого, который значительно смягчал прежние жестокие нормы [Дряхлов, 2014, с. 57]. Но сказать, насколько это было связано с письмами Алкуина, мы не можем.

Выводы

Подводя итог, мы можем сказать, что письма Алкуина отражают стремление церковных интеллектуалов осмыслить происходящие вокруг них изменения, в том числе проводимую франкской властью евангелизацию. Алкуин пытается повлиять своими письмами на решение тех проблем евангелизации язычников, с которыми столкнулся Карл Великий. Саксонская евангелизация встретила отпор обращаемых. Отталкиваясь от этого опыта, Алкуин в письмах к Карлу Великому, его приближенному Мегенфриду и епископу Зальцбурга Арну предполагает смягчить политику евангелизации язычников, ссылаясь на авторитет апостолов и привлекая сочинения Августина Блаженного. Насколько эти пись-

ма оказались востребованными, сказать сложно, но есть вероятность, что евангелизация саксов и аваров обрела новые формы и стала более эффективной под влиянием Алкуина.

Список литературы

- Дряхлов В.Н. 2014. Антиязыческая политика Карла Великого. В: История государства и права. Вып. 6: 53–57.
- Дряхлов В.Н. 2007. Языческое противодействие христианизации в Западной Европе в раннее средневековье. В: Вопросы истории. Вып. 1: 21–39.
- Дубровский И.В. 1997. Церковная десятина в проповеди Цезария Арльского: язык эксплуатации деревни. В: Одиссей. Человек в истории: 31–46.
- Лебек С. 1993. Происхождение франков. М., Скарабей, 352.
- Ненарокова М.Р. 2001. Святитель Григорий Великий и Древняя Англия. В: Альфа и Омега. Вып. 4: 82–95.
- Alcuini sive Albini epistolae. 1895. In: MGH Epp. T. 4: Epistolae Karolini aevi (II). Rec. E. Duemmler. Berlin: 1–481.
- Annales regni Francorum inde ab. A. 741 usque ad a. 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi. 1895. MGH SS. Rer. Germ. Bd. 6. Hannover, IBH, 232.
- Bullough D.A. 2004. Alcuin: Achievement and Reputation. Being Part of the Ford Lectures Delivered in Oxford in Hilary Term 1980. Netherlands, 596.
- Conventus episcoporum ad ripas Danubii. 1997. In: MGH LL Conc. 2,1: Concilia aevi Karolini [742–842]. Teil 1 [742–817]: 172–176.
- Cusack C. 2012. Pagan Saxon Resistance to Charlemagne's Mission: «Indigenous» Religion and «World» Religion in the Early Middle Ages. In: Pomegranate. The International Journal of Pagan Studies, March 2012: 33–51.
- Duggan L.G. 1997. «For Force is Not of God?» Compulsion and Conversion from Yahweh to Charlemagne. In: Varieties of Religious Conversion in the Middle Ages. Muldoon, University Press of Florida: 49–62.
- Dierkens A. 1987. Pour une typologie des missions carolingiennes. In: Problemes d'Histoire du Christianisme. 17: 83–84.
- Einhardi Vita Karoli Magni. 1965. Hanover, Hahn, 60.
- Garrison M. 2004. «Praesagum nomen tibi»: The significance of name-wordplay in Alcuin's letters to Arn. Niederkorn-Bruck, Meta Scharer, Anton [Publ.]. Wien: 107–127.
- Garrison M. 1994. The Emergence of Carolingian Latin Literature and the Court of Charlemagne (780–814). In: Carolingian Culture: Emulation and Innovation. Cambridge, UP: 111–140.
- Garrison M. 1995. The Social World of Alcuin: Nicknames at York and at the Carolingian Court. In: Alcuin of York: Scholar at the Carolingian Court. Groningen: 59–80.
- Kožiak R. 2011. Les debuts de la christianisation des avares et des slaves sur le Danube moyen. In: Codrul Cosminului, XVII, 1: 149–172.
- Mayr-Harting H. 1996. Charlemagne, the Saxons, and the imperial coronation of 800. In: The English Historical Review. 444: 1113–1133.
- Sas M. 2014. Autor listu o odbiorcy. Misjonarz działający wśród pogan w świetle korespondencji Alkuina z Yorku z Arnonem z Salzburga. In: Autor I jego dzieło w wiekach średnich. Warszawa: 17–38.
- Stofferahn S. 2009. Staying the Royal Sword: Alcuin and the Conversion Dilemma in Early Medieval Europe. In: The Historian. Vol. 71, 3: 461–480.

References

- Drjahlov V.N. 2014. Antijazycheskaja politika Karla Velikogo [Anti-pagan policy of Charlemagne]. In: Istorija gosudarstva i prava [History of state and law]. Vyp. 6, 53–57 (in Russian).
- Drjahlov V.N. 2007. Jazycheskoe protivodejstvie hristianizacii v Zapadnoj Evrope v rannee srednevekov'e [Pagan Opposition to Christianization in Western Europe in the Early Middle Ages]. In: Voprosy istorii [Questions of history]. Vyp. 1: 21–39 (in Russian).
- Dubrovskij I.V. 1997. Cerkovnaja desjatina v propovedi Cezarija Arl'skogo: jazyk jeks-pluatacii derevni [Church tithe in the sermon of Caesar of Arles: the language of the exploitation of the countryside]. In: Odissej. Chelovek v istorii [Odysseus: man in history]: 31–46 (in Russian).

- Lebek S. 1993. Proishozhdenie frankov [Origin of the Franks]. М., Skarabej, 352 (in Russian).
- Nenarokova M.R. 2001. Svjatitel' Grigorij Velikij i Drevnjaja Anglija [Saint Gregory the Great and Ancient England]. In: Alfa i Omega [Alpha and Omega]. Vyp. 4: 82–95 (in Russian).
- Alcuini sive Albini epistolae. 1895. In: MGH Epp. T. 4: Epistolae Karolini aevi (II). Rec. E. Duemmler. Berlin: 1–481.
- Annales regni Francorum inde ab. A. 741 usque ad a. 829, qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi. 1895. MGH SS. Rer. Germ. Bd. 6. Hannover, IBH, 232.
- Bullough D.A. 2004. Alcuin: Achievement and Reputation. Being Part of the Ford Lectures Delivered in Oxford in Hilary Term 1980. Netherlands, 596.
- Conventus episcoporum ad ripas Danubii. 1997. In: MGH LL Conc. 2,1: Concilia aevi Karolini [742–842]. Teil 1 [742–817]: 172–176.
- Cusack C. 2012. Pagan Saxon Resistance to Charlemagne's Mission: «Indigenous» Religion and «World» Religion in the Early Middle Ages. In: Pomegranate. The International Journal of Pagan Studies, March 2012: 33–51.
- Duggan L.G. 1997. «For Force is Not of God?» Compulsion and Conversion from Yahweh to Charlemagne. In: Varieties of Religious Conversion in the Middle Ages. Muldoon, University Press of Florida: 49–62.
- Dierkens A. 1987. Pour une typologie des missions carolingiennes. In: Problemes d'Histoire du Christianisme. 17: 83–84.
- Einhardi Vita Karoli Magni. 1965. Hanover, Hahn, 60.
- Garrison M. 2004. «Praesagum nomen tibi»: The significance of name-wordplay in Alcuin's letters to Arn. Niederkorn-Bruck, Meta Scharer, Anton [Publ.]. Wien: 107–127.
- Garrison M. 1994. The Emergence of Carolingian Latin Literature and the Court of Charlemagne (780–814). In: Carolingian Culture: Emulation and Innovation. Cambridge, UP: 111–140.
- Garrison M. 1995. The Social World of Alcuin: Nicknames at York and at the Carolingian Court. In: Alcuin of York: Scholar at the Carolingian Court. Groningen: 59–80.
- Koziak R. 2011. Les debuts de la christianisation des avars et des slaves sur le Danube moyen. In: Codrul Cosminului, XVII, 1: 149–172.
- Mayr-Harting H. 1996. Charlemagne, the Saxons, and the imperial coronation of 800. In: The English Historical Review. 444: 1113–1133.
- Sas M. 2014. Autor listu o odbiorcy. Misjonarz działający wśród pogan w świetle korespondencji Alkuina z Yorku z Arnonem z Salzburga. In: Autor I jego dzieło w wiekach średnich. Warszawa: 17–38.
- Stofferahn S. 2009. Staying the Royal Sword: Alcuin and the Conversion Dilemma in Early Medieval Europe. In: The Historian. Vol. 71, 3: 461–480.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.06.2022

Received 01.06.2022

Поступила после рецензирования 09.09.2022

Revised 09.09.2022

Принята к публикации 09.09.2022

Accepted 09.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ильина Анастасия Андреевна, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия

Anastasia A. Pyina, Postgraduate Student, Department of World History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

 [ORCID: 0000-0002-4797-6452](https://orcid.org/0000-0002-4797-6452)

УДК 94(497.2) "1919/1927"

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-812-822

Оригинальное исследование

Болгарское войско 1919–1927 гг.: внутриполитический аспект в историческом дискурсе

Ермишин Л.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: lyermishin@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется историография о роли национальной армии во внутренней политике Болгарии, напряженных и противоречивых событиях 1919–1927 гг. Эти вопросы важны для изучения истории не только Болгарии или Балканского региона, но и Европейского континента в целом, так как форма разрешения внутриполитических конфликтов с применением военной силы не утратила своей актуальности. Опираясь на проблемно-хронологический метод, автор приходит к выводам, что феномен сплоченной, организованной и управляемой из единого внесистемного центра вооруженной силы, осуществившей два военных переворота за одно десятилетие, изучен не в полной мере. Критерии и показатели, которые позволили бы провести аргументированную периодизацию участия армии во внутриполитической жизни, не установлены, недостаточно раскрыта борьба за овладение армией с точки зрения идейного противостояния.

Ключевые слова: Болгария, армия, офицерский корпус, внутриполитические события, межвоенный период

Для цитирования: Ермишин Л.В. 2022. Болгарское войско 1919–1927 гг.: внутриполитический аспект в историческом дискурсе. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 812–822. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-812-822

The Bulgarian Army 1919–1927: the Internal Political Aspect in Historical Discourse

Leonid V. Ermishin

Moscow State University M.V. Lomonosov,
bld. 4, 27 Lomonosovsky Ave., Moscow 119991, Russia
E-mail: lyermishin@inbox.ru

Abstract. The first decade after the Great War (1914–1918) in Bulgaria was a time of significant restructuring of the national armed forces and the system of state power over a deep political and economic crisis. The consequences of the defeat of the Radomir Republic, the resistance to the military coup in June 1923, the armed uprising in September 1923 and the period of political repression from 1925 to 1927, affected the Bulgarian army in one way or another. The analysis and narrative of these events in Bulgarian and Russian historiography is studied by the author on the basis of the problem-chronological method. The author comes to the conclusion that the origin and development of a united and well organized force in the Bulgarian army, as a factor in internal policy, has not been well studied. The stages of internal political activity of the army, which could be defined on the bases of reasoned criteria and indicators, have not been identified as well as the ways of ideological confrontation in the army were not detailed. These issues are important for studying the history of not only Bulgaria or the Balkan region, but also the whole Europe, since the form of resolving internal political conflicts with military force still remains relevant.

Key words: Bulgaria, army, officer corps, internal political events, interwar period

For citation: Ermishin L.V. 2022. The Bulgarian Army 1919–1927: the Internal Political Aspect in Historical Discourse. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 812–822 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-812-822

Введение

Одной из определяющих особенностей внутриполитической жизни Болгарии в период между двумя мировыми войнами со всеми основаниями можно считать уникальное значение национальных вооруженных сил. Во-первых, болгарская армия была главной движущей силой в государственных переворотах 1923 и 1934 гг. Во-вторых, Военный союз, созданный действующими и уволенными из армии офицерами, представлял собой реальный «инфраструктурный» центр силы, направлявший развитие государственности Болгарии. Не учитывать эту специфику в исторических работах, посвященных межвоенной проблематике, не представляется возможным.

Прежде всего следует отметить, что в Болгарии армия проявила себя в качестве самостоятельного фактора внутриполитической жизни не только в межвоенный период, но шире, в 1878–1944 гг.⁵⁵ Тем не менее события, которые она инициировала или в которых принимала участие, дали толчок явлениям и процессам, значимым не только для национальной истории.

Историография, посвященная истории болгарской армии в интересующий нас период, значительна. К этой теме обращались и ученые-современники, и болгарские историки как советского периода, так и настоящего времени. И всё же к настоящему моменту, на наш взгляд, история болгарской армии как действующей силы, а также проблема её участия во внутриполитической жизни страны изучены не в полной мере. К такому выводу пришли и болгарские авторы, занимающиеся историей национальных вооруженных сил [БА, 1988, с. 3; Янчев, 2014, с. 7].

Объект и методы исследования

Бухарестский мирный договор от 10 августа 1913 г. и договор от 27 ноября 1919 г., подписанный в Нёйи-сур-Сен, подвели итоги двум т. н. национальным катастрофам Болгарии, т. е. её поражению во Второй балканской и в Первой мировой войнах. Значительные людские, экономические и территориальные потери, международная изоляция, внутриполитический кризис, всеобщая убежденность в несправедливости решений стран-победительниц сопровождали вступление Болгарии в межвоенный период. Восстановление подорванного войнами народного хозяйства, консолидация политически расколотого общества и укрепление пошатнувшихся основ государственности предопределили противоречивый, динамичный и драматичный характер перемен во внутриполитической жизни страны.

Существенно изменилась и армия. Условия Нёйиского мирного договора потребовали от Болгарии провести реорганизацию и реформирование ее вооруженных сил. Реализация этой задачи была поручена институтам государственной власти, определяющее влияние на которые имели политические силы, по-разному представлявшие себе оптимальные пути развития страны. Навязанное союзниками переустройство армии глубоко затрагивало судьбы и интересы кадровых военных и проходило болезненно. Нарастали политизация армии и её вовлеченность во внутриполитическую жизнь. Кроме того, пристальный и пристрастный надзор межсоюзнической военной контрольной комиссии, которая действовала в Болгарии с 1920 по 1927 гг., вносил существенный вклад в перелом армейской жизни.

Активный поиск глубинных причин балканских кризисов XX в., который ведут историки, политологи, экономисты, специалисты в области международного права и между-

⁵⁵ С 1878 по 1908 г. – Болгарское княжество. С 1908 по 1944 г. – Третье Болгарское царство.

народных отношений, безусловно, не может быть полноценным без выяснения роли армии как важного «инфраструктурного» фактора в развитии болгарского государства в 1919–1927 гг. В связи с этим, на наш взгляд, представляется необходимым выявление особенностей болгарских военных, как оставшихся в рядах вооруженных сил, так и попавших под сокращение. Именно они позволили офицерскому корпусу проявить себя монолитным, управляемым из единого внесистемного центра, сообществом. Таких особенностей, по нашему мнению, несколько. При этом темы, связанные с возникновением фашизма в Болгарии и македонским движением, остаются за рамками настоящей статьи, так как представляют собой самостоятельные сюжеты в историографии.

Результаты и их обсуждение

Болгарская армия как интегрированная часть общества и в то же время относительно самостоятельный государственный институт была вовлечена в непрекращающийся социальный метаморфизм с момента своего возникновения. Этот процесс протекал на фоне коренных преобразований государственных структур и болгарского общества. Региональные, этнокультурные и объективно-исторические условия, в которых рождалась армия, представляют собой обширное исследовательское пространство для выявления присущих ей особенностей развития. Специально посвященных изучению этих особенностей работ до сегодняшнего дня опубликовано не так много.

Конкретные исторические обстоятельства, в которых появилось болгарское земское войско⁵⁶, нашли отражение в значительном по объему историографическом материале. Первым годам становления болгарской армии посвящены, в частности, работы российских военных, принимавших непосредственное участие в организации болгарских вооруженных сил: генерала Петра Дмитриевича Паренсова [Паренсов, 1908] и генерал-майора Романа Николаевича Овсяного [Овсяный, 1900; 1903; 1904; 1906]. Цели, преследуемые созданием национальных вооруженных сил и обозначенные в установочных документах периода русской оккупации в Болгарии в 1877–1879 гг.⁵⁷, предопределили формирование национальных воинских традиций. Впоследствии формулировка целей варьировалась с учетом требований текущего момента, и тем не менее начиная с первых дней своего существования болгарский офицерский корпус одной из важнейших своих задач полагал охрану порядка, безопасности и спокойствия страны от внутренних угроз.

Положения военного раздела Нейиского мирного договора были причиной одной из ключевых особенностей развития болгарской армии в первое десятилетие после окончания Первой мировой войны. В советской историографии первая оценка болгарского войска как потенциального противника Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) с военной точки зрения была дана в информационно-справочной сводке Павла Ивановича Демяшкевича [Демяшкевич, 1924]. Он отметил, что мирный договор поставил жесткие рамки относительно численности вооруженных сил, порядка и методов их комплектования. Основным тормозом развития, по мнению Демяшкевича, стала добровольческая система комплектования с долголетними сроками действительной службы. Двенадцатилетние контракты для добровольцев солдат и двадцатилетние – для офицеров, при наличии в Софии Межсоюзнической военной контрольной комиссии – верная гарантия того, что Болгария не сможет пропустить необходимого количества молодежи через армию или военные организации и создать обу-

⁵⁶ Дружины болгарского народного ополчения в 1878 г. были реорганизованы в болгарское земское войско. В Тырновской конституции 1879 г. для обозначения национальных вооруженных сил введен термин «болгарское войско», который был заменен определением «болгарская народная армия» после 1944 г.

⁵⁷ В статье 8 Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора от 19 февраля 1878 г. сказано: «До полного образования земского войска, достаточного для охраны порядка, безопасности и спокойствия...» (курсив наш – Е.Л.) [Овсяный, 1903, с. 158].

ченный запас⁵⁸. Такая система лишала армию характера кадровой и низводила ее до положения полицейской силы, охраняющей порядок внутри страны и на границах [Демяшкевич, 1924, с. 3]. Вывод Демяшкевича подтверждает мысль о сосредоточенности болгарской армии образца 1919–1924 гг. исключительно на сложностях внутривластной обстановки. При этом необходимо заметить, что в то же время существовали и другие силовые структуры: 10-тысячный корпус жандармерии и полиция, входившие в состав министерства внутренних дел. Пограничная стража, хотя и входила в состав Министерства войны, тем не менее по своим задачам, вооружению, форме одежды отличалась от болгарского войска. Ее роль в кризисных событиях 1923 г. в историографии отражена очень фрагментарно.

Исследованию практики применения военных ограничений и деятельности союзнических военно-контрольных представительств в Болгарии посвящена монография болгарского историка Владимира Георгиева Станева. Автор стремился проследить деятельность по исполнению военных положений мирного договора и выяснить её результаты как для болгарского общества, так и для армии. Исследователь пришел к выводу, что исполнение Болгарией военных положений мирного договора имело ряд внутривластных аспектов. Во-первых, болгарские власти были вынуждены пассивно противодействовать инородному вмешательству и в той или иной степени не исполнять собственные законы, что привело к недопустимому искривлению национального правового пространства. Во-вторых, Третье отделение министерства войны, созданное для борьбы с союзническим контролем, быстро выродилось в орган политических репрессий. Кроме того, уволенные из армии офицеры направили свое негодование исключительно на режим БЗНС, легально пришедший к власти. И наконец, попытка режима БЗНС укрепить свое влияние в армии путем кадровых перемен в высшем военном командовании и чисткой рядов офицерского корпуса привели к противостоянию с Военным союзом, что в итоге способствовало военному перевороту 9 июня 1923 г. [Станев, 2018, с. 305–311]. Мысль Станева об армии как о самостоятельной и сплоченной внепартийной силе, находящейся в перманентной борьбе с иностранным вмешательством во внутренние дела государства, четко прослеживается в монографии.

Коллективный труд «Болгарская армия 1877–1919» хотя и охватывает временной интервал, выходящий за рамки интересующего нас исторического периода, тем не менее заслуживает внимания с точки зрения определения тенденций в развитии болгарской армии. Авторы декларировали намерение провести исследование армии как большой социальной группы болгарского общества, как организации для ведения вооруженной борьбы, как важнейшего элемента политической надстройки и инструмента политического и военного насилия [БА, 1988, с. 8–10]. Для периодизации развития армии был избран комплексный критерий, в основании которого заложены экономические, идейно-политические и идеологические предпосылки [БА, 1988, с. 11]. Следуя данному критерию, авторы разделили историю болгарской армии на два больших периода: от начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. до Нейиского мирного договора 1919 г., которому и посвящена монография; от Нейиского договора до выхода Болгарии из гитлеровского блока в 1944 г, который оставлен за рамками монографии. Историческое исследование опирается на разноплановые статистические данные и дополнено характеристиками каждого этапа, выделенного в составе рассматриваемого исторического периода. Однако на практике декларировавшиеся намерения были не полностью реализованы. Исследование темы ограничилось выяснением отношения болгарской армии к марксистско-ленинскому учению о построении справедливого общества и определению степени готовности армии к восприятию этой идеи. Такой зауженный подход исключил рассмотрение жизнеспособности в армии других идей, что несколько ограничило значимость проведенного авторским коллективом исследования.

К интересующему нас кругу литературы, затрагивающей отдельные аспекты своеобразия болгарской армии, можно с определенными оговорками (иной период) отнести мо-

⁵⁸ Мобилизационный резерв из прошедших военную подготовку граждан.

нографию Анатолия Васильева Анчева. Его заинтересовала роль фольклора в национальной армии от Освобождения 1878 г. до Балканских войн 1912–1913 гг. Солдаты, призывники и резервисты из малообразованных крестьянских семей приносили с собой в армию многочисленные суеверия. Борьба с ними, а также поддержание уважительных отношений между командирами и солдатами требовали активной воспитательной работы. Особыми её формами и специфическим культурным явлением в болгарской армии стали солдатский театр и песенный фольклор, способствовавшие сплочению воинских подразделений, которые формировались в основе своей по территориальному принципу. Анчев отмечает связь болгарских военных ритуалов с бытовыми национальными обрядами: проводы новобранцев с сопровождением молодежи на гурбетчиство⁵⁹ [Чиварзина, 2021, с. 186–195], принесение воинской присяги с венчанием или свадьбой [Анчев, 1995, с. 4–12]. Автор показывает, что этнокультурные традиции позволяют глубже понять генезис мотивации болгарского воинства, код мышления кадрового военного, который он воспринимал сначала в семье, а затем в кругу общения с сослуживцами. Вполне можно допустить, что эти традиции сохранились в определенной степени в болгарской армии и в интересующий нас период и способствовали ее внутренней самоорганизации в критическое для страны и вооруженных сил время.

Двухтомный труд болгарских военных историков Станчо Станчева, Тодора Петрова [Станчев, Петров, 2014] и Румена Николова [Станчев, Николов, 2017] посвящен описанию основных событий в истории болгарских сухопутных войск, начиная от болгарского ополчения в составе российской армии, и до 1945 г. В работе выборочно представлен фактологический материал. Предпосылки, условия и причины событий, внешне- и внутривнутриполитическая обстановка показаны фрагментарно. Сочинение в основном направлено на поддержание авторитета и положительного отношения к национальной армии в современном болгарском обществе. Ее панегирический характер, казалось бы, должен был дать возможность показать, в чем заключалось своеобразие болгарской армии или как она реагировала на политические события 1919–1927 гг., но этого не случилось.

Влияние армии на развитие внутривнутриполитической жизни Болгарии предоставило обширный материал, подтверждающий сложный и неоднозначный характер этого процесса и его механизмов. Вооруженные восстания и военный переворот 1923 г. убедительно показали, сколь далек исторический прогресс от автоматического улучшения условий существования общества и государства, а также значительную зависимость восходящей линии развития от сложного диалектического взаимодействия различных процессов, как прогрессивных, так и регрессивных. Выявление объективных критериев, которые позволили бы реализовать количественно-качественный подход к изучению влияния фактора армии, требует глубокого осмысления причин повышения или понижения уровня организации и функционирования внутривнутриполитической активности. Данная задача подводит исследователя к необходимости установления этапов и способов влияния фактора армии на развитие внутривнутриполитической жизни Болгарии.

В контексте сказанного выше необходимо отметить монографию Момчила Петрова Йонова «Болгарская армия как государственный институт после Первой мировой войны 1919–1929 г.» В монографии рассматриваются состояние, функции и тенденции развития болгарской армии в первое десятилетие после Первой мировой войны. Периодизация развития болгарской армии заявлена одной из целей, однако способы ее влияния как движущей силы на процессы внутренней политики оставлены за границами исследования. Первый этап – от Солунского перемирия 28 сентября 1918 г. до подписания Нейского договора – автор характеризует как экстремальный, протекавший в крайне сложной и напряженной обстановке в условиях нехватки средств обеспечения армии. Характерными осо-

⁵⁹ Гурбетчиство – трудовая миграция населения и связанные с ней ритуалы, обряды, характерные для южных славян.

бенностями второго этапа (от вступления в силу Нейского договора до переворота 9 июня 1923 г.) определяются проведение реорганизации армии под требования Нейского мирного договора и деятельность по сохранению дивизионной организации воинских частей с возможностью мобилизационного развертывания при необходимости [Йонов, 1995, с. 82]. С подавлением сентябрьского восстания 1923 г. и событиями после террористического акта в соборе Св. Неделя в апреле 1925 г. автор связывает третий этап, когда армии была предоставлена главенствующая роль в поддержании внутреннего порядка. Она становится силовым и кадровым оплотом блока политических сил, свергнувших режим БЗНС, через т. н. Конвент принимает на себя часть функций государственного управления. На армию возлагаются обязанности по разгрому и преследованию политических противников нового режима. В определенной степени можно говорить о достижении армией пика внутривластного могущества. И в то же время особенностью третьего этапа автор называет внутренние идеологические противоречия в армии, проявившиеся среди прочего в конфликте глав министерств войны, внутренних и иностранных дел в начале 1924 г. [Йонов, 1995, с. 166–167]. Кроме того, армия превращается не только в силовое средство разрешения проблем в стране, но и в объект воздействия разнонаправленных политических сил, стремящихся привлечь её на свою сторону или разложить изнутри [Йонов, 1995, с. 206]. Четвертый этап (с начала 1926 до конца 1929 г.) в развитии армии автор определяет как начало возрождения национальных вооруженных сил после второй национальной катастрофы [Йонов, 1995, с. 234]. В целом мы полагаем, что не все выделенные автором периоды достаточно аргументированы, а критерии периодизации – весьма расплывчатые. В них включены события внутренней и международной политики, собственно внутреннее реформирование вооруженных сил, а также отдельные элементы идеологической борьбы политических групп за привлечение армии на свою сторону.

События в Болгарии 20-х гг. XX в. отразили объективную связь развития внутривластной жизни с идеологической борьбой, в том числе в армии. Это направление активно разрабатывалось болгарскими историками в советский период. Необходимо отметить труды Николая Агынского [Агынски, 1946] и Йона Митева [Митев, 1973].

Одной из наиболее значимых в этой связи является монография Нинко Косашки «Революционный процесс в армии (9 июня 1923–1929 г.)». Автор стремился исследовать армию как социальный организм, инструмент господства политического класса, пытался раскрыть её классовую сущность и роль в политической жизни страны [Косашки, 1988, с. 22]. Монографию Косашки не следует рассматривать лишь в контексте ее связи с идеологическими традициями советского периода. На основе привлечения обширного фактологического материала автор выделяет специфические черты болгарской армии образца 1923–1929 гг.

В первую очередь он обращает внимание на то, что уволенные из армии прогрессивно или революционно настроенные офицеры и солдаты заменялись приверженцами монархизма и диктатуры сильной надпартийной власти. Косашки отмечает значительную активизацию антикоммунистической пропаганды в армии, нацеливание всей управленческой структуры на создание действенных механизмов идеологической обработки сознания военнослужащих. Внедрение практики отправки офицеров на обучение в западноевропейские страны, по мнению автора, способствовало укреплению антисоветских и антикоммунистических настроений в офицерской среде и стимулировало усиление реакционности в армии.

Автор указывает на определенные изменения в духовном облике офицерского корпуса, которые были вызваны чувством униженного национального достоинства вследствие несправедливого Нейского мирного договора, снижением авторитета армии после поражения в двух подряд войнах и участия в погашении восстаний 1923 г. [Косашки, 1988, с. 59–68].

С мая 1920 по 9 июня 1923 г. армия находилась под политическим воздействием трех сил. Крупная буржуазия и монарх стремились удержать армию под своим влиянием и использовать как орудие для установления диктаторского режима. БЗНС хотел перевести армию на

сторону мелкобуржуазной демократии. БКП силилась направить армию в русло социалистической революции [Косашки, 1988, с. 105]. Автор полагает, что в период 1923–1929 гг. военное командование, монарх и крупная буржуазия переосмыслили внутреннюю функцию армии, связав ее в первую очередь с борьбой против коммунистических и просоветских настроений в обществе, что обусловило изменения нормативно-правовой базы, судебной и дисциплинарной практики [Косашки, 1988, с. 100]. Основным выводом исследователя состоит в определении сущности армии как реакционной силы, мотивация действий которой заключена исключительно в подавлении прогрессивных коммунистических тенденций в обществе [Косашки, 1988, с. 75]. Лишь фрагментарно обозначены нормативно-правовая, экономическая, культурная составляющие и некоммунистическая идеология, например, аграрного союза или традиционных партий буржуазно-монархического блока.

Выявление этапов во влиянии фактора армии на развитие внутривнутриполитической жизни Болгарии не будет иметь должного научного обоснования без установления причин, которые с неизбежностью или необходимостью эти этапы определили. Причины, в свою очередь, тесно взаимосвязаны с условиями, способствовавшими изменению роли армии во внутренней политике Болгарии в 1919–1927 гг., и также требуют исследовательского внимания.

В определенной степени проследить причины и условия изменения роли армии во внутривнутриполитической жизни позволяет монография коллектива болгарских военных историков [Крапчански и др., 1961]. Авторы стремились проследить основные этапы и направления развития организационной структуры, способов мобилизации и укомплектования болгарской армии 1878–1944 гг. В спектр исследования включены отдельные аспекты зависимости организации, дислокации, боевых возможностей и численности армии от политики господствующего класса. Подход авторов к изучению истории болгарской армии можно охарактеризовать как специализированный военный, с преобладанием мобилизационного уклона. Раздел, посвященный первому десятилетию после окончания Первой мировой войны, краток и мало информативен. Однако показанный авторами процесс развития болгарской армии наряду с предопределявшими его причинами дает представление и об объективно способствовавших ему условиях в изучаемый период.

Новый подход к изучению причин и условий изменения роли армии во внутренней политике Болгарии предложил в своих трудах Веселин Костов Янчев, сосредоточивший внимание на нормативно-правовой базе, в соответствии с которой действовали представители государственной власти при использовании армии на внутривнутриполитической сцене и практических последствиях, к которым приводило это вмешательство. Автор стремился выявить причинно-следственную связь между вмешательством и последствиями, а также ответить на вопросы: насколько правомочно была использована армия, действительно ли она защищала государственные интересы или была орудием в руках инородных сил [Янчев, 2014, с. 293–295] и национальных политиков, преследовавших конъюнктурные цели [Янчев, 2014, с. 8]. Болгарский историк придерживался проблемно-хронологической периодизации, отражающей значимые, на его взгляд, изменения в нормативно-правовой базе или внутривнутриполитические события. По мнению автора, выполненная руководителями БЗНС значительная переработка нормативно-правовой базы в плане расширения внутривнутриполитических полномочий армии и жандармерии, а также практические действия по «фаворитизации» [Янчев, 2014, с. 420] и чистке силовых структур не обеспечили безопасность действующему политическому режиму. К сожалению, исследователь не ставил себе задачу объяснить данное обстоятельство, что, на наш взгляд, несколько снижает ценность монографии.

Как уже было отмечено, после катастрофического для Болгарии окончания Первой мировой войны национальная армия вступила в период принудительной реорганизации. Влияние элементов внутривнутриполитической жизни страны, таких как формирование и функционирование политических и общественных структур, отразившееся в источниках и ли-

тературе, позволяет проследить взаимную корреляцию с реформами в болгарской армии первого послевоенного десятилетия. До военного переворота 1923 г. реорганизация армии проходила под относительным контролем главенствующей политической силы в государстве – Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС). В последующем этот процесс продолжился, но связи армии с общественными и партийными структурами серьезно видоизменились.

Периоду правления БЗНС посвящен ряд исторических исследований, в той или иной степени затрагивающих участие армии во внутривластных процессах. Здесь необходимо в первую очередь отметить труды болгарских историков. Так, Димитрина Великова Петрова целью своей монографии поставила всестороннее и широкое исследование государственной деятельности, внутри- и межпартийной политической борьбы, комплексное воздействие разнородных внутренних и внешних факторов в период управления режимом БЗНС. Собственно армии в монографии уделена скромная по объему часть, посвященная безуспешной борьбе режима за сохранение наборного принципа комплектования вместо навязанного контрактного [Петрова, 1988, с. 210–212]. При этом автор констатирует важные моменты в истории болгарских вооруженных сил образца 1920–1923 гг., а именно: правительство БЗНС не имеет возможности опереться на собственную армию и пытается создать парамилитарную структуру – оранжевую гвардию; офицерский корпус сплочен и находится под устойчивым влиянием Военного союза; рядовой состав плохо обучен и слабо дисциплинирован; в армии сильное влияние имеют традиционные партии буржуазно-монархического блока.

Величко Георгиев Илиев в монографии, посвященной внутривластной истории страны 1921–1923 гг., целью работы определил исследование буржуазного политического лагеря в целом и политической формации «Народный Сговор» в частности. В объектив исследователя попали: процесс становления Военного союза как значимого околопартийного объединения, закулисного руководителя армии и фактора силы; этапы формирования его программы, идеологии и тактики; факторы сплочения офицерства; активизация общественной организации офицеров запаса, не имевшая места ранее в политической истории [Георгиев, 1989, с. 106].

Недю Недев в своем труде, написанном в историко-публицистическом стиле, раскрывает роль Военного союза и его руководителей в военном перевороте 9 июня 1923 г., приводит ряд значимых для историографии документов. Автор через описание личных взаимоотношений руководства режима БЗНС и высшего военного командования стремится показать обстоятельства и причины одного из самых драматичных событий болгарской политической истории послевоенного периода, говорит о продуманности маскировки военными своих внутривластных намерений, понимании ими реальной обстановки в стране и осознанности выбора момента для удара [Недев, 1984].

Непосредственно Военному союзу и его участию в событиях межвоенного периода посвящена монография Георгия Георгиева Маркова. В труде раскрывается предыстория возникновения Военного союза, обстоятельства деятельности и их внутривластные и внешние причины. Автором приводятся события с участием основных деятелей Военного союза, но, как правило, без строгого следования научно-историческим правилам изложения материала. Это обстоятельство, безусловно, несколько снижает научную ценность работы [Марков, 1992].

Заключение

Анализ упомянутых здесь исследований показывает высокую степень изученности роли болгарской армии во внутривластной жизни до военного переворота 1923 г. с нескольких точек зрения: внутривластной борьбы в стране, нормативно-правового регулирования участия армии во внутривластных процессах и исторического материализма.

Вклад историков, посвятивших свои работы болгарским вооруженным силам образца 1919–1927 гг., убедителен и велик. Аккумулированы знания о значении армии в системе взаимоотношений государства и общества, социально-классовых особенностях и этнокультурном колорите. Выявлены характерные черты в социальном и духовном облике болгарского военного, а также конкретные исторические условия, предопределившие эту исключительность. Систематизирован обширный фактологический материал, заключенный в значительной по объему источниковой базе, документах и литературе. Детально раскрыта нормативно-правовая основа использования армии во внутренней политике, а также причины, условия и последствия этого применения.

Изучение историографии по вопросу показало недостаточную освещенность ряда важных, на наш взгляд, аспектов внутривосточной жизни страны в контексте развития национальных вооруженных сил. Не получил комплексной исторической оценки период с 1923 по 1927 гг., когда произошла определенная трансформация роли армии в новых внутривосточных условиях⁶⁰. Не установлены критерии и показатели, которые позволили бы провести аргументированную периодизацию участия армии во внутривосточной жизни. Как следствие, предложенные варианты выделения тех или иных этапов в развитии армии после второй т. н. национальной катастрофы, на наш взгляд, недостаточно обоснованы и содержат разноплановые подходы. В исследованиях армия рассматривалась в одном ряду с жандармерией и пограничной стражей, что, на наш взгляд, не совсем оправдано. Жандармерия и пограничная стража, несмотря на видовую связь с армией, имели специфические особенности, которые нельзя не учитывать. Недостаточно раскрыта борьба за овладение армией с точки зрения противостояния разнонаправленных и существовавших одновременно в интеллектуальном пространстве идей, которые воспринимались сознанием представителей не только социальных сословий, но и кадровых военных. Результатом этой борьбы был феномен сплоченной, организованной и управляемой из единого внесистемного центра вооруженной силы, осуществившей два военных переворота за одно десятилетие.

Резюмируя всё сказанное, необходимо отметить, что поскольку для Балкан именно конфликтная форма существования государства и общества наложила отпечаток на все виды социальной и политической жизни, во многом детерминируя содержание их эволюции, то дальнейшее изучение процессов формирования фактора армии и его влияния на политический дискурс Болгарии в межвоенный период, несомненно, актуально.

Список литературы

- Агънски Н. 1946. 1923-а година. София, Изд-во Ал. Стамболийски, 166.
Анчев А. 1995. Армия и фолклор. София, АГАТО, 125.
Българската армия 1877–1919. 1988. София, Военно изд-во, 355.
Георгиев В. 1989. Народният сговор 1921–1923. София, Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 327.
Демяшкевич П.И. 1924. Болгария. Справочник по вооруженным силам. Издание разведывательного управления штаба РККА. Москва, 42.
Йонов М. 1995. Българската армия като държавна институция след първата световна война 1919–1929 г. София, Изд-во на Министерство на Отбраната «Св. Георги Победоносец», 302.
Косашки Н. 1988. Революционният процес в армията (9 юни 1923–1929 г.). София, Военно издателство, 342.
Крапчански В., Христов Г., Възелов Д., Скачков И. 1961. Кратък обзор на бойния състав, организацията, попълването и мобилизацията на българската армия от 1878 до 1944 г. София, Държавно военно издателство, 248.
Марков Г. 1992. Парола «Сабя». Заговорите и превратите на военен съюз, 1919–1936. София, Воен.-изд. комплекс «Св. Георги Победоносец»: Наука и изкуство, 193.
Митев Й. 1973. Фашистският преврат на 9 юни 1923 г. и Юнското антифашистко въстание. София, Изд-во БЗНС, 451.

⁶⁰ Ранее упомянутые работы Крапчанского, Йонова, Косашки, Станчева и Николова.

- Недев Н. 1984. Александър Стамболийски и заговорът. София, Изд-во на БЗНС, 349.
- Овсяный Р.Н. 1900. Болгария и болгары; Исторический очерк; Статистика и этнография; Литература, наука и искусство; Вооруженные силы. СПб., Воен. тип., 368.
- Овсяный Р.Н. 1903. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. Вып. 1. СПб., Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 363.
- Овсяный Р.Н. 1904. Болгарское ополчение и земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877–78–79 гг. СПб., Изд-во Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 176, XLIX.
- Овсяный Р.Н. 1906. Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг.: 1-3. СПб., Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 1906–1907. 3 т.; Вып. 2: Российский императорский комиссар в Болгарии, генерал-адъютант князь А.М. Дондуков-Корсаков. СПб., 291.
- Паренсов П.Д. 1908. Из прошлого: Воспоминания офицера Ген. штаба П. Паренсова. Изд. испр., доп., с карт., пл., портр. и рис. Ч. 4. В Болгарии. СПб., В. Березовский, 454, 36 ил.
- Петрова Д. 1988. Самостоятельного управление на БЗНС 1920–1923. София, Наука и Изкуство, 413.
- Станчев С., Николов Р. 2017. История на сухопътните войски на България (1918–1945). Т. 2. София, СиТи Директ ЕООД, 182.
- Станчев С., Петров Т. 2014. История на сухопътните войски на България. Т. 1. София: СиТи Директ ЕООД, 285.
- Чиварзина А.И. 2021. Ритуалы проводов на заработки в одной архаической балканославянской зоне. В: Кунсткамера. № 2 (12): 186–195.
- Янчев В. 2014. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях (1913–1915, 1919–1923). София, Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 433.
- Янчев В. 2006. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност. Българският опит 1878–1912. София, ИФ-94, 308.

References

- Agnski N. 1946. 1923-a godina [1923 year]. Sofiya, Izd-vo Al. Stambolijski, 166 (in Bulgarian).
- Anchev A. 1995. Armija i folklore [Army and folklore]. Sofiya, AGATO, 125 (in Bulgarian).
- Bulgarskata armija 1877–1919 [The Bulgarian Army 1877–1919]. 1988. Sofiya, Voenno izd-vo, 355 (in Bulgarian).
- Georgiev V. 1989. Narodniyat sgovor 1921–1923 [The People's Conspiracy 1921–1923]. Sofiya, Univ.izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 327 (in Bulgarian).
- Demiashkevich P.I. 1924. Bolgariia. Spravochnik po vooruzhennym silam. [Armed Forces Handbook]. Izdaniye razvedyvatel'nogo upravleniia shtaba RKKA. M., 42 (in Russian).
- Jonov M. 1995. Bulgarskata armija kato d"rzhavna instituciya sled pervata svetovna vojna 1919–1929 g. [The Bulgarian army as a state institution after the First World War 1919–1929]. Sofiya, Izd-vo na Ministerstvo na Otbranata «Sv. Georgi Pobedonosec», 302 (in Bulgarian).
- Kosashki N. 1988. Revolyucionniyat proces v armiyata (9 yuni 1923–1929 g.) [The revolutionary process in the army (June 9, 1923–1929)]. Sofiya, Voenno izdatelstvo, 342 (in Bulgarian).
- Krapchanski V., Hristov G., Vezelov D., Skachokov I. 1961. Krat"k obzor na bojniya s"stav, organizacijata, pop"lvaneto i mobilizacijata na b"lgarskata armija ot 1878 do 1944 g. [Brief overview of the combat composition, organization, replenishment and mobilization of the Bulgarian army from 1878 to 1944]. Sofiya, D"rzhavno voenno izdatelstvo, 248 (in Bulgarian).
- Markov G. 1992. Parola «Sabya». Zagovorite i prevratite na voenen s"yuz, 1919–1936 [Password «Saber». The Plots and Coups of a Military Union, 1919–1936]. Sofiya, Voen.-izd. kompleks «Sv. Georgi Pobedonosec»: Nauka i izkustvo, 193 (in Bulgarian).
- Mitev J. 1973. Fashistkiyat prevrat na 9 yuni 1923 g. i Yunskoto antifashistko v"stanie [The Fascist Coup of 9 June 1923 and the June Anti-Fascist Uprising]. Sofiya, Izd-vo BZNS, 451 (in Bulgarian).
- Nedev N. 1984. Aleksandar Stambolijski i zagovort [Alexander Stamboliyski and the conspiracy]. Sofiya, Izd-vo na BZNS, 349 (in Bulgarian).
- Ovsiani R.N. 1904. Bolgarskoje opolchenije i zemskoje voisko. K istorii grazhdanskogo upravleniia i okkupatsii v Bolgarii 1877–78–79 gg. [The Bulgarian militia and zemstvo. To the History of Civil Administration and Occupation in Bulgaria 1877–78–79]. SPb., Izd-vo Vojen.-ist. komis. Gl. Shtaba, 176, XLIX (in Russian).

- Ovsianyi R.N. 1900. Bolgariia i bolgary; Istoricheskii ocherk; Statistika i etnografiia; Literatura, nauka i iskusstvo; Vooruzhennyje sily [Bulgaria and Bulgarians; Historical sketch; Statistics and ethnography; Literature, science and art; Armed forces]. SPb., Vojen. tip., 368 (in Russian).
- Ovsianyi R.N. 1906. Russkoje upravlenije v Bolgarii v 1877–78–79 gg. [Russian administration in Bulgaria in 1877–78–79.]. SPb., Vojen.-ist. komis. Gl. Shtaba. Vyp. 2: Rossiiskii imperatorskii komissar v Bolgarii, general-adiutant kniaz' A.M. Dondukov-Korsakov [Russian Imperial Commissioner in Bulgaria, Adjutant General Prince A.M. Dondukov-Korsakov], 291 (in Russian).
- Ovsianyi R.N. 1903. Sbornik materialov po grazhdanskomu upravleniiu i okkupatsii v Bolgarii v 1877–78–79 gg. [A collection of materials on civil administration and occupation in Bulgaria in 1877–78–79]. Vyp. 1. SPb., Vojen.-ist. komis. Gl. shtaba, 363 (in Russian).
- Parentsov P.D. 1908. Iz proshlogo: Vospominaniia ofitsera Gen. shtaba P. Parentsova. [From the Past: Reminiscences of General Staff Officer P. Parentsov]. Ch. 4: V Bolgarii [In Bulgaria]. SPb., V. Berezovskii, 454 (in Russian).
- Petrova D. 1988. Samostoyatel'no upravlenie na BZNS 1920–1923 [The independent management of BZNS 1920–1923]. Sofiya, Nauka i Izkustvo, 413 (in Bulgarian).
- Stanchev S., Nikolov R. 2017. Istoriya na suhoputnite vojski na Bulgariya (1918–1945) [History of the Ground Forces of Bulgaria (1918–1945)]. T. 2. Sofiya, SiTi Direkt EOOD, 182 (in Bulgarian).
- Stanchev S., Petrov T. 2014. Istoriya na suhop"tnite vojski na Bulgariya [History of the land forces of Bulgaria]. T. 1. Sofiya: SiTi Direkt EOOD, 285 (in Bulgarian).
- Chivarzina A.I. 2021. Ritualy provodov na zarabotki v odnoi arkhaishekoj balkanoslavianskoj zone. [Rituals of send-offs in one archaic Balkan-Slavic area]. In: Kunstkamera. № 2 (12): 186–195 (in Russian).
- Yanchev V. 2014. Armiya, obshchestven red i v"treshna sigurnost mezhdju vojnite i sled tyah (1913–1915, 1919–1923) [Army, Public Order and Internal Security Between and After the Wars (1913–1915, 1919–1923)]. Sofiya, Univ. izd-vo «Sv. Kliment Ohridski», 433 (in Bulgarian).
- Yanchev V. 2006. Armiya, obshchestven red i v"treshna sigurnost. Bulgarskiyat opit 1878–1912 [Army, public order and internal security. The Bulgarian experience 1878–1912]. Sofiya, IF-94, 308 (in Bulgarian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.09.2022

Поступила после рецензирования 29.09.2022

Принята к публикации 29.09.2022

Received 01.09.2022

Revised 29.09.2022

Accepted 29.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермишин Леонид Валерьевич, аспирант кафедры истории южных и западных славян исторического факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0002-2843-8683](https://orcid.org/0000-0002-2843-8683)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid V. Ermishin, Post-graduate Student of the Department of History of the Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

УДК 94(73)

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-823-828

Оригинальное исследование

Кампания «За права человека» в СССР в 1970–1980 гг. как инструмент политики США

Королькова Н.В.

Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов
г. Строитель Яковлевского района Белгородской области,
Россия, 309070, Белгородская обл., Яковлевский р-н, г. Строитель, ул. Победы, 7
E-mail: nat.korolkova@list.ru

Аннотация. Тема данной работы посвящена вопросам использования США, в частности администрацией президента Дж. Картера, правозащитной деятельности как инструмента политического давления на СССР в 1970–80-е гг. Основное внимание политиков с обеих сторон сосредотачивалось на «еврейском вопросе» в СССР, праве еврейского населения Советского Союза на выезд и выбор страны проживания. Американские политики стремились через вопрос о правах человека в целом и правах евреев в частности расшатать политический режим в СССР. Советские власти, несмотря на то, что приоткрыли «железный занавес» для выезда евреев и диссидентов в русле политики «разрядки», особенно после Хельсинкских соглашений 1975 г., стремились ограничить выезд евреев, дабы не терять собственных образованных граждан, а также не усиливать Израиль против дружественных арабских стран. В связи с этим был введен «закон о дипломах», предполагавший выплату компенсации государству со стороны эмигрирующих лиц за получение высшего образования. Этот закон был одним из камней преткновения в вопросе прав человека в СССР, что использовалось США как повод для санкций и ограничений в отношении СССР. Данная политика манипулирования правами человека против геополитических противников использовалась американскими политиками и в дальнейшем, вплоть до нынешнего времени.

Ключевые слова: Советский Союз, СССР, США, «разрядка», демократия, права человека, холодная война

Для цитирования: Королькова Н.В. 2022. Кампания «За права человека» в СССР в 1970–1980 гг. как инструмент политики США. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 823–828. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-823-828

Campaign «For Human Rights» in the USSR in 1970–1980 as an Instrument of United States Policy

Natalya V. Korolkova

Secondary school with in-depth study of individual subjects in the town of Stroitel,
Yakovlevsky district, Belgorod region
7 Pobedy st., Stroitel, Yakovlevsky district, Belgorod region, 309070, Russia
E-mail: nat.korolkova@list.ru

Abstract. The topic of this work is devoted to the using of the United States, in particular, by the administration of President Jimmy Carter, human rights activities as an instrument of political pressure on the USSR in the 1970–80s. The main attention of politicians on both sides was focused on the «Jewish question» in the USSR, the right of the Jewish population of the Soviet Union to leave it and choose their country of residence. American politicians sought to undermine the political regime in the USSR through the issue of human rights in general, and the rights of Jews in particular. The Soviet authorities, despite the fact that they opened the «iron curtain» for the emigration of Jews and dissidents in line with the

policy of «détente», especially after the Helsinki Accords of 1975, sought to limit the emigration of Jews in order not to lose their own educated citizens, and also not to strengthen Israel against friendly Arab countries. In this regard, a «law on diplomas» was introduced, which provided for the payment of compensation to the state by emigrating persons for higher education. This law was one of the stumbling blocks in the issue of human rights in the USSR, which was used by the US as a pretext for sanctions and restrictions against the USSR. This policy of manipulating human rights against geopolitical opponents was used by American politicians in the future, right up to modern times.

Keywords: The Soviet Union, USSR, the United States, detente, democracy, human rights, the Cold War

For citation: Korolkova N.V. 2022. Campaign «For Human Rights» in the USSR in 1970–1980 as an Instrument of United States Policy. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 823–828 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-823-828

Введение

Разрядка международной напряженности была необыкновенно сложным по структуре и допустимым возможностям этапом мировой истории. На сегодняшний день она считается уникальным примером советско-американских отношений. Разрядка пробудила надежды на сближение СССР и США, объединив усилия сверхдержав в деле контроля за гонкой вооружений и на много десятилетий вперед внесла в повестку международной жизни проблему прав человека. Одновременно следует сказать, что вопрос о включении проблемы прав человека в контекст внешней политики был поставлен в Соединённых Штатах несколько раньше: в конце 60-х – начале 70-х гг. XX столетия.

Объект и методы исследования

Объектом исследования научной статьи является вопрос использования США, в частности администрацией президента Дж. Картера, правозащитной деятельности как инструмента политического давления на СССР в 1970–80-е гг.

Использование принципов сравнительно-исторического, системного и структурно-функционального анализа, а также ретроспективного метода являются методологической основой работы. Метод проблемного исследования позволил в полной мере раскрыть проблему заявленной тематики научной статьи.

Результаты и их обсуждение

В период разрядки зарождается новый аспект международных отношений – правозащитная тематика. С 1976 г., когда президентом стал Джимми Картер, проблемы морали стали играть ведущую роль [Califano, 2007, p. 17]. Глава США осуждал представителей партии республиканцев за циничность, прагматизм в политике и беспринципность. Его основная претензия к предыдущим администрациям заключалась в том, что они игнорировали ценности свободы и прав личности. В отличие от «реалистов» Г. Киссинджера и Р. Никсона, Картер стремился содействовать мирными усилиями внутривнутриполитическим изменениям в советском блоке [Богатуров, 2006, с. 301]. К тому же отличительной чертой внешней политики Джимми Картера были попытки увязать правозащитную тематику с обязательствами по военным вопросам. Собственно, поэтому Америка вступилась в 1977 г. за правозащитников, когда в Советском Союзе случились аресты членов «Хельсинкской группы». Подобные акценты внешней политики, как считается, были внутренне противоречивы, так как появлялась дилемма между интересами наций, которые были основаны на геополитических расчетах.

Неоконсерваторы же старались вывести вопрос защиты прав человека на уровень международных отношений, при этом поставив в неловкое положение администрацию Картера. С 1978 до начала 1980 г. возникла подрывная кампания против СССР с концентрацией внимания на правах человека [Юнгблед, Ильин, 2020, с. 7–39]. Одним из шагов на данном пути

стала ассоциация Коалиций за демократическое большинство (КДБ) и серии встреч для содействия диссидентам из стран восточного блока. Одна из встреч проходила в январе 1978 г., во время этой встречи КДБ вручила свою награду Л. Алексеевой, которая представляла участников Хельсинкского процесса от СССР. Особое вознаграждение было вручено также В. Турчину, который был основателем советского отделения Amnesty International. Церемония передавалась по радио «Свобода», «Свободная Европа», а также «Голос Америки» «в целях морального содействия диссидентам на Востоке» [Vaesse, 2010, p. 106]. При этом неоконсерваторы, как и правозащитники, выступали антагонистами Хельсинкского процесса. «Все ястребы и борцы за права человека, КДБ, Норман Подгорец, Скуп Джексон и Александр Солженицын напряжённо смотрели на Хельсинкское соглашение. Для них эти соглашения, которые были подписаны в августе 1975 г., выглядели наградой за двадцать лет советского старания приобрести согласие международного сообщества на расширение рубежей своей империи в Восточной Европе» [Vaesse, 2010, p. 150]. Другими словами, неоконсерваторы выбирали путь ведения переговоров с Советами с помощью силового давления, а также вмешательства во внутренние дела. Насыщенным и самым ярким примером подобной политики является пресловутая поправка Джексона – Вэника [Grumley, 1990, p. 363–372].

Ассоциация Советов евреев Советского Союза и Национальный Центр еврейских политических исследований выдвинули предложение по условиям торговли с Советским государством, поставив в зависимость от состояния в СССР эмиграционного законодательства и соблюдения права граждан на свободное избрание страны проживания [Cakhn, 1998]. По всей вероятности, в Москве эти измышления не приобрели своевременной и соответствующей оценки, а формирование в общественной и политической жизни Америки огромного правозащитного «бэкграунда» было без церемоний проигнорировано [Stearn, 1979].

В августе 1972 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ № 3198-VIII, возлагавший на граждан СССР, которые выезжали на постоянное место жительства за границу, обязанности покрыть стране понесенные расходы на их обучение в вузах, в аспирантуре, ординатуре и адъюнктуре, а также траты на приобретение ученых степеней и званий [Киссинджер, 1997, с. 528]. В этот же день Совет министров одобрил решение, которое установило нормативы компенсации, а также обстоятельства частичного и полного освобождения от «налога на дипломы». Например, выпускники юридических, экономических, педагогических институтов обязывались выплатить четыре тысячи пятьсот рублей в пользу страны, выпускники университетов – шесть тысяч рублей, дороже всего был оценён диплом МГУ – двенадцать тысяч двести рублей [Дённигхаус, Савин, 2013, с. 130–159]. Появление Указа Президиума и Постановления Совета Министров СССР дало сенатору Джексону и его приверженцам возможность конвертировать уже обозначившийся общественно-политический тренд в адресную политическую инициативу.

Вопрос о мотивах, сподвигших СССР к «закручиванию гаек» касательно эмигрирующих евреев, на сегодняшний день не имеет однозначного ответа. Сам Леонид Ильич Брежнев на переговорах с США пытался представить всё как некий бюрократический казус, непроизвольный сбой в машине государственного управления, но все же предоставленная версия и в прошлом, и в настоящем не вызывает большого доверия. Киссинджер в своих мемуарах писал, что «налог на дипломы» был введен под нажимом арабских стран Ближнего Востока, которые были недовольны тем, что приток из Советского Союза образованных евреев усиливает потенциал Израиля [Kissinger, 1994].

Историк Д. Сарджент также пишет, что превращение еврейской эмиграции в трудноразрешимую для Советов проблему есть прямое следствие всплеска еврейского национализма после победы Израиля в Шестидневной войне 1967 г. Тогда позволение на массовый отъезд еврейского населения на историческую родину в дружественных Советскому Союзу государствах Ближнего Востока воспринималось очень болезненно. Тем временем старания ограничить массовость эмигрантов стали предлогом для обвинений Советского Союза в нарушении прав человека [Morgan, 2010, p. 237–250].

Современный американско-российский исследователь В. Зубок обращает внимание на идеологическую подоплёку проблемы. В частности, он отмечает: «Массовая эмиграция наносила смертельный удар по двум идеологическим мифам: что СССР является «социалистическим раем», из которого никто не хочет уезжать, и что евреи успешно ассимилированы» [Зубок, 2011].

А что советская сторона? Посол в США А.Ф. Добрынин в своих мемуарах обвинял высшее руководство СССР (в частности Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина) в иррационализме и неконкретности на том основании, что их взгляды целиком определялись нежеланием «уступать нажиму сионистов и позволять им вмешиваться» во внутренние дела Советского Союза [Брежнев, 2016, с. 1165]. Тем не менее несколько фактов свидетельствует о том, что принципы советских руководителей не были настолько примитивными и однобокими.

Поправка Джексона – Вэника в формулировке Ю. Зализера «легитимировала для дипломатии проблему прав человека» [Zelizer, 2009, p. 653–670]. В этой связи принципиально существенным представляется фактор времени принятия Конгрессом США этого документа. Этот акт законодательно закрепил правозащитный вектор процесса глобализации на старте её восходящей фазы [Smiel, 1999, p. 1231–1250]. Разумеется, сенатор Джексон был не единственным среди законодателей протагонистом проблематики прав человека во внешней политике США [Tulli, 2012, p. 573–593], тем не менее именно он впервые до Заключительного акта СБСЕ, хельсинкских групп и враждебной правозащитной риторики периода Картера нанес ощутимый удар одному из самых уязвимых мест советской системы, такому как права и свободы граждан [Lazin, 2011, p. 157–169].

Поправка к Закону о торговле, которая была принята Конгрессом США в декабре 1974 г., стала границей, которая отделила «высокую разрядку» от её нисходящей фазы. Реальное значение этого документа значительно превосходило пределы непосредственных смыслов, вкладывавшиеся в доводы её создателей. Весьма закономерно, что поправка не была отменена в 1987 г., когда в СССР была введена свобода эмиграции.

В роли рычага влияния на РФ её использовало американское руководство и после распада Советского Союза [Jochnick, Zinner, 1991, p. 128–151]. Неоднократные призывы президента Бориса Ельцина к президенту Биллу Клинтону в 1993–1994 гг. с просьбами отказаться от притеснений в торгово-экономических отношениях с Россией не привели к отмене поправки. Американские коллеги ограничились лишь тем, что временно приостановили её действие.

Де-юре поправка была отменена лишь в 2012 г., но только для того, чтобы уступить место закону, который позволял США на своё усмотрение вводить санкции против некоторых людей, которые якобы ответственны за нарушение прав человека в России (больше известный, как «Акт Магницкого»). Подобное решение фактически сохраняет препятствие для развития равноправных российско-американских отношений.

С того времени санкционный инструментарий Америки значительно расширился, идеи и принципы, заложенные в своё время поправкой Джексона – Вэника, нашли применение и развитие в международной политике администрации Б. Обамы и Д. Трампа, а также всё чаще используются для ослабления международных позиций России [Scarborough, 2020].

Заключение

Таким образом, ретроспективный взгляд на историю кампании Дж. Картера «за права человека» в СССР позволяет по-новому взглянуть на действия советских руководителей. Ряд решений и политических жестов носили спорный и необязательный характер: введение «налога на дипломы», двусмысленная формулировка Брежнева («Указ не применять, но де-факто не отменять» [Брежнев, 1979]), импульсивные и зачастую недальновидные действия в отношении советских диссидентов и правозащитников.

Соображения престижа для Брежнева и его коллег в тот момент значили очень много. Для них исключительно важную роль играл фактор равенства сторон на переговорах,

тем более что оно было подкреплено военно-стратегическим паритетом. Но аппарат Картера культивировал идею морального превосходства США, поэтому сама по себе политика «за права человека», проводимая в адрес СССР, была равноценна «публичному унижению» [Hanson, 2003], с которым Кремль мириться не желал.

Список литературы

- Богатуров А.Д. (ред.). 2006. Система истории международных отношений: В 2 т. Т. 2. События 1945–2003 гг. М., Культурная революция, 717.
- Брежнев Л.И. 2016. Рабочие и дневниковые записи. В 3-х томах. Т. 1. Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. 1964–1982 гг. М., Историческая литература, 1264.
- Дённигхаус В., Савин А. 2013. «Как бы указ о евреях не отменить, а де-факто не применять»: Л.И. Брежнев, разрядка и еврейская эмиграция из СССР. В: Россия XXI, 1: 130–159.
- Зубок В. 2011. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 669.
- Киссинджер Г. 1997. Дипломатия. М., Ладомир, 849.
- Юнгблед В.Т., Ильин Д.В. 2020. Поправка Джексона – Вэника и развитие советско-американских отношений в 1972–1975 гг. В: Вестник МГИМО-Университета, 13 (2): 7–39.
- Brumley R.H. 1990. Jackson – Vanik: Hard Facts, Bad Law? In: Boston University International Law Journal, 8 (2): 363–372.
- Califano J.A. Jr. 2007 [1981]. Governing America: An Insider's Report from the White House and the Cabinet. New York, Simon and Schuster, 484.
- Cakhn A.H. 1998. Killing Detente: the Right Attacks the CIA. Univ. Park (PA), the Pennsylvania State Univ. Press, 256.
- Cmiel K. 1999. The Emergence of Human Rights Politics in the United States. In: The Journal of American History: 1231–1250.
- Hanson Ph. 2003. The Rise and Fall of the Soviet Economy: an Economic History of the USSR from 1945. London, Longman, 279.
- Jochnick Ch.B., Zinner J. 1991. Linking Trade Policy to Free Emigration: The Jackson – Vanik Amendment. In: Harvard Human Rights Journal, 4 (1): 128–151.
- Kissinger H. 1994. Diplomacy. New York, Simon & Schuster, 814.
- Lazin F.A. 2011. Jewish Influence in American Foreign Policy: American Jewry, Israel and the Issue of Soviet Jewry, 1968–1989. In: The Lawyer Quarterly, 3 (1): 157–169.
- Morgan M.C. 2010. The Seventieth and the Rebirth of Human Rights. In: The Shock of the Global: the 1970's in Perspective. Cambridge (Mass.), The Belknap Press, Harvard Univ. Press: 237–250.
- Scarborough J. 2020. Saving Freedom: Truman, The Cold War, and the Fight for Western Civilization. New York, Harper-Collins, 288.
- Steern P. 1979. Water's Edge: Domestic Politics and the Making of American Foreign Policy. Westport, Conn.: Greenwood Press, XIX, 265.
- Tulli U. 2012. «Whose rights are human rights?» The ambiguous emergence of human rights and the demise of Kissingerism. In: Cold War History, Vol. 12, No. 4: P. 573–593.
- Vaessee J. 2010. Neoconservatism. The Biography of movement. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 366.
- Zelizer J. 2009. Detente and Domestic Politics. Diplomatic History. Vol. 33, No. 4: 653–670.

References

- Bogaturov A.D. (ed.). 2006. Sistema istorii mezhdunarodnyh otnoshenij [The system of the history of international relations: In 2 vols. Vol. 2. Events of 1945–2003]: V 2 t. T. 2. Sobytiya 1945–2003 gg. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya, 717 (in Russian).
- Brezhnev L.I. 2016. Rabochie i dnevnikovye zapisi. In 3 vols. T. 1. Leonid Brezhnev. Rabochie i dnevnikovye zapisi. 1964–1982 gg. [Working and diary entries. In 3 volumes. T. 1. Leonid Brezhnev. Work and diary entries. 1964–1982]. Moscow, Istoricheskaya literatura, 1264 (in Russian).
- Dyonnighaus V., Savin A. 2013. «Kak by ukaz o evreyah ne otmenyat', a de-fakto ne primenyat'»: L.I. Brezhnev, razryadka i evrejskaya emigraciya iz SSSR [«No matter how the decree on Jews is

- not canceled, but de facto not applied»: L.I. Brezhnev, detente and Jewish emigration from the USSR]. In: Rossiya XXI [Russia XXI], № 1: 130–159 (in Russian).
- Zubok V. 2011. Neudavshayasya imperiya: Sovetskij Soyuz v holodnoj vojne ot Stalina do Gorbacheva [Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev]. Moscow: ROSSPEN, Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina», 669 (in Russian).
- Kissindzher G. 1997. Diplomatiya [Diplomacy]. Moscow, Lodomir, 849 (in Russian).
- Yungbled V.T., Il'in D.V. 2020. Popravka Dzheksona – Venika i razvitie sovetско-amerikanskiх otnoshenij v 1972–1975 gg. [The Jackson – Vanik amendment and the development of Soviet-American relations in 1972–1975] In: Vestnik MGIMO-Universiteta [Bulletin of MGIMO-University], 13(2): 7–39 (in Russian).
- Brumley R.H. 1990. Jackson – Vanik: Hard Facts, Bad Law? In: Boston University International Law Journal, 8 (2): 363–372.
- Califano J.A. Jr. 2007 [1981]. Governing America: An Insider's Report from the White House and the Cabinet. New York, Simon and Schuster, 484.
- Cakhn A.H. 1998. Killing Detente: the Right Attacks the CIA. Univ. Park (PA), the Pennsylvania State Univ. Press, 256.
- Cmiel K. 1999. The Emergence of Human Rights Politics in the United States. In: The Journal of American History: 1231–1250.
- Hanson Ph. 2003. The Rise and Fall of the Soviet Economy: an Economic History of the USSR from 1945. London, Longman, 279.
- Jochnick Ch.B., Zinner J. 1991. Linking Trade Policy to Free Emigration: The Jackson – Vanik Amendment. In: Harvard Human Rights Journal, 4 (1): 128–151.
- Kissinger H. 1994. Diplomacy. New York, Simon & Schuster, 814.
- Lazin F.A. 2011. Jewish Influence in American Foreign Policy: American Jewry, Israel and the Issue of Soviet Jewry, 1968–1989. In: The Lawyer Quarterly, 3 (1): 157–169.
- Morgan M.C. 2010. The Seventieth and the Rebirth of Human Rights. In: The Shock of the Global: the 1970's in Perspective. Cambridge (Mass.), The Belknap Press, Harvard Univ. Press: 237–250.
- Scarborough J. 2020. Saving Freedom: Truman, The Cold War, and the Fight for Western Civilization. New York, Harper-Collins, 288.
- Stearn P. 1979. Water's Edge: Domestic Politics and the Making of American Foreign Policy. Westport, Conn.: Greenwood Press, XIX, 265.
- Tulli U. 2012. «Whose rights are human rights?» The ambiguous emergence of human rights and the demise of Kissingerism. In: Cold War History, Vol. 12, No. 4: P. 573–593.
- Vaessee J. 2010. Neoconservatism. The Biography of movement. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 366.
- Zelizer J. 2009. Detente and Domestic Politics. Diplomatic History. Vol. 33, No. 4: 653–670.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.05.2022

Received 29.05.2022

Поступила после рецензирования 09.09.2022

Revised 09.09.2022

Принята к публикации 09.09.2022

Accepted 09.09.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Королькова Наталья Валентиновна, учитель истории и обществознания ОГБОУ «СОШ № 3 с УИОП г. Строитель», г. Строитель, Белгородская обл., Россия

Natalia V. Korol'kova, teacher of history and social studies, OGBOU «Secondary School No. 3 with UIOP, Stroitel», Stroitel, Belgorod region, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9836-3867](https://orcid.org/0000-0002-9836-3867)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-4-829-838

Оригинальное исследование

«Странная» клятва Ивана III: эхо монголов?

Виноградов А.Е.

Независимый исследователь, 119313 Москва РФ

E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Клятва великого князя Ивана III своему брату Андрею, содержащая апелляцию к «Небу и земле», традиционно рассматривается через призму иудео-христианских ересей. Однако последние, хотя и имели влияние на политику Ивана в конце XV в, не содержали таких языческих концептов. Вероятным истоком подобной традиции была Монгольская империя, имевшая сильное влияние на духовную и политическую жизнь Руси. Мотив «Неба и Земли» был типичным для кочевников и государств Дальнего Востока и атипичным для христианских и мусульманских государств Европы и Азии. Предположительным непосредственным источником заимствованного концепта были ордынские князья, массовый переход которых на службу Москве начался во второй половине XV в. Иван ввел в христианский текст клятвы калькированную с монгольского лексику, поскольку считал престижными традиции и образы, используемые чингисидами. Практика замалчивания монгольского влияния или придания его ключевым концептам христианской семантики в русских летописях в данном случае была нарушена.

Ключевые слова: Клятва, Иван III, ересь, монголы, Чингисхан, Сокровенное сказание, Московское царство

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2022. «Странная» клятва Ивана III: эхо монголов? *Via in tempore. История. политология.* 49 (4): 829–838. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-829-838

«Strange» Oath of Ivan III: an Echo of the Mongols?

Aleksey E. Vinogradov

Independent researcher,

Moscow, 119313, Russian Federation

E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. The oath of Grand Duke Ivan III to his brother Andrei, containing an appeal to "Heaven and Earth", is traditionally viewed through the prism of Judeo-Christian heresies. However, the latter, although they had an influence on Ivan's policy at the end of the 15th century, did not contain such pagan concepts. The probable source of such a tradition was the Mongol Empire, which had a strong influence on the spiritual and political life of Russia. The motif of "Heaven and Earth" was typical for the nomads and states of the Far East, and atypical for the Christian and Muslim states of Europe and Asia. The alleged direct source of the borrowed concept was the Horde princes, whose mass transfer to the service of Moscow began in the second half of the 15th century. Ivan introduced into the Christian text of the oath the vocabulary tracing from the Mongolian, as he considered the traditions and images used by the Genghisides to be prestigious. The practice of hushing up the Mongol influence or giving it to the key concepts of Christian semantics in Russian chronicles was violated in this case.

Key words: Oath, Ivan III, heresy, Mongols, Genghis Khan, Secret Legend, Muscovy

For citation: Vinogradov A.E. 2022. «Strange» Oath of Ivan III: an Echo of the Mongols? Via in tempore. History and political science. 49 (4): 829–838 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-829-838

Введение

В 1488 г. московский великий князь Иван III, успокаивая своего брата князя Андрея Угличского, подозревавшего свою скорую опалу, дает ему клятву, содержание которой до сих пор не дает покоя историкам. «Небом и землею и Богом сильным, Творцом всея твари» клялся государь, что не имеет намерения умышлять зла против брата [Полное собрание 1853, с. 238; Полное собрание, 1859, с. 217].

Интересен этот сюжет не только тем, что Иван через несколько лет откажется от своих слов и арестует Андрея, закончившего свои дни в темнице. Полемику вызвала сама формулировка клятвы, которая «не имеет аналогов ни в книжной, ни в устной словесности» [Успенский, 2021, с. 25] Руси.

В.Я. Петрухин увидел в указанной формулировке влияние иудейско-ветхозаветных представлений, не выходящее, впрочем, за рамки традиционного православия: «обращение к творцу неба и земли является топосом славянской книжности, прямо отсылающим к библейской традиции» [Петрухин, 2018, с. 15]. В свою очередь, А.И. Алексеев, полемизируя с данной точкой зрения, указал на то, что клясться как «небом», так и «землею» прямо запрещалось как Иисусом Христом («Нагорная проповедь»), так и Ветхим заветом [Алексеев, 2017]. Странность клятвы «небом и землею» с точки зрения иудеохристианских представлений признал (признавая притом вторую часть клятвы гебраизмом) Б.А. Успенский, посчитавший, что формулировка «небом и землею» была приписана Ивану III его недоброжелателями-летописцами [Успенский 2021, с. 28]. В основном полемика ведется в контексте рассмотрения вопроса о возможном влиянии ересей, в основном иудейского толка, на идеологическую и политическую жизнь Московии.

Объекты и методы исследования

Действительно, еретический фактор в период правления Ивана III прослеживался достаточно глубоко. Даже ключевой концепт «Москва – Третий Рим», старательно приписываемый более позднему ортодоксу Филофею, в действительности обрел основные черты в сочинении (с точки зрения последующих деятелей православия «еретика») митрополита Зосимы, именовавшего Ивана «Новым Константином», а Москву – «новым градом Константиновым» [Павлов, 1908, стб. 1466]. Однако в данном случае, во-первых, уникальность, во-вторых, расхождение с известной иудео-христианской догматикой (при неизвестности соответствующих аналогов и в еретических постулатах) дают, по нашему мнению, основания искать истоки клятвы Ивана за пределами указанного круга источников.

В самом деле, клятва «небом», «землею», как, впрочем, и другими объектами материального и нематериального мира, входит в культурный круг многих народов Евразии (например, Северного Кавказа) [Кодзати, 2019, с. 258]. Мотив «Божественных Неба и земли» встречается в «Клятве пяти пунктов» японского императора Мейдзи [Breen, 1996, p. 412]. Однако при всей значительности соответствующего культурно-исторического массива есть определенные точки, которые, по нашему мнению, могут оказаться более всего близкими рассматриваемой проблеме.

Нельзя не обратить внимание на то, что пара «Небо – Земля» (кстати, в сочетании с «силой», что еще раз заставляет вспомнить «Бога сильного») является важнейшей формулой в идеологии Чингисхана, запечатленной в так называемом «Сокровенном сказании». Фраза «благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу» в том или ином варианте повторяется в цитатах основателя Монгольской империи [Козин, 1941, с. 52, 104, 111,

162]. Ученые-востоковеды считают это не случайным. Главный «сакральный стержень религиозной культуры» предков монголов, культ Неба-Отца, был тесно связан с почитанием Матери-Земли, а также и с представлениями о сакральной природе своего верховного правителя [Абаев, 2013, с. 140]. Мало того, отмечается, что «Небо и Земля, будучи сакральными объектами поклонения, регулирующими поведение человека в разнообразных жизненных ситуациях, в ... монгольских и маньчжурских клятвах выступают в качестве свидетелей и заверителей» [Дампилова, Николаева, 2022, с. 67]. Близкие сакральные понятия присутствовали и в сохранившихся ярлыках ханов русским митрополитам, только не христианская лексика типа «Вечного Бога (Неба) сильного» и другая русскими переводчиками (так же, как католиками в переписке монголов с Западной Европой) заменялась на «Бога бессмертного» и т. д. [Григорьев, 1842, с. 20–21, 59, 105].

Результаты и их обсуждение

Это дает повод рассматривать изучаемую проблему через призму другой, также нерешенной: о влиянии монгольских традиций на генезис и идеологию Московского государства. Ряд историков, и в частности С.М. Соловьев, полагали его скорее второстепенным по сравнению с другими факторами: историческими, географическими и столь ощутимыми в средневековье климатическими. Русь же не столько испытывала влияние кочевого Востока, сколько противостояла ему, стремясь «войти в общую жизнь европейских народов» [Соловьев, 1984, с. 19–23, 29–30, 150]. Вместе с тем полностью отрицать это влияние сложно.

Не считая здесь возможным останавливаться на сложной теме точности этнических определений источников (например, «татары») и использующих их терминологию исследователей, можно отметить, что влияние наследников Чингисхана было и прямым: еще при дворе отца Ивана – Василия II было модным говорить по-татарски [Вернадский, 2016, с. 410], а уже в покорении Новгорода едва ли не решающую роль сыграла татарская конница царевича Данияра [Кривошеев, 2007].

Оно было и косвенным и до и после формального освобождения от татарского ига в 1480 году. О том, что московские князья «наследовали и введенную татарами финансовую администрацию», писал П.Н. Милюков [Милюков, 1896, с. 130]. «Татарские порядки в управлении, суде, сборе дани» отмечал Г. Федотов [Федотов, 1952, с. 146–147].

В Московии на столетия сформировалась структура власти, которую С.А. Королев называет «татароморфной» [Королев, 2009, с. 75]. Отношения власти и собственности также сложились в Москве под влиянием восточных порядков [Градовский, 1899, с. 150; Латов, 2004, с. 123]. По мнению правоведа Н.Н. Алексева, Московское государство заимствовало монархические традиции «непосредственно из азиатского мира» и «походило гораздо более на восточный халифат» [Алексеев, 1927, с. 27].

Оно повторило и историческую логику трансформации монгольского общества в империю. Чингисхану, прежде чем перейти к тому, что называется «расширение владений монголов на земли всего мира без исключения» [Фогель, 2008, с. 1200], пришлось раздавить традиционную степную демократию, превратив курултай, съезды монгольской элиты в лишь формальные демонстрации наместниками областей лояльности верховному правителю [Чернышов, 2018, с. 145], жестоко подавить сопротивление ряда монгольских и родственных племен, не желавших строить империю «до последнего моря». Он же провозгласил себя верховным правителем и судьей, еще в начале карьеры великого хана учинив расправу над своими родственниками, выразившими ему, по старым степным понятиям, лишь непредосудительное непослушание [Почекаев, 2019, с. 13].

Все это оказало сильное влияние в плане «полного уничтожения демократических начал» [Сахаров, 2010, с. 107] на Московскую Русь XVI в., где представительные учреждения были, по выражению В.О. Ключевского, «крайне скудными и бесцветными»

[Ключевский, 1990, с. 280–281], а политический характер ее в целом именовался «тоталитарным» [Бердяев, 1955, с. 10]. Московский царь, считал Г. Федотов, «как преемник ханов, мог покончить со всеми общественными силами, ограничивающими самовластие» [Федотов, 1952, с. 145]. Беспредельная убежденность власти «в своем праве «казнить и миловать» есть «влияние монгольского опыта» [Булдаков, 2015, с. 26]. Н.И. Костомаров характеризовал политику Ивана III как «азиатский деспотизм» [Костомаров, 1912, с. 248]. В этом смысле приобретает определенную логику и то, что уже внук Ивана в отношении присоединенных русских земель станет применять «методы, обычно используемые на завоеванных территориях» [Исаев, 2009, с. 104].

Все это сопровождалось заимствованием огромного количества культурных и лексических элементов, от названий элитных одежд до московского придворного церемониала, который «во многих отношениях являлся отражением монгольского образца» [Вернадский, 2016, с. 414].

По мнению И.Г. Прыжова, эти заимствования в XV–XVI вв. были столь велики, что он характеризовал это время как период «антинационального развития» [Прыжов, 1868, с. 41, 43–44].

В этих условиях заимствование из того же источника сакральных образов, цементирующих клятвенные формулировки, кажется вполне вероятным. Конечно, постепенная исламизация Казани, Астрахани и Крымского ханства вытесняла эти, по сути, языческие образы из западных осколков империи Чингисхана. Но, не говоря уже о более восточных регионах, даже там, например, в имевшей тесные контакты с Московией Ногайской орде, еще столетия сохранялись «весьма значительные пережитки» домусульманских верований [Трепавлов, 2002, с. 564].

При том еще со времен Ивана Калиты, а тем более после «тысячи крещеных и некрещеных татар шли на службу к московскому князю, вливаясь в ряды служилых людей, будущего дворянства, заражая его восточными понятиями и степным бытом» [Федотов, с. 147]. «Интенсивность Ордынской миграции в Москву ... поражает воображение», – пишет востоковед Ф.А. Асадуллин [Асадуллин, 2017, с. 174].

Легкость, с которой эти восточные выходцы или их большая часть переходила в православие, еще раз показывает, что степень усвоенности ими норм ислама была достаточно поверхностной. А вот в том, что они заражали своими «понятиями» уцелевшую после нашествий XIII–XIV вв. русскую элиту, и так зачастую прошедшую монгольскую «школу» в Орде, вряд ли можно сомневаться. Количество, «сонмы» этих выходцев были причиной того, что «в некоторых отношениях прямое татарское влияние на русскую жизнь скорее возросло, чем уменьшилось после освобождения Руси», – считал Г.В. Вернадский [Вернадский, 2016, с. 415]. Другой евразиец, Н.С. Трубецкой, придавая этому влиянию позитивный оттенок, указывал, что оно воздействовало и на ментальные установки русских князей, как потом и царей: «русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву» [Трубецкой, 1992, с. 104]. Впрочем, даже и в современных изданиях того же евразийского толка можно встретить схожие оценки: «трехсотлетнее ордынское иго... сформировало антропологический облик российской власти и ее элитного сословия... в поведенческом и культурологическом смысле», но со знаком минус [Игнатов, 2006]. Не чуждый евразийских симпатий В. Шубарт также считал, что все московское самодержавие – это ордынское «инородное тело в плоти русского народа» [Шубарт, 2000, с. 63]. П.Н. Савицкий полагал, что превалирование восточного фактора в государственности было в действительности столь большим, что Россию, мол, вообще нельзя считать славянской страной [Панченко, 2011, с. 19].

Действительно, это воздействие было так велико, что даже освобождение от ига протекало под флагом «монгольской» же легитимности. Так, официальные летописи подчеркивали, что князь Дмитрий сражался на Куликовом поле не с Ордой, а с узурпатором,

врагом законных ордынцев-чингисидов. Видимо, психологическая установка на невозможность противостояния сюзерену – «самому царю», ордынскому хану долго довлекла и над Иваном III, пишет В.Н. Рудаков [Рудаков, 2009, с. 213].

Престиж монгольских правителей в глазах московской элиты подчеркивался тем обстоятельством, что сам титул «царь», фонетически являющийся отголоском более древнего римско-византийского «кесарь», поначалу применялся русскими по отношению к византийским владыкам, а затем к ханам Орды [Вернадский, 2016, с. 412]. В 1572 г. Иван Грозный объявил царем Московии Симеона Бекбулатовича именно потому, что тот был чингисидом «царской» монгольской крови, а уже впоследствии летописная традиция приписывание царского титула самим Грозным связывала с завоеванием Казани – наследницы Орды [Halperin, 1985, p. 99–101]. «Для создания Российской империи в XVI веке борьба за наследия Золотой Орды явилась более важной, чем... «Третий Рим», – считает А. Капеллер, – «престиж царевичей-чингисидов... стал существенным элементом ранней имперской идеологии России» [Капеллер, 2004, с. 96].

Многие исследователи сходятся на том, что стремление к бесконечному силовому расширению российской империи в различных ее формах отражало дух Ясы, было «татарской государственной идеей» [Асадулин, 2017, с. 175–176]. Н.С. Трубецкой считал, что «силу экспансии... вовне» Россия стала проявлять в силу желания собрать земли «западного улуса великой монгольской державы» [Трубецкой, 1992, с. 104, 106]. А.Г. Дугин увидел в этом влиянии еще ментально-идейный заряд «кочевнической имперской идеологии» [Дугин, 1996, с. 27].

При огромном слое социальной административной лексики, заимствованной с Востока (тарханы, даруги, ямы и проч.), неудивительно заимствование и сакральных образов, цементирующих соответствующую государственную систему у монголов. Так же, как часть этой лексики обретала «переводной» характер (например, «пожалование» является калькой с монгольского «союргал» [Нефёдов, 2010, с. 179, 180]), так и монгольские Тенгри (божественное Небо) и Этуген (Земля-богиня) могли обрести в устах Ивана III «русское» звучание.

Официальное ревностное православие, образы Апокалипсиса, бывшие источником мрачного вдохновения государей Московии, не могут заслонить того факта, что Realpolitik государства и ментальность его элиты имели зачастую истоки совсем в другой этнокультурной среде. Символично, что даже знаменитый символ московских царей – «шапка Мономаха» – имеет на самом деле отношение не к Константинополю, а к монгольским ханам Средней Азии [Вернадский, 2016, с. 413]. Что, в общем, неудивительно, т. к. в ходе тщательной «селекции» русских князей в Орде выживали и получали ярлык на княжение лишь те, кто соглашался «поклониться татарским богам» [Сказание, 1981, с. 229–234]. Полученные уроки религиозной «гибкости», видимо, передавались по наследству. Иначе трудно объяснить существование в рамках Московии Касимовского ханства, передачу великими князьями и царями владений с православными крестьянами новым подданным-иноверцам и позднейшую политику в землях бывшей Монгольской империи, где российские власти скорее препятствовали распространению христианства, что вызвало у современного исследователя восклицание «Вот и великое Православное царство!» [Лурье, 1995, с. 262].

В этой связи проблема сочетания монгольского и византийского влияния – «московский государь... был преемником и ханов-завоевателей, и императоров византийских...» [Федотов, 1952, с. 148–149] – приобретает вполне определенный акцент. Влияние монголов коренным образом отличало Московскую Русь от привившей ей когда-то веру и христианскую культуру Византии, где при так же ощущаемом дыхании Востока и компромиссах с ним (от аваров до турок), даже изредка династических связях (императрица Ирина-Чичак) очевидно, что такой «евразийский симбиоз» был невозможен. Очевидно, что и клятва иноверными сакральными «сущностями» была бы крайне маловероятна из уст вла-

дык Константинополя: становясь базилевсами, они даже давали специальную присягу на верность православному вероучению [Вероисповедная клятва, 2011, с. 198–199].

Заключение

Вопрос об уникальности клятвы Ивана III в этой связи представляется интересным. С одной стороны, русские книжники и летописцы, как отмечалось, старались передать ордынскую лексику христианскими терминами. Это связано не только с религиозными, но и политическими моментами. Русские авторы XIII–XV вв., характеризуя как современную им, так и более раннюю эпоху, много писали о бедствиях в связи с нашествиями «поганных», не забывали о злключениях русских князей в Орде, сводя ее роль к орудию высшего возмездия за «грехи», которому-де противиться невозможно [Рудаков, 2009, с. 61–111]. Но что касается непосредственно власти Орды на Руси, в частности представителей ее администрации – баскаков и даругов, то писатели стремились почти не упоминать о них, выработав своеобразную «идеологию умолчания» [Halperin, 1985, pp. 6–8, 14–20, 61]. П.Н. Савицкий отмечал то же в отношении послеордынского периода: мол, в интересах своей внутренней и внешней политики «московские цари и идеологи их власти... замалчивали монгольство московских государственных традиций» [Панченко, 2011, с. 19].

В этом контексте, кажется, можно было бы и принять версию о том, что буквальное изложение слов Ивана III было инициировано его недоброжелателями. Но все же, учитывая единообразие этого изложения в целом ряде летописей и при значительности авторитета деда Ивана Грозного, по нашему мнению, следует предпочесть другой вариант объяснения. Возможно, именно авторитет или страх перед великим князем не позволил перу летописца и его переписчиков запечатлеть слова Ивана в адаптированном виде. Кроме того, монгольские истоки загадочной клятвы могли – во всяком случае, некоторыми из переписчиков – быть уже несколько подзабыты.

По нашему мнению, клятва Ивана III «небом и землею» может быть уникальным случаем прерывания этой традиции «умолчания» и свидетельством того, как глубоко монгольские традиции, культурные клише могли войти в мир представлений, образ мышления московских государей.

Список источников

- Павлов А.В. 1908. Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб. Тип. П.А. Александрова, ч. 1. 1472.
Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора. Памятники литературы Древней Руси. 1981. Под ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева, т. 3. М.: Художественная литература: 228–235.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. VI, СПб. Тип. Э. Праца 1853. 358.
Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. VIII, СПб. Тип. Э. Праца 1859. 301.

Список литературы

- Абаев Н.В. 2013. Влияние тэнгрианской идеологии на социальную организацию и государственность в империях хунну и монголов: некоторые методологические аспекты. Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 6: 134–141.
Алексеев А.И. 2017. О «странной» клятве великого князя Ивана III и о странной манере вести полемику (Ответ В.Я. Петрухину). Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личности, в идеях. Вып. 1: 161–178.
Алексеев Н.Н. 1927. Христианство и идея монархии. Путь (Париж). 6 (январь): 15–31.
Асадуллин Ф.А. 2017. «Татарская Московия» – культурно-политический аспект. Вестник РУДН. Всеобщая история. Вып. 9. 2: 169–183.
Бердяев Н.А. 1955. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press. 157.

- Булдаков В.П. 2015. Кризисный ритм российской истории: к культурно-антропологическому переосмыслению. Политическая концептология. 2: 18–52.
- Вернадский Г.В. 2016. Монголы и Русь. М.: Ломоносовъ. 512.
- Вероисповедная клятва. 2011. Византийский словарь: в 2 т. [сост. общ. ред. К.А. Филатова]. СПб.: Амфора. ТИД Амфора: РХГА: Издательство Олега Абышко, т. 1. А–Л: 198–199.
- Градовский А. 1899. Уезд Московского государства. Собрание сочинений. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 492.
- Григорьев В.В. 1842. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М.: Университетская типография. 132.
- Дампилова Л.С., Николаева Н.Н. 2022. Жанр клятв в монгольско-маньчжурских источниках. Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 81. 3: 64–73.
- Дугин А.Г. 1996. Мистерии Евразии. М.: Арктогея. 192.
- Игнатов И. 2006. Империя: попытка рациональной апологии. «Завтра». 52 (684). 27 декабря.
- Исаев И.А. 2009. История государства и права России. М.: Проспект. 800.
- Капеллер А. 2004. Формирование Российской империи в XV – нач. XVIII в: наследство Руси, Византии и Орды. Российская империя в сравнительной перспективе. Сост. М. Баталина, А. Миллер. М.: Новое издательство: 98–108.
- Ключевский В.О. 1990. Сочинения в 9 т. Т. VIII. М.: Мысль. 528.
- Кодзати И.А. 2019. Об устойчивых сочетаниях осетинского языка, обусловленных национальными реалиями. Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. (22): 255–264.
- Козин С.А. 1941. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.–Л.: Издательство АН СССР. 619 с.
- Королев С.А. 2009. Псефдоморфоза как тип развития: случай России. Философия и культура. 6: 72–85.
- Костомаров Н.И. 1912. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, IV. 594.
- Кривошеев Ю.В. 2007. Татары и Шелонская битва 1471 г. Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. 2. СПб.: Изд-во СПб университета: 201–207.
- Латов Ю.В. 2004. Власть-собственность в средневековой России. Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 2. 4: 111–133.
- Лурье С.В. 1995. Русские в Средней Азии, англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации. Цивилизации и культуры. Вып. 2. М.: ИВИ РАН: 252–273.
- Милюков П.Н. 1896. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. СПб.: «Мир божий» [2], VIII. 222.
- Нефёдов С. 2010. История России. Факторный анализ. М.: Территория будущего. Т. I. 376.
- Панченко А.Б. 2011. Этноисторические и геополитические положения классического евразийства. Исторический ежегодник Новосибирск. Параллель: 14–24.
- Петрухин В.Я. 2018. Евреи в средневековой Руси: парадоксы современного восприятия давней проблемы. Славяноведение. 2: 12–20
- Почекаев Р.Ю. 2019. Расправа Чингисхана с Сача-бэки и начало эпохи ханского правосудия. Народы и религии Евразии (Барнаул). 4 (21): 7–16.
- Прыжов И.Г. 1868. История кабаков в России в свете истории Русского народа. Санкт-Петербург. М.: М.О. Вольф [8]. 320.
- Рудаков В.Н. 2009. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV веков. М.: Квадрига. 248 с.
- Сахаров А.Н. 2010. Русь на путях к «Третьему Риму». Тула, Гриф и Ко. 240.
- Соловьев С.М. 1984. Публичные чтения о Петре Великом. М., Наука. 231.
- Трепавлов В.В. 2002. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 752.
- Трубецкой Н.С. 1992. О туранском элементе в русской культуре. Этнографическое обозрение. 1: 92–106.
- Успенский Б.А. 2021. Странная клятва Ивана III. Studi Slavistici. XVIII 2: 23–32.
- Федотов Г.П. 1952. Россия и свобода. Новый град. Сборник статей под ред. Ю.П. Иваска. Нью-Йорк. Издательство имени Чехова: 139–170.

- Фогель А.С. 2008. Место древнерусских земель в геополитической системе XIII–XIV вв. по данным восточных авторов. Известия Самарского научного центра РАН. История и археология: 1200–1204.
- Чернышов С.А. 2018. Тюркские политические традиции в системе организации власти русского государства и сибирского ханства как фактор их успешной интеграции в XVI–XVII вв. Идеи и идеалы. Т. 2. 4: 139–156.
- Шубарт В. 2000. Европа и душа Востока. М.: Русская идея. 443.
- Breen J. 1996. The Imperial Oath of April 1868: Ritual, Politics, and Power in the Restoration. Monumenta Nipponica (Sofia University) Vol. 51. No. 4 (Winter): 407–429.
- Halperin Ch.J. 1985. Russia and the Golden Horde. The Mongol impact on medieval Russian History. Bloomington, Indiana University Press. 180.

References

- Abaev N.V. 2013. Vlijanie tjengrianskoj ideologii na social'nuju organizaciju i gosudarstvennost' v imperijah hunnu i mongolov: nekotorye metodologicheskie aspekty [Influence of Tengrian ideology on social organization and statehood in the empires of the Xiongnu and Mongols: some methodological aspects]. Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. 6: 134–141 (in Russian).
- Alekseev A.I. 2017. О «strannoj» kljatve velikogo knjazja Ivana III i o strannoj manere vesti polemiku (Otvét V.Ja. Petruhinu) [About the «strange» oath of the Grand Duke Ivan III and about the strange manner of arguing (Answer to V.Ya. Petrukhin)]. Paleorossija. Drevnjaja Rus' vo vremeni, v lichnosti, v idejah. Vyp. 1: 161–178 (in Russian).
- Alekseev N.N. 1927. Hristianstvo i ideja monarhii [Christianity and the idea of monarchy]. Put' (Parizh). 6 (janvar'): 15–31.
- Asadullin F.A. 2017. «Tatarskaja Moskovija» – kul'turno-politicheskij aspekt [«Tatar Muscovy» – a cultural and political aspect]. Vestnik RUDN. Vseobshhaja istorija. Vyp. 9. 2: 169–183 (in Russian).
- Berdjaev N.A. 1955. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. Parizh: YMCA Press. 157.
- Buldakov V.P. 2015. Krizisnyj ritm rossijskoj istorii: k kul'turno-antropologicheskomu pereosmysleniju [The crisis rhythm of Russian history: towards cultural and anthropological rethinking]. Politicheskaja konceptologija. 2: 18–52 (in Russian).
- Vernadskij G.V. 2016. Mongoly i Rus' [Mongols and Russia]. M.: Lomonosov. 512 (in Russian).
- Veroispovednaja kljatva [Religious oath]. 2011. Vizantijskij slovar': v 2 t. [sost. Obshh. red. K.A. Filatova]. SPb.: Amfora. TID Amfora: RHGA: Izdatel'stvo Olega Abyshko, t. 1. A–L: 198–199 (in Russian).
- Gradovskij A. 1899. Uezd Moskovskogo gosudarstva. Sbornie sochinenij [District of the Moscow state]. T. 2. SPB.: Tip. M.M. Stasjulevicha. 492 (in Russian).
- Grigor'ev V.V. 1842. O dostovernosti jarlykov, dannyh hanami Zolotoj Ordy russkomu duhovenstvu [On the reliability of the labels given by the khans of the Golden Horde to the Russian clergy]. M.: Universitetskaja tipografija. 132 (in Russian).
- Dampilova L.S., Nikolaeva N.N. 2022. Zhanr kljatv v mongol'sko-man'chzhurskikh istochnikah [Genre of oaths in the Mongolian-Manchu sources]. Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. T. 81. 3: 64–73 (in Russian).
- Dugin A.G. 1996. Misterii Evrazii [Mysteries of Eurasia]. M.: Arktogeja. 192 (in Russian).
- Ignatov I. 2006. Imperija: popytka racional'noj apologii [Empire: an attempt at a rational apology]. «Zavtra». 52 (684). 27 dekabnja (in Russian).
- Isaev I.A. 2009. Istorija gosudarstva i prava Rossii [History of the State and Law of Russia]. M.: Prospekt. 800 (in Russian).
- Kapeller A. 2004. Formirovanie Rossijskoj imperii v XV – nach. XVIII v: nasledstvo Rusi, Vizantii I Ordy. Rossijskaja imperija v sravnitel'noj perspective [Formation of the Russian Empire in the XV – beginning XVIII century: the legacy of Russia, Byzantium and the Horde]. Sost. M. Batalina, A. Miller. M.: Novoe izdatel'stvo: 98–108 (in Russian).
- Ključevskij V.O. 1990. Sochinenija [Works]. V 9 t. T. VIII. M.: Mysl'. 528 p. (in Russian).

- Kodzati I.A. 2019. Ob ustojchivyh sochetanijah osetinskogo jazyka, obuslovlennyh nacional'nymi realijami [On stable combinations of the Ossetian language, due to national realities]. *Izvestija SOIGSI. Shkola molodyh uchenyh*. (22): 255–264 (in Russian).
- Kozin S.A. 1941. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaja hronika 1240 g. [Secret story. Mongolian chronicle of 1240]. M.–L.: Izdatel'stvo AN SSSR. 619 (in Russian).
- Korolev S.A. 2009. Psefodomorfoza kak tip razvitija: sluchaj Rossii [Psephodomorphosis as a type of development: the case of Russia]. *Filosofija i kul'tura*. 6: 72–85 (in Russian).
- Kostomarov N.I. 1912. Russkaja istorija v zhizneopisanijah ee glavnejshih dejatelej [Russian history in the biographies of its main figures]. Kn. 1. SPb.: Tip. M.M. Stasjulevicha, IV. 594 (in Russian).
- Krivosheev Ju.V. 2007. Tatory i Shelonskaja bitva 1471 g. [Tatars and the Battle of Shelon in 1471]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejshih vremen do XX veka*. T. 2. SPb.: Izdatel'stvo SPb universiteta: 201–207 (in Russian).
- Latov Ju.V. 2004. Vlast'-sobstvennost' v srednevekovoj Rossii [Power-property in medieval Russia]. *Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*. T. 2. 4: 111–133 (in Russian).
- Lur'e S.V. 1995. Russkie v Srednej Azii, anglichane v Indii: dominanty imperskogo soznaniya i sposoby ih realizacii [Russians in Central Asia, Englishmen in India: Dominants of Imperial Consciousness and Ways of Their Implementation]. *Civilizacii i kul'tury*. Vyp. 2. M.: IVI RAN: 252–273 (in Russian).
- Miljukov P.N. 1896. Oчерки по истории русской культуры [Essays on the history of Russian culture]. T. 1. SPb.: «Mir bozhij» [2], VIII. 222 (in Russian).
- Nefjodov S. 2010. Istorija Rossii. Faktornyj analiz [History of Russia. Factor analysis]. M.: Territorija budushhego. T. I. 376 (in Russian).
- Panchenko A.B. 2011. Jetnoistoricheskie i geopoliticheskie polozhenija klassicheskogo evrazijstva [Ethnohistorical and geopolitical provisions of classical Eurasianism]. *Istoricheskij ezhegodnik Novosibirsk*. Parallel': 14–24 (in Russian).
- Petruhin V. Ja. 2018. Evrei v srednevekovoj Rusi: paradoksy sovremennogo vosprijatija davnej problemy [Jews in medieval Russia: the paradoxes of the modern perception of a long-standing problem]. *Slavjanovedenie*. 2: 12–20 (in Russian).
- Pochekaev R.Ju. 2019. Rasprava Chingis-hana s Sacha-bjeki i nachalo jepohi hanskogo pravosudija [The massacre of Genghis Khan with Sacha-beki and the beginning of the era of Khan justice]. *Narody i religii Evrazii (Barnaul)*. 4 (21): 7–16 (in Russian).
- Pryzhov I.G. 1868. Istorija kabakov v Rossii v svete istorii Russkogo naroda [The history of taverns in Russia in the light of the history of the Russian people]. Sankt-Peterburg. M.: M.O. Vol'f [8]. 320 (in Russian).
- Rudakov V.N. 2009. Mongolo-tatory glazami drevnerusskih knizhnikov cserediny XIII–XV vekov [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian scribes of the middle of the XIII–XV centuries]. M.: Kvadriga. 248 (in Russian).
- Saharov A.N. 2010. Rus' na putjah k «Tret'emu Rimu» [Russia on the way to the «Third Rome»]. Tula, Grif i Ko 240 (in Russian).
- Solov'ev S.M. 1984. Publichnye chtenija o Petre Velikom [Public Readings on Peter the Great]. M., Nauka. 231 (in Russian).
- Trepavlov V.V. 2002. Istorija Nogajskoj Ordy [History of the Nogai Horde]. M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN. 752 (in Russian).
- Trubeckoj N.S. 1992. O turanskom jelemente v russkoj kul'ture [On the Turanian element in Russian culture]. *Jetnograficheskij obozrenie*. 1: 92–106 (in Russian).
- Uspenskij B.A. 2021. Strannaja kljatva Ivana III [The strange oath of Ivan III]. *Studi Slavistici*. XVIII 2: 23–32 (in Russian).
- Fedotov G.P. 1952. Rossija i svoboda. Novyj grad [Russia and freedom]. Sbornik statej pod red. Ju.P. Ivaska. N'ju-Jork. Izdatel'stvo imeni Chehova: 139–170 (in Russian).
- Fogel' A.S. 2008. Mesto drevnerusskih zemel' v geopoliticheskoj sisteme XIII–XIV vv. po dannym vostochnyh avtorov [The place of ancient Russian lands in the geopolitical system of the XIII–XIV centuries according to Eastern authors]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Istorija i arheologija: 1200–1204* (in Russian).

- Chernyshov S.A. 2018. Tjurkskie politicheskie tradicii v sisteme organizacii vlasti russkogo gosudarstva i sibirskogo hanstva kak faktor ih uspehnoj integracii v XVI–XVII vv. [Turkic political traditions in the system of power organization of the Russian state and the Siberian Khanate as a factor of their successful integration in the 16th – 17th centuries]. *Idei i idealy*. Т. 2. 4: 139–156 (in Russian).
- Shubart V. 2000. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the Soul of the East]. М.: Russkaja ideja. 443 (in Russian).
- Breen J. 1996. The Imperial Oath of April 1868: Ritual, Politics, and Power in the Restoration. *Monumenta Nipponica* (Sofia University) Vol. 51. No. 4 (Winter): 407–429 (in Russian).
- Halperin Ch.J. 1985. *Russia and the Golden Horde. The Mongol impact on medieval Russian History*. Bloomington, Indiana University Press. 180 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 29.09.2022

Received 29.09.2022

Поступила после рецензирования 07.11.2022

Revised 07.11.2022

Принята к публикации 07.11.2022

Accepted 07.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Aleksey E. Vinogradov, PhD in History, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000 0002-3041-4103](https://orcid.org/0000-0002-3041-4103)

УДК 929.733

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-4-839-848

Обзорная статья

Участие Б.К. Миниха в политических процессах в период правления российских императриц в 20–40-е гг. XVIII в.

Соломин В.А. , Кулабухов В.С. , Галушко И.Г. , Сергиенко М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: masterone500@yandex.ru, kulabuhov@bsu.edu.ru, galushko@bsu.edu.ru, sergienko@bsu.edu.ru

Аннотация. Бурхард Кристоф Миних являлся одним из символов эпохи дворцовых переворотов. Будучи приглашённым в петровскую эпоху, он смог достичь стремительного карьерного роста и на короткое время стать одним из центральных деятелей в России вплоть до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. В контексте изучения его деятельности одной из задач данной работы было выявление причин приглашения иностранцев в российскую армию. Отдельного внимания заслуживает изучение достижений Миниха на поле боя и в инженерном деле. В статье была дана характеристика оценки отечественных историков вклада фельдмаршала немецкого происхождения в развитие государственного управления и армии. В контексте изучения деятельности Миниха проанализирован образ Э.И. Бирона и причины его конкуренции с Б.К. Минихом как во время правления, так и после смерти Анны Иоанновны. Немаловажной темой также является приход к власти Елизаветы Петровны, лишившей иноземных деятелей власти, и последствия её воцарения как для Б.К. Миниха, так и для его конкурентов.

Ключевые слова: эпоха дворцовых переворотов, Б.К. Миних, бироновщина, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна

Для цитирования: Соломин В.А., Кулабухов В.С., Галушко И.Г., Сергиенко М.А. 2022. Участие Б.К. Миниха в политических процессах в период правления российских императриц в 20–40-е гг. XVIII в. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 839–848. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-839-848

B.C. Minikh's Participation in Political Processes During the Reign of Russian Empresses in the 20s – 40s of the XVIII Century

Vladimir A. Solomin , Vladimir V. Kulabuhov , Inna G. Galushko ,
Marina A. Sergienko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: masterone500@yandex.ru, kulabuhov@bsu.edu.ru, galushko@bsu.edu.ru, sergienko@bsu.edu.ru

Abstract. Burchard Christoph Minich was the palace coups era's symbolic character. Being invited by the Peter I, he was able to achieve rapid career growth and for a short time become one of the central figures in Russia until the accession of Empress Elizabeth Petrovna. In the context of studying his activities, one of the tasks of this work was to identify the reasons for inviting foreigners to the Russian army. Special attention should be paid to the study of Minich's achievements on the battlefield and in engineering. The article characterizes the assessment of Russian historians of the contribution of Field-Marshal to the development of public administration and the army. In the context of the study of Minich's activity, the image of E.J. Biron and the reasons for his competition with B.C. Minich both during the reign and after the death of Anna Ioannovna are studied. An important topic is also the coming to power

of Elizabeth Petrovna, who deprived foreign figures of power, and the consequences of her accession for both B.K. Minikh and his competitors.

Keywords: era of palace coups, B.C. Minikh, Age of Biron, Anna Ioannovna, Anna Leopoldovna

For citation: Solomin V.A., Kulabuhov V.V., Galushko I.G., Sergienko M.A. 2022. B.C. Minikh's Participation in Political Processes During the Reign of Russian Empresses in the 20s – 40s of the XVIII Century. 49 (4): 839–848 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-839-848

Введение

Известно, что в российской истории на протяжении многих эпох неоценимый вклад в укрепление и развитие государственных и военных основ вносили не только русские государственные деятели, но и иностранные граждане. Согласно общепринятому в отечественной историографии утверждению, наиболее активный вклад в развитие Российской империи иностранные военные и государственные деятели внесли в период так называемого «бабьего правления» в 1720–1740-е годы. Значительную роль в государственном аппарате империи иностранцы получили в силу ряда обстоятельств, связанных с устройством послепетровской России.

Послепетровская Россия характеризовалась началом борьбы элит за власть между друг другом, что войдёт в историю как эпоха «дворцовых переворотов». Глухая борьба придворных группировок за влияние на российский престол стала причиной венчания на царство Екатерины I, жены Петра I. Так, сам Б.К. Миних утверждал, что воцарение Екатерины инициировал князь Меншиков, используя бойцов гвардейского Преображенского полка [Миних, 1991, с. 40].

Объект и методы исследования

Объектом исследования является роль иностранцев в общественно-политических процессах Российской империи в первой половине XVIII века.

Теоретико-методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективности, хронологический, историко-сравнительный, историко-системный методы, а также анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение

Согласно утверждённому в современной отечественной историографии мнению, со смертью Петра I выяснилась неспособность ряда его последователей к самостоятельному ведению государственных дел и проведению реформ. Положительный результат их деятельности, согласно утверждению отечественных исследователей П.П. Черкасова и Д.В. Чернышевского, был связан с ролью Петра и умением отдавать правильные указания. В свою очередь, Екатерина I не обладала достаточной харизмой и политической волей, чтобы привести государственный аппарат в порядок и продолжить петровский курс развития. Наоборот, она была подвержена влиянию советников и не имела собственной программы действий по развитию империи [Черкасов, Чернышевский, 1994, с. 99].

Итак, 8 февраля 1726 г. был учрежден Верховный тайный совет – созданное Екатериной I высшее государственное учреждение в Российской империи, включавшее в себя первоначально семь сподвижников Петра из неродовитого дворянства [Верховный тайный совет, 1963, стлб. 388]. Данный правительственный орган в короткие сроки занял главное положение в государственном аппарате и подчинил Сенат. Получив властные полномочия, члены данного совета реформировали административный механизм под собственные нужды. Таким образом, были убраны должности генерал-прокурора Сената, Главный ма-

гистрат и некоторые коллегии. Все функции упраздненных органов перешли к Верховному тайному совету [Черкасов, Чернышевский, 1994, с. 100].

Данные преобразования свидетельствовали об отсутствии возможности и способности Екатерины I самостоятельно вести государственное управление и сохранить государственный аппарат, построенный при Петре I. Его разрушение привело к кризису власти и дестабилизации государственного управления вплоть до конца эпохи дворцовых переворотов [Черкасов, Чернышевский, 1994, с. 100].

После же смерти Екатерины I, а затем и Петра II, которого изначально дворяне считывали сделать императором, к власти пришла Анна Иоанновна. Поток событий не позволил Верховному тайному совету ограничить императорскую власть и вознес на престол мало кем до того принимавшуюся всерьез герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну, являвшуюся дочерью царя Ивана V, приходившегося братом Петра I [На Российском престоле. XVIII век, 1993, с. 110].

Истоки приглашения иностранцев и дальнейшее их возвышение в чиновнической и военной иерархиях связано непосредственно с эпохой правления Петра Великого. Данное мероприятие было связано с тем, что русские и некоторые иноземные главнокомандующие в начале Северной войны не имели достаточного опыта ведения войны в европейских условиях, поэтому Пётр I был вынужден организовать поиск опытных иностранных военных, способных дать серьёзный отпор шведской армии [Рабинович, 1973, с. 156]. В петровское время приглашение иностранных специалистов стало традицией. Принятые в эпоху правления Петра I А.И. Остерман, Б.Х. Миних, Р.Л. Левенвольде впоследствии за короткое время продвинулись в службе и стали наиболее значимыми лицами эпохи «бироновщины» [На Российском престоле. XVIII век, 1993, с. 9].

Немалую роль в развитии Российской империи сыграл генерал-фельдмаршал немецкого происхождения граф Бурхард Кристоф Миних [Миних, Бурхард Крестов, 1966, стлб. 469]. Будущий русский граф и государственный деятель родился в графстве Ольденбург. Родословная Б.К. Миниха начинается от крестьянского рода. Исторически сложившимся родом деятельности Минихов была постройка каналов и наблюдение за их состоянием. Однако его отец Антон-Гюнтер в 1658 году за выслугу лет и чин полковника был пожалован в дворяне датским королём [Соловьев, 2000, с. 66]. Помимо дворянства, А.-Г. Миних получил звание «главного надзирателя над плотинами и водяными работами графства Ольденбургского и Дельментгорстского» [Бушков, 2017, с. 44].

Бурхард Кристоф получил качественное образование. Отец лично обучал его математике, фортификации и иностранным языкам. Таким образом, велась подготовка Б.К. Миниха к карьере инженера [Соловьев, 2000, с. 66].

Прежде чем приступить к службе в Российском государстве, Б.Х. Миних прошёл службу в других европейских странах. Свою военную службу Миних начал в 16 лет. Так, уже в 1700 году он попал на службу во французскую армию [Миних, Бурхард Крестов, 1966, стлб. 469]. В начале XVIII века во время войны за испанское наследство Миних был майором Гессен-Кассельского корпуса. Его командующими были полководец франко-итальянского происхождения Евгений Савойский и герцог Мальборо. Под его началом Б.К. Миних сражался в Италии и Нидерландах, после чего за проявленную доблесть на поле боя стал подполковником в 1709 году. В ходе битвы при Денене в 1712 году был тяжело ранен и попал во французский плен, где и встретил окончание войны [Соловьев, 2000, с. 66].

После службы в Гессен-Кассельском корпусе в 1716 году стал служить при короле польском и курфюрсте саксонском Августе II, который удостоил Миниха чином генерал-майора. В связи с конфликтом с фаворитом Августа графом Флеммингом решил покинуть службу в Речи Посполитой и при посредничестве российского дипломата князя Григория Долгорукова добился приглашения на службу в Россию [Буганов В.И., Буганов А.В., 1992, с. 240].

На российскую службу в Петербург Бурхард Христофор Миних прибыл в 1721 году, имея опыт служения во Франции, Германии и Речи Посполитой. На российской службе он

себя видел не только как пехотного генерала и военного инженера. Также он предлагал услуги «по обучению великого князя, внука его царского величества, математике, фортификации и военному искусству» [На Российском престоле. XVIII век, 1993, с. 8]. С ним был подписан контракт на 5–6 лет.

Первая серьёзная работа немецкому военному деятелю была предложена в 1723 году. Она была связана с традиционной для его семьи деятельностью. Ему предлагалось завершить строительство Ладожского канала, который к тому моменту возводился больше 10 лет под руководством А.Д. Меньшикова. Строительство канала имело высокую экономическую значимость, так как для Российского государства это было беспрецедентной на тот момент мерой по улучшению торговых путей [Тимошина, 2002, с. 72]. Более того, завершение строительства Ладожского канала было необходимо для обеспечения Петербурга продовольствием [Миних, 1867, стлб. 333]. Работу он завершил уже после кончины Петра I. После завершения работы Бурхард Кристоф Миних принял решение продлить контракт на 10 лет [История государства Российского: Жизнеописания. XVIII век, 1996, с. 179–180].

Следует отметить, что на российскую службу Миних попал, отправив Петру I собственные сочинения по фортификации [Буганов В.И., Буганов А.В., 1992, с. 240]. Несомненно, его познания оказались полезны для российского государства на практике.

В августе 1729 года Б.К. Миних лично осмотрел укрепления в Выборге, а после осмотра отправился в Прибалтику. Вскоре Миних стал одним из авторов нового проекта укреплений на севере России, однако Аннинские укрепления были в итоге возведены по плану генерал-майора А. де Кулона. Миних же занимался наблюдением за их состоянием, но к данной работе в полном объёме он смог приступить только в 1740 году, после окончания войны с Османской империей [Славнитский, 2016, с. 46].

Помимо инженерного таланта, Б.К. Миних проявил себя и как выдающийся политический деятель. Он не пошёл на поводу у Верховного тайного совета, убеждавшего Анну Иоанновну, что всё дворянство поддержало инициативу ограничения самодержавия [Миних, 1991, с. 48]. Он решил перейти на сторону Бирона и Остермана, включённых в партию поддержки самодержавной власти монарха. Поражение Верховного тайного совета было связано с тем, что в глазах большей части дворянства победа «верховников» обозначила бы переход к правлению семей Долгоруких и Голицыных, что не устраивало аристократию [Власть и реформы. От самодержавной к Советской России, 2006, с. 142].

Выбор стороны императрицы оказался выгоден немецкому инженеру. Восшествие Анны Иоанновны дало мощнейший толчок в развитии карьеры Б.К. Миниха. Так, он получил от Анны Иоанновны должность члена Кабинета министров по военным и внешним делам. Его назначили генерал-фельдцейхмейстером и президентом Военной коллегии в 1730 году, а уже в 1731 году он стал кавалером ордена святого Андрея Первозванного и членом Кабинета, исполняющего функции Верховного тайного совета. В Кабинете Миних стал главой особой комиссии по упорядочению состояния войск. На этом посту был проведён ряд реформ, о которых речь пойдёт ниже. В частности, были сформированы Измайловская и Конная гвардия, а также три кирасирских полка тяжелой кавалерии [Соловьев, 2000, с. 67–68].

В военной сфере деятельность Миниха была всеобъемлющей. Так, согласно профессору Императорской Николаевской военной академии Баиову А.К., Б.К. Миних преуспел в реформировании организаторской, административной, хозяйственной и боевой отраслей в области стратегии и тактики [Баиов, 2008, с. 319].

Став одним из государственных сановников, Б.К. Миних внёс значительный вклад в развитие Русского государства и армии. В 1731 году он был назначен председателем особой комиссии, целью которой становилось реформирование армии. Графом был составлен новый порядок для гвардии, полевых и гарнизонных полков, инженерные части стали отдельным родом войск. Помимо данных нововведений, был учреждён сухопутный кадетский корпус, проведено перевооружение армии и установлено новое обмундирование войск [История государства Российского: Жизнеописания. XVIII век, 1996, с. 179–180].

На своём посту Миних, помимо переоборудования армии, занимался также и укреплением границ. Так, его заслугой стало сооружение ряда крепостей на южных границах России для защиты от набегов крымских татар [Соколов, 2021, с. 83]. Так называемая Украинская линия была проложена в 1731–1735 годах между Днепром и Северским Донцом [Вернадский, 2000, с. 257].

Основную деятельность в военно-организаторской, административной и хозяйственной сферах Б.К. Миних проводил в мирное время. Существенное продвижение в государственной иерархии он получил с 1727 по 1734 годы. За это время он получил следующие должности: обер-директор над фортификациями, генерал-фельдцейхмейстер, член военной коллегии, чины ее вице-президента и президента. Одной из покорённых административных вершин стал чин председателя воинской комиссии, учрежденной в 1730 г. для приведения армии в порядок. Таким образом, за короткое время Христофор Антонович, как его было принято называть в России, полностью взял в свои руки управление военными делами [Баиов, 2008, с. 319].

Военная реформа Миниха, помимо достижений, имела и свои негативные итоги. Пересмотр штата полевой действующей армии привёл к ухудшению боеспособности войск. Были распущены четыре армейских полка, все гренадерские формирования были ликвидированы. В свою очередь, численность полевой и полковой артиллерии была увеличена вдвое, однако это негативно сказалось на манёвренности армии. Несмотря на талант Миниха как фортификатора, сооружение многочисленных крепостей и укреплений было малоэффективным, но требовало больших затрат для казны [Соловьев, 2000, с. 68].

На протяжении долгого времени карьера Миниха в военном командовании шла без подтверждения заслуженности звания на военном поприще. Так, 25 февраля 1732 г. Бурхард-Христофор Миних был удостоен чина генерал-фельдмаршала, никогда до этого не командуя армией на полях сражений [Соловьев, 2000, с. 69].

Большинство исследователей замечали, что административная деятельность не удовлетворяла Миниха, так как он видел себя среди великих полководцев. Используя данную слабость, Бирон и Остерман приложили усилия для того, чтобы Миниха назначали главнокомандующим русскими войсками в войнах против Османской империи и Польши. Они видели в этом необходимость, чтобы убрать опасного конкурента, способного помешать им в дворцовых интригах [История государства Российского: Жизнеописание. XVIII век, 1996, с. 179–180].

Проверить свои боевые навыки он смог в 1733 году во время войны за польское наследство (1733–1735 гг.). Причиной боестолкновений стало желание российского и австрийского монархов посадить на трон Речи Посполитой сына Августа Сильного Августа III. Их конкурентом стала Франция, которая поставила на престол Станислава Лещинского, правившего Польшей в 1704–1709 годах при поддержке шведской армии Карла XII [Соколов, 2021, с. 83].

Справедливым будет заметить, что большинство учёных высоко отмечали и продолжают отмечать высокую роль Христофора Антоновича Миниха в борьбе с турками и поляками. Высоко оценил полководческие качества немецкого фельдмаршала военный историк Ю.В. Рубцов. По его мнению, именно русско-турецкая война 1735–1739 годов позволила раскрыть талант Миниха как полководца. Так, Перекопский перешеек в 1736 году был взят за счёт хитрой тактики и удара по менее защищённому флангу. Взятие Бахчисарая также оценивается как заслуга тактического гения Миниха, так как город взяли, обойдя врага с тыла [Рубцов, 2002]. Более субъективную оценку выразил отечественный публицист А.А. Бушков, который высоко высказывался о таланте Миниха как полководца. В качестве заслуг выделяется взятие Данцига, первое за несколько столетий проникновение российских солдат на территорию Крыма и победа под Очаковым [Бушков, 2017, с. 46]. Похожую оценку своей генеральской деятельности дал и сам фельдмаршал в «Записках». Так, описывая русско-турецкую войну 1735–1739 годов, он рассказы-

вал о взятии Азова малочисленной пехотой, а прервал его дальнейшие победы невыгодный Белградский мир [Миних, 1991, с. 53].

Однако некоторые отечественные учёные, в частности Е.А. Масалитина, выдвинули предположение о скромных боевых заслугах Б.К. Миниха на поле боя. Стоит учесть тот факт, что в бою сам Миних не жалел людские и материальные ресурсы [История государства Российского: Жизнеописание. XVIII век, 1996, с. 179–180]. Данный факт признают и сторонники военного таланта Миниха. Так, отечественный публицист А.А. Бушков признавал, что фельдмаршал не жалел солдат, однако оправдывал это любовью самих солдат и амбициями похода на Стамбул [Бушков, 2017, с. 46]. О его презрительном отношении к подчинённым писал герцог Лирийский. Так, испанский посол описывал Миниха как талантливое инженерное, однако тщеславное, крайне самолюбивое и двоедушное [Герцог Лирийский, 1989, с. 253].

Немаловажным эпизодом в государственной деятельности Б.К. Миниха является борьба с Эрнстом Иоганном Бироном за власть после смерти Анны Иоанновны. Прежде чем разобраться в сущности данной борьбы, необходимо провести анализ образа Э.И. Бирона. Эрнст Иоганн был одним из наиболее значимых курлянцев во дворе Анны Иоанновны. Свой политический путь он начал в Митаве и пользовался полноценным доверием герцогини Курляндской. В государственное управление он попал, приехав вместе с Анной Иоанновной, сразу заняв ведущие должности в государстве. Его описывали как красивого, любезного и ловкого человека, однако жестокого управленца. Отмечалось его презрение к русским и отсутствие заботы о государственных интересах. По распоряжению Бирона недоимки государственных податей за предыдущие годы собирались при поддержке помещиков с помощью военных команд, отбирающих скот и имущество крестьян [Яблочков, 2003, с. 421].

Смерть и завершение правления Анны Иоанновны, по словам отечественного исследователя С.В. Бушуева, завершились «последней пощёчиной русскому патриотизму». Так, в обход Елизаветы, дочери Петра I, наследником русского престола назначили сына дочери своей племянницы Анны Леопольдовны Ивана VI, которому не было и трёх месяцев, причем регентом грудного ребенка назначили не родителей Ивана Антона Ульриха Брауншвейгского и Анну Леопольдовну, а Бирона [Бушуев, 1994, с. 373].

Однако нахождение Бирона в статусе регента длилось с 28 октября по 9 ноября 1740 года. Краткосрочность регенства была обусловлена тем, что Бирон не имел собственной партии и, несмотря на значительное количество прислуживающихся людей во дворе, обладал репутацией выскочки [Соколов, 2021, с. 91–92].

Фельдмаршал Миних принял сторону Анны Леопольдовны в борьбе за регентский титул и организовал свержение Бирона по её просьбе. Заговор был исполнен в действие им, его адъютантом Манштейном и 80 гвардейцами.

Гвардейцы вторглись в дворец Бирона в Летнем саду, где регент находился в тот момент. Сначала он пытался укрыться под кроватью и отбиться кулаками от напавших на него военных. Бирона оглушили ударом приклада, связали, засунули в рот платок и поволокли в карету. Герцогиню же бросили в сугроб, так как она старалась идти вслед за заговорщиками. Концом эпохи «бионовщины» стал суд её архитектора. Первоначально его намеревались казнить через четвертование, однако приговор в срочном порядке изменили на ссылку в Сибирь, в город Пелым [Соколов, 2021, с. 91–92].

Итогом свержения Бирона стало то, что 9 ноября новой правительницей Российской империи была провозглашена Анна Леопольдовна. Бурхард Кристоф Миних сделал ставку именно на неё, так как регентша показала свою некомпетентность в вопросах управления. Воспользовавшись этим, Миних уступил принцу Антону титул генералиссимуса, а сам 11 ноября занял пост первого министра по военным, гражданским и дипломатическим делам. Согласно указу, «по нем первым в империи велено быть» графу Миниху, что делало графа и фельдмаршала фактическим руководителем внутренней и внешней политики в России [Анна Леопольдовна, 1890, с. 799].

Первые годы эпохи «дворцовых переворотов» были ознаменованы прочным укреплением немцев в высших эшелонах власти. Изменить ситуацию смогла только Елизавета Петровна, «умная и добрая, но беспорядочная и своенравная русская барыня», по словам В.О. Ключевского [Ключевский, 1990, с. 101]. Своё правление она начала с возвращения к наследию её отца, Петра Великого. Однако ряд историков полагали и продолжают полагать, что государственная политика елизаветинской России определялась не государственными интересами или научным подходом, а личным отношением императрицы к тем или иным государственным деятелям [Очерки истории российской внешней разведки, 1995, с. 101].

Проведя анализ доступных источников и литературы по данному вопросу, мы можем сделать вывод, что современники Миниха не были сторонниками усиления роли Б.К. Миниха в государственном управлении. Указ 11 ноября оставил недовольными многих. В частности, это были принц Антон Ульрих Брауншвейг-Вольфенбюттельский – за то, что чин генералиссимуса он получил за счёт уступки Миниха, однако не получил более широких полномочий; Остерман, так как он был вынужден подчиниться непосредственному конкуренту; остался неудовлетворён и граф Головкин, так как он лишился права быть полноправным управляющим внутренними делами Российской империи [Анна Леопольдовна, 1890, с. 799].

Следует отметить, что положение Миниха в государственной иерархии становилось объектом зависти со стороны его конкурентов. Так, в январе 1741 года, во время болезни Миниха, вышеупомянутые государственные деятели убедили императрицу ограничить его властные полномочия. Анна Леопольдовна значительно сузила полномочия первого министра, оставив в его ведение лишь военное дело. 3 марта Миних подал в отставку, будучи оскорблённым от подобного унижения со стороны регентши [Писаренко, 2014, с. 81]. Внешней политикой стал управлять А.И. Остерман, а внутренние дела были вверены князю Черкасскому и графу Головкину [Соловьев, 2000, с. 69].

Поданная Бурхардом Кристофом Минихом отставка не позволила избежать дополнительных санкций со стороны пришедшей к власти в 1741 году Елизаветы Петровны. Императрица повелела «навечно» отправить графа в ссылку в Пелым. Местом ссылки оказался дом, спроектированный непосредственно Минихом для Бирона. Его главное детище, армия, также было изменено при Елизавете. Она вернула порядки, введённые при Петре I [Строков, 1994, с. 662]. Однако опале подвергся не только Миних. Было конфисковано имущество и у его конкурентов: А.И. Остермана, М.Г. Головкина, Р.Г. Левенвольде и К. Менгдена. В частности, были конфискованы их коллекции книг и рукописей, которые были впоследствии переданы в Академическую библиотеку [Моисеева, 1980, с. 50].

В качестве ссыльного Б.К. Миних пробыл вплоть до начала правления Петра III. Он реабилитировал всех ссыльных, включая Миниха [Бушков, 2017, с. 48].

Заключение

Таким образом, роль Б.К. Миниха в развитии как государства, так и военного дела является значительной по объёму. Его познания в области инженерии и фортификаций позволили укрепить государственные границы на юге и обустроить продовольственное снабжение в Петербурге. Проведённые Минихом реформы в военной сфере позволили обновить армию и гвардию, что имело своё значение в войнах за польское наследие и с Османской империей. В свою очередь, в отечественной историографии итоги реформ Миниха и его полководческие таланты являются предметом дискуссий. Так, некоторые отечественные историки критикуют его за скромные результаты военной и государственной деятельности при больших затратах.

Участие Миниха в дворцовых интригах с целью сосредоточить большую власть в своих руках привела к свержению конкурента Э.И. Бирона, потерявшего лояльность двора после смерти Анны Иоанновны. В свою очередь, отставка Бурхарда Кристофа с поста

первого министра в марте 1741 года была связана с дворцовыми интригами со стороны Остермана и лишением Анной Леопольдовной ряда полномочий.

Список литературы

- Анна Леопольдовна. 1890. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 1а. Санкт-Петербург, Типо-Литография И.А. Ефрона: 797–801.
- Баиов А.К. 2008. История русского военного искусства. Т. 1. Москва, Фонд ИВ, 656 с.
- Буганов В.И., Буганов А.В. 1992. Полководцы. XVIII в. Москва, Патриот, 432 с.
- Бушков А. 2017. Россия, которой не было. Гвардейское столетие. Москва, Абрис, 432 с.
- Бушуев С.В. 1994. История государства Российского: Историко-библиогр. очерки. Кн. вторая. XVII–XVIII вв. Москва, Книжная палата, 416 с.
- Вернадский Г.В. 2000. Начертание русской истории. Санкт-Петербург, Лань, 320 с.
- Верховный тайный совет. 1963. В кн.: Советская историческая энциклопедия. Т. 3. Москва, Советская энциклопедия: 388–389.
- Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. 2006. Отв. ред. Б.В. Ананьич. Москва, ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 734 с.
- Герцог Лирийский. 1989. Записки о пребывании при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. В кн.: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Ред. Ю.А. Лимонов. Ленинград, Лениздат: 232–259.
- История государства Российского: Жизнеописания. XVIII век. 1996. Ред. Е.А. Масалитина. Москва, Книжная палата, 445 с.
- Ключевский В.О. 1990. Исторические портреты. Деятели политические мысли. Москва, Правда, 623 с.
- Миних, Бурхард Кристоф. 1966. В кн.: Советская историческая энциклопедия. Т. 9. Москва, Советская энциклопедия: 469.
- Миних Б.К. 1867. Диспозиция и церемониал торжественного въезда императрицы Анны Ивановны в С.-Петербург 16 января 1732 года. Сообщ. М.Д. Хмыров. Русский архив. Вып. 3: 332–341.
- Миних Б.К. 1991. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи. В кн.: Безвременье и временщики. Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов». Ленинград, Художественная литература: 25–81.
- Моисеева Г.Е. 1980. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Ленинград, Наука, 263 с.
- На Российском престоле. XVIII век. 1993. Под. ред. Т. Сумарокова. Москва, Интерпракс, 384 с.
- Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. – Т. 1: От древнейших времен до 1917 года. 1995. Отв. ред. Е.М. Примаков. Москва, Международные отношения, 240 с.
- Писаренко К.А. 2014. Елизавета Петровна. Москва, Молодая гвардия, 462 с.
- Рабинович М.Д. 1973. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. В кн.: Россия в период реформ Петра I. Москва, Наука: 133–171.
- Рубцов Ю.В. 2002. Генерал-фельдмаршалы в истории России. Режим доступа: <https://litra.press/book/general-feldmarshaly-v-istorii-rossii/page-35.html?ysclid=19g3ixlbw9482891929> (дата обращения: 12.10.2022)
- Славнитский Н.Р. 2016. Деятельность Бурхарда Миниха по усилению обороны на северо-западе России. Военно-исторический журнал, 6: 44–46.
- Соколов А.Р. 2021. Нерусские русские. История служения России. Иноземные представители семьи Романовых. Москва, Центрполиграф, 479 с.
- Соловьев Б.И. 2000. Генерал-фельдмаршалы России. Ростов-на-Дону, Феникс, 382 с.
- Строков А.А. 1994. История военного искусства: Т. 4. Москва, Полигон, 682 с.
- Тимошина Т.М. 2002. Экономическая история России: Учебное пособие. Москва, «Юридический Дом «Юстицинформ», 416 с.
- Черкасов П.П., Чернышевский Д.В. 1994. Чернышевский Д.В. История императорской России. От Петра Великого до Николая II. Москва, Международные отношения, 448 с.
- Яблочков М. 2003. История дворянского сословия в России. Смоленск, Русич, 576 с.

References

- Anna Leopoldovna. 1890. Jenciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. T. 1a. Sankt-Peterburg, Tipo-Litografija I.A. Efrona: 797–801.
- Baiov A.K. 2008. Istorija ruskogo voennogo iskusstva [History of Russian military art]. Vol. 1. Moscow, Fond IV, 656 p.
- Buganov V.I., Buganov A.V. 1992. Polkovodcy. XVIII v. [Commanders] Moscow, Patriot, 432 p.
- Bushkov A. 2017. Rossiya, kotoroj ne bylo. Gvardejskoe stoletie [Russia, which was not. Guards century]. Moscow, Abris, 432 p.
- Bushuev S.V. 1994. Istorija gosudarstva Rossijskogo: Istoriko-bibliogr. ocherki. Kn. vtoraja. XVII–XVIII vv. [History of the Russian state: Historical-bibliogr. essays. Book. second. XVII–XVIII centuries] Moscow, Knizhnaja palata, 416 p.
- Vernadskij G.V. 2000. Nachertanie russkoj istorii [Inscription of Russian history]. Saint Petersburg, Lan', 320 p.
- Verhovnyj tajnyj sovet [Supreme Privy Council]. 1963. V kn.: Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija [Soviet Historical Encyclopedia]. T. 3. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija: 388–389.
- Vlast' i reformy. Ot samodержavnoj k Sovetskoj Rossii [Power and reforms. From autocratic to Soviet Russia]. 2006. Otv. red. B.V. Anan'ich. Moscow, OLMA-PRESS Jekslibris, 734 p.
- Gercog Lirijskij. 1889. Zapiski o prebyvanii pri Imperatorskom Rossijskom dvore v zvanii posla korolja Ispanskogo [Notes on the stay at the Imperial Russian court in the rank of Ambassador of the King of Spain]. V kn.: Rossiya XVIII v. glazami inostrancev [Russia of the 18th century. through the eyes of foreigners]. Leningrad, Lenizdat: 232–259.
- Istorija gosudarstva Rossijskogo: Zhizneopisanija. XVIII vek [History of the Russian State: Biographies. XVIII century]. 1996. Moscow, Knizhnaja palata, 445 p.
- Ključevskij V.O. 1990. Istoricheskie portrety. Dejatel'nye političeskie mysli [Historical portraits. Figures of political thought]. Moscow, Pravda, 623 p.
- Minih, Burhard Kristof. 1966. V kn.: Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija [Soviet Historical Encyclopedia]. T. 9. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija: 469.
- Minih B.K. 1867. Dispozicija i ceremonial torzhestvennogo vezda imperatricy Anny Ivanovny v S.-Peterburg 16 genvarja 1732 goda [Disposition and ceremonial of the solemn entry of Empress Anna Ivanovna to Saint Petersburg on January 16, 1732]. Soobshh. M.D. Hmyrov. Russkij arhiv. Vyp. 3: 332–341.
- Minih B.K. 1991. Oчерк, dajushhij predstavlenie ob obraze pravlenija Rossijskoj imperii [An essay giving an idea of the form of government of the Russian Empire]. V kn.: Bezvremen'e i vremenshiki. Vospominanija ob «jepohe dvorcovyh perevorotov» [Timelessness and temporary workers. Memories of the «era of palace coups»]. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura: 25–81.
- Moiseeva G.E. 1980. Drevnerusskaja literatura v hudozhestvennom soznanii i istoricheskoi mysli Rossii XVIII veka [Ancient Russian Literature in the Artistic Consciousness and Historical Thought of Russia in the 18th Century]. Leningrad, Nauka, 1980, 263 p.
- Oчерki istorii rossijskoj vneshnej razvedki [Essays on the history of Russian foreign intelligence]: V 6 t. – Vol.1: Ot drevnejshih vremen do 1917 goda [From ancient times to 1917]. 1995. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 240 s.
- Pisarenko K.A. 2014. Elizaveta Petrovna [Elizaveta Petrovna]. Moscow, Molodaja gvardija, 462 p.
- Slavitskij N.R. 2016. Dejatel'nost' Burharda Miniha po usileniju oborony na severo-zapade Rossii [Activities of Burchard Munnich to strengthen the defense in the north-west of Russia]. Voennostoricheskij zhurnal, 6: 44–46.
- Sokolov A.R. 2021. Nerusskie russkie. Istorija sluzhenija Rossii. Inozemnye predstaviteli sem'i Romanovyh [Non-Russian Russians. History of service to Russia. Foreign representatives of the Romanov family]. Moscow, Centrpoligraf, 479 p.
- Solov'ev B.I. 2000. General-fel'dmarshaly Rossii [Field Marshals of Russia]. Rostov-na-Donu, Feniks, 382 p.
- Strokov A.A. 1994. Istorija voennogo iskusstva [History of military art]: Vol. 4. Moscow, Poligon, 682 p.
- Rabinovich M.D. 1973. Social'noe proishozhdenie i imushhestvennoe polozhenie oficerov reguljarnoj russkoj armii v konce Severnoj vojny [Social origin and property status of officers of the regular Russian army at the end of the Northern War]. V kn.: Rossiya v period reform Petra I [Russia during the Reforms of Peter I]. Moscow, Nauka: 133–171.

- Rubcov Ju.V. 2002. General-fel'dmarshaly v istorii Rossii [General field marshals in the history of Russia]. Available at: <https://litra.press/book/general-feldmarshaly-v-istorii-rossii/page-35.html?ysclid=19g3ixlhw9482891929> (accessed: 12.10.2022).
- Timoshina T.M. 2002. Jekonomicheskaja istorija Rossii: Uchebnoe posobie [Economic history of Russia: Textbook]. Moscow, «Juridicheskij Dom «Justicinform», 416 s.
- Cherkasov P.P., Chernyshevskij D.V. 1994. Chernyshevskij D.V. Istorija imperatorskoj Rossii. Ot Petra Velikogo do Nikolaja II [Chernyshevsky D.V. History of Imperial Russia. From Peter the Great to Nicholas II]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija, 448 p.
- Jablochkov M. 2003. Istorija dvorjanskogo soslovija v Rossii [History of the nobility in Russia]. Smolensk, Rusich, 576 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.10.2022

Received 23.10.2022

Поступила после рецензирования 12.11.2022

Revised 12.11.2022

Принята к публикации 12.11.2022

Accepted 12.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Соломин Владимир Алексеевич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5677-8853](https://orcid.org/0000-0002-5677-8853)

Vladimir S. Solomin, PhD student of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Кулабухов Владимир Семенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-1548-4680](https://orcid.org/0000-0002-1548-4680)

Vladimir V. Kulabuhov, associate professor of the Department of Russian History and Record Management, candidate of historical sciences, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Галушко Инна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3547-8560](https://orcid.org/0000-0002-3547-8560)

Inna G. Galushko, associate professor of the Department of Russian History and Record Management, candidate of historical sciences, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Сергиенко Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9142-9926](https://orcid.org/0000-0001-9142-9926)

Marina A. Sergienko, associate professor of the Department of Russian History and Record Management, candidate of historical sciences, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 93

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-4-849-857

Оригинальное исследование

Бытовая сказка как аксиологический источник по воззрениям крестьян на барина и его власть в русской деревне

Шаповалов В.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема представления бытовой сказки в качестве аксиологического источника. Бытовая сказка не может рассматриваться в качестве исторического источника в его классическом понимании, так как в ней действующие персонажи в своих поступках и проявлениях находятся на грани фантастики. Сказка остается сказкой. Но авторы бытовых сказок для привлекательности и придания сословной узнаваемости сказочных героев включали в их образ аксиологические установки соответствующего ценностного плана. Именно эти аксиологические нюансы имеют важный исследовательский интерес. В частности, какие аксиологические доминанты характеризовали сказочного барина и что этим хотели подчеркнуть авторы сказок. В бытовых сказках спектр поведенческих моделей барина довольно широк, что подтверждает отсутствие трафаретности в изображении барина в контексте сосуществования его со своими крестьянами.

Ключевые слова: бытовая сказка, аксиология, барин, мужик, поведенческая модель

Для цитирования: Шаповалов В.А. 2022. Бытовая сказка как аксиологический источник по воззрениям крестьян на барина и его власть в русской деревне. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 849–857. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-849-857

Everyday Fairy Tale as an Axiological Source According to the Views of the Peasants on the Master and his Power in the Russian Countryside

Vladimir A. Shapovalov

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia
E-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the problem of presenting an everyday fairy tale as an axiological source. A household tale cannot be considered as a historical source in its classical sense, since the characters in it in their actions and manifestations are on the verge of fantasy. The story remains a story. But the authors of everyday fairy tales, for the sake of attractiveness and giving class recognition of fairy tale characters, included axiological attitudes of the corresponding value plan in their image. It is these axiological nuances that are of important research interest, in particular, what axiological dominants characterized the fabulous landlord and what did the authors of fairy tales want to emphasize. In everyday fairy tales, the range of behavioral models of the master is quite wide, which confirms the lack of cliché in the depiction of the master in the context of his coexistence with his peasants.

Key words: everyday fairy tale, axiology, landlord, peasant, behavioral model

For citation: Shapovalov V.A. 2022. Everyday Fairy Tale as an Axiological Source According to the Views of the Peasants on the Master and his Power in the Russian Countryside. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 849–857 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-849-857

Введение

Фольклорные тексты в ходе исследований часто используются в качестве различных источников, включая исторические. Но это не относится ко всем фольклорным жанрам, в частности к сказкам. Это вполне правомерно, ведь сказка – выдуманная история, сюжет которой выходит за рамки реальной действительности. Даже бытовые (новеллистические) сказки, в которых нет волшебства, а героями выступают традиционные субъекты деревенского социума (барин, поп, мужик, и т. д.), остаются сказками. Социальные аспекты искать в них бессмысленно. Но аксиологические доминанты, приписываемые сказочным героям сказителями, могут дать исследователю множество нюансов социо-психологического плана для анализа взаимоотношений, в частности, барина и мужика.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются аксиологические установки, закрепленные авторами бытовых сказок за образами сказочных бар. Данные установки подчеркивают мировоззренческие доминанты крестьян на барина и его вотчинную власть, пусть даже они показаны в саркастическом дискурсе.

Методы исследования. Контент-анализ при работе с фольклорными текстами; реконструкции – погружение в описываемый в фольклорных текстах культурный быт, ценностные мировоззренческие ориентиры фольклорных персонажей; ретроспективный – воссоздание логики сюжетной линии, в контексте аксиологического подхода, по отдельным деталям; историко-сравнительный, историко-системный и демографический (нарративный).

Результаты и их обсуждение

Специалисты по фольклору, в частности С.Ю. Неклюдов, справедливо отмечают, что соотношение фольклорных текстов с внетекстовой реальностью, включая исторические события и персоналии, является одной из центральных проблем науки о фольклоре [Неклюдов, 2007, с. 77]. Споры идут о реальности событий и лицах, отраженных в фольклорных текстах. Данный дискурс представлен в работах В.Я. Проппа, Ю.И. Юдина, Б.Н. Путилина, В.П. Аникина, Е.А. Костюхина, С.Э. Ермакова, Д.А. Гаврилова и др. [Пропп, 1976, с. 83–116; Юдин, 1998, с. 5–6, 25; Путилин, 2003, с. 61–119; Аникин, 2004, с. 479; Костюхин, 2004, с. 9–12; Ермаков, Гаврилов, 2019, с. 17–18]. Основной проблемой в данном контексте является невозможность рассмотрения фольклора в неких однозначных категориях. Фольклорные тексты по-разному трактуют на разных стадиях развития общества и в различных конкретно-исторических, хозяйственных, культурных условиях. Здесь же необходимо учитывать этнический фактор [Путилин, 2003 с. 61–62]. Чем дальше от нас по времени исторические события и персонажи, тем более они мифологизированы в устной традиции, часто соединяя в себе различных героев и их деяния, несмотря на серьезные хронологические и географические удаленности между ними. То есть устное эпическое повествование – не совершенная фиксация исторических событий, не весьма оправданный способ хранения информации, а конструирование из исторических воспоминаний своего эпического мира, «эпической модели истории» [Неклюдов, 2007 с. 78].

Отсюда работа историков с фольклорными текстами весьма сложна, многопланова, полна противоречий и различных аналитических нюансов. Тем не менее фольклорные тексты используются исследователями в качестве различных источников, ведь данные текста являются производной коллективной устной традиции, несущей в себе огромные пласты различной информации.

Особое место в рассматриваемой проблеме занимают сказки. Сказка выгодно отличается на общем фоне фольклорных источников. Она не столь архаична по языку, как былина, более компактна, при этом объемнее прибауток, пословиц и поговорок. Сказка име-

ет широкое распространение, множество вариантов и притягательность для всех возрастов и социальных групп [Ермаков, Гаврилов, 2019, с. 5–6]. Особый интерес вызывают бытовые (новеллистические) сказки, на них приходится 60 % всех сюжетов, на долю волшебных – 30 %, а на долю сказок о животных и близких к ним – 10 % всех зарегистрированных сказочных сюжетов [Бахтин, 1987, с. 5–6]. Это связано с тем, что в бытовых сказках воспроизводятся картины обыденной жизни – без чудес, характерных для волшебных сказок, и без комического маскарада, свойственного сказкам о животных [Костюхин, 2004, с. 128]. Слушатель как бы оказывается в рамках привычной повседневности, внимая рассказчику и следя за перипетиями сюжета, в связи с чем В.Я. Пропп подчеркивает: «Эти сказки могут служить средством изучения крестьянского мировоззрения и крестьянской житейской философии» [Пропп, 2000, с. 284].

Несмотря, на первый взгляд, на обыденность сюжетов бытовой сказки, присутствие в ней в качестве сказочных героев основных субъектов сельской повседневности, сказка не может служить историческим источником. Ведь сказка – это устно-поэтический рассказ фантастического, авантюрно-новеллистического и бытового характера [Соколов, 2007, с. 334], главной особенностью которой является нереальность сюжета, выдуманного для развлечения, поучения и вызова смеха (сказка-анекдот). Такое предназначение сказки отражается в народных пословицах и поговорках: «Сказка – складка, песня – быль» [Пословицы, поговорки, загадки, 1961, с. 164], «Быль за сказкой не угонится», «В сказках всё есть, да в руках ничего нет», «Сказка – ложь, а песня – правда» [Русские народные загадки, пословицы, 1990, с. 322–323], «Рассказывай сказки, ври больше», «Сказочное приданье» [Даль, 1998, Т. 4, с. 190]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова второе значение (разговорное) слова «сказка» – выдумка, ложь [Ожегов, 1990, с. 716]. Но не все слушатели соглашались с подобными трактовками сказки. А.И. Никифоров в конце 1920-х гг. отмечал, что на Севере и Востоке СССР ещё много людей, которые верят в реальность сказочных сюжетов. На вопрос о правдивости сказок встречается еще ответ: «А бог вещь, может, и было» [Никифоров, 2008, с. 46]. При этом указывается на значительное количество населения, воспринимающего сказку в качестве выдумки. С.Э. Ермаков, Д.А. Гаврилов объясняют веру в сказку тем, что в них верят обычные люди, в которых нынешнее безжалостное и бездушное бытие не смогло уничтожить тоску по священному и стремление к чему-то большому, нежели культу и ценностям потребительского общества. Сказки напрямую обращаются к нашему глубинному «Я», к подсознанию и его лучшим качествам [Ермаков, Гаврилов, 2019, с. 47–48]. Вера в сверхъестественное просматривается в «быличках», в которых рассказывается о встречах с ожившими утопленниками и мертвецами, ведьмами, различными оборотнями и т. п. Это является отражением архаичных пластов в человеческом сознании [Олсон, Адоньева, 2021, с. 379–391]. Даже сегодня, в большей степени в сельской местности, можно встретить рассказывающих и верящих в былички, и это характерно для различных возрастных групп.

Но данные объяснения затрагивают лишь частично рассматриваемый вопрос. Бытовая сказка могла вызывать интерес у слушателей, а в отдельных случаях – и веру в сюжетную линию, если сказочные герои в своих поступках применительно к сословному статусу были узнаваемы и несли на себе отпечаток социального подтекста. Барин должен выглядеть барином, поп – попом, мужик – мужиком, даже если они показаны в комичных образах, вызывающих смех. В противном случае отсутствие возможности соотносить их образы с традиционными субъектами деревенской жизни снижало бы интерес у слушателей, лишало возможности осмысленного переживания за судьбу сказочных героев, проецируя на себе их поступки, исходя из собственного жизненного опыта и воззрений на будущее.

Сказочные герои бытовой сказки показаны в рамках различных поведенческих кодов (программ), в той или иной мере соответствующих их сословному статусу. Это обусловлено стандартизацией поведения. В соответствии с социальной организацией в сфере «заданного» поведения выделяются различные типы: поведение крестьянина, воина, ремес-

ленника и т. п. [Байбурин, 1993, с. 6]. При этом необходимо учитывать, что целые слои и группы общества имели свои модели как «правильного», так и «неправильного» поведения (например, многократно описанный «сценарий» купеческого загула), причем второй тип поведения в историческом контексте не является новацией. Во всяком обществе и во все времена первый тип поведения перемежался вторым, ярким выражением которого был ритуал или праздник [Там же, с. 8]. Создатели бытовых сказок, стремясь показать специфику поведенческих стереотипов, учитывали это, но исходя из сказочной фабулы через конкретные поступки сказочных героев усиливали акцент то на «правильном», то на «неправильном» поведении, придавая тем самым определенные смысловые характеристики и ценностные ориентиры сказочным героям.

Наряду с крестьянином барин был одним из центральных героев в народных бытовых сказках. Тесная взаимосвязь барина и мужика в рамках имения не могла не отразиться в народном фольклоре. Сказочный барин показан с различных сторон, начиная с образа лентяя, глупца и хозяйственного профана, заканчивая жестоким, властным хозяином, иногда принимавшим справедливые, патерналистские решения применительно к своим «подданным». Создатели сказок уходили от усредненного клише сказочного барина, придавая различные этические, социопсихологические характеристики. Тем не менее сказочный барин всегда один и тот же, а разные сказки и сюжеты показывают лишь отдельные стороны этого типа героя, совокупность их составляет целостный образ [Горностаева, 2003, с. 142]. В контексте данного дискурса необходимо учитывать, что в сказке слово, смысл переводится в образ. Вследствие этого сказка обладает символической структурой, она оперирует не образами (описаниями), а образцами – типами отношений, связей, действий [Там же, с. 143]. Эти образцы отношений сказочного барина, пусть и в сатирическом плане, в той или иной степени отражают поведенческий тип помещика.

Поведенческая типизация образа сказочного барина включает широкий спектр деталей, позволяющий показать его в различных жизненных ситуациях. Автору известно более 100 сказок о барине и мужике, из которых две трети приходится на сюжеты о помещицкой спеси, жадности и глупости, остальные сюжеты связаны с барской жестокостью, властью, бездельем и в весьма небольшом количестве сказок присутствуют определенные симпатии к помещику. Переходя к анализу данных бытовых сказок, необходимо указать, что в народном сознании присутствовал некий набор стандартных ситуаций и их оценок, трафаретных схем («архетипов сознания»), которые накладывались на явление действительности и помогали в них разобраться. Здесь речь идет о «диффузном сознании» – безотчетном перенесении своих собственных представлений, ценностных ориентиров и опыта моделирования поступков и рассуждений других индивидов, «подстановке» своих взглядов, убеждений в сознание окружающих, представителей различных социальных сообществ [Усенко, 1994, с. 28–29]. Аксиологическая категория «диффузное сознание» весьма важна для понимания, какие собственные поведенческие стереотипы и жизненные ценности крестьян в той или иной степени «подставлены» в создаваемые ими художественные образцы – схемы представителей других сословий, в частности помещичьих дворян. Принимая во внимание указанную «диффузию» и жанровую специфику сказок, образ сказочных помещиков был далек от реальных прототипов. Но сама акцептация создателей сказок на отдельных деталях типового поведения барина с учетом «диффузной подставки» показывает, какие жизненные ценности больше всего волновали крестьян во взаимоотношениях с помещиками. Ведь именно отношения противоположных социальных полюсов и действительная логика в целом, а не отдельные фигуры властьпредержащих, подвергаются в сказке художественной оценке и суду [Юдин, 1998, с. 5].

Особую эмоциональную окраску имеют бытовые сказки о барской жестокости и спеси. В сказке «Жалостливая барыня», где указанные нравственные категории лежат в основе сюжета, дискурсом может выступить заключение сказочного героя – мужика: «...она (барыня. – В.Ш.) их людьми не признавала, а скотиной» [Соколов, 1932, с. 49].

Сюжеты в ряде рассматриваемой категории сказок не могут быть ориентированы на вызов смеха у слушателей, а скорее на чувство удовлетворенности свершившимся актом справедливого возмездия в связи с наказанием или смертью жестоких помещиков. Создатели данных сказок наделяли в них бар ценностными жизненными ориентирами, переходящими в знаковые поступки, которые выходят за рамки человеческого восприятия (кормление крестьянками грудью барских щенков; крестьяне пухнут от голода, так как их не пускают работать в поле, а требуют присутствия в поместье или, наоборот, отправляют на барщину в воскресные и праздничные дни) [Там же]. А.И. Кретов обращает внимание, что отдельные бытовые сказки и рассказывались не как сказки, сколько как имевшие место случаи, были [Кретов, 1977, с. 11]. Так, в сказке «О барах» названа конкретная фамилия воронежского помещика Шидловского, причина его убийства крестьянами и наказание последних – ссылка «... людей в Сибирь копать руду в Уральских горах» [Соколов, 1932, с. 47].

В целом же в большинстве сказок о барской жестокости и спеси крестьяне, нередко в рамках трикстериады, ловко обводят вокруг пальца жестоких бар и наказывают их. Например, в сказке «Барин и собака» помещик через суд заставил мужика выполнять функциональные обязанности сторожевого пса, но в итоге хитрый мужик заставил барина лаять собакой в церкви и еще получил от него в подарок корову и два мешка пшеницы [Соколов, 1932, с. 32–36].

Существенное место в рассматриваемых сказках занимают сказки о барских праздности, жадности и лени. Нередко эти нравственно-этические категории в отдельных сказках выступают в качестве синонимов элементов поведенческого кода бар, находящегося в рамках аксиологического дискурса, присваиваемого сказочным героям. Данные категории весьма часто трудно разделить, они органично дополняют друг друга, синергетически создавая целостный портрет сказочного героя. Барские праздности, жадность и лень, как правило, отражены в сюжетном контексте о взаимодействии антагониста (барина) и трикстера (мужика), где последний в ходе хитроумных трюков добивается от помещика всего чего хочет. Это вызывало смех у слушателей, что и является одной из основных целей бытовой сказки. Здесь образ барина нередко доводится до уровня гротеска – высшей ступени преувеличения, переходящего в область фантастики [Пропп, 1976, с. 70]. Чего стоят одни названия сказок: «Как барин лошадей себе из тыквы высиживал», «Как барин телился» [Соколов, 1932, с. 145–150]. Барская жадность, стремление к «быстрым» деньгам хорошо показана в сказке «Барин-кузнец» [Там же, с. 67–68], где барин позавидовал кузнецу: «...живёшь, еще когда-то урожай будет и денег дождёшься, а кузнец молотком постучит – и с деньгами. Дай кузницу заведу» [Там же, с. 67]. Барин завел кузницу, принял заказ от мужика, но у него ничего не получилось, за что был избит мужицкой плетью. После этого он забросил кузнечное ремесло и перестал завидовать кузнецу.

Стремление к «быстрым и легким» деньгам характеризует барина не только как жадного, но и праздного и ленивого. Ничего не умея, он хочет без особых усилий получить хороший доход и жить в свое удовольствие. За комичностью сюжета просматривается желание создателей сказки наделять барина теми жизненными ценностями, которые в их понимании олицетворяли саму сущность «барскости». Крупный этнограф рубежа XIX–XX вв. О.П. Семенова-Тян-Шанская прямо указывает на крестьянские воззрения относительно хозяйственных способностей помещиков: «...крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам-дворянам, к их хозяйственным способностям, совсем в их не веря», продолжая: «Очевидно существует крестьянское эстетическое представление о барине как противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику... По мнению крестьянина, в том именно и заключается смысл быть богатым, – не считать грошей и не марать своего барского достоинства около мелочей хозяйственного обихода...» [Шнейдер, 1908, с. 15–16].

Но всё вышесказанное органично включено в канву сказочного жанра.

В бытовых сказках представлено и «дно» помещного дворянства. То есть низшие подгруппы помещиков, представители которых владели несколькими крепостными и мизерными земельными участками. По внешнему виду их не всегда можно было отличить от крестьян-бедняков и среднего достатка. Данных сказок не большое количество, автору известно 9. Дворяне в лаптях, нанимающиеся к состоятельным соседям-крестьянам [Вернер, 1887, с. 55; Мышецкий, 1896, с. 884; Хлопов, 1903, т. 91, с. 1032–1033] или перебивающиеся с хлеба на воду, вызвали саркастические высказывания мужиков в адрес таких благородных. Ведь с их точки зрения они были лишены всех внешних атрибутов истинной «барскости». Подобные бары не могли не найти отражения в народном фольклоре, в частности в бытовых сказках. Ведь подобные дворяне были заметным явлением в русской деревне. Накануне реформы 19 февраля 1861 г. в России из 253 068 потомственных дворян 109 444 (43,2 %) сами ходили за сохой [Мионов, 1995, с. 125].

В сказке «Бедный барин и мужик» обыгрывается скромная повседневность мелкого помещика с акцентом на не барское меню обеденного стола на фоне относительной зажиточности его ершистого мужика. Мужик, зарезав барана, отказал барину в лице его сына дать мяса к помещицкому столу, «... не захочет дать, заставь его вывести мусор на платину» [Соколов, 1932, с. 108]. Мужик мяса не дал, но согласился вывести мусор. Пришлось барину на обед есть сваренную женой капусту с яйцом. Комичность ситуации заключена в итоговой фразе барина: «Если барин, так уж барин: капусту вилкой буду есть. А мужик мясо, как собака, пусть трескает» [Там же].

Учитывая, что в народных сказках очень четко прослеживается принцип противопоставленности (парных оппозиций), то есть большинство сказочных функций расположено попарно: запрет – нарушение, борьба – победа, преследование – спасение и т. д.; сюжет, сказочное действие подчинены противопоставлению [Горностаева, 2003, с. 136]. В рассматриваемой сказке отчетливо просматриваются парные оппозиции: приказ – отказ, претензии на благородство и всеобъемлющую власть – отсутствие оснований для этого. Авторам сказки было очевидно, что этот сюжет не мог иметь место в реальной жизни, но на то и сказка. Барин остался ни с чем, мужик не уступил ему, и помещику пришлось комично оправдываться перед женой, пытаясь хоть как-то сохранить свое словесное достоинство.

В весьма небольшой части бытовых сказок о барине автору известно всего 4, где явно просматривается симпатия к помещику. Это является отражением широкого спектра включения поведенческих стереотипов, схем взаимоотношений бар с крестьянами в сказки, начиная от жестокости и чванливости, завершая «отеческим», патерналистским отношением. Как справедливо отмечает М.М. Бахтин, в жизни наши реакции относительно конкретного индивида «носят разрозненный характер, суть именно реакции на отдельные проявления, а не на целое человека, всего его...» [Бахтин, 1986, с. 9]. Создатели сказок показывали определённые нравственно-этические человеческие проявления в тех или иных жизненных ситуациях, которые и характеризуют сказочных героев с разных сторон. Проявление неких симпатий к сказочному барину заключено в его конкретном поступке, действии, но не делается широких обобщений, что в целом характерно для сказки. Например, в сказке «Жил был бедный мужик» [Афан., № 499], относящейся к циклу о ловких и удачливых отгадчиках, барин по достоинству оценивает находчивость бедного мужика и с позором прогоняет богатого. В сказке помещик предлагает бедному крестьянину разделить жареного гуся, которого он принес барину, между всеми членами его семьи, но никого не обидеть. Мужик, проявив смекалистость, справился с заданием, за что был одарен вином и хлебом. Богатый мужик, узнав про барские щедроты, тоже пытается при аналогичном задании проявить находчивость, но у него ничего не выходит. Хотя он преподнёс барину пять жареных гусей. Здесь помещик выступает в качестве справедливого хозяина, и именно это должно вызывать к нему симпатии.

Выводы

В русских бытовых сказках тема о барине и мужике занимает одно из главных мест в сюжетной линии. Искать в них отражение исторической реальности бессмысленно. Сказка остается сказкой, где поступки действующих лиц выходят за рамки возможной действительности, находясь на грани фантастики. Тем не менее создатели сказок придавали своим героям узнаваемые черты сословного характера через их поведенческие стереотипы. Все действия сказочных персонажей можно рассматривать как ролевые действия, они не просто действуют, а разыгрывают роли, то есть показывают различные модели поведения [Шинкаренко, 2005, с. 70]. И эти поведенческие модели должны быть узнаваемы. Барин должен быть барином, поп – попом, мужик – мужиком и т. д. Без этого теряется интерес не только к сказочным героям, но и к сюжету в целом. Данная узнаваемость достигалась присвоением сказочным героям определенных социо-психологических ориентиров, характерных для той или иной социальной общности. Но все это ограничено вписывалось в фабулу сказочного жанра. Отсюда сказочный барин не был трафаретным героем, кочующим из сказки в сказку, он был многообразен в своих поведенческих моделях, отражая различные аксиологические установки.

Список литературы

- Аникин В.П. 2004. Русское народное творчество. М., Высшая школа, 735.
- Байбурин А.К., 1993. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., Наука, 240.
- Бахтин В.С. 1987. Русская бытовая сказка. Л., Лениздат: 5–12.
- Бахтин М.М. 1986. Автор и герой в эстетической деятельности. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., Искусство: 9–191.
- Горностаева М.В. 2003. Смысл и социальная реальность: социология структурного психоанализа. М., РИЦ ИСПИ РАН, 236.
- Даль В.И. 1998. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 4. М., Русский язык, 688.
- Ермаков С.Э., Гаврилов Д.А. 2019. Скрытое бытие русских сказок. М., Вече, 288.
- Костюхин Е.А. 2004. Лекции по русскому фольклору. М., Дрофа, 336
- Кретов А.И. 1977 О современных записях воронежских народных сказок. Народные сказки Воронежской области. Сост. И.А. Кретов. Воронеж, Изд-во Воронежского университета: 3–14.
- Миронов Г.Е. 1995. История государства Российского. Историко-библиографические очерки. М., Книжная палата, 734.
- Мышецкий В. 1896. Воспоминания. Исторический вестник, 11: 878–907.
- Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. 2014. Сост. А.Н. Афанасьев. М., Изд-во Альфа – Книга, 1087.
- Никифоров А.И. 2008. Сказка и сказочник. Сост. Е.А. Костюхин. М., ОГИ, 376.
- Ожегов С.И. 1990. Словарь русского языка. Ред. Н.Ю. Шведова. М., Русский язык, 917.
- Олсон Л., Адоньева С. 2021. Традиция, трансгрессия, компромисс: миры деревенской женщины. М., Новое литературное обозрение, 520.
- Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. 1961. Ред. М.Я. Мельц, В.В. Митрофановой. М. – Л., Изд-во Академии наук СССР, 289.
- Пропп В.Я. 1976. Проблемы комизма и смеха. М., Искусство, 184.
- Пропп В.Я. 2000. Русская сказка. М., Лабиринт, 416.
- Пропп В.Я. 1976. Фольклор и действительность. М., Наука, 325.
- Путинин Б.Н. 2003. Фольклор и народная культура; In memoria. СПб., Петербургское Востоковедение, 464.
- Русские народные загадки, пословицы, поговорки. 1990. Сост. Ю.Г. Круглов М., Просвещение, 355.
- Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века). 1971. Ред. Э.В. Померанцевой. Л., Наука, 287.

- Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гт.). 1908. Сост. Н.Е. Ончуков. СПб., Типография А.С. Суворина, 646.
- Соколов Ю.М. 2007. Русский фольклор. М., Московский университет, 544.
- Усенко О.Г. 1994. Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Тверь, Тверской государственный университет, 76.
- Хлопов Н. А. 1903. Мужики-дворяне (Бытовой этюд). Исторический вестник, 91: 1030–1036.
- Шинкаренко В.Д. 2005. Смысловая структура социального пространства: миф и сказка. М., КомКнига, 208.
- Шнейдер В.П. 1908. Памяти Ольги Петровны Семеновы. СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 22.
- Юдин Ю.И. 1998. Русская народная бытовая сказка. М., Академия, 256.

References

- Anikin V.P. 2004. Russkoe narodnoe tvorcestvo [Russian folk art.]. М., Vysshaja shkola, 735.
- Bajburin A.K., 1993. Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskih obrjadov [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. SPb., Nauka, 240.
- Bahtin V.S. 1987. Russkaja bytovaja skazka [Russian everyday fairy tale]. L., Lenizdat: 5–12.
- Bahtin M. M. 1986. Avtor i geroy v jesteticheskoy dejatel'nosti. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva [Author and hero in aesthetic activity. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity]. М., Iskusstvo: 9–191.
- Gornostaeva M.V. 2003. Smysl i social'naja real'nost': sociologija strukturnogo psihoanaliza [Meaning and Social Reality: The Sociology of Structural Psychoanalysis]. М., RIC ISPI RAN, 236.
- Dal' V.I. 1998. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. V 4-h t. T. 4. М., Russkij jazyk, 688.
- Ermakov S.Je., Gavrilov D.A. 2019. Skrytoe bytie russkih skazok [Hidden existence of Russian fairy tales]. М., Veche, 288.
- Kostjuhin E.A. 2004. Lekcii po russkomu fol'kloru [Lectures on Russian folklore]. М., Drofa, 336
- Kretov A.I. 1977 O sovremennyh zapisjah voronezhskih narodnyh skazok. Narodnye skazki Voronezhskoj oblasti [About modern recordings of Voronezh folk tales. Folk tales of the Voronezh region]. Sost. I.A.Kretov. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta: 3–14.
- Mironov G.E. 1995. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Istoriko-bibliograficheskie ocherki [History of the Russian state. Historical and bibliographic essays]. М., Knizhnaja palata, 734.
- Mysheckij V. 1896. Vospominanija [Memoirs]. Istoricheskij vestnik, 11: 878–907.
- Narodnye russkie skazki. Polnoe izdanie v odnom tome [Folk Russian fairy tales. Complete edition in one volume]. 2014. Sost. A.N. Afanas'ev. М., Izd-vo Al'fa – Kniga, 1087.
- Nikiforov A.I. 2008. Skazka i skazochnik [Fairy tale and storyteller]. Sost. E.A. Kostjuhin. М., OGI, 376.
- Ozhegov S.I. 1990. Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Red. N.Ju. Shvedova. М., Russkij jazyk, 917.
- Olson L., Adon'eva S. 2021. Tradicija, transgressija, kompromiss: miry derevenskoj zhenshhiny [Tradition, Transgression, Compromise: The Worlds of a Village Woman]. М., Novoe literaturnoe obozrenie, 520.
- Poslovicy, pogovorki, zagadki v rukopisnyh sbornikah XVIII–XX vekov [Proverbs, sayings, riddles in handwritten collections of the 18th – 20th centuries]. 1961. Red. M.Ja. Mel'c, V.V. Mitrofanovoj. М. – L., Izd-vo Akade-mii nauk SSSR, 289.
- Propp V.Ja. 1976. Problemy komizma i smeha [Problems of comedy and laughter]. М., Iskusstvo, 184.
- Propp V.Ja. 2000. Russkaja skazka [Russian fairy tale]. М., Labirint, 416.
- Propp V.Ja. 1976. Fol'klor i dejstvitel'nost' [Folklore and reality]. М., Nauka, 325.
- Putilin B.N. 2003. Fol'klor i narodnaja kul'tura; In memoria [Folklore and popular culture; In memory]. SPb., Peterburzhskoe Vostokovedenie, 464.
- Russkie narodnye zagadki, poslovicy, pogovorki [Russian folk riddles, proverbs, sayings]. 1990. Sost. Ju.G. Kruglov M., Prosveshhenie, 355.
- Russkie skazki v rannih zapisjah i publikacijah (XVI–XVIII veka) [Russian fairy tales in early records and publications (XVI–XVIII centuries)]. 1971. Red. Je.V. Pomerancevoj. L., Nauka, 287.

- Severnye skazki (Arhangel'skaja i Oloneckaja gg.) [Northern fairy tales (Arkhangelsk and Olonets years)]. 1908. Sost. N.E. Onchukov. SPB., Tipografija A.S. Suvorina, 646.
- Sokolov Ju.M. 2007. Russkij fol'klor [Russian folklore]. M., Moskovskij universitet, 544.
- Usenko O.G. 1994. Psihologija social'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vv [Psychology of social protest in Russia in the 17th – 18th centuries]. Tver', Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 76.
- Нлопов N.A. 1903. Muzhiki-dvorjane (Bytovoj jetjud) [Men-nobles (household study)]. Istoricheskij vestnik, 91: 1030–1036.
- Shinkarenko V.D. 2005. Smyslovaja struktura social'nogo prostranstva: mif i skazka [Semantic structure of social space: myth and fairy tale]. M., KomKniga, 208.
- Shnejder V.P. 1908. Pamjati Ol'gi Petrovny Semenovoj [In memory of Olga Petrovna Semenova]. SPb., Tipografija M.M. Stasjulevicha, 22.
- Judin Ju.I. 1998. Russkaja narodnaja bytovaja skazka [Russian folk household tale]. M., Akademija, 256.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.11.2022

Received 10.11.2022

Поступила после рецензирования 25.11.2022

Revised 25.11.2022

Принята к публикации 25.11.2022

Accepted 25.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шаповалов Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Vladimir A. Shapovalov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History and Record Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

[ORCID: 0000-0003-1699-1956](https://orcid.org/0000-0003-1699-1956)

УДК 947.085(476)

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-858-869

Оригинальное исследование

Немецкая система пропаганды в Генеральном округе Беларусь: структура, содержание и принципы деятельности

Пушкаренко Е.А.

Российская таможенная академия,
Россия, 140015, г. Люберцы, Комсомольский проспект, 4
E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации и функционирования немецкой системы пропаганды на оккупированной советской территории на примере Генерального округа Беларусь. Цель исследования: определить порядок организации, формы, методы и содержание, принципы и эффективность деятельности органов пропаганды. Автор приходит к выводу, что немецкое идеологическое воздействие на территории оккупированной Советской Белоруссии имело ряд отличий, обусловленных объективными факторами. К их числу можно отнести длительный характер оккупации, особенности менталитета местного населения, наличие массового партизанского движения, противоречия в методах оккупационной политики и борьбы с партизанами между гражданской администрацией округа и подразделениями СС и СД. Как следствие, длительный период оккупации территории Советской Белоруссии вынуждал немецкие власти округа постоянно совершенствовать формы и методы идейно-политического влияния на массовое сознание белорусов, а также прибегать к использованию в пропагандистской деятельности местных коллаборационистов. Немецкой гражданской администрацией округа во главе с В. Кубе была развернута пропагандистская кампания т. н. «белорусизации», целью которой стало привлечение местного населения на свою сторону с помощью «мягкой силы», не прибегая к силовым методам, практиковавшимся силами СС и полиции. Кубе видел в пропаганде превентивное средство пачификации⁶¹ тыла и выполнения задач хозяйственной эксплуатации захваченной территории. Однако его ставка на пропаганду как основное средство реализации оккупационных планов и обретение поддержки со стороны белорусского населения себя не оправдала. Провал инициированной им политики «белорусизации» и низкая эффективность немецкой пропаганды на территории округа были обусловлены рядом факторов: отсутствием согласованной политики немецких властей относительно методов оккупационного режима и роли в нем пропаганды, ростом партизанского движения как реакции на преступные карательные акции подразделений СС и СД, пассивными политическими настроениями местного населения, занявшего с приходом немцев выжидательную позицию.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, Великая Отечественная война, идеологическое противостояние, В. Кубе

Для цитирования: Пушкаренко Е.А. 2022. Немецкая система пропаганды в Генеральном округе Беларусь: структура, содержание и принципы деятельности. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 858–869. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-858-869

⁶¹ Пачификация как превентивный способ обеспечения «спокойного» тыла с использованием идеологических средств, пропагандистских акций и кампаний с опорой на коллаборационистов.

German Propaganda System in the General District of Belarus: Structure, Content and Principles of Activity

Elena A. Pushkarenko

Russian Customs Academy,

4 Komsomolsky Ave., Lyubertsy 140015, Russia

E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the organization and functioning of the German propaganda system in the occupied Soviet territory (on the example of the General District of Belarus). The purpose of the study: to determine the order of organization, forms, methods and content, principles and effectiveness of the activities of propaganda bodies. The author comes to the conclusion that the propaganda activities of the German authorities on the Belarusian land had a number of distinctive features. Firstly, the ideological impact on the local population had the character of a well-organized work, which was built by analogy with the propaganda system of Nazi Germany. Both visual and auditory means of influence were widely used. Secondly, the propaganda was conducted taking into account the psychological and cultural-historical characteristics of the local population. Thirdly, the civil German administration of the district, headed by V. Kube, assigned propaganda the role of a preventive tool in ensuring a calm rear and in fulfilling the economic and political tasks of the German Reich in the occupied territories. Fourth, the content of propaganda combined both outright lies and demagoguery, as well as criticism of the real shortcomings of the Soviet economic and political system. Fifthly, the long period of occupation of the territory of Soviet Belarus forced the German authorities of the district to constantly improve the forms and methods of ideological and political influence on the mass consciousness of Belarusians, as well as to resort to the use of local collaborators in propaganda activities. Sixth, the low effectiveness of German propaganda on the territory of the district was due to a number of factors: the presence of a mass partisan movement and Soviet counter-propaganda, the extremely brutal occupation regime, the «scorched earth» policy.

Keywords: German propaganda, General District of Belarus, Great Patriotic War, ideological confrontation, V. Kube

For citation: Pushkarenko E.A. 2022. German Propaganda System in the General District of Belarus: Structure, Content and Principles of Activity. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 858–869 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-858-869

Введение

В настоящее время Россия отвечает на ряд исторических вызовов военно-политического и ценностно-идеологического характера. Подобный этап наша страна переживала в годы Великой Отечественной войны, когда народы СССР оказались не только перед опасностью физического уничтожения, но и полной духовной трансформации, утраты своей исторической памяти. Немецкие власти в оккупационной политике на Востоке особое значение придавали пропаганде как инструменту реализации своих геополитических задач. В этой связи данное исследование представляется актуальным, ведь в настоящее время предпринимаются попытки воздействия на массовое сознание россиян с применением технологий и методов, аналогичных формам и содержанию немецкой пропаганды на оккупированной советской территории.

Анализ историографии вопроса позволяет сделать вывод о все еще недостаточной изученности проблемы. В советский период проблема рассматривалась в контексте советско-германского идеологического противостояния [Ивлев, Юденков, 1988] либо партизанской контрпропаганды. Стоит отметить, что эта тенденция сохраняется и в последние годы [Беларусь в годы Великой Отечественной войны, 2005; Литвин, 2018; Беларусь партизанская, 2019].

В 90-е гг. прошлого столетия немецкий исследователь Й. Шлоотц одним из первых провел общий анализ содержания немецкой пропаганды на территории Генерального окру-

га Беларусь [Шлоотц, 1997]. Ю. Туронок выделил ряд отличительных черт немецкой оккупационной политики на территории округа [Туронок, 1993]. Б.Квинкерт провела сравнение между реалиями оккупационного режима и содержанием пропаганды, сделав основной акцент на их сущностном противоречии, негативно отразившемся на эффективности идеологического воздействия на местное население [Quinkert, 2009]. В.Курилла провел исследование порядка организации и особенностей функционирования органов полиции, их участия в политике холокоста на территории оккупированной Беларуси [Curilla, 2006].

В последние годы появилось достаточно много исследований, имеющих «региональную» привязку. Большая часть из них связана с изучением феномена и специфики немецкой пропаганды в пределах конкретной административной единицы в составе РСФСР [Доронина, 2005, Филоненко, 2006, Бернев, 2008, Бимбасов, 2020, с. 361–373].

Отдельные аспекты проблемы были рассмотрены автором ранее, в частности вопросы антисоветской пропаганды в округе, особенности вербовки белорусских женщин на работу в Германию, феномен белорусского женского коллаборационизма, немецкая пропаганда в области культуры [Пушкаренко, 2021а, Пушкаренко, 2021б, Пушкаренко, 2022а, Пушкаренко, 2022б].

Особенностям национально-культурной политики немецких оккупационных властей посвящено и исследование белорусского историка Л. Лыча [Лыч, 2011]. Целый ряд вопросов, связанных с участием белорусских властей в пропагандистских акциях немецких оккупационных властей, был изучен исследователями О.В. Романько [Романько, 2008] и А.К. Соловьевым [Соловьев, 1995].

При этом вне исследовательского внимания до сих пор остаются особенности организации и содержания пропаганды немецких властей на территории Белорусской ССР. Данный объект тем более заслуживает детального изучения, что оккупация Советской Белоруссии продолжалась более трех лет, и в течение этого времени немецкая система пропаганды постоянно эволюционировала и совершенствовалась. Ее исследование позволило в дальнейшем сделать выводы не только об особенностях пропаганды немецких оккупационных властей на белорусской земле, но и создать комплексное и системное представление о характере, формах, методах и содержании немецкой пропаганды на оккупированной советской территории в целом.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования стала система немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь. Методы исследования: анализ, синтез, сравнение. Цель работы: проанализировать содержание немецкой пропаганды, выявить особенности идеологического воздействия на местное население, определить цели пропаганды и ее эффективность. Методы исследования – анализ, синтез, сравнение.

Результаты и их обсуждение

Органы пропаганды в Генеральном округе Беларусь

Пропагандистская деятельность немецких оккупантов на белорусской земле началась уже летом 1941 года. Так 1.08.1941 г. в Минске при Генеральном Комиссариате был основан отдел пропаганды в составе шести подразделений. Каждое из них имело свою специализацию. В частности, первое отвечало за издание листовок и плакатов. Печатные материалы должны были учитывать особенности национального характера белорусов и стилистику белорусского языка. Особое внимание обращалось на то, чтобы в материалах пропаганды не содержалось пустых обещаний. Листовки разъясняли действия немецких властей основной массе населения – крестьянам и жителям небольших белорусских местечек. Однако распространялись и материалы, рассчитанные на более образованную часть общества – ин-

теллигенцию. Каждый вид отличался стилем, смысловыми акцентами и содержанием. Считалось достаточным неоднократное тезисное объяснение тех или иных действий немецкой администрации для их положительного восприятия местными жителями⁶².

Второе подразделение вело подготовку кадров, занималось проведением массовых агитационных мероприятий и собраний, кроме того, сотрудники отдела осуществляли радиопропаганду. От будущих пропагандистов требовалось не только умение выступать перед аудиторией, но и способность «чувствовать народные настроения», исходить в своей работе именно из глубинных особенностей менталитета белорусов⁶³.

Третье подразделение проводило подготовку различного рода выставок и художественных экспозиций, в его компетенцию также входила подготовка к демонстрации художественных и сугубо пропагандистских фильмов.

Еще одно структурное подразделение в составе ГК – «Отдел печати» – контролировал своевременность рассылки газет и журналов по территории округа. Надзор за точным соблюдением проводимой политической линии местными пропагандистскими кадрами возлагался на шефа «отдела печати». При этом в отделе также существовало несколько более мелких подразделений.

Первое специализировалось на вопросах политики, а также разрабатывало материалы для политического отдела Генерального Комиссариата и подчиненных ему учреждений. Его сотрудники занимались адаптацией присылаемых из Германии изданий для белорусских читателей.

Второе занималось подготовкой сообщений в области экономики, сельского хозяйства и обеспечения гражданского населения продовольствием.

Третье готовило к печати материалы по вопросам социальной политики, здравоохранения и профсоюзного движения на территории округа.

До реорганизации в декабре 1943 г. отдела пропаганды проблемами молодежной политики, искусства и культуры занимались четвертое и пятое подразделения этого же отдела. Однако 18.12.1943 г. по приказу Гитлера служба пропаганды при Генеральном Комиссаре в Минске приобрела статус отдела рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды. Й. Геббельс назначил его руководителем доктора Х.В. Фишера. Осуществление идеологических задач немецкой политики предполагалось проводить через подчиненных областным комиссарам пропагандистов-референтов. Два главных отдела – пропаганда и печати – возглавили референты Франковский и Краус. А сами подразделения были реорганизованы: возникли отделы культуры, кино и радиопропаганды⁶⁴.

Отдел культуры после реорганизации возглавил белорусский коллаборационист И. Сивица. Он же контролировал деятельность первого подразделения отдела культуры, в компетенцию которого входили надзор за сферой культуры, пропагандой в школах и среди молодежи. Служба Сивицы исполняла также роль цензора белорусскоязычных радиопрограмм. Второе подразделение контролировало деятельность театров и занималось вопросами культуры по городу Минску. Его главой стал немецкий референт Аренхефель. Третье подразделение занималось пропагандой среди населения округа достижений немецкой культуры. Его возглавил референт Нотцольд⁶⁵.

Как видим, практически все главные руководящие должности в Генеральном Комиссариате, связанные с идеологией и пропагандой, занимали немцы. Они же возглавляли областные отделы пропаганды. При этом в окружных филиалах в качестве простых пропагандистов работало немало этнических белорусов. Приведем их численный состав на лето 1943 г.: Минский округ – 15 человек, Вилейский – 11, Слуцкий – 4, Барановичский – 10,

⁶² Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 2376. Л. 16.

⁶³ НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2376. Л. 17; Ф. 370. Оп. 1. Д. 1284. Л. 19.

⁶⁴ Там же. Л. 21.

⁶⁵ Там же. Л. 22.

Минск-город – 7, Лидский – 7, Глубокский – 4, Ганцевичский – 4, Слонимский – 10, Новогрудский – 7, непосредственно при Генеральном Комиссариате – 25, вместе это составляло 92 белорусских сотрудника. Кроме того, белорусских специалистов привлекали к работе в так называемой «Информационной секретной службе». Здесь занимались прослушиванием московского радио и просмотром советских газет, после чего полученную информацию подвергали «свободной интерпретации» в материалах, адресованных населению округа⁶⁶.

Для повышения эффективности работы пропагандистской службы 25.04.1942 г. Кубе распорядился об учреждении т. н. «Пропагандистского круга» – своеобразного консультативного и информационного органа, который должен был обеспечить взаимодействие в области пропаганды всех важнейших служб гражданской немецкой администрации округа.

Немецкое информационное бюро в Минске

Идеологическая война, развернувшаяся между двумя противоборствующими сторонами, обусловила потребность оккупантов в налаживании масштабной и системной пропагандистской деятельности, в том числе организации типографского дела для издания листовок, плакатов, журналов и газет. Материалы для печати присылались из Берлина. Их первоначальную обработку и подбор осуществляли специальные службы, например, «Политическая служба пропаганды», «Служба печати Востока», «Служба пропагандистских материалов». В дальнейшем появляется целый ряд организаций по подготовке соответствующих пропагандистских материалов: «Информационное бюро Белоруссии», «Белорусская корреспонденция», «Немецкое информационное бюро в Минске». В Минске действовала типография, которая выпускала основную часть белорусскоязычных журналов и газет. Практически во всех крупных городах и местечках округа была налажена издательская деятельность – Барановичах, Новогрудке, Слониме, Лиде, Бресте, Пинске, Вилейке. При этом немецким референтам местных отделов пропаганды рекомендовалось привлекать к сотрудничеству белорусских корреспондентов. Действительно, большинство статей, содержащихся в белорусскоязычных изданиях, было подписано авторами с белорусскими фамилиями. Это должно было усилить степень доверия к публикуемой информации, максимально приблизить ее к восприятию местными жителями. Согласно отчетам отдела пропаганды, белорусы с большим интересом читали все статьи по военно-политическим, экономическим, культурным вопросам и полностью доверяли всем новостям из немецких изданий. При этом же констатировалось, что повышенный интерес к немецкой печатной продукции во многом обусловлен дефицитом бумаги, которую местные жители использовали для изготовления «самокруток»⁶⁷.

Редакторами газет и журналов были этнические белорусы, однако их действия контролировали специальные группы цензуры, в составе которых были только немцы. Уже в конце 1943 года при отделе печати ГК в Минске был учрежден отдел цензуры⁶⁸.

На протяжении 1942–1943 годов общее количество печатных изданий и их тираж постоянно возрастали. Немецкие власти во главе с В. Кубе стремились к тому, чтобы в каждой административной единице округа была своя газета. Хотя белорусскоязычная пресса уступала по количеству аналогичным пропагандистским изданиям на русском, украинском, литовском, эстонском языках, тем не менее в 20-ти городах Беларуси, Германии, Польши и Литвы выпускалось около 27 газет, 14 журналов, 3 ежегодников (календарей) на белорусском языке. При этом количество наиболее крупных изданий с тиражом не менее 15 000 экземпляров не превышало 10–15 наименований. Среди них нужно отметить «Беларускую газэту» (тираж 80 000 экземпляров), «Голас вескі» (40 000), «Пагоню»

⁶⁶ Там же. Д. 1273. Л. 138.

⁶⁷ НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2372. Л. 75.

⁶⁸ НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1281. Л. 73.

(25 000), «Слонимскую газету» (15 000) и т. д. Среди русскоязычных изданий наиболее значительными были газеты «Новый путь» и «За Родину».

«Ликвидировать идеологический вакуум и противопоставить свою пропаганду коммунистической, которая только саботирует мероприятия немецкой власти...»

Генеральный комиссар округа особое значение в оккупационной политике придавал именно пропаганде. Поэтому одно из первых распоряжений Кубе от 17.09.1941 г. содержало указание на необходимость «ликвидировать идеологический вакуум», противопоставив немецкую пропаганду советской. Кубе приказал инициировать широкую идеологическую кампанию о скорой победе Германии, о ее военной мощи и культурно-историческом величии⁶⁹.

В июне 1942 г. Кубе приказал всем местным руководителям пропагандистской службы собирать материалы для радиопрограммы «Зеркало белорусского времени», которая готовилась на минской радиостанции и была адресована белорусским слушателям. Все главы отделов ГК должны были передавать специалисту по радиопропаганде Герцогу небольшие сообщения о «своей деятельности на благо Белоруссии», которые потом зачитывались в разделе «События»⁷⁰.

Использование радио как средства пропаганды стало приоритетным направлением деятельности профильного отдела в составе ГК в Минске. В течение войны группа радиопропаганды дислоцировалась сначала в Смоленске, а потом в Могилеве. Она занималась непосредственно трансляцией радиопередач. А подразделение радиопропаганды при ГК в Минске занималось подготовкой материалов для местных радиостанций. В Смоленске, а потом в Могилеве местные службы занимались трансляцией этих материалов и следили за техническим состоянием радиостанций. Поскольку оборудование и многие линии радиостанций были разрушены или находились в нерабочем состоянии, подразделениям Штоффрегена и Шлипхака было поручено устранить все технические неполадки. Результатом работы обеих групп стало возобновление деятельности 18 радиостанций уже летом 1942 года⁷¹.

С июля 1942 г. группы Гебхарда и Анфта осуществляли программу создания главной радиопрограммы в Смоленске, а 8.09.1942 г. была проведена первая трансляция на длинных волнах. Станция получила название «Голос народа», а ее музыкальным позывным стала мелодия русской песни «Вечерний звон». Но в ноябре 1942 г. дислокация радиостанции изменилась, ее новым местоположением стал Могилев. Этот город в качестве центра радиотрансляций был выбран не случайно, так как здесь осталась с довоенных времен новая советская радиостанция. Ежедневно «Голос народа» транслировал передачи в течение 9,5 часов, из которых 1,5 часа отводилось на зачитывание материалов прессы⁷². Немцы привлекли к работе на радиостанции членов «Русского художественного общества» Могилева. Они выпускали музыкальные программы с участием хоровых исполнителей, инструментального ансамбля и группы балалаечников.

В крупных городах, как правило, на предприятиях устанавливали усилители звука, которые вели трансляцию собственных программ. Здесь была и собственная студия, и необходимое техническое оснащение, и пластинки. А в маленьких городках, где создание собственных радиопрограмм было невозможно, принимали радиосигналы с ближайшей централи. Из Германии в Могилев и на местные радиостанции присылались пластинки с произведениями немецкой и русской классической музыки, с развлекательной и танцевальной музыкой (например, в конце 1942 г. – 1 900 штук), а также ноты и музыкальные инструменты⁷³.

⁶⁹ НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁷⁰ НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1273. Л. 100.

⁷¹ НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 11. Л. 9.

⁷² НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 11. Л. 10.

⁷³ НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

Главой радицентра в Могилеве стал референт Хартзайль, из отчетов которого можно узнать о содержании радиопередач. Так, в конце 1942 г. ежемесячно 11,5 % от общего количества времени радиотрансляций составляли сообщения вермахта и спецвыпуски по военным вопросам, 19,4 % – военно-политическая информация, «политические известия из Великой Германии и зарубежья» – 39,8 %, о хозяйственном строительстве «в освобожденных областях России» – 9,6 %, о культурном строительстве – 11,5 %, об экономическом и военном состоянии СССР – 8,2 %⁷⁴.

Пропагандистскую литературу, которую сначала присылали из Берлина, со временем стали издавать в Минске. В апреле 1943 г. тут было основано так называемое «Пресс-бюро» под руководством А. Гляйкснера. Бюро пользовалось материалами нижестоящих, подчиненных ей организаций, – «Белорусской службы информации», «Белорусской корреспонденции для политики, экономики и культуры с белорусскими известиями», «Немецкого информационного бюро в Белоруссии» и «Немецкой изобразительной пресс-службы в Белоруссии». В задачи руководства «Пресс-бюро» входили еженедельные доклады Генеральному Комиссару о планах и направлениях деятельности, обзор белорусскоязычных и немецких изданий⁷⁵.

Деятельность органа должна была стимулировать белорусов к сотрудничеству с немецкой властью. При этом «Белорусская корреспонденция» должна была освещать общеполитическую линию, ей запрещалось заниматься мелкими ежедневными вопросами; создание в массовом сознании привлекательной картины «Новой Европы» стало ее главной задачей. А «Немецкая корреспонденция в Белоруссии» знакомила белорусскую общественность с событиями в округе через публикуемые материалы о «восстановлении хозяйства в освобожденных областях», о «новой социальной и аграрной политике», о культурной жизни и т. д. Издательские центры существовали также в Барановичах, Слониме – почти во всех крупных городах Генерального округа⁷⁶.

Пресса и радио были главными, но не единственными источниками влияния и воспитания населения округа. Значительную роль играли визуальные средства пропаганды – кино и фотоискусство. К этой же категории можно отнести организацию и проведение «экскурсий представителей белорусского народа за границу», в Германию, для знакомства с «настоящим социалистическим строем». Среди аудиальных средств выделялись радио и деятельность местных референтов-пропагандистов. Многочисленные пропагандистские акции соединяли в себе эти две формы: в ходе организации сельскохозяйственных выставок, проведения народных сходов и праздников, церковных служб, занятий в школах визуальные средства дополнялись аудиальными и наоборот⁷⁷.

Принципы пропагандистской деятельности

В периодических изданиях, а также в средствах радиопропаганды, в соответствии с циркуляром В. Кубе от 20.05.1942 г., вводились особые правила использования географических названий. Теперь разрешалось использовать только старые, досоветские названия, которые не были связаны с советской идеологией, а также запрещалось использовать ряд исконно русских названий и понятий. Нельзя было, например, применять словосочетания «балтийские государства»; «Красная армия»; «московский, -ое, -ая». Последние словосочетания были запрещены как выразители «типичного российского империализма». Разрешенными цензурой выражениями считались «новый государственный строй на Востоке», «в освобожденных областях России». Собственно «Востоком» называлась вся европейская часть СССР, а понятие «восточное пространство» отождествлялось с территорией СССР по состоянию на июнь 1941 года⁷⁸.

⁷⁴ НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

⁷⁵ НАРБ. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁷⁶ НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 20. Л. 15.

⁷⁷ НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 29.

⁷⁸ НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

«Германская армия пришла, чтобы освободить вас от большевистского гнета...»

«Первые пропагандистские акции немецких властей на оккупированной советской территории были призваны подчеркнуть разницу между народом и коммунистами. Война якобы носит исключительно антисоветский, освободительный характер», – отмечалось автором ранее [Пушкаренко, 2021а, с. 170]. Немецкие пропагандисты подчеркивали, что германская армия борется не с народом, а с «преступным советским строем».

С первых дней установления «нового порядка» зазвучали и антисемитские лозунги, евреев обвиняли в шпионаже и саботаже всех немецких мероприятий. Одним из главных тематических направлений стала антипартизанская пропаганда. Местных жителей старались убедить, что 85 % «бандитов» (именно так называли партизан) попали в партизанские отряды принудительно, а оставшиеся 15 % состоят «из жидов, коммунистов и деятелей советской администрации». В местах дислокации партизан с самолетов сбрасывались листовки, в которых всем сдавшимся партизанам гарантировались жизнь и свобода, если они обратятся в немецкую администрацию и предъявят данную листовку-пропуск ⁷⁹.

В июле-августе 1941 г. немцы устраивали в деревнях т. н. «сходы» местных сельских жителей, на которых сообщали, что оборона Москвы сломлена. Нередко практиковалась и такая форма, как распространение слухов. Через военнопленных и дезертиров распространяли слухи о том, что советское правительство объявило «врагами советского народа» все население Белоруссии и обещало расстрелять всех мужчин после возвращения Красной Армии. С самолетов разбрасывались листовки, написанные от имени «русских», проживавших на территории, «еще не освобожденной от большевиков», в которых содержалась дезинформация ⁸⁰.

В течение 1942 г. расширяется деятельность отдела пропаганды, она приобретает новые формы и охватывает все слои общества. Главными факторами, которые определяли отношение местного населения к оккупационной немецкой власти, были следующие: партизанское движение, необходимость выполнения бывшими колхозниками все возрастающих норм поставок сельхозпродукции, трудности с обеспечением сельского и особенно городского населения продовольствием. Но наиболее злободневным для оккупантов был партизанский вопрос. Немцы отмечали, что население под влиянием пропаганды «бандитов» боится участвовать в проводимых мероприятиях, из-за чего многие экономические задачи не осуществляются.

Особой формой работы отдела пропаганды в 1942 г. стало проведение сельскохозяйственных и животноводческих выставок, а также «праздников урожая», целью которых было поощрение крестьян к труду, стимулирование повышения урожайности через внедрение новых агротехнологий и техники ⁸¹.

Местным властям рекомендовалось проводить для населения «развлекательные вечера». Начинались они обычно с доклада немецкого референта-пропагандиста, а далее следовала сама развлекательная программа. Немецкие источники с гордостью отмечали, что подобные акции «русские» встречают с большим удовольствием, особенно горожане ⁸².

Целям пропаганды было подчинено и проведение выставок произведений белорусских художников, регулярно проходивших с 1942 г. При этом знакомству с экспозицией предшествовало выступление немецкого пропагандиста. Местная немецкая администрация была обязана организовывать «читальные комнаты», в которых наряду с пропагандистскими материалами разрешалось размещать и выдавать населению произведения русской и мировой классической литературы (Чехова, Гоголя, Шиллера) ⁸³.

Для поддержания авторитета немецкой власти среди местного населения пропагандистам рекомендовалось стимулировать рост позитивных настроений населения путем

⁷⁹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 645. Л. 14.

⁸⁰ НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 63. Л. 8.

⁸¹ НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 11. Л. 23.

⁸² НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 102. Л. 41.

⁸³ НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 15. Л. 21.

проведения сходов, собраний, распространения «Комментариев о текущем положении». А для охвата населения удаленных от Минска районов рекомендовалось сбрасывать пропагандистскую литературу с самолетов⁸⁴.

Население было обязано посещать кинотеатры по субботам и воскресеньям. Местная администрация должна была следить за тем, сколько человек посмотрело фильм или присутствовало на мероприятиях. Перед началом художественной ленты обязательно демонстрировался документальный фильм пропагандистского содержания либо выступал немецкий пропагандист⁸⁵.

Ни одно общественное мероприятие не обходилось без идейно-политического контекста. Одна и та же информация неоднократно повторялась по радио, в газетах, на сходах крестьян и собраниях работников предприятий, в школах и кружках. Подобный метод дублирования должен был усилить эффект идеологического воздействия. В целом работа отдела пропаганды была построена на хорошем знании народной психологии, особенностей менталитета местного населения. Цензура бдительно следила за тем, чтобы публикуемые материалы пропаганды были лишены черт немецкой стилистики и языка, в целом соответствовали особенностям народной психологии.

Оценивая эффективность немецкой пропаганды на территории округа, приведем мнение главы начальника отдела пропаганды Й. Шретера о работе его ведомства. Он констатировал, что присылаемые из Германии материалы не соответствуют местным условиям ни по содержанию, ни по форме (стилистические ошибки при переводе на белорусский язык, несоответствие особенностям менталитета, так как в нем слишком мало учитываются местные условия). Кроме того, Шретер отмечал, что существенным препятствием для распространения пропагандистских материалов является деятельность партизан⁸⁶. Само их наличие служило препятствием для того, чтобы староста вывесил листовки или газеты в общедоступных местах для прочтения. Следует отметить, что за годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси действовало 1 255 советских партизанских отрядов общей численностью более 374 тысяч вооруженных бойцов [Беларусь в годы..., 2005, с. 134; Беларусь партизанская, 2019, с. 198]. Партизаны разоблачали дезинформацию о положении на советско-германском фронте и в советском тылу, рассказывали правду о положении белорусских оstarбайтеров в «рейхе» [Литвин, 2018, с. 66].

Еще в большей степени нивелировали значимость идеологического воздействия на местное население действия самих оккупационных властей, а именно политика «выжженной земли», карательные экспедиции СС и СД в зонах действия партизан. В Кубе неоднократно докладывал руководству о негативных последствиях карательных акций для пропагандистской службы, подчеркивая, что практикуемые СС и СД методы борьбы с партизанами нивелируют все усилия пропагандистов [«Котбус», 2018, с. 139].

Заключение

Таким образом, немецкое идеологическое воздействие на территории оккупированной Советской Белоруссии имело ряд отличий, обусловленных объективными факторами. К их числу можно отнести длительный характер оккупации, особенности менталитета местного населения⁸⁷, наличие массового партизанского движения, противоречия в мето-

⁸⁴ НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 98. Л. 15.

⁸⁵ НАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁸⁶ НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1395, лл. 23, 24, 79, 80, 85, 86, 91–99, 103–105, 119–120.

⁸⁷ Ментальность белорусского народа складывалась в течение длительного времени под воздействием фактора военной повседневности. Долгое время земля Беларуси выступала ареной военных действий между Россией и странами Запада. Эти войны, принося тяготы и страдания белорусам, тем не менее воспринимались как события, касающиеся интересов третьих сил – России либо европейских стран. Поэтому с началом войны местное население заняло выжидательную позицию, ожидая дальнейшего развития событий. Как следствие, отношение к немецкой пропаганде было индифферентное.

дах оккупационной политики и борьбы с партизанами между гражданской администрацией округа и подразделениями СС и СД. Как следствие, длительный период оккупации территории Советской Белоруссии вынуждал немецкие власти округа постоянно совершенствовать формы и методы идейно-политического влияния на массовое сознание белорусов, а также прибегать к использованию в пропагандистской деятельности местных коллаборационистов. Немецкой гражданской администрацией округа во главе с В. Кубе была развернута пропагандистская кампания т. н. «белорусизации», целью которой стало привлечение местного населения на свою сторону с помощью «мягкой силы», не прибегая к силовым методам, практиковавшимся силами СС и полиции. Кубе видел в пропаганде превентивное средство пачификации тыла и выполнения задач хозяйственной эксплуатации захваченной территории. Однако его ставка на пропаганду как основное средство реализации оккупационных планов и обретение поддержки со стороны белорусского населения себя не оправдала. Провал инициированной им политики «белорусизации» и низкая эффективность немецкой пропаганды на территории округа были обусловлены рядом факторов: отсутствием согласованной политики немецких властей относительно методов оккупационного режима и роли в нем пропаганды, ростом партизанского движения как реакции на преступные карательные акции подразделений СС и СД, пассивными политическими настроениями местного населения, занявшего с приходом немцев в большинстве своем выжидательную позицию.

Список литературы

- Беларусь в годы Великой Отечественной войны. 2005. Минск, Белта. 544 с.
- Беларусь партизанская. 2019. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск, Белта. 352 с.
- Бернев С.К. 2008. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 гг.: цели, основные направления, крах. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 36 с.
- Бимбасов Р.Г. 2020. Организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии). Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 19, 2: 361–373. DOI:10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373.
- Доронина Н.В. 2005. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь. 32 с.
- Ивлев И.А., Юденков А.Ф. 1988. Оружием контрпропаганды Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР 1941–1944 гг. М., Мысль. 234 с.
- «Коттбус». 2018. Нацистская карательная операция в Беларуси, май-июнь 1943 г.: документы и материалы. Сост.: В. Д. Селеменев. Минск, НАРБ. 636 с.
- Литвин А.М. 2018. Боевая деятельность партизан Беларуси в период подготовки и проведения Курской битвы. Международная научно-практическая конференция «1943 ГОД. ОТ КУРСКА ДО ДНЕПРА»: 66–69.
- Лыч Л.М. 2011. Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі ў часы вайны (1941–1944 гг.). Вільня, Наша Будучыня. 332 с.
- Пушкаренко Е.А. 2021а. Антисоветская пропаганда немецких властей на оккупированной территории СССР (на материалах Генерального округа Беларусь). Вестник Томского государственного университета. 471: 170–177. DOI:10.17223/15617793/471/20.
- Пушкаренко Е.А. 2021б. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссия в 1941–1944 годах. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 21. 2: 167–174. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>.
- Пушкаренко Е.А. 2022а. Агитационно-пропагандистское обеспечение вербовки женщин на принудительную работу в Германию с оккупированной территории Белорусской ССР в 1941–1943 гг. Via in tempore. История. Политология. 49 (1): 175–185. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-175-185.

- Пушкаренко Е.А. 2022б. Белорусский женский коллаборационизм как инструмент немецкой пропаганды в годы второй мировой войны. История: факты и символы. 2 (31): 115–121. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-115-121.
- Романько О.В. 2008. Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945). Симферополь, АнтикВА. 304 с.
- Соловьев А.К. 1995. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. Минск: Беларусь. 175 с.
- Турунак Ю. 1993. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мн., Беларусь. 235 с.
- Филоненко М.И. 2006. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской области. 1942–1943 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 40 с.
- Шлоотц Й. 1997. Немецкая пропаганда в Беларуси, 1941–1944: Конфронтация между пропагандой и действительностью: Выставка в Берлине, Минске и Москве. Берлин, Свободный университет, 80 с.
- Curilla W. 2006. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 1041 p.
- Quinkert B. 2009. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn, F. Schöningh, 419 p.

References

- Belarus' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Belarus during the Great Patriotic War]. 2005. Minsk, Belta. 544 s.
- Belarus' partizanskaja. 2019. Illjustrirovannaja jenciklopedija partizanskogo dvizhenija v Belarusi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Belarus is partisan. Illustrated encyclopedia of the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk, Belta. 352 s.
- Bernev S.K. 2008. Agitacionno-propagandistskaja dejatel'nost' nacistskoj Germanii na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada RSFSR v 1941–1944 gg.: celi, osnovnye napravlenija, krah [Agitation and propaganda activity of Nazi Germany in the occupied territory of the North-West of the RSFSR in 1941–1944: goals, main directions, collapse]. Avtoref. ... dis. kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 36 s.
- Bimbasov R.G. 2020. Organizacija ustnoj propagandy i agitacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Severnoj Osetii) [Organization of oral propaganda and agitation during the Great Patriotic War (based on the materials of North Ossetia)]. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii. 19, 2: 361–373. DOI:10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373.
- Doronina N.V. 2005. Nacistskaja propaganda na okkupirovannyh territorijah Stavropol'ja i Kubani v 1942–1943 gg.: celi, osobennosti, krah [Nazi propaganda in the occupied territories of Stavropol and Kuban in 1942–1943: goals, features, collapse]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Stavropol'. 32 s.
- Ivlev I.A., Judenkov A.F. 1988. Oruzhiem kontrapropagandy Sovetskaja propaganda sredi naselenija okkupirovannoj territorii SSSR 1941–1944 gg. [The weapon of counter-propaganda is Soviet propaganda among the population of the occupied territory of the USSR 1941–1944] M., Mysl'. 234 s.
- «Kottbus». 2018. Nacistskaja karatel'naja operacija v Belarusi, maj-ijun' 1943 g.: dokumenty i materialy [Nazi punitive operation in Belarus, May – June 1943: documents and materials]. Sost.: V.D. Selemenev. Minsk, NARB. 636 s.
- Litvin A.M. 2018. Boevaja dejatel'nost' partizan Belarusi v period podgotovki i provedenija Kurskoj bitvy [Combat activity of the partisans of Belarus during the preparation and conduct of the Battle of Kursk. International Scientific and Practical Conference]. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «1943 GOD. OT KURSKA DO DNEPRA»: 66–69.
- Lych L.M. 2011. Nacyjana'l'na-kul'turnae zhyccjo na Belarusi ŷ chasy vajny (1941–1944 gg.) [Natsyanalna-kulturnae zhytse na Belarussi sh vaina clock (1941–1944)]. Vil'nja, Nasha Buduchynja. 332 s.
- Pushkarenko E.A. 2021a. Antisovetskaja propaganda nemeckih vlastej na okkupirovannoj territorii SSSR (na materialah General'nogo okruga Belarus') [Anti-Soviet propaganda of the German authorities in the occupied territory of the USSR (based on the materials of the General District of Belarus)].

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 471: 170–177.
DOI:10.17223/15617793/471/20.

- Pushkarenko E.A. 2021b. Nemeckaja politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussija v 1941–1944 godah [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941–1944]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. T. 21. 2: 167–174. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174>.
- Pushkarenko E.A. 2022a. Agitacionno-propagandistskoe obespechenie verbovki zhenshhin na prinuditel'nuju rabotu v Germaniju s okkupirovannoj territorii Belorusskoj SSR v 1941–1943 gg. [Agitation and propaganda support for the recruitment of women for forced labor in Germany from the occupied territory of the Byelorussian SSR in 1941–1943]. *Via in tempore. Istorija. Politologija*. 49 (1): 175–185. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-175-185.
- Pushkarenko E.A. 2022b. Belorusskij zhenskij kollaboracionizm kak instrument nemeckoj propagandy v gody vtoroj mirovoj vojny [Belarusian women's collaboration as a tool of German propaganda during the Second World War]. *Istorija: fakty i simvoly*. 2 (31): 115–121. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-31-2-115-121.
- Roman'ko O.V. 2008. Legion pod znakom Pogoni. Belorusskie kollaboracionistskie formirovanija v silovyh strukturah nacistskoj Germanii (1941–1945) [Legion under the sign of the Chase. Belarusian collaborationist formations in the power structures of Nazi Germany (1941–1945)]. *Simferopol', AntikvA*. 304 s.
- Solov'ev A.K. 1995. Belorusskaja Central'naja Rada: sozdanie, dejatel'nost', krah [The Belarusian Central Rada: creation, activity, collapse]. Minsk: Belarus'. 175 s.
- Turonak Ju. 1993. Belarus' pad njameckaj akupacyjaj [Belarus pad nyametskay akupatsyyay]. Mn., Belarus'. 235 s.
- Filonenko M.I. 2006. Psihologicheskaja vojna nemecko-fashistskih vojsk protiv chastej Krasnoj Armii i naselenija vremenno okkupirovannyh territorij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Voronezhskoj oblasti. 1942–1943 gg.) [The psychological war of the German-Fascist troops against the Red Army units and the population of the temporarily occupied territories during the Great Patriotic War (based on the materials of the Voronezh Region. 1942–1943)]. *Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh*, 40 s.
- Shlootc J. 1997. Nemeckaja propaganda v Belarusi, 1941–1944: Konfrontacija mezhdu propagandoj i dejstvitel'nost'ju: Vystavka v Berline, Minske i Moskve [German propaganda in Belarus, 1941–1944: Confrontation between Propaganda and Reality: Exhibition in Berlin, Minsk and Moscow]. Berlin, Svobodnyj universitet, 80 s.
- Curilla W. 2006. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944. Paderborn, Ferdinand Schöningh, 1041 p.
- Quinkert B. 2009. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn, F. Schöningh, 419 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.09.2022

Received 28.09.2022

Поступила после рецензирования 07.11.2022

Revised 07.11.2022

Принята к публикации 07.11.2022

Accepted 07.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пушкаренко Елена Анатольевна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии, г. Люберцы, Россия

Elena A. Pushkarenko, Associate Professor of the Department of Humanities of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

 [ORCID: 0000-0003-3048-9321](https://orcid.org/0000-0003-3048-9321)

УДК 908
DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-4-870-879
Оригинальное исследование

Развитие дорожной сети республиканского значения Курской области в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.)

Иваненко Я.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: shlif89@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты деятельности дорожного отдела Курского областного Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся и подчиненных ему органов по развитию дорожной сети республиканского значения в 1946–1950 гг. В качестве источников исследования выступили ранее не опубликованные документы, которые хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации, Государственных архивов Курской и Белгородской областей. Изучение данных архивных документов позволило установить протяженность, маршруты и характеристику дорожного полотна автомобильных дорог республиканского значения, проходящих по территории Курской области, а также выявить объемы работ, проделанных на них дорожниками в рассматриваемый период. На основании изучения годовых отчетов курского областного дорожного отдела за 1946–1950 гг. автор приходит к выводу о том, что деятельность органов государственной власти региона по развитию путей сообщения республиканского значения была весьма неоднородна в различные годы IV пятилетки. Однако проделанные работы в конечном счете позволили качественно улучшить состояние дорожного хозяйства на некоторых важных участках обслуживаемых трасс. Кроме того, осуществление ряда мероприятий организационного характера стало для курских дорожников залогом проведения будущих дорожных работ.

Ключевые слова: Курская область, четвертая пятилетка, автомобильные дороги, дорожная сеть, дорожное строительство, развитие автомобильных дорог

Для цитирования: Иваненко Я.И. 2022. Развитие дорожной сети республиканского значения Курской области в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.). *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 870–879. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-870-879

Development of the Nationwide Importance Roads in Kursk Region During the Fourth Five-Year Plan (1946–1950)

Yaroslav I. Ivanenko

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: shlif89@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the activities of the road department of the Kursk Regional Executive Committee of the Council of Workers Deputies and its subordinate bodies for the development of the road network of nationwide significance in the region in 1946–1950. The sources of the study were previously unpublished documents that are stored in the funds of the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of the Kursk and Belgorod regions. The study of the data of archival documents made it possible to establish the length, routes and characteristics of the roadbed of highways of national significance passing through the territory of the Kursk region, as well as to identify the amount of work done on them by road workers during the period under review. Based on the study of the annual reports of the Kursk regional road department for 1946–1950 the author comes to the conclusion

that the activities of the road authorities of the region in the development of means of communication of republican significance were very heterogeneous in different years of the 4th five-year plan. However, the work done, ultimately, made it possible to qualitatively improve the state of the road economy on some important sections of the serviced routes. In addition, the implementation of a number of organizational measures has become a guarantee for future road works for the Kursk road workers.

Keywords: Kursk region, fourth five-year plan, roads, road network, road construction, development of roads

For citation: Ivanenko Ya.I. 2022. Development of the Nationwide Importance Roads in Kursk Region During the Fourth Five-Year Plan (1946–1950). *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 870–879 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-870-879

Введение

За годы Великой Отечественной войны экономике СССР был нанесен колоссальный ущерб. Поэтому после окончания военных действий перед руководством государства встала сложная задача восстановления народного хозяйства. Для ее выполнения Верховный Совет принял Закон СССР от 18 марта 1946 г. «О четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства страны на 1946–1950 гг.». Согласно данному закону, целью IV пятилетки являлось «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах» [Закон СССР «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», 1946].

При этом в новой пятилетке большие задачи возлагались на транспорт, в том числе автомобильный. В частности, указанный Закон СССР предусматривал: «...увеличить за пятилетие автомобильный парк страны вдвое по сравнению с довоенным временем..., организовать межрайонные автотранспортные перевозки, обеспечить замену автотранспортом железнодорожных перевозок на короткие расстояния» [Закон СССР «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», 1946]. Для выполнения поставленных советским правительством задач в новой пятилетке требовалось проведение комплекса мероприятий, направленных на качественное совершенствование существующей автодорожной сети.

Следует заметить, что историки, по большей части сосредоточившись на восстановительных процессах советской экономики в годы IV пятилетки, не уделяют достаточного внимания изучению содержания и развития автомобильных дорог. Исключением в этом плане является труд А.С. Кудрявцева «Очерки истории дорожного строительства в СССР (послеоктябрьский период)», в одном из разделов которого описывается дорожное строительство в 1946–1950 гг. [Кудрявцев, 1957]. Различные аспекты автодорожного хозяйства Воронежской области, Башкирской АССР, Кировской области в указанный период рассматриваются в диссертационных исследованиях и научных статьях И.Н. Лихарадовой [Лихарадова, 2001, 2004], Р.Р. Олейник (Гареевой) [Олейник, 2018; Гареева, 2015], монографии Ф.О. Гулямова [Гулямов, 1996]. Процесс развития дорожной сети Дальневосточного региона РСФСР в годы первой послевоенной пятилетки анализируется в диссертации А.В. Лаврентьева [Лаврентьев, 2004] и коллективной монографии «Автомобильные дороги Дальнего Востока России (1917–1960 гг.)» [Сметанко и др., 2008]. Трудовое участие сельского населения Челябинской и Чкаловской областей РСФСР в строительстве дорог во второй половине 1940-х гг. рассматривается в работе Р.Р. Хисамутдиновой [Хисамутдинова, 2013]. В научной статье Я.И. Иваненко исследуются вопросы организации трудового участия сельского населения в содержании и строительстве автогужевых дорог Курской области в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.) [Иваненко, 2022].

Таким образом, можно заключить, что в отечественной исторической науке не получили должного освещения вопросы содержания, ремонта и строительства дорожно-

мостового хозяйства различных регионов РСФСР в годы IV пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства 1946–1950 гг. Это в полной мере относится и к Курской области. Вместе с тем, несмотря на свою аграрную специфику, в годы первых пятилеток на территории Курской области проходил процесс индустриализации. Например, в III пятилетке в регионе велось новое строительство таких крупных предприятий союзного значения, как завод по производству синтетического каучука и аккумуляторный завод в Курске, котлостроительный завод в Белгороде. Кроме того, в п. Кшенский продолжалось строительство одного из крупнейших по мощности в РСФСР сахарного завода, начатое еще в 1936 г. Также во 2-й половине 1930-х в регионе шла разработка железорудных запасов Курской магнитной аномалии. С началом Великой Отечественной войны все эти процессы были прерваны, а территория Курской области в 1941–1943 гг. находилась во временной немецко-фашистской оккупации. После окончания войны строительство всех крупных предприятий было возобновлено. Интенсивное возрождение народного хозяйства требовало восстановления уничтоженных и поврежденных в ходе боевых действий объектов транспортной инфраструктуры, а также производства их качественного улучшения.

Объект и методы исследования

Учитывая вышеизложенное, целью настоящей статьи выступает анализ развития дорожной сети республиканского значения Курской области в 1946–1950 гг. При этом уточним, что главным органом, ответственным за содержание и строительство всей дорожной сети в границах региона, являлся областной дорожный отдел Курского областного Исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся.

Объектом исследования выступают результаты деятельности курского областного дорожного отдела и подчиненных ему дорожно-эксплуатационных участков, машинно-дорожной станции (или в случае их обобщения – дорожных органов) по обеспечению развития автомобильных дорог республиканского значения, проходящих по территории Курской области в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.).

Методологическая основа статьи представлена комплексом общенаучных и частнонаучных методов. В частности, диалектический и хронологический методы предоставили возможность проследить рассматриваемую проблему в развитии, последовательности происходивших событий. Использование сравнительно-исторического метода позволило сопоставить результаты работы дорожных органов Курской области по развитию путей сообщения республиканского значения в период с 1946 г. по 1950 г. и сформулировать на основании этого определенные выводы. С помощью метода индукции были обобщены проблемы, возникавшие в ходе функционирования дорожных органов региона по каждому году IV пятилетки. Посредством статистического метода проанализированы количественные и качественные показатели работы курского областного дорожного отдела и подчиненных ему органов по развитию дорожной сети республиканского значения в рассматриваемый период и сделаны соответствующие выводы.

Хронологические рамки статьи включают в себя период с 18 марта 1946 г. по 31 декабря 1950 г., что объясняется сроками действия IV пятилетнего плана, в соответствии с которым осуществлялось послевоенное восстановление и развитие народного хозяйства СССР.

Географические рамки статьи включают в себя Курскую область в ее административно-территориальных границах по состоянию на 1946–1950 гг.

В качестве источников исследования выступили ранее не опубликованные документы, содержащие сведения о деятельности дорожных органов Курской области, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (фонд Главного дорожного управления при Совете министров РСФСР – А-399), Государственном архиве Курской (фонд Курского областного дорожного отдела – Р-389) и Белгородской областей (фонд Грайворонского районного дорожного отдела – Р-347).

Результаты и их обсуждение

Интенсивные восстановительные процессы народного хозяйства Советского Союза, запланированные в рамках IV пятилетки, потребовали активной работы транспорта, выступающего связующим звеном во всех проводимых мероприятиях. Поэтому приоритетной задачей дорожных органов Курской области в 1946–1950 гг. стало содержание в надлежащем состоянии и качественное улучшение существующих путей сообщения, и прежде всего тех, которые имели республиканское значение. Изучение архивных документов демонстрирует, что по состоянию на 1 января 1946 г. общая протяженность обремененной дорожной сети в границах региона составляла 577,78 км и включала в себя следующие дороги:

1. Воронеж – Курск (через г. Старый Оскол) протяженностью 190,12 км;
2. Курск – Глухов (через г. Льгов, г. Рыльск) протяженностью 169,05 км;
3. Белгород – Лукьяновка (через г. Короча) протяженностью 131,46 км;
4. Белгород – Ахтырка (через г. Грайворон) протяженностью 87,15 км⁸⁸.

Все указанные маршруты обслуживались силами четырех дорожно-эксплуатационных участков (ДЭУ). Каждый из них имел индивидуальный номер и название, исходя из наименования населенного пункта, в котором размещалась его контора. Такими участками в 1946–1950 гг. являлись 141-й Белгородский, 144-й Львовский, 146-й Курский, 148-й Старооскольский ДЭУ.

С учетом того, что из 577,78 км дорожной сети республиканского значения 26,96 км находилось в ведении городов и совпадало с другими дорогами, непосредственно в обслуживании четырех дорожно-эксплуатационных участков находилось 550,8 км пути⁸⁹.

Применительно к качественной характеристике обозначенных дорог, проходящих по территории Курской области, можно констатировать, что на начало 1946 г. из 550,8 км дорожного полотна твердое покрытие имело лишь 57,2 км, или 10,4 %⁹⁰. Данное обстоятельство не способствовало стабильности автотранспортных перевозок, так как ставило их в прямую зависимость от погодных условий.

По этой причине в целях кардинального изменения существующего положения дел в сфере автотранспортной инфраструктуры Курской области в 1946–1950 гг. было запланировано проведение большого объема дорожно-строительных работ. В частности, согласно докладу о состоянии дорожного хозяйства Курской области и плану дорожного строительства в IV пятилетке 1946–1950 гг., подготовленному заведующим областным дорожным отделом Бондаревым М.С., по дорогам республиканского значения планировалось:

– мощение мостовых на подъездах к городам протяженностью 50 км (особенно отмечалась необходимость улучшения и реконструкции подъездов к Курску, Белгороду, Рыльску, Старому Осколу и Льгову);

– полная перестройка 247 км земляного полотна дорог⁹¹.

Все запланированные мероприятия по дорожному строительству 1946–1950 гг. планировалось осуществлять за счет использования местных строительных материалов. Для покрытия потребности в камне предусматривалось организовать разработку карьеров по добыче кварцита и песчаника в Рыльском, Глушковском, Кореневском, Тербунском районах Курской области. В целях строительства гравийных и шлаковых дорог было намечено использовать пустые породы железистых кварцитов от разработок железорудных месторождений КМА и шлаков, являющихся остаточным продуктом работы котельных и паровозных топок.

⁸⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-399. Оп. 1. Д. 244. Л. 3.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. Л. 9.

⁹¹ Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 8. Л. 58.

Выполнение значительного объема дорожных работ, запланированных в период IV пятилетки, требовало надлежащего технического оснащения. В связи с этим в своем докладе о состоянии дорожного хозяйства Курской области и плане дорожного строительства в 1946–1950 гг. заведующий областным дорожным отделом акцентировал внимание на том, что в регионе необходимо:

- организовать машинно-дорожную станцию, снабженную достаточным количеством дорожных машин;
- создать ремонтные мастерские, позволяющие производить необходимый ремонт автотранспорта и дорожных машин⁹².

Анализ годовых отчетов курского областного дорожного отдела за 1946–1950 гг., демонстрирует, что развитие дорожной сети республиканского значения в данный период проходило весьма неоднородно. Об этом наглядно свидетельствуют данные, содержащиеся в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

Данные об общей протяженности и характеристике дорожного полотна дорог республиканского значения, проходящих по территории Курской области в 1946–1950 гг.⁹³
 Data on the total length and characteristics of the road surface of roads of republican significance passing through the territory of the Kursk region in 1946–1950

Характеристика дорожного полотна	На 01.01. 1946 г.	На 01.01. 1947 г.	На 01.01. 1948 г.	На 01.01. 1949 г.	На 01.01. 1950 г.	На 01.01. 1951 г.
Общая протяженность, км	550,8	550,8	550,8	550,8	550,8	553,1
<i>В том числе:</i>						
мостовые, км	54,4	54,4	54,8	54,5	59,9	70
белое шоссе	2,8	2,8	2,8	2,8	33,4	35,5
грунтовые улучшенные, км	263,1	263,3	265,5	265,7	301,9	302,5
грунтовые профилированные, км	225,2	225,2	226,5	224,7	153,6	140,1
грунтовые естественные и иные, км	5,3	5,1	1,2	3,1	2	5

Представленные показатели демонстрируют, что на протяжении 1946–1948 гг. качественная характеристика дорожного полотна не претерпела никаких существенных изменений, в том числе в части дорог с твердым покрытием (мостовых и белого шоссе). При этом поясним, что под белым шоссе понимали дороги с каменным покрытием, уложенным на песчаное основание и укатанным катком. Как отмечалось в одном из номеров журнала «За рулем» за 1928 г. свое название они получили благодаря цвету естественного камня и поднимаемым проезжающими по ним транспортными средствами пыли [Купреянов, 1928].

Вместе с тем отсутствие каких-либо существенных изменений в состоянии искусственного покрытия путей сообщения республиканского значения в первые 3 года IV пятилетки отнюдь не свидетельствует о плохом качестве работы дорожных органов Курской области. Скорее наоборот, данные годовых отчетов курского областного дорожного отдела за 1946–1948 гг. позволяют сделать вывод о том, что плановое задание в данной сфере, в общем, выполнялось и даже значительно перевыполнялось. Об этом свидетельствуют данные представленные в табл. 2.

⁹² ГАКО. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 8. Л. 56–57.

⁹³ Составлена по ГАРФ. Ф. А-399. Оп. 1. Д. 244. Л. 9; Ф. А-399. Оп. 1. Д. 420. Л. 84; Ф. А-399. Оп. 1. Д. 569. Л. 23; Ф. А-399. Оп. 1. Д. 704. Л. 4. Значение показателей в таблице округлено до десятых – прим. Иваненко Я.И.

Таблица 2
Table 2

Показатели выполнения планов работ на дорогах республиканского значения, проходящих по территории Курской области в 1946–1950 гг.⁹⁴
Indicators of the implementation of work plans on roads of republican significance, passing through the territory of the Kursk region in 1946–1950.

Вид работ	Выполнение плана 1946 г.	Выполнение плана 1947 г. ⁹⁵	Выполнение плана 1948 г.	Выполнение плана 1949 г.	Выполнение плана 1950 г.
Капитальный ремонт	116,6%	109,8 %	120,1%	146,4%	145,9%
Текущий ремонт и содержание	99,6%		123,3%	101,2%	121,5%

Исследование архивных документов, касающихся деятельности дорожных органов Курской области, позволяет заключить, что причинами отсутствия существенных изменений в дорожной сети республиканского значения в 1946–1948 гг., прежде всего, являлись:

1) недостаточность технического оснащения дорожных органов, что обусловило применение в дорожно-строительных работах ручного труда и простейших механизмов (конных утюгов, конных лопат, канавокопателей, носилок), которые не могли быть полноценной заменой недостающей технике;

2) нехватка местных строительных материалов, прежде всего камня.

Вместе с тем, несмотря на стагнацию в развитии дорог республиканского значения в 1946–1948 г., в этот период уже наметился ряд положительных изменений. Начиная с 1946 г. автомобильный парк дорожно-эксплуатационных участков стал пополняться автомобильно-тракторной техникой и дорожными механизмами. В течение 1946 г. пополнение составило 11 грузовиков (до этого в наличии имелось 5) и 1 трактор ЧТЗ-60 (до этого было 2 трактора СХТЗ) с прицепным грейдером⁹⁶. Однако следует отметить, что все полученные автомашины являлись бывшими в употреблении и уже изначально требовали ремонта.

Положительные изменения в техническом оснащении дорожных органов Курской области происходили и в дальнейшем. Так, в 1947 г. 146-му Курскому ДЭУ были переданы камнедробилка и тяжелый грейдер, полученные областным дорожным отделом от заводов-изготовителей⁹⁷.

Однако главным событием, оказавшим впоследствии влияние на темпы развития дорожной сети республиканского значения, стала организация в 1948 г. в Курской области машинно-дорожной станции (МДС-36), укомплектованной значительным количеством техники общего и специального назначения (10 тракторов С-80, 2 бульдозера на тракторах С-80, 12 автосамосвалов, 6 прицепных грейдеров, 6 моторных катков и др.), а также оборудованной собственной ремонтной мастерской⁹⁸. Однако с учетом того, что при создании машинно-дорожной станции необходимо было разрешить целый комплекс организационных вопросов, связанных с определением места ее размещения, техническим оснащением, подготовкой кадрового состава, МДС-36 впервые смогла приступить к работе только в 1949 г.

⁹⁴ Составлена по ГАРФ. Ф. А-399. Оп. 1. Д. 244. Л. 12-13; Ф. А-399. Оп. 1. Д. 420. Л. 91-92; Ф. А-399. Оп. 1. Д. 569. Л. 32; 34; Ф. А-399. Оп. 1. Д. 704. Л. 10; 13; Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 12. Л. 58.

⁹⁵ Имеющиеся данные о выполнении плана дорожных работ за 1947 г. являются общими и не позволяют отдельно установить, в каком объеме были выполнены показатели по капитальному ремонту, а в каком по текущему ремонту и содержанию – прим. Иваненко Я.И.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. А-399. Оп. 1. Д. 244. Л. 22–23.

⁹⁷ ГАКО. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 13. Л. 46.

⁹⁸ ГАКО. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–31.

Существенное улучшение положения в сфере механизации дорожных органов Курской области к 1949 г. сказалось на темпах дорожно-строительных работ в части значительного увеличения доли дорог с твердым покрытием. Так, из данных, представленных в таблице 1, видно, что по сравнению с 1948 г. протяженность мостовых за 1949 г. увеличилась на 5,4 км (9,9%), а доля белого шоссе и вовсе возросла на 30,6 км (1092 %!). Кроме того, в 1949 г. по сравнению с предыдущим годом на 36,2 км (13,6 %) стало больше улучшенных грунтовых дорог. Все указанные изменения произошли главным образом за счет работ, произведенных на трассах Курск – Глухов и Курск – Воронеж и выполненных силами машинно-дорожной станции и дорожно-эксплуатационных участков совместно с местным населением, привлекаемым в порядке трудового участия.

В отчете курского областного дорожного отдела констатировалось, что «общее техническое состояние дороги Воронеж – Курск, благодаря работам, произведенным в 1949 г. <...> значительно улучшилось, особенно на участке Старый Оскол – Курск»⁹⁹. Вместе с тем еще годом ранее областной дорожный отдел отмечал, что дороги с твердым покрытием, расположенные в районах, не имеющих местных каменных материалов (в том числе и Старооскольском), находятся в неудовлетворительном состоянии, т. к. по этой причине нет возможности производить не только капитальный, но даже и текущий ремонт¹⁰⁰.

Применительно к дороге Курск – Глухов заметим, что начатые на ней в 1949 г. масштабные работы по реконструкции дорожного полотна и искусственных сооружений планировалось продолжить в 1950 г. и последующие годы¹⁰¹.

Что касается заключительного года IV пятилетки, то ознакомление с данными, представленными в таблице 1, демонстрирует незначительное увеличение общей протяженности дорожной сети республиканского значения с 550,8 км до 553,1. Однако, как следует из отчета курского областного дорожного отдела за 1950 г., такое увеличение явилось следствием уточнения показателей технического учета по 148-му Старооскольскому дорожно-эксплуатационному участку, а не нового строительства¹⁰². Наиболее значительными изменениями в этом году стало увеличение мостовых на 10,1 км (16,8 %) и белого шоссе на 2,1 км (7,2 %), произошедшее в результате продолжения работ по реконструкции дороги Курск – Глухов, начатых в предыдущем 1949 году.

Важным событием в сфере дорожного строительства стала организация в 1950 г. тербунского механизированного карьера по добыче и переработке камня, позволявшего увеличить темпы строительства дорог с твердым покрытием. Карьер располагался в Тербунском районе Курской области, где ранее в результате проведенной геологической разведки были обнаружены крупные запасы камня. Следует отметить, что до создания механизированного карьера добыча камня на месторождении, начиная с 1949 г. велась силами машинно-дорожной станции. Однако создание механизированного карьера стало скорее вкладом в будущие дорожные работы, чем в настоящие. Архивные источники свидетельствуют, что обеспечить изначально планируемый уровень добычи камня (50 тыс. куб. метров в год)¹⁰³ по состоянию на декабрь 1950 г. в карьере так и не удалось по причине того, что основное оборудование – камнедробильная установка ПДУ-30 еще не была введена в эксплуатацию¹⁰⁴.

Заключение

В целом сравнение показателей общей протяженности и характеристики дорожного полотна дорог республиканского значения, проходящих по территории Курской области в

⁹⁹ ГАРФ. Ф. А-399. Оп. 1. Д. 569. Л. 25.

¹⁰⁰ Там же. Д. 420. Л. 88.

¹⁰¹ Там же. Д. 569. Л. 26.

¹⁰² Там же. Д. 704. Л. 5.

¹⁰³ ГАКО. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 17. Л. 151.

¹⁰⁴ Там же. Д. 25. Л. 87.

первый и последний годы IV пятилетки (таблица 1), демонстрирует перемены, произошедшие в анализируемой сфере. Так, если общее протяжение данных путей сообщения фактически не изменилось, то к 1950 г. доля участков дорог с твердым покрытием составляла уже 19 % (105,5 км) против 10,4 % (57,2 км) в 1946 г. В рассматриваемый период на 39,4 км (с 263,1 км до 302,5 км) возросла протяженность улучшенных грунтовых дорог. Вместе с тем протяженность профилированных грунтовых дорог, не имевших в составе своего полотна каких-либо улучшающих добавок, сократилась на 85,1 км (с 225,2 км до 140,1 км).

При этом следует отметить, что развитие республиканской дорожной сети, проходящей по территории Курской области в 1946–1950 гг., было неоднородным. Если для первых трех лет была свойственна стагнация и содержание в надлежащем состоянии существующих путей сообщения, то начиная с 1949 г. ситуация начинает кардинально меняться в лучшую сторону. Причиной такого изменения стало повышение технической оснащенности дорожных органов, достигнутое, прежде всего, за счет организации в 1948 г. машинно-дорожной станции.

Таким образом, в годы IV пятилетки дороги республиканского значения, проходящие по территории Курской области, претерпели изменения в части увеличения доли дорожного полотна с твердым покрытием и грунтовых дорог, улучшенных добавками (шлаком, песком и др.). Однако даже в 1950 г. доля профилированных грунтовых дорог, ставивших движение в наибольшую зависимость от погодных условий, составляла 25,3 % от общей протяженности всей дорожной сети. Вместе с тем организация в регионе машинно-дорожной станции и тербунского механизированного карьера, произошедшие в рассматриваемый период, стала существенным вкладом в дорожные работы, которые обязательно предстояло выполнить в будущем.

Благодарности

Автор выражает благодарность научному руководителю доктору исторических наук Александру Николаевичу Щерба за помощь, оказанную при подготовке настоящей статьи.

Список источников

Закон СССР от 18.03.1946 «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).

Отчеты Курского областного доротдела, Якутского автономно-республиканского доруправления по основной деятельности и капвложениям за 1946 г. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-399. Оп. 1. Д. 244.

Отчеты Калужского, Курского, Куйбышевского областных доротделов по основной деятельности и капвложениям за 1948 г. ГАРФ. Ф. А-399. Оп. 1. Д. 420.

Отчеты Костромского, Кировского, Курского областных доротделов по основной деятельности и капвложениям за 1949 г. ГАРФ. Ф. А-399. Оп. 1. Д. 569.

Отчет Курского областного доротдела по основной деятельности и капвложениям за 1950 г. ГАРФ. Ф. А-399. Оп. 1. Д. 704.

Приказы и распоряжения Курского областного дорожного отдела, переписка Грайворонского райдоротдела за 1948 г. Государственный архив Белгородской области. Ф. Р-347. Оп. 1. Д. 12.

Решения исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся и постановления бюро Курского областного комитета ВКП(б), относящиеся к деятельности дорожного отдела за 1946 г. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 8.

Приказы по Курскому областному дорожному отделу по общей деятельности за 1947 г. ГАКО. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 13.

Приказы Главного дорожного управления и решения Исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся, относящиеся к деятельности областного дорожного отдела за 1948 г. ГАКО. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 17.

Приказы Главного дорожного управления и решения Исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся, относящиеся к деятельности областного дорожного отдела за 1950 г. ГАКО. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 25.

Список литературы

- Гареева Р.Р. 2015. Дорожное хозяйство БАССР в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.). Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. 61. 60–62.
- Гулямов Ф.О. 1996. Гужевые и автомобильные дороги: История дорожного дела в Вятском крае. Киров, АОЗТ «Триада-С». 411.
- Иваненко Я.И. 2022. Трудовое участие сельского населения в содержании и строительстве автогужевых дорог Курской области в годы IV пятилетки (1946–1950 гг.): проблемы организации и пути их решения. Клио. 6: 145–151.
- Кудрявцев А.С. 1957. Очерки истории дорожного строительства в СССР. Т. 2. Послеоктябрьский период. Москва, Авторансиздат. 367.
- Купреянов К. 1928. Что такое наши «белые» дороги. За рулем. 4: 33–35.
- Лаврентьев А.В. 2001. Автомобильный транспорт юга Дальнего Востока СССР: 30-е - сер. 80 гг. Исторический опыт. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 222.
- Лихорадова И.Н. 2001. Первое Воронежское шоссе. Материалы 55–56-й научно-технической конференции. Воронеж. 282–284.
- Лихорадова И.Н. 2004. Становление и развитие дорожного строительства на территории Воронежского края в XIX–XX веках. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж. 184.
- Олейник Р.Р. 2018. Становление и развитие дорожного хозяйства Башкирской АССР в 1919 – начале 1950-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. Стерлитамак. 255.
- Сметанко В.Г., Ковальчук М.А., Цехмистер Н.Ф. 2008. Автомобильные дороги Дальнего Востока России (1917–1960 гг.). Хабаровск, РИОТИП, 372.
- Хисамутдинова Р.Р. 2013. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е – начале 50-х годов XX века (на материалах Урала). Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2. 131–144.

References

- Gareeva R.R. 2015. Dorozhnoe hozjajstvo BASSR v gody chetvertoj pjatiletki (1946–1950 gg.) [Road facilities of the BASSR during the fourth five-year plan (1946–1950)]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 61. 60–62 (in Russian).
- Guljamov F.O. 1996. Guzhevye i avtomobil'nye dorogi: Istorija dorozhnogo dela v Vjatskom krae [Horse-drawn and motor roads: The history of road work in the Vyatka region]. Kirov, AOZT «Triada-S», 411 p. (in Russian).
- Ivanenko Ja.I. 2022. Trudovoe uchastie sel'skogo naselenija v sodержanii i stroitel'stve avtoguzhevyyh dorog Kurskoj oblasti v gody IV pjatiletki (1946–1950 gg.): problemy organizacii i puti ih reshenija [Labor participation of the rural population in the maintenance and construction of auto-drawn roads in the Kursk region during the IV five-year plan (1946–1950): problems of organization and ways to solve them]. Klio. 6: 145–151 (in Russian).
- Kudrjavcev A.S. 1957. Oчерki istorii dorozhnogo stroitel'stva v SSSR. T. 2. Posleoktjabr'skij period [Essays on the history of road construction in the USSR. Volume 2. Post-October period]. Moskva, Avtoransizdat, 367 p. (in Russian).
- Kuprejanov K. 1928. Chto takoe nashi «belye» dorogi [What are our «white» roads?] Za rulem. 4: 33–35 (in Russian).
- Lavrent'ev A.V. 2001. Avtomobil'nyj transport juga Dal'nego Vostoka SSSR: 30-e – ser. 80 gg. Istoricheskij opyt [Road transport in the south of the Far East of the USSR (30s – mid-80s). historical experience]. Dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok. 222 p. (in Russian).
- Lihoradova I.N. 2001. Pervoe Voronezhskoe shosse [First Voronezh Highway]. Materialy 55–56-j nauchno-tehnicheskoi konferencii. Voronezh. 282–284.

- Lihoradova I.N. 2004. Stanovlenie i razvitie dorozhnogo stroitel'stva na territorii Voronezhskogo kraja v XIX–XX vekah [Formation and development of road construction on the territory of the Voronezh region in the 19th–20th centuries]. Dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh. 184 p. (in Russian).
- Olejnik R.R. 2018. Stanovlenie i razvitie dorozhnogo hozjajstva Bashkirskoj ASSR v 1919 – nachale 1950-h gg. [Formation and development of the road economy of the Bashkir ASSR in 1919 – early 1950s.]. Dis. ... kand. ist. nauk. Sterlitamak. 255 p. (in Russian).
- Smetanko V.G., Koval'chuk M.A., Cehmester N.F. 2008. Avtomobil'nye dorogi Dal'nego Vostoka Rossii (1917–1960 gg.) [Highways of the Russian Far East (1917–1960)]. Habarovsk, RIOTIP, 372.
- Hisamutdinova R.R. 2013. Gosudarstvennye trudovye povinnosti sovetskogo krest'yanstva v 40-e – nachale 50-h godov XX veka (na materialah Urala) [State labor duties of the Soviet peasantry in the 40s – early 50s of the XX century (on the materials of the Urals)]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2. 131–144.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 19.09.2022

Received 19.09.2022

Поступила после рецензирования 07.11.2022

Revised 07.11.2022

Принята к публикации 07.11.2022

Accepted 07.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иваненко Ярослав Игоревич, аспирант кафедры российской истории и документоведения, ассистент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Yaroslav I. Ivanenko, Postgraduate Student of the Department of Russian History and Record Management, assistant of the Department of World history Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9533-6265](https://orcid.org/0000-0002-9533-6265)

УДК 32.019.51

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-880-897

Оригинальное исследование

Великая Отечественная война в учебниках истории России, Украины и Белоруссии: методологические проблемы и перспективы

Антипов А.М.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт Петербург, Университетская набережная, 7–9
E-mail: st071075@student.spbu.ru

Аннотация. В современном мире учебники, учебные пособия и школьные программы являются одним из ключевых инструментов государственной политики памяти. Великая Отечественная война стала одним из центральных объектов исторической памяти российского общества и одним из столпов российской идентичности, а потому заняла в обозначенных инструментах значимое место. Отражение войны в российских учебниках истории и учебниках других государств стало предметом изучения исследователей. В фокусе настоящей статьи литература об отражении Великой Отечественной войны в учебниках истории России, Украины и Беларуси 2005–2013 гг. Выделены тенденции в методологии исследования. Выявлены преимущества и недостатки существующей методологии, на основе чего предложена методологическая перспектива.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, исторический нарратив, образовательная политика, нарративный анализ

Для цитирования: Антипов А.М. 2022. Великая Отечественная война в учебниках истории России, Украины и Белоруссии: методологические проблемы и перспективы. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 880–897. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-880-897

The Great Patriotic War in the History Textbooks of Russia, Ukraine and Belarus: Modern Discussions and Methodological Problems

Andrey M. Antipov

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: st071075@student.spbu.ru

Abstract. In the modern world, textbooks, manuals, and school programs are critical tools of the state policy of memory. The Great Patriotic War has become one of the central myths of Russia and one of the pillars of Russian identity and therefore has taken a significant place in these tools. This article aims to review the literature on the Great Patriotic War in Russian, Ukrainian, and Belarusian history textbooks issued between 2005 and 2013. The main trends in the research methodology are highlighted: its movement towards the problems of social and political sciences, linguistics, and psychology and the growing interest in modern methodological approaches to the analysis of educational texts. The feature that the pieces have in common is the desire to understand the mechanisms of the memory policy and the formation of collective memory in textbooks, the development of the methodology of narrative analysis of textbooks towards covering the entire spectrum of methodological and didactic tools, deepening their analysis and improving the quality of research. The development of methodology in this field can be assessed as unsatisfactory: researchers often have to develop their model of textbook analysis, and the

terminology and models used differ significantly from each other. The methodological perspective we have proposed is based on a synthesis of quantitative and qualitative methods and can be a structural basis for constructing a textbook analysis model. Consequently, we have developed a mechanism for creating tables of content analysis, lists of personalities in history textbooks, their historical events and phenomena and major historical events and phenomena, and working with methodological and didactic tools.

Keywords: politics of memory, historical memory, historical narrative, Great Patriotic War, educational policy, history textbooks, narrative analysis

For citation: Antipov A.M. 2022. The Great Patriotic War in the History Textbooks of Russia, Ukraine and Belarus: Modern Discussions and Methodological Problems. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 880–897 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-880-897

Введение

Memory studies развивается как мультидисциплинарная научная область, чему сопутствует развитие методологии исследования функциональных «мест памяти», в частности нарративных источников, например, учебников истории. Этому сопутствует рост значения семиотического анализа в memory studies [Нечаева, 2020а, с. 121–122]. Изучается преподавание истории в школе и учебная литература, образовательные исторические тексты как инструмент политики памяти и формирования её официального нарратива. Среди прочих механизмов российские исследователи уделяют наибольшее внимание именно их изучению [Ростовцев, Сосницкий, 2014, с. 110]. История в учебниках считается не просто набором дат, а целостным в смысловом отношении повествованием. В ней описываются не «социальные действия безликих “актеров”, но деяния конкретных героев и злодеев; она всегда в какой-то мере политизирована, идеологизирована, мифологизирована. Она не может и не должна быть ценностно-нейтральной, поскольку призвана не только обучать молодых людей, но и воспитывать, т. е. превращать знания во взгляды и убеждения, способствуя становлению и формированию (образованию) личности» [Малинкин, 2020, с. 25].

Сюжеты и роль личностей обладают различной авторской интерпретацией, для создания которой авторы используют широкий перечень элементов дидактического и методического аппарата. Они выступают в качестве вербальных и невербальных средств усиления прагматического эффекта текста и передачи образов. Учебник становится особо прагматически ориентированным текстом. Это обуславливает необходимость использования в анализе методологии, которая бы учла эту специфику и позволила провести серьёзную аналитическую работу. Ввиду обильного количества работ такого рода имеет смысл проверить, насколько их методология эффективна и соответствует актуальной методологии специалистов memory studies. Мы сделаем это на примере исследований изложения Великой Отечественной войны (ВОВ) в учебниках истории постсоветских государств – достаточно развитого тематического поля.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является историография, посвящённая учебникам истории постсоветских государств. Цель работы – комплексное рассмотрение литературы об освещении Великой Отечественной войны в учебниках истории России, Украины и Белоруссии и выявление существующих методологических подходов к его изучению, а также методологических перспектив.

Статья базируется на принципах качественного и количественного контент-анализа. Качественный контент-анализ показал эффективность при выявлении рассмотренных исследователями элементов дидактического и методического аппарата и определении глубины их анализа. Количественный – при выявлении тех авторов, кто в наибольшей и наименьшей степени рассмотрел весь спектр обозначенных нами методических и дидактических элементов.

тических средств. Соединение этих методов позволило оценить состояние развития методологии тематического поля.

Результаты и их обсуждение

Методологические подходы. Ещё в 2000-х гг. отечественные учёные прибегали к «узкому» подходу к анализу учебников – их рассмотрению как историографических источников, т. е. к их историографическому анализу, речи об использовании методологии *memory studies* тогда не шло [Поваляева, 2004, с. 3–4]. В конце 2000-х гг. исследователи ознакомились с методологическими подходами для анализа учебных текстов, предложенных С. Фостер и К. Кроуфорд, которые ввели понятия дискурса, коммуникативной стратегии, конструирования (исторического) знания [Журавлева, Курилла, 2009, с. 6–7]. Для *memory studies* характерно обращение при анализе учебников к методам исследования коллективной памяти – признаётся эффективность при этом дискурс-анализа и анализа нарративов, называемого также нарративным анализом, историографическим анализом или «традиционным анализом». Последний считается «ключевым для понимания коллективной памяти» и позволяющим оценить значение нарративов памяти не «напрямую по их сюжету», а критически интерпретируя их «с точки зрения формы и содержания» [Белов, 2017, с. 91; Клепалов, Нажипова, 2020, с. 136; Нечаева, 2020б, с. 52]. Часто выводы о нарративе позволяют учёным определить характер памяти и политики памяти в разных странах.

Так, С. Белов говорит, что теоретико-методологическая база его работы «сформирована за счет концепций и подходов, сформулированных М. Эйдельманом, П. Бергером, Т. Лукманом, С. Московичи, Н. Шестовым и Д. Ольшанским» [Белов, 2017, с. 89]. О. Малинова приводит в качестве примера «анализ советского мета-нарратива в работах Грэма Гилла; понятие нарративного шаблона, использованное Джеймсом Верчем для анализа школьных учебников» [Малинова, 2019, с. 296]. О методологическом значении «тонких наблюдений и фундированных выводов» В. Шнирельмана говорит А. Филиппов [Филиппов, 2015, с. 47].

Ряд учёных заявляет об использовании в качестве «методологии сбора эмпирического материала» качественного и количественного контент-анализа. Единицей первого является «контекст оценок отражения [сюжета или группы сюжетов] в учебниках» и «фундаментальные аспекты и значение [сюжета или группы сюжетов]». Сам качественный контент-анализ направлен на «расчёт популярности ведущих концепций [темы или сюжета] в учебниках» или «измерение, в какой степени эти фундаментальные знания [т. е. аспекты] и значение [темы или сюжета] отражены в учебниках». В его рамках осуществляется «анализ текстовых массивов на основе ключевых слов» [Строканов и др., 2016, с. 205; Богданова, 2017, с. 194; Епифанова, 2017, с. 211; Епифанова, 2018, с. 255; Фукс, Ковригин, 2020, с. 33, 36]. Единицей количественного контент-анализа является «объём материала о событиях войны в учебниках в общем объёме учебника». Этот метод направлен на расчёт «соотношения материала» о сюжете и «частоты цитирований, упоминаний ключевых событий Великой Отечественной войны». Его цель – выяснение «трансформации представлений о значимости истории войны в учебниках в последние десятилетия» [Фукс, Ковригин, 2017, с. 69; Фукс, Ковригин, 2020, с. 33, 36].

При сравнении учебников авторы прибегают к сравнительному анализу, также называемому сравнительно-историческим методом, с использованием эмпирического материала, полученного благодаря использованию одного или двух предыдущих методов [Клепалов, Нажипова, 2020, с. 136; Фукс, Ковригин, 2020, с. 33]. Авторы придумывают собственный методологический инструментарий для этого. Так, О. Малинова говорит о собственной «методике сравнения нарративов разных мнемонических акторов» [Малинова, 2019, с. 296].

Следует отметить, что учёные, непосредственно анализирующие роль учебников в формировании памяти, редко говорят об использовании какого-либо методологического

инструментария. В связи с этим мы предприняли попытку выявить методологические приемы, используемые в этих текстах. Для этого мы рассмотрели ряд работ.

Под нарративным анализом мы понимаем феноменологический метод изучения языка и текста, подразумевающий интерпретацию формы и смысла нарративов. Все авторы подвергают анализу соответствующие рассматриваемой теме разделы, а некоторые также и прочие разделы, где учащиеся узнают отдельные аспекты периода Второй мировой войны [Герасимчик, 2019]. Многие из них используют контент-анализ, также называемый контент-ориентированным анализом, подразумевающий выделение объектов, единиц, выраженных в тексте. Основным методом является выделение сюжетов или их групп и рассмотрение их упоминания как таковых и их интерпретации, в случае сравнения учебников таковые сравниваются.

При сравнении учебников предпринимается попытка их типологизации по государству происхождения или временному периоду. Имеют место другие варианты типологизации – например, выделение среди региональных учебников тех, в регионах которых происходили военные действия [Морозов, 2018]. Имеет смысл рассмотреть методику нарративного анализа на примере анализа авторами элементов дидактического и методического аппарата и их выступления в качестве средств усиления прагматического эффекта текста и передачи образов.

Структура. Уделяется внимание структуре подачи, также называемой «логикой повествования» материала [Белов, 2017; Алексеева, 2018; Морозов, 2018; Герасимчик, 2019].

Л. Алексеева оценивает её структурированность, А. Ермаков – насколько последовательно рассмотрены темы, насколько органично в них включены сюжеты и их аспекты. В. Герасимчик же замечает, где именно нарушена «логика повествования», указывает на ошибку и предлагает верный, логичный, по его мнению, порядок [Герасимчик, 2019, с. 96]. А. Морозов выделяет используемые подходы к изучению тем, обуславливающие соответствующую структуру, иногда критикуя отказ от использования или непоследовательную реализацию того или иного подхода. С. Белов, обращая внимание на положение материала о сюжете в пределах текста, выявляет методы создания исторических мифов.

Основные даты. Рассматриваются перечни основных дат, предназначенных для запоминания школьникам [Ермаков, 2012; Герасимчик, 2019; Клепалов, Нажипова, 2020], а при сравнении учебников выявляются сходства и различия в перечнях основных дат в них.

Иллюстративный материал. Уделяется внимание факту наличия иллюстраций, приведённым иллюстрациям и комментариям к ним [Локшин, 2009; Малов-Гра, 2009; Данилов, 2010; Ермаков, 2012; Филиппов, 2015; Строканов и др., 2016; Богданова, 2017; Карушева, 2017; Крехалёва, 2017; Морозов, 2018; Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Грибан, Лыта, 2019; Moskwa, 2018], а при сравнении учебников выявляются сходства и различия в иллюстративном материале в них.

В. Герасимчик сообщает об известности фотографии и кратко её описывает, в случае с произведениями изобразительного искусства обращает внимание на их происхождение. В. Герасимчик, Е. Крехалёва, Д. Москва [Moskwa, 2018] и коллектив авторов под руководством А. Строканова рассматривают смысловую нагрузку иллюстраций, делают вывод о том, в качестве опоры чего выступают они, на что направлены, чему именно помогают уделить внимание. Коллектив авторов под руководством А. Строканова уделяет внимание смысловой нагрузке иллюстраций – предпринята попытка их типологизации с указанием, что тот или иной тип демонстрирует, что он должен донести. И. Грибан и Н. Баранов оценивают их качество и эффективность как средства усиления прагматического эффекта текста, а также «богатство» учебника на них. Коллектив под руководством А. Строканова оценивает «красочность» иллюстраций.

А. Данилов критикует неуместное приведение иллюстрации, однако делает это недостаточно явно [Данилов, 2010, с. 15–16]. А. Морозов критикует качество их полиграфического исполнения, их неоптимальную выборку, обусловленную отсутствием методиче-

ской оправданности и отсутствие вопросов и заданий к ним. А. Филиппов критикует комментарии к иллюстрациям за неверное описание, ссылаясь на работы, где таковые проинтерпретированы верно [Филиппов, 2015, с. 55]. Коллектив авторов под руководством А. Строканова подсчитывает количество иллюстраций, в т. ч. по видам и типам.

Контрольные вопросы, творческие и проблемные задания. Уделяется внимание факту наличия творческих и проблемных заданий, а также приведённым таковым [Ермаков, 2012; Першина, 2015; Чураков, 2015б; Епифанова, 2017; Морозов, 2018; Шпагин, 2018; Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Грибан, Лыта, 2019]. Обычно сообщается, в чём заключается приведённое задание.

И. Грибан и С. Лыта сообщают, обращение к каким источникам, знаниям и размышлениям предполагает выполнение задания [Грибан, Лыта, 2019, с. 333]. Также они критикуют отсутствие заданий [Грибан, Лыта, 2019, с. 331]. А. Морозов критикует в заданиях отсутствие определённых элементов и оценивает способность заданий вызвать интерес ученика [Морозов, 2018, с. 207].

Д. Чураков критикует фамильярность в формулировках вопросов и их провокационный характер, считая, что таковые могут свидетельствовать о низком дидактическом мастерстве автора пособия. Он критикует наличие вопросов «с опережением» и тех, на которые школьник не может ответить, используя данные, содержащиеся в пособии [Чураков, 2015б, с. 38]. С. Шпагин критикует их при выявлении небрежности в подготовке методическо-дидактического аппарата. Редко сообщается, к каким выводам задание должно направить учащихся.

Статистика. Уделяется внимание факту наличия статистики, приведённой статистике и комментариям к ней [Басин, 2009; Долуцкий, 2009; Локшин, 2009; Данилов, 2010; Ермаков, 2012; Ахременко, 2015; Першина, 2015; Строканов и др., 2016; Белов, 2017; Богданова, 2017; Епифанова, 2017; Крехалёва, 2017; Алексеева, 2018; Епифанова, 2018; Морозов, 2018; Шпагин, 2018; Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Грибан, Лыта, 2019; Moskwa, 2018]. При сравнении учебников выявляются сходства и различия в статистике в них, масштаб разброса в цифрах.

И. Грибан и С. Лыта оценивают количество использованной статистики. Л. Алексеева, Д. Ахременко, В. Герасимчик, А. Данилов, И. Долуцкий, А. Епифанова в обеих работах, Е. Крехалёва, А. Локшин и Ю. Першина критикуют статистику за её отсутствие как таковой, а также за её подложность, неточность, некорректность, сфальсифицированность и неполноту. Выдвигаются предположения о том, какие цели использование такой статистики могло преследовать. Л. Алексеева критикует статистику за нерелевантность.

А. Локшин критикует отсутствие пояснений значения статистики. В. Герасимчик делает выводы о негативных последствиях использования такой статистики для дальнейшего изучения прочих сюжетов, где могло бы быть использовано сравнение статистических данных. Л. Алексеева предлагает внесение соответствующих изменений в статистику с использованием статистики, уже имеющейся в распоряжении.

В. Герасимчик, И. Грибан и С. Лыта, а также А. Морозов критикуют неоптимальную, излишне большую выборку статистики, имеющую характер «длинных перечней», за «излишнюю перегруженность цифрами», «элементарную скучность», а вместе с Л. Алексеевой – недостаточную выборку статистики, её нехватку. В. Герасимчик предполагает, в качестве опоры чего выступает статистика, чему именно она помогает уделить внимание, что сопоставить и к какому выводу прийти.

Статистика редко оценивается как средство усиления прагматического эффекта текста, часто авторы не раскрывают содержание статистики, о которой упоминают.

Средства художественной выразительности. Уделяется внимание наличию средств художественной выразительности, также называемых «эмоциональным описанием», «эмоциональной стороной вопроса», «эмоциональными оценочными характеристиками» и «ярлыками», характеризующих авторскую интерпретацию сюжета, их отношение

к его характеристикам [Ермаков, 2012; Морозов, 2015; Белов, 2017; Карушева, 2017; Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Грибан, Лыта, 2019; Фукс, Ковригин, 2020].

Нередко авторы приводят конкретные слова и предложения, в которых содержатся таковые. И. Грибан и С. Лыта, а также Ю. Карушева оценивают, насколько «эмоционально» написан текст, насколько он «эмоционально насыщен», насколько отношение к сюжету «эмоционально окрашено». Ю. Морозов критикует интерпретации сюжетов за неверно расставленные акценты в эмоциональной составляющей подачи. Ю. Карушева при работе со средствами художественной выразительности прибегает к использованию количественных методов – подсчёту количества употреблений штампов, считая, что наибольшее число использований штампа в большей степени подчёркивает определённый характер темы или сюжета по сравнению с остальными [Карушева, 2017, с. 72]. С. Белов усматривает в использовании определённых эпитетов методы конструирования исторических мифов.

Понятия, термины и дефиниции. Уделяется внимание наличию терминов и приведённым понятиям, терминам, в т. ч. выделенным в словари терминов и понятий, также называемыми «основными» понятиями и терминами, и их дефинициям [Басин, 2009; Локшин, 2009; Малов-Гра, 2009; Данилов, 2010; Ермаков, 2012; Першина, 2015; Белов, 2017; Богданова, 2017; Епифанова, 2017; Карушева, 2017; Крехалёва, 2017; Шпагин, 2018; Герасимчик, 2019; Moskwa, 2018].

Часто рассматривается, какой именно термин или эвфемизм из нескольких возможных использован при описании сюжета или его аспекта, в связи с чем делается вывод, какую цель преследовало их использование. Довольно часто, особенно при сравнении учебников разных государств, авторы рассматривают использование термина ВОВ. А. Басин, Е. Крехалёва, А. Локшин и С. Шпагин обращают внимание на отсутствие упоминания термина. А. Епифанова оценивает подробность дефиниций. С. Шпагин критикует непрофессиональное упоминание термина [Шпагин, 2018, 244]. А. Локшин критикует неправильное написание терминов. А. Ермакова считает, что ввод в параграфе значительного числа новых понятий может усиливать прагматический эффект его текста, подчёркивая значимость его сюжетов [Ермаков, 2012, с. 77–78].

Рубрикация текста. Уделяется внимание смысловому делению материала и заголовкам разделов и/или подразделов [Строканов и др., 2016; Богданова, 2017; Морозов, 2018; Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Грибан, Лыта, 2019; Moskwa, 2018].

Обычно при упоминании заголовка раздела или подраздела далее говорится, чему тот посвящён. И. Грибан и С. Лыта оценивают «чёткость» рубрикации материала [Грибан, Лыта, 2019, с. 332]. В. Герасимчик придаёт значение тому, на какое количество параграфов поделены главы, посвящённые Второй мировой войне и ВОВ [Герасимчик, 2019, с. 89, 97]. А. Морозов критикует отсутствие элементов рубрикации. А. Богданова, И. Грибан, Н. Баранов и С. Лыта замечают, выделен ли для сюжета отдельный пункт или подпункт, параграф или раздел или же он включён в какую-то тему, делая вывод, в контексте чего изучается сюжет.

Уделяется внимание факту наличия рубрик, в первую очередь биографических («исторических портретов») и сюжетных («исторических») справок, а также приведённым материалам таковых [Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Грибан, Лыта, 2019]. Обычно сообщается, кому или чему посвящена справка. В. Герасимчик описывает содержание таких материалов. И. Грибан и Н. Баранов считают личностей, которым эти справки посвящены, «наиболее важными с точки зрения авторов учебника» [Грибан, Баранов, 2019, с. 41]. Незначительное внимание уделяется факту наличия комментариев и мнений и приведению таковых [Ермаков, 2012].

Объём текста. Уделяется внимание объёму текста тем Второй мировой войны и ВОВ и их сюжетов [Басин, 2009; Малов-Гра, 2009; Ермаков, 2012; Чураков, 2013; Строканов и др., 2016; Епифанова, 2017; Крехалёва, 2017; Морозов, 2018; Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Грибан, Лыта, 2019; Фукс, Ковригин, 2020; Криницкий, Яценко, 2021].

Обычно сообщается чему именно уделяется «основное (большое, значительное) внимание», «много внимания», о чём пишется «много» И. Грибан и Н. Баранов, Ю. Криницкий, коллектив авторов под руководством А. Строканова, а также А. Яценко подтверждают свои тезисы указанием соответствующих страниц или их количества, А. Ермаков и А. Малов-Гра – объёма соответствующих глав в доле (в частях) от всего объёма учебника, А. Фукс и В. Ковригин – объёма материала в процентах в тексте и объёма учебного времени в процентах от всего курса. В. Герасимчик, И. Грибан и С. Лыта, а также А. Епифанова – количества предложений, Я. Басин – количества абзацев, А. Морозов – размера абзацев, параграфов и глав, Е. Крехалёва – количества строк и размера абзацев.

А. Морозов, а также И. Грибан и С. Лыта критикуют описание сюжетов за недостаточный объём, Ю. Морозов – за неверно расставленные акценты в объёме материала. Д. Чураков предполагает, на что может быть направлено придание большого объёма освещению сюжета [Чураков, 2013, с. 26]. При сравнении учебников часто делается вывод, где история ВОВ или её сюжетов изучается «более детально и подробно» – так Ю. Криницкий и А. Яценко приводят графики зависимости объёма информации по ВОВ и её сражениям в учебниках разных лет по количеству страниц [Криницкий, Яценко, 2021, с. 92–93, 95], А. Епифанова – количество предложений, посвящённых сюжету в пределах учебников одного периода [Епифанова, 2017, с. 212].

Иногда, как у И. Грибан и Н. Баранова, методика такого сравнения не приводится – вероятно, исследователи сравнивают объёмы текста постранично, без приведения полных данных. Авторы часто не проводят чёткого различия между тем, что считать «основным», «большим» и «значительным» вниманием.

Выборка сюжетов и их аспектов. Во всех работах уделяется внимание выборке приведённых сюжетов. Исследователи, концентрирующиеся на освещении отдельного сюжета, обычно уделяют внимание выборке приведённых фундаментальных аспектов, также называемых «сведениями», «содержательными линиями», «аспектами изучения» этого сюжета, а при сравнении учебников выявляются сходства и различия в выборке сюжетов в них, выделяются «основные», т. е. общие для части учебников, и уникальные сюжеты и их аспекты, выявляется их наличие или отсутствие в учебниках. Авторы подвергают анализу и сравнению лишь некоторые сюжеты Второй мировой войны и ВОВ, от примерно десятка [Ахременко, 2015] до нескольких десятков [Герасимчик, 2019], что говорит о субъективности их выборки – количество сюжетов в одном учебнике обычно измеряется сотнями, и многие из них фактически оказываются незамеченными.

Сами авторы нередко заявляют, что выделяют и подвергают анализу наиболее значимые сюжеты. Л. Алексеева, С. Белов, В. Герасимчик, А. Данилов, И. Долуцкий, А. Епифанова в работе 2017 г., К. Коростелина, Е. Крехалёва, Ю. Криницкий и А. Яценко, А. Локшин, А. Морозов, Ю. Морозов и С. Шпагин обращают внимание, какие значимые фундаментальные аспекты, сюжеты и группы сюжетов не упомянуты вовсе, приводя их и настаивая на их включении [Долуцкий, 2009; Локшин, 2009; Данилов, 2010; Чураков, 2013; Морозов, 2015; Белов, 2017; Епифанова, 2017; Крехалёва, 2017; Алексеева, 2018; Морозов, 2018; Шпагин, 2018; Криницкий, Яценко, 2021; Korostelina, 2010]. Ю. Криницкий и А. Яценко приводят таблицы наличия материала об основных сражениях ВОВ [Криницкий, Яценко, 2021, с. 94]. С. Белов рассматривает, как игнорирование фундаментальных аспектов преследует цель манипуляции.

Л. Алексеева и В. Герасимчик предполагают, как такое игнорирование негативно влияет на изучение сюжетов. С. Шпагин критикует неуместное приведение сюжетов и упоминание аспектов и связанных с ними понятий и штампов. А. Епифанова выявляет количество упоминаний одного сюжета или его фундаментальных аспектов в пределах учебников одного временного периода.

Интерпретации сюжетов и их аспектов. Во всех работах уделяется внимание интерпретации приведённых сюжетов и их аспектов, а при сравнении учебников выявляются

сходства и различия в интерпретациях общих для них сюжетов и их аспектов. Значительно реже авторы рассматривают интерпретации образов. Исключением являются работы Ю. Карушевой [Карушева, 2017] и коллектива авторов под руководством А. Строканова [Строканов и др., 2016]. Обычно подробно описываются интерпретации лишь некоторых сюжетов, а внимание акцентируется на отдельных темах, объединяющих группы сюжетов и обычно наполняющих соответствующий параграф.

Все исследователи трактуют интерпретации сюжетов и их фундаментальных аспектов, при этом критикуя их в первую очередь за недостоверность, необъективность и неполноту. Авторы довольно редко делают положительные выводы об интерпретациях, которые не подверглись их критике, исключение – работы А. Малова-Гра, А. Епифановой 2018 г., коллектива авторов под руководством А. Строканова и обе работы Д. Чуракова 2015 г.

Наиболее эмоциональные оценки интерпретаций сюжетов наиболее характерны для работ с ярко выраженными политическими воззрениями авторов, их условно «патриотическим» или «либеральным» взглядом на войну и память о ней. Исходя из оценки достоверности, объективности и полноты интерпретаций часто делается вывод, иногда недостаточно явно, о качестве учебников, однако не устанавливается какой-либо связанный с этим количественный показатель, позволяющий выявить степень качества.

Часто при рассмотрении интерпретации сюжета исследователи прибегают к цитированию, замечают, о чём пишется с одобрением, а о чём – с осуждением, какие манипулятивные приёмы и практики создания исторических мифов использованы, а также делают выводы о том, какие установки прослеживаются в интерпретации, какую цель она преследует, на что она направлена – что авторы хотели донести, что именно обосновать, к каким выводам привести школьника и какие представления сформировать, исходя из чего позднее часто делается вывод о характере учебника и его нарратива и о тенденциях в историческом образовании, доминировании в учебниках определённого государства или временного периода той или иной традиции. С. Белов наиболее глубоко прослеживает в интерпретациях сюжета или его аспекта исторические мифы, выявляет методы их конструирования и их влияние на восприятие читателя [Белов, 2017].

А. Фукс и В. Ковригин относят критикуемые интерпретации сюжетов к «направлениям фальсификации истории». И. Долуцкий критикует интерпретации за соответствие традиционному советскому взгляду на войну, а также за отказ от оценки характера сюжета, Д. Чураков – за соответствие «положениям либеральной критики прошлого» и идеям, «знакомым со времён XX съезда», «мифологии, созданной Хрущёвым» [Чураков, 2015б, с. 39–41]. В. Герасимчик и С. Шпагин предполагают негативное влияние критикуемых интерпретаций на дальнейшее изучение сюжетов [Шпагин, 2018, с. 248]. В. Герасимчик аргументирует критику интерпретации сюжетов упоминанием самого факта опровержения, А. Ермаков – соотносением её с точкой зрения ученых и степенью научной проработанности темы, связанной с конкретным сюжетом, где при достаточной степени таковой автор подвергается критике за игнорирование литературы по теме исследования. К последнему прибегает также А. Данилов [Данилов, 2010, с. 15]. А. Ермаков даёт при этом автору соответствующую рекомендацию, когда считает, что если сюжет учебника представлен в заданиях государственного экзамена по истории особенно широко, то его недостоверная интерпретация становится более серьёзной ошибкой [Ермаков, 2012, с. 78)].

А. Морозов аргументирует критику интерпретации сюжетов своей семейной историей, А. Ермаков – ссылкой на научные исследования, архивные материалы и общеизвестность фактов. В. Герасимчик предлагает конкретные изменения в интерпретацию сюжета, которые должны исправить неточность, но сохранить сам посыл, либо же изменить посыл, чтобы тот способствовал «правильным выводам». А. Епифанова подсчитывает количество учебников, где доминирует та или иная традиция освещения определённого сюжета [Епифанова, 2017, с. 213].

Насыщенность фактами. Уделяется внимание насыщенности, масштабу сопровождения фактами тезисов или текста и описания сюжета или его аспекта, наполнению ими группы сюжетов или темы, а при рассмотрении учебников сравнивается насыщенность фактами общих для них сюжетов и их аспектов [Малов-Гра, 2009; Першина, 2015; Чураков, 2015а; Белов, 2017; Карушева, 2017; Крехалёва, 2017; Алексеева, 2018; Морозов, 2018; Герасимчик, 2019; Грибан, Лыта, 2019; Клепалов, Нажипова, 2020; Фукс, Ковригин, 2020; Moskwa, 2018].

Под насыщенностью фактами подразумевается то, насколько «информативно», «подробно», «выразительно» написано повествование, каков «объём информации» в нём, насколько сюжет «раскрыт», «объяснен», «подробно рассмотрен», достаточно или недостаточно упоминается.

Л. Алексеева, В. Герасимчик и А. Морозов критикуют нехватку фактов в интерпретации, недостаточную насыщенность ими, считая, что такие сюжеты недостаточно объяснены, «выпадают из всего хода изложенного в учебнике материала», им уделено недостаточно внимания, а их описание приобретает характер общих фраз. В Герасимчик критикует излишне подробные, «наиболее насыщенные» фактами интерпретации как очень сложные для усвоения из-за «почти полного отсутствия нарратива». Е. Крехалёва, сравнивая насыщенность описания аспектов конкретного сюжета фактами, приходит к выводу, на какой аспект сделан «основной упор».

Выборка фактов. Уделяется внимание выборке фактов для описания сюжета [Данилов, 2010; Белов, 2017; Епифанова, 2017; Морозов, 2018; Шпагин, 2018; Герасимчик, 2019]. Под фактами понимаются «однопорядковые события», детали сюжета или его аспекта в виде конкретных исторических примеров – например, подвигов или гибели конкретных военнослужащих, партизан и подпольщиков или случаев массовой казни.

А. Морозов критикует неоптимальную выборку таковых за их характер «длинных перечней», «элементарную скучность», А. Данилов и А. Епифанова – за игнорирование ряда значимых фактов, в связи с которым аспект приобретает упрощённый или искажённый вид. В. Герасимчик и С. Шпагин критикуют использование недостоверного и неактуального фактажа. Они предлагают заменить таковой на достоверный или актуальный, предложенный ими, с сохранением или изменением посыла.

Документальные источники. Уделяется внимание факту наличия документальных источников, приведённым фрагментам документальных источников, в т. ч. художественных произведений, и комментариям к ним. При сравнении учебников выявляются сходства и различия в выборке документальных источников. [Малов-Гра, 2009; Данилов, 2010; Ермаков, 2012; Крехалёва, 2017; Морозов, 2018; Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Грибан, Лыта, 2019; Клепалов, Нажипова, 2020; Фукс, Ковригин, 2020; Moskwa, 2018].

А. Данилов критикует неуместное приведение документального источника, не отвечающее задаче, поставленной авторами, однако делает это недостаточно явно [Данилов, 2010, с. 16], также он критикует ссылку на неназываемые архивные источники при обосновании утверждения [Данилов, 2010, с. 20]. И. Грибан и С. Лыта критикуют отсутствие или незначительное использование документальных свидетельств при описании сюжетов, оценивая, как это влияет на их изучение [Грибан, Лыта, 2019, с. 331]. Е. Крехалёва оценивает их выразительность. И. Грибан и С. Лыта сообщают, на что направлен приведённый документальный источник, что именно узнать и что почувствовать. А. Морозов оценивает грамотность подбора источников и составления вопросов к ним. Вместе с тем редко указывается, о чём свидетельствует приведённый документ, обычно авторы приводят лишь его название и цитируют его.

Цитаты. Незначительное внимание уделяется факту наличия цитат и приведённым цитатам в целом [Карушева, 2017; Грибан, Лыта, 2019].

Карты. Уделяется внимание факту наличия карт и приведённым картам [Малов-Гра, 2009; Крехалёва, 2017; Морозов, 2018; Герасимчик, 2019; Фукс, Ковригин, 2020].

А. Малов-Гра и В. Герасимчик обращают внимание на количество карт и приводят его. В. Герасимчик кратко описывает содержание карт – что именно они демонстрируют, и оценивает их «наглядность» демонстрации, делая вывод о том, в качестве опоры чего выступает картография, чему именно она помогает уделить внимание, и, вероятно, намекая, что большое количество карт в одном сюжете может свидетельствовать о его особой значимости. А. Морозов критикует отсутствие карт к сюжетам, а также вопросов и заданий к приведённым картам.

Личности. Уделяется внимание факту наличия личностей, приведённым личностям и их роли в сюжете. При сравнении учебников выявляются сходства и различия в выборке личностей и их фигурировании в общих сюжетах [Данилов, 2010; Ермаков, 2012; Строканов и др., 2016; Морозов, 2018; Шпагин, 2018; Герасимчик, 2019; Грибан, Баранов, 2019; Клепалов, Нажипова, 2020; Криницкий, Яценко, 2021; Moskwa, 2018].

А. Данилов критикует недостаточное количество приведённых личностей – отсутствие «хотя бы простого упоминания фамилий наших предков» [Данилов, 2010, с. 17]. Д. Москва придаёт значение тому, когда личность упоминается одновременно по имени и фамилии, хотя и не приходит к однозначному выводу, что такая личность является более значимой в нарративе [Moskwa, 2018, р. 6]. Д. Москва [Moskwa, 2018], а также Ю. Криницкий и А. Яценко выделяют упомянутых и не упомянутых, «упущенных из виду» личностей, в т. ч., по мнению авторов, наиболее «заслуженных». С. Шпагин критикует контекст упоминания личностей [Шпагин, 2018, с. 244].

Ю. Криницкий и А. Яценко приводят таблицы наличия выдающихся личностей, где предпринимают попытку их типологизации [Криницкий, Яценко, 2021, с. 95–97]. К типологизации приведённых личностей без составления таблицы прибегает авторский коллектив под руководством А. Строканова. При составлении таких перечней можно увидеть субъективность авторской выборки. Вместе с тем исследователи не рассматривают интерпретацию роли личности в целом, т. е. во всех связанных с личностью сюжетах, что лишает нас дополнительных сведений о ключевых личностях учебника и его направленности.

Использованные исследователями методы нарративного анализа в целом не противоречат друг другу. Мало кто в своём анализе рассматривает весь спектр обозначенных нами методических и дидактических средств – в наибольшей степени к этому приблизились В. Герасимчик, А. Ермаков, А. Морозов, а также И. Грибан в соавторстве с С. Лытой и Н. Барановым. В наименьшей – И. Долуцкий, Ю. Криницкий в соавторстве с А. Яценко, А. Филиппов, Ю. Морозов и Д. Чураков. Некоторые методические и дидактические средства рассмотрены гораздо глубже одними авторами, чем другими, но мало кто из исследователей глубоко рассматривает сразу несколько из них.

Необходимо отметить, что никто из исследователей не обращает внимание на выделение текста полужирным шрифтом и курсивом, а также сопровождение фактами, связанными с конкретикой, как средства усиления прагматического эффекта текста. Приводимые же средства редко рассматриваются как выступающие в качестве таковых – часто не раскрывается их содержание и не сообщается, какой у них посыл, к каким выводам они должны направить учащихся.

Оценки параметров зачастую не конкретизированы, не устанавливаются чёткие критерии отличия. Редко предпринимаются попытки систематизации, тематического разделения объектов и выделения взаимосвязей между элементами систем.

Субъективная выборка сюжетов для анализа и сравнения не позволяет системно и комплексно отразить нарратив учебника и выявить все различия между нарративами учебников.

Слабо используются количественные методы, никто не прибегает к подсчёту объёма текста сюжетов и количества упоминаний личностей. Вероятно, это обусловлено кропотливостью, длительностью и сложностью работы с такими методами. Избегание значительной частью авторов количественных методов способствует спекулятивным и ангажированным выводам.

Сравнивая учебники разных государств, авторы редко (исключение – работа А. Фукса и В. Ковригина 2020 г. [Фукс, Ковригин, 2020]) высказывают мнение о том, нарративы о каких сюжетах и фигурах способны послужить ресурсом сближения политики памяти, что лишает исследования важного элемента практической значимости. Таким образом, состояние развития методологии тематического поля можно оценить как неудовлетворительное. Обозначенный комплекс проблем обуславливает необходимость предложения методологии, которая будет способна их разрешить.

Методологическая перспектива. Мы предлагаем собственную методологию нарративного анализа, которая позволит чётко определить как минимум «пантеон» героев и событий ВОВ, значимых для исторического сознания российского общества начала XXI века.

Инструментарий нашего анализа подразумевает в первую очередь выделение объектов исторической памяти. Мы понимаем объект исторической памяти как «конструкт, отражающий любой исторический феномен, оценочная характеристика которого содержится в исследуемом тексте»¹⁰⁵, что даёт свободу конструирования объектов.

Если считать основным объектом ВОВ, то локальными объектами, имеющими привязку к месту и времени, стали темы или сюжеты, в первую очередь исторические явления и события, и герои, исторические личности, так или иначе соотносящиеся с войной. Темы и сюжеты выражены суждениями, смысловыми абзацами и целостными текстами, реже – терминами, герои – персонажами с присущими им именем, фамилией и отчеством и далее – соответствующими местоимениями, званиями, должностями и пр.

Характер нарратива учебников позволяет не рассматривать отдельно друг от друга явления и события, хотя первые являются сложными локальными объектами, а вторые – простыми. Вместе с тем герои, являющиеся простыми объектами, достойны отдельного рассмотрения ввиду их особой локализации во времени и пространстве, заключающейся в способности быть связанными одновременно с несколькими явлениями и событиями. Общие сразу для всех или нескольких учебников от большего количества к меньшему сюжеты и личности могут считаться центральными.

Внимания достоин и объём текста, посвящённый каждому сюжету – большой объём даёт большее пространство для преувеличений и приукрашиваний и даёт возможность «раздуть некоторые сюжеты истории до размеров важного для группы мифа» [Moskwa, 2018, р. 6], что позволяет нам установить ключевые аспекты государственной политики памяти.

В рамках разрабатываемого нами инструментария работы с нарративами учебников для каждого из них создаётся таблица контент-анализа, т. н. «карта памяти», включающая перечень выделенных сюжетов в порядке их упоминания с указанием связанных с ними исторических личностей и приведением частей текста, посвящённых им, в т. ч. средств усиления прагматического эффекта текста. Эти карты памяти служат основой для перечней личностей, их сюжетов и ключевых сюжетов по объёму текста. Мы предлагаем выделять 10 сюжетов учебника в порядке убывания – обычно в этом пределе попадают сюжеты объёмом в 100–1 400 слов. Этот метод позволяет применить в дальнейших исследованиях иные типологии локальных объектов, уже выделенных в картах памяти.

Для анализа отражения сюжета или роли личности или их сравнения в нескольких учебниках, посвящённые им части текста необходимо отнести к фундаментальным аспектам. Фундаментальными аспектами для сюжета будут любые её характеристики, выделенные таким образом, чтобы любое суждение, относящееся к сюжету, можно было отнести к его аспектам. Такой подход наиболее явно применили Ю. Першина [Першина, 2015] и А. Епифанова [Епифанова, 2017] для анализа освещения темы Холокоста. Для роли личности фундаментальным аспектом же будет её роль в сюжете с возможностью дальнейшего дробления на конкретные

¹⁰⁵ Карта памяти современного российского общества. Санкт-Петербургский государственный университет // URL: <https://historymap.spbu.ru/site/terminology> (дата обращения: 15 октября 2022).

желания, намерения, действия и ответственность в нём. В дальнейшем можно оценить достоверность, объективность и полноту интерпретации каждого фундаментального аспекта.

Перечни личностей и сюжетов, где к каждому из них приведены относящиеся к ним соответствующие фундаментальные аспекты, можно использовать для создания заготовки при построении качественной ментальной карты, в т. ч. многоуровневой, в которой будут охвачены почти все сюжеты и личности, с которыми может вестись работа. Заготовка редактируется под конкретное общество, группу, коллектив или сегмент населения с учётом прогнозируемой рецепции при помощи социологического, психологического, культурологического и политического анализа.

Сюжет или роль личности канализируются – т. е. включается или исключается их упоминание, за счёт объёма транслируемой информации гипертрофируется или преуменьшается их значение, в определённом ключе изменяется интерпретация. И по итогам данных процессов получается ментальная карта. Такие ментальные карты можно использовать в качестве ключевого инструмента при ведении сетевой работы. Их можно использовать в рамках т. н. сетевых или ментальных войн – войн за виртуальное пространство, мнения и на контроль над сознанием, где содержащаяся в ментальной карте информация будет транслироваться объекту. Так, например, через обучение по созданному на основе такой карты учебнику.

При работе с картами памяти возможно выделение средств усиления прагматического эффекта текста и передачи образов. Каждое средство является проявлением субъективного описания истории – выражает собственное отношение автора к сюжету и направлено на формирование у учащегося такого же. Это достигается за счёт авторской стратегии имплицитного влияния на сознание посредством вычленения, подчёркивания, выделения нужного смысла, способствующих формированию позитивного или негативного образа сюжета и его аспектов и характеристик.

Мы предлагаем следующую типологию таких средств:

1. Выделение сюжета в заголовок.
2. Выделение текста полужирным шрифтом и курсивом.

Первые два средства относятся к графическим паралингвистическим компонентам текста – оба выполняют контактоустанавливающую функцию, настраивая читателя на определённое восприятие материала. Нередко в связи с этим заголовок или выделенный полужирным шрифтом и курсивом текст бывает оценочным и ёмким и является первоочерёдным для запоминания читателем. Сюжеты, приведённые в заголовке или выделенном полужирным шрифтом и курсиве тексте, – ключевые в нарративе.

3. Сопровождение цитатой.
4. Сопровождение иллюстрацией.

5. Сопровождение средствами художественной выразительности – стилистическими приёмами, тропами: гиперболами, метафорами, сравнениями, эпитетами, обобщениями, эвфемизмами.

Именно средства художественной выразительности в первую очередь демонстрируют оценку автором фундаментальных и иных аспектов сюжета и роли личности, его отношение к ним. Вместе с тем вряд ли при составлении карты памяти стоит обозначать вид стилистического приёма или тропа – каждый из них примерно в одинаковой степени может служить средством усиления прагматического эффекта текста.

6. Сопровождение статистикой – первый или последний раз события, величина потерь, продолжительность действия, масштаб боёв или территориальных приобретений и пр.

7. Сопровождение документальными свидетельствами – дневниками, воспоминаниями, сводками, донесениями и пр., а также картами, биографическими и сюжетными справками и оценочными суждениями.

Особо важно рассматривать, о чём именно свидетельствует их текст или иное наполнение, а не иные средства усиления прагматического эффекта текста, которые в них присутствуют.

8. Сопровождение фактами, связанными с конкретикой: временные рамки, упоминание цели и задач, личности и её роли, населённого пункта, задействованного воинского подразделения, средств и обстоятельств действия, например, использованных вооружений и тактик и пр.

9. Насыщенность фактами.

Здесь стоит упомянуть, что «ещё Р.Дж. Коллингвуд и историки школы Анналов показали, что понятие “факта” является позитивистской фикцией. Любой “факт”, с одной стороны, разложим на более мелкие, а с другой – зависит от описывающего его исследователя» [Курилла, 2003, с. 46]. В связи с этим мы предлагаем считать в этом случае фактом относящиеся к сюжету предложение или часть предложения «в сухом остатке» – из которого вычленили иные средства прагматического усиления эффекта текста.

10. Сопровождение причиной или последствием.

Мы считаем, что среди прочих фундаментальных аспектов сюжета именно приведение его причины или последствия демонстрирует его значимость, особое место в картине событий: приведение причины подчёркивает его ожидаемый характер, предопределённость и неизбежность, а последствия – его влияние на будущее, дальнейший ход событий.

Вопрос о значимости вопросов и заданий как средства усиления прагматического эффекта текста остаётся открытым. К их рассмотрению наравне с прочими средствами обращается около трети исследователей. Вместе с тем в литературе высказываются мнения, что при анализе учебного текста их можно проигнорировать, поскольку «деятельность [учеников] определяется и направляется учебным текстом, а не вопросами» [Морозов, 2018, с. 206]. По нашему мнению, вопросы и задания имеют второстепенное значение по отношению к основному тексту учебника и его методическим и дидактическим средствам, а потому обращение к ним должно исходить из целей и задач исследования.

Вопрос о значимости того или иного средства остаётся открытым – оценка требует исследования имплицитного влияния каждого средства на сознание читателя текста с применением социологических и психологических, паралингвистических методов.

Заключение

Таким образом, несмотря на обширную историографию тематического поля – исследований изложения Великой Отечественной войны в учебниках истории постсоветских государств, её движение в сторону проблематики социальных и политических наук, лингвистики и психологии и рост интереса к современным методологическим подходам анализа учебных текстов, состояние развития методологии в этом поле можно оценить как неудовлетворительное. Исследователям часто приходится придумывать свою модель анализа, а используемые модели значительно отличаются друг от друга, очевидны различия терминологии. Работы объединяет стремление понять механизмы проведения политики памяти и формирования коллективной памяти, развитие методологии нарративного анализа в сторону охвата всего спектра методических и дидактических средств, углубления их анализа и повышения качества исследования. Предложенная нами методологическая перспектива, соответствующая этой тенденции, может быть структурной основой при построении модели анализа и, как надеемся, способствовать дальнейшим исследованиям в этой области.

Список литературы

- Алексеева Л.В. 2018. Первая и Вторая мировые войны в учебнике истории Ханты-Мансийского округа: проблемы содержания в контексте подготовки новой книги для школьников. В кн.: Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., Нестор-История: 212–229.
- Ахременко Д.А. 2015. События Великой Отечественной войны в украинском школьном учебнике (рец. на кн.: Пометун, О.І. Історія України. 11 клас / О.І. Пометун, Н.Н. Гупан. – Київ : Сіцця Освіта, 2011. – 336 с.). Вестник ВолГУ. Серия: История. Регионоведение. Международные отношения, 4 (34): 202–204.

- Басин Я.З. 2009. Холокост как предмет научного исследования. Вестник Брестского государственного технического университета. Серия: Гуманитарные науки, 6: 2–6.
- Белов С.И. 2017. Методы конструирования исторических мифов как элемент политики памяти (на материалах украинских учебников истории). PolitBook, 4: 89–103.
- Богданова А.Б. 2017. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны: проблемы освещения в школьных учебниках. Бюллетень науки и практики, 9: 194–201.
- Герасимчик В.В. 2019. Освещение Великой Отечественной и Второй мировой войн в учебниках «Всемирная история» и «История Беларуси» в 10-м классе учреждений общего среднего образования. Белорусский исторический обзор, 2: 83–110.
- Грибан И.В., Баранов Н.Н. 2019. Научить помнить: Великая Отечественная война в образовательном пространстве Республики Беларусь. Преподаватель XXI век, 1: 38–50.
- Грибан И.В., Лыта С.В. 2019. Как помнить и что знать? Блокада Ленинграда в школьных учебниках отечественной истории. Историко-педагогические чтения, 23: 328–335.
- Данилов А.А. 2010. Проблемы Второй мировой и Великой Отечественной войн в школьных учебниках на постсоветском пространстве. Преподаватель XXI век. Т. 1, 2: 13–22.
- Долуцкий И.И. 2009. Д-р Джекилл и м-р Хайд: США в советских и российских учебниках истории. В кн.: Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций. Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона ; под ред. В.И. Журавлевой, И.И. Куриллы ; предисл. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград, Изд-во ВолГУ: 230–279.
- Епифанова А.С. 2018. Освещение Холокоста в контексте войны в учебниках по истории России. В кн.: Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., Нестор-История: 249–260.
- Епифанова А.С. 2017. От запрета на память к попыткам мемориализации? Анализ представления темы Холокоста в российских учебниках истории, 1990–2016-е гг. В кн.: Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Выпуск 14: Сборник. Сост.: М.В. Гилева, Т.Б. Пасман; под ред. И.А. Альтмана. М., Центр и Фонд «Холокост»: МИК: 207–217.
- Ермаков А.М. 2012. Концепция истории Второй мировой войны в новом украинском школьном учебнике. Ярославский педагогический вестник. Т. 1 (Гуманитарные науки), 2: 74–79.
- Карушева Ю.М. 2017. Монумент «Родина-мать зовет!» в образовательной политике современной России в сфере школьного образования. Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 1: 70–81.
- Клепалов А.В., Нажипова Л.М. 2020. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: проблема интерпретации в российском и американском учебниках истории. Инновационное развитие профессионального образования, 1 (25): 135–141.
- Крехалёва Е. 2017. Отражение истории Холокоста в учебниках по отечественной истории России, Украины и Беларуси как основа формирования толерантности. В кн.: Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Выпуск 14: Сборник. Сост.: М.В. Гилева, Т.Б. Пасман; под ред. И.А. Альтмана. М., Центр и Фонд «Холокост»: МИК: 56–62.
- Криницкий Ю.В., Яценко А.Е. 2021. Защитим военную историю. Военно-историческое образование молодого поколения как фактор защиты российского общества в информационной войне. Вестник военного образования, 5 (32): 91–98.
- Курилла И.И. 2003. Наука, «национальная мифология» и конструирование идентичности: размышления над школьным учебником истории. В кн.: Вестник Института Кеннана в России. Вып. 4. М.: 43–48.
- Локшин А.Е. 2009. История российских евреев в школьных учебниках РФ. В кн.: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 209. М., ИЭА РАН: 24.
- Малинкин А.Н. 2020. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты. Социологические исследования, 5: 23–34.
- Малинова О.Ю. 2019. Политика памяти как область символической политики. В кн.: МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал. и гуманит. исслед.; Ред. кол.: М.В. Ильин (гл. ред.) и др. Вып. 9: Методологические аспекты трансдисциплинарного трансфера знаний. М.: 285–312.
- Малов-Гра А.Г. 2009. Учебник как средство воспитания патриота и гражданина (рец. на кн.: Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) :

- учеб. пособие для 11-го кл. / А.А. Коваленя [и др.]. – Минск, 2004 – 231 с.). Военно-исторический журнал, 8: 79.
- Морозов А.Ю. 2018. История Великой Отечественной войны в региональных учебниках истории XXI века. В кн.: Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., Нестор-История: 200–211.
- Морозов Ю.В. 2015. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 25: 50–63.
- Нечаева А.А. 2020. Становление memory studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 4 (60): 121–129.
- Нечаева А.А. 2020. Теоретико-методологические подходы к анализу коллективной памяти в мемори стадиз. Дискурс. Т. 6, 3: 46–63.
- Першина Ю.В. 2015. Анализ освещения темы Холокоста в современных учебниках истории. Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование. Т. 1, 4: 136–144.
- Поваляева Н.Е. 2004. История Отечества до начала XX века в современных школьных учебниках. Автореф. дис. ... кандидата исторических наук. Москва, 19.
- Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций. Ин-т Кеннана Междунар. науч. центра им. Вудро Вильсона / под ред. В.И. Журавлевой, И.И. Куриллы; предисл. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2009. 408.
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. 2014. Направления исследований исторической памяти в России. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, 2: 106–126.
- Строканов А.А., Жданова С.Ю., Пузырёва Л.О. 2016. Анализ учебников истории в России и США с точки зрения репрезентации в них Второй мировой войны. Политическая лингвистика, 6: 205–212.
- Филиппов А.В. 2015. Школьная история и общественное мнение в постсоветских странах. История и историческая память, 12 (12): 44–62.
- Фукс А.Н., Ковригин В.В. 2017. Проблемы фальсификации истории Великой Отечественной войны и содержание школьных учебников по отечественной истории. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2 (14): 66–70.
- Фукс А.Н., Ковригин В.В. 2020. Трансформация подходов к освещению Второй мировой войны в российских и зарубежных школьных учебниках. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, 3: 33–41.
- Чураков Д.О. 2015. Войны памяти: отстоять правду победы. Гуманитарные науки, 1: 7–24.
- Чураков Д.О. 2015. Великая Отечественная война на страницах современных российских учебников истории (на материалах начального периода борьбы с фашистской агрессией). Преподаватель XXI век. Т. 1, 1: 34–46.
- Чураков Д.О. 2013. Учебник истории и «Войны памяти» на постсоветском пространстве. Преподаватель XXI век. Т. 1, 3: 21–27.
- Шпагин С.А. 2018. Преподавание темы Холокоста в школах: отечественный и зарубежный опыт. В кн.: Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., Нестор-История: 230–248.
- Korostelina K. 2010. War of textbooks: History education in Russia and Ukraine. Communist and Post-Communist Studies, 43: 129–137. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2010.03.004
- Moskwa D. 2018. The Great Patriotic War in Russian history textbooks. Sprawy Narodowościowe, 50, Art. 1650: 11. DOI: 10.11649/sn.1650

References

- Alekseeva L.V. 2018. Pervaya i Vtoraya mirovye voyny v uchebnike istorii Khanty-Mansiyskogo okruga: problemy soderzhaniya v kontekste podgotovki novoy knigi dlya shkol'nikov [The First and Second World Wars in the history textbook of the Khanty-Mansi Okrug: problems of content in the context of preparation of a new book for schoolchildren]. In: Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: Collection of articles edited by K.A. Pakhalyuk. Moscow; Saint Petersburg, Publ. Nestor-Istoriya: 212–229 (in Russian).
- Akhremenko D.A. 2015. Sobytiya Velikoy Otechestvennoy voyny v ukrainskom shkol'nom uchebnike (rets. na kn.: Pometun, O.I. Istoriya Ukraïny. 11 klas / O.I. Pometun, N.N. Gupan. – Kiïv : Sitsiya

- Osvita, 2011. – 336 s.) [Events of the Great Patriotic War in the Ukrainian school textbook (book review: Pometun, O.I. History of Ukraine. Grade 11 / O.I. Pometun, N.N. Gupan. - Kiev : Sitsiya Osvita, 2011. – 336 p.)]. Vestnik VolGU. Seriya: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya, 4 (34): 202–204 (in Russian).
- Basin Ya.Z. 2009. Kholokost kak predmet nauchnogo issledovaniya [Holocaust as a subject for scientific research]. Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki, 6: 2–6 (in Russian).
- Belov S.I. 2017. Metody konstruirovaniya istoricheskikh mifov kak element politiki pamyati (na materialakh ukrainskikh uchebnikov istorii) [Methods of constructing historical myths as an element of the policy of memory (on the materials of Ukrainian history textbooks)]. PolitBook, 4: 89–103 (in Russian).
- Bogdanova A.B. 2017. Kollaboratsionizm v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: problemy osveshcheniya v shkol'nykh uchebnikakh [Collaborationism during the Great Patriotic War: problems of coverage in school textbooks]. Byulleten' nauki i praktiki, 9: 194–201 (in Russian).
- Gerasimchik V.V. 2019. Osveshchenie Velikoy Otechestvennoy i Vtoroy mirovoy voyn v uchebnikakh «Vsemirnaya istoriya» i «Istoriya Belarusi» v 10-m klasse uchrezhdeniy obshchego srednego obrazovaniya [Coverage of the Great Patriotic War and World War II in the textbooks «World History» and «History of Belarus» in the 10th grade of general secondary education institutions]. Belorusskiy istoricheskiy obzor, 2: 83–110 (in Russian).
- Griban I.V., Baranov N.N. 2019. Nauchit' pomnit': Velikaya Otechestvennaya voyna v obrazovatel'nom prostranstve Respubliki Belarus' [Teach to remember: the Great Patriotic War in the educational space of the republic of Belarus]. Prepodavatel' XXI vek, 1: 38–50 (in Russian).
- Griban I.V., Lyta S.V. 2019. Kak pomnit' i chto znat'? Blokada Leningrada v shkol'nykh uchebnikakh otechestvennoy istorii [How to remember and what to know? Siege of Leningrad in school textbooks of national history]. Istoriko-pedagogicheskie chteniya, 23: 328–335 (in Russian).
- Danilov A.A. 2010. Problemy Vtoroy mirovoy i Velikoy Otechestvennoy voyn v shkol'nykh uchebnikakh na postsovetskom prostranstve [Problems of World War II and the Great Patriotic War in school textbooks in the post-Soviet space]. Prepodavatel' XXI vek. V. 1, 2: 13–22 (in Russian).
- Dolutskiy I.I. 2009. D-r Dzhekill i m-r Khayd: SShA v sovetskikh i rossiyskikh uchebnikakh istorii [Dr. Jekyll and Mr. Hyde: The USA in Soviet and Russian history textbooks]. In.: Rossiya i SShA na stranitsakh uchebnikov: opyt vzaimnykh reprezentatsiy. In-t Kennana Mezhdunar. nauch. tsentra im. Vudro Vil'sona ; edited by V.I. Zhuravleva, I.I. Kurilla ; foreword by V.I. Zhuravleva and I.I. Kurilla. Volgograd, Publ. VolGU Publication: 230–279 (in Russian).
- Epifanova A.S. 2018. Osveshchenie Kholokosta v kontekste voyny v uchebnikakh po istorii Rossii [Coverage of the Holocaust in the context of war in Russian history textbooks]. In.: Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: Collection of articles edited by K.A. Pakhalyuk. Moscow; Saint Petersburg, Publ. Nestor-Istoriya: 249–260 (in Russian).
- Epifanova A.S. 2017. Ot zapreta na pamyat' k popytkam memorializatsii? Analiz predstavleniya temy Kholokosta v rossiyskikh uchebnikakh istorii, 1990–2016-e gg. [From a ban on memory to attempts at memorialization? Analysis of the presentation of the Holocaust theme in Russian history textbooks, 1990s–2016]. In.: My ne mozhem molchat': Shkol'niki i studenty o Kholokoste, 14: Collection of articles. Compilers: M.V. Gileva, T.B. Pasman; edited by I.A. Al'tman. Moscow, Publ. Tsentr i Fond «Kholokost»: MIK: 207–217 (in Russian).
- Ermakov A.M. 2012. Kontseptsiya istorii Vtoroy mirovoy voyny v novom ukrainskom shkol'nom uchebnike [The History Concept of the Second World War in the New School Text-Book on History in Ukraine]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. V. 1 (Gumanitarnye nauki), 2: 74–79 (in Russian).
- Karusheva Yu.M. 2017. Monument «Rodina-mat' zovet!» v obrazovatel'noy politike sovremennoy Rossii v sfere shkol'nogo obrazovaniya [The monument «Motherland calls!» in educational policy of modern Russia in school education sphere]. Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy, 1: 70–81 (in Russian).
- Klepalov A.V., Nazhipova L.M. 2020. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg.: problema interpretatsii v rossiyskom i amerikanskom uchebnikakh istorii [The Great Patriotic War 1941–1945: the problem of interpretation in the Russian and American history textbooks]. Innovative development of vocational education, 1 (25): 135–141 (in Russian).

- Krekhaleva E. 2017. Otrazhenie istorii Kholokosta v uchebnikakh po otechestvennoy istorii Rossii, Ukrainy i Belarusi kak osnova formirovaniya tolerantnosti [Reflection of the history of the Holocaust in textbooks on the national history of Russia, Ukraine and Belarus as the basis for the formation of tolerance]. In.: My ne mozhem molchat': Shkol'niki i studenty o Kholokoste, 14: Collection of articles. Compilers: M.V. Gileva, T.B. Pasman; edited by I.A. Al'tman. Moscow, Publ. Tsentr i Fond «Kholokost»: MIK: 56–62 (in Russian).
- Krinit'skiy Yu.V., Yatsenko A.E. 2021. Zashchitim voennuyu istoriyu. Voenno-istoricheskoe obrazovanie molodogo pokoleniya kak faktor zashchity rossiyskogo obshchestva v informatsionnoy voyne [Let's protect the military history. The military historical education of younger generation as a factor of protection of the Russian society in the information warfare]. Vestnik voennogo obrazovaniya, 5 (32): 91–98 (in Russian).
- Kurilla I.I. 2003. Nauka, «natsional'naya mifologiya» i konstruirovaniye identichnosti: razmyshleniya nad shkol'nym uchebnikom istorii [Science, «national mythology» and the construction of identity: reflections on a school history textbook]. In.: Vestnik Instituta Kennana v Rossii, 4. Moscow: 43–48 (in Russian).
- Lokshin A.E. 2009. Istoriya rossiyskikh evreev v shkol'nykh uchebnikakh RF [The history of Russian Jewry in modern Russian textbooks for secondary schools]. In.: Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii, 209. Moscow, Publ. IEA RAN: 24 (in Russian).
- Malinkin A.N. 2020. Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne: epistemologicheskie i genealogicheskie aspekty [Historical memory of the Great Patriotic War: epistemologic and genealogic aspects]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 5: 23–34 (in Russian).
- Malinova O.Yu. 2019. Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Politics of memory as a domain of symbolic politics]. In.: METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin. Collection of scientific papers / RAN. INION. Tsentr perspekt. metodologiy sotsial. i gumanit. issled.; Editorial Board: M.V. Il'in (chief editor) et al. Iss. 9: Metodologicheskie aspekty transdistsiplinarnogo transfera znaniy. Moscow: 285–312 (in Russian).
- Malov-Gra A.G. 2009. Uchebnik kak sredstvo vospitaniya patriota i grazhdanina (rets. na kn.: Velikaya Otechestvennaya vojna sovet'skogo naroda (v kontekste Vtoroy mirovoy vojny) : ucheb. posobie dlya 11-go kl. / A.A. Kovalenya [i dr.]. – Minsk, 2004 – 231 s.) [Textbook as a means of educating a patriot and a citizen (book review: The Great Patriotic War of the Soviet people (in the context of World War II): textbook for grade 11 / A.A. Kovalenya [and others]. – Minsk, 2004 – 231 p.)]. Voenno-istoricheskii zhurnal, 8: 79 (in Russian).
- Morozov A.Yu. 2018. Istoriya Velikoy Otechestvennoy vojny v regional'nykh uchebnikakh istorii XXI veka [History of the Great Patriotic War in 21st century regional history textbooks]. In.: Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: Collection of articles edited by K.A. Pakhalyuk. Moscow; Saint Petersburg, Publ. Nestor-Istoriya: 200–211 (in Russian).
- Morozov Yu.V. 2015. Fal'sifikatsiya itogov Vtoroy mirovoy vojny v ramkakh informatsionnoy bor'by protiv Rossii [Falsification of the results of World War II as part of the information campaign against Russia]. National Interests: Priorities and Security, 25: 50–63 (in Russian).
- Nechaeva A.A. 2020. Stanovlenie memory studies kak ot del'noy oblasti znaniya: osnovnye voprosy i ponyatiya [Formation of memory studies as a separate field of knowledge: key research topics and concepts]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki, 4 (60): 121–129 (in Russian).
- Nechaeva A.A. 2020. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k analizu kollektivnoy pamyati v memori stadiz [Theoretical and Methodological Approaches to Collective Memory Analysis in Memory Studies]. Discourse. V. 6, 3: 46–63 (in Russian).
- Pershina Yu.V. 2015. Analiz osveshcheniya temy Kholokosta v sovremennykh uchebnikakh istorii [The analysis of the coverage of the Holocaust in contemporary history textbooks]. Sovremennoe dopolnitel'noe professional'noe pedagogicheskoe obrazovanie. V. 1, 4: 136–144 (in Russian).
- Povalyaeva N.E. 2004. Istoriya Otechestva do nachala XX veka v sovremennykh shkol'nykh uchebnikakh [The history of the Fatherland until the beginning of the 20th century in modern school textbooks]. Abstract. dis. ... cand. hist. sciences. Moscow, 19 (in Russian).
- Rossiya i SShA na stranitsakh uchebnikov: opyt vzaimnykh reprezentatsiy. In-t Kennana Mezhdunar. nauch. tsentra im. Vudro Vil'sona / pod red. V.I. Zhuravlevoy, I.I. Kurilly; predisl. V.I. Zhuravlevoy i I.I. Kurilly. Volgograd, VolGU Publication, 2009. 408 (in Russian).

- Rostovtsev E.A., Sosnitskiy D.A. 2014. Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii [Main areas of Russian memorial researches]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya, 2: 106–126 (in Russian).
- Strokanov A.A., Zhdanova S.Yu., Puzyreva L.O. 2016. Analiz uchebnikov istorii v Rossii i SShA s toчки zreniya reprezentatsii v nikh Vtoroy mirovoy voyny [An analysis of the history textbooks in Russia and the United States from the perspective of their representation of the Second World War]. Politicheskaya lingvistika, 6: 205–212 (in Russian).
- Filippov A.V. 2015. Shkol'naya istoriya i obshchestvennoe mnenie v postsovetskikh stranakh [The school history and public opinion in post-Soviet countries], 12 (12): 44–62 (in Russian).
- Fuks A.N., Kovrigin V.V. 2017. Problemy fal'sifikatsii istorii Velikoy Otechestvennoy voyny i sodержanie shkol'nykh uchebnikov po otechestvennoy istorii [Problems of history falsification of the Great Patriotic War and the content of school textbooks on national history]. Herald of Omsk University. Series «Historical Studies», 2 (14): 66–70 (in Russian).
- Fuks A.N., Kovrigin V.V. 2020. Transformatsiya podkhodov k osveshcheniyu Vtoroy mirovoy voyny v rossiyskikh i zarubezhnykh shkol'nykh uchebnikakh [Transformation of approaches to coverage of the Second World War in Russian and foreign school textbooks]. Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences, 3: 33–41 (in Russian).
- Churakov D.O. 2015. Voyny pamyati: otstoyat' pravdu pobedy [Memory wars: defend the truth of victory]. Gumanitarnye nauki, 1: 7–24 (in Russian).
- Churakov D.O. 2015. Velikaya Otechestvennaya voyna na stranitsakh sovremennykh rossiyskikh uchebnikov istorii (na materialakh nachal'nogo perioda bor'by s fashistskoy agressiyey) [The Great Patriotic War on the pages of modern Russian history textbooks (on the materials of the initial period of the struggle against fascist aggression)]. Prepodavatel' XXI vek. V. 1, 1: 34–46 (in Russian).
- Churakov D.O. 2013. Uchebnik istorii i «Voyny pamyati» na postsovetskom prostranstve [History textbook and «Memory wars» in the post-Soviet space]. Prepodavatel' XXI vek. V. 1, 3: 21–27 (in Russian).
- Shpagin S.A. 2018. Prepodavanie temy Kholokosta v shkolakh: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Teaching the Holocaust in schools: domestic and foreign experience]. In.: Prepodavanie voennoy istorii v Rossii i za rubezhom: Collection of articles edited by K.A. Pakhalyuk. Moscow; Saint Petersburg, Publ. Nestor-Istoriya: 230–248 (in Russian).
- Korostelina K. 2010. War of textbooks: History education in Russia and Ukraine. Communist and Post-Communist Studies, 43: 129–137. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2010.03.004
- Moskwa D. 2018. The Great Patriotic War in Russian history textbooks. Sprawy Narodowościowe, 50, Art. 1650: 11. DOI: 10.11649/sn.1650

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 14.11.2022

Received 14.11.2021

Поступила после рецензирования 25.11.2022

Revised 25.11.2022

Принята к публикации 25.11.2022

Accepted 25.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Антипов Андрей Михайлович, аспирант кафедры истории России с древнейших времен до XX в., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Andrey M. Antipov, PhD student of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4909-6886](https://orcid.org/0000-0003-4909-6886)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 329.15

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-898-905

Аналитическая статья

Левый популизм и политическое наследие еврокоммунизма

Каторжевский П.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
E-mail: katarzheuski@gmail.com

Аннотация. Современные «левопопулистские» партии и движения зачастую рассматриваются как принципиально новое явление, возникшее как реакция на неолиберальные реформы последних десятилетий. В то же время, партии этого спектра воспроизводят дискурсивные практики и политическую тактику своих идеологических прародителей – коммунистических партий Италии, Франции и Испании, стоявших у истоков еврокоммунизма. В статье предпринята попытка проанализировать ключевые программные установки современных «левопопулистских» партий, а также рассмотреть влияние еврокоммунистического этапа идеологической эволюции левого движения на их актуальную политическую стратегию. На основе программных документов еврокоммунистических партий XX в. и политических деклараций современных «радикальных» левых проведён сравнительный анализ дискурсивных стратегий европейского левого движения на разных фазах его развития. В контексте рассмотрения генезиса популизма также произведена дифференциация «левой» и «правой» интерпретаций популистской политики.

Ключевые слова: исторический компромисс, прогрессивная демократия, неолиберализм, социализм, идеология

Для цитирования: Каторжевский П.Н. Левый популизм и политическое наследие еврокоммунизма. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 898–905. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-898-905

Left Populism and the Political Legacy of Eurocommunism

Pavel N. Katorzhevskij

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia
E-mail: katarzheuski@gmail.com

Abstract: Contemporary left-populist parties are often referred to as the 'new left', which emerged as a response to the crisis of democracy and neoliberal reforms. At the same time, parties on this ideological spectrum often reproduce the political strategy of twentieth-century Eurocommunist parties. An analysis of left-wing populism sets out to examine the differences between the "right-wing" and "left-wing" versions of populism. Based on the political declarations of twentieth-century Eurocommunist parties and contemporary radical left-wing movements, a comparative analysis of the discursive strategies of European left-wing parties at different stages of their development is undertaken. The article analyses the key ideological and programmatic positions of left-wing populism and the impact of Eurocommunism on

the current political strategy of contemporary left-wing populist parties in Europe. The article also attempts to forecast the development of left populist parties in the light of their political practices.

Keywords: historical compromise, progressive democracy, neoliberalism, socialism, ideology

For citation: Katorzhevskij P.N. 2022. Left Populism and the Political Legacy of Eurocommunism. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 898–905 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-898-905

Введение

На уровне обыденного сознания термин «популизм» ассоциируется с такими словами, как «демагогия» или «ложные обещания». Как указывает исследователь Марина Принтулис, популизм является достаточно широким понятием и может ассоциироваться как с левыми, так и с правыми политическими движениями, и только конкретное содержание может делать его «хорошим» или «плохим», иными словами, популизм – это политическая логика и способ ведения политики [Prentoulis, 2021, p. 1]. Французский философ Пьер Розанваллон в своей работе «Популистский век» пишет, что сам термин «популизм» возник в 1870-х и первоначально использовался применительно к движению русской интеллигенции, которая в большинстве своём стояла на анархистских, марксистских и народнических позициях, что позволяет говорить о «левом» происхождении популистской политики [Rosanvallon, 2021, p. 7]. Кас Мудд ёмко характеризует популизм как нелиберальный демократический ответ недемократическому либерализму [Mudde, 2016, p. 13]. Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., привёл к росту популистских движений преимущественно левого толка.

В данной статье предпринята попытка проанализировать политическую повестку современных левопопулистских партий и движений в Европе, а также выявить влияние еврокоммунизма на их актуальную политическую стратегию.

Дифференциация «правого» и «левого» популизма

Некоторые исследователи, опираясь на ключевые идеологические элементы левого популизма, делают вывод о сходстве левого и правого популизма, отмечая параллельный рост популярности крайних спектров политического поля, ссылаясь на так называемую «теорию подковы», в соответствии с которой левые и правые радикалы ближе друг к другу и равноудалены от политического центра. Однако такое сравнение представляется поверхностным в силу того, что левый популизм, в отличие от правого, более инклюзивен и включает в себя защиту мигрантов и других дискриминируемых групп, а также делает акцент не на культурном или этническом аспекте, а на социальном [Casullo, Ostiguy, 2017]. Несмотря на то, что правые и левые популисты могут видеть схожих «врагов» («брюссельская бюрократия», «Вашингтон», *casta política*) и препятствия для реализации своих программных установок, в конечном счёте их социальный идеал существенно отличается.

Эти различия можно проследить по программным документам панъевропейских партий левого и правого политических спектров. Партия европейских левых (ПЕЛ), включающая в себя партии левопопулистской ориентации, декларирует свою приверженность ценностям социализма, коммунизма, феминизма, энвайроментализма, прогрессивного либерального мышления и антимиитаризма. В конечном счёте, ПЕЛ выступает за «другую» – социальную и демократическую Европу, где приоритетом должна стать защита прав наёмных работников. Партия идентичности и демократии объединяет европейские партии, находящиеся на позициях правее традиционных консервативных и христианско-демократических установок. В своей политической платформе она делает акцент на сохранении идентичности наций и отвергает политику, направленную на построение наднациональной модели [Identity and democracy Party]. В этом контексте более актуальной

представляется «теория рыболовного крючка» («fish hook theory»), в соответствии с которой существует «левый» край и «правый». Последний, изгибаясь подобно рыболовному крючку, значительно ближе к политическому центру, чем к правым [Elhefnawy, 2022].

Понятие «левого популизма» широко вошло в публичный дискурс после левого поворота в странах Латинской Америки в начале 2000-х и прихода к власти политических режимов социалистической ориентации в Венесуэле и Эквадоре, персонификацией которых стали Уго Чавес и Эво Моралес [March, 2012, p. 118]. «Левый популизм» не имеет чёткой дефиниции, и наиболее общей характеристикой для левопопулистских партий и движений является противопоставление народных интересов и элит, что мы можем обозначить общим термином «антиистеблишментность». Российский исследователь Дмитрий Шмелев указывает, что для левого популизма также характерно оспаривание позиций классических левых партий и конформистских левых групп [Шмелев, 2018, с. 70]. Левый популизм прочно вошёл в политику левых партий Европы и повлиял на их организационные принципы, но при этом не привёл к отказу от их основополагающих принципов и изначальной идентичности [Agustín, 2020, p. 1].

Генезис и реактуализация левого популизма в Европе

Реактуализация левого популизма и закрепление левопопулистских партий и движений в европейском политическом пространстве были вызваны глобальным экономическим кризисом 2008 года и кризисом политического представительства как такового [Prentoulis, 2021, p. 1]. К другим причинам подъёма левопопулистских движений мы можем отнести общий кризис системных партий, рост безработицы, утрату населением веры в способность преодолевать складывающиеся кризисные ситуации и введение мер жёсткой экономии на социальный нуждах, спровоцированное возникновением европейского долгового кризиса [Шмелев, 2018; Mouffe, 2018]. Форму организации левых популистов и их программные установки при общем акценте на «народоцентризме» и «антиэлитизме» нельзя назвать монолитными. В то время как одни представители левого популизма выступали за создание движения, другие предлагали создание иерархических вертикальных структур или выступали за синтез партийной формы организации с форматом широкого народного движения [Agustín, Briziarelli, 2018, p. 216].

Началом институционализации левого популизма в Европе можно считать массовые митинги с занятием площадей в Греции и Испании в 2011 году [Prentoulis, 2021, p. 1]. В некотором роде эти события стали копированием опыта американского движения Occupy Wall Street. В отличие от протестного движения в США, уличные акции против мер жёсткой экономии и кризиса политической системы привели к созданию таких партий, как Podemos, которая была основана в январе 2014 года. С одной стороны, риторика Podemos выражала прагматическую повестку с требованиями социальной справедливости, восстановления государства всеобщего благосостояния, доступности общественно значимых услуг. Вторая сторона риторики испанских «новых левых» выражала требования полного преодоления неолиберализма и коренного изменения политической системы [Agustín, Briziarelli, 2018, p. 6].

Случай греческой Коалиции радикальных левых (СИРИЗА) несколько отличается в том смысле, что, в отличие от Podemos, она была образована в 2004 году как коалиция радикальных социалистических организаций и лишь в 2013 году преобразована в единую партию. Ведущую роль в объединении леворадикальных групп несталинистского толка играла партия «Синаспизмос», основанная в 1991 г. [Katsourides, 2016, p. 50]. Сама «Синаспизмос» вела свою преемственность от Единой демократической левой партии, которая была единственной легальной левой политической партией во времена диктатуры т. н. «Чёрных полковников». Таким образом, СИРИЗА имеет гораздо более долгую историю идеологического становления, чем «Podemos», и если появление последней стало своеобразным ответом на кризис, ускоряющиеся неолиберальные реформы и застой в партийной системе, то созда-

нию СИРИЗА предшествовал долгий процесс, запущенный кризисом начала 1990-х в мировом социалистическом движении. Вместе с тем на идеологическое обновление СИРИЗА, как и в случае с испанскими «леворадикалами», оказал влияние мировой финансовый кризис и массовое протестное движение против «мер жёсткой экономии». Ещё одним отличием СИРИЗА от Podemos мы можем назвать тот политический ландшафт, в котором формировались эти партии. Несмотря на то, что как Греция, так и Испания прошли через эпоху господства авторитарных режимов правой направленности, в Испании сформировался устойчивый двухпартийный ландшафт. В Греции же случай СИРИЗА не был прецедентным, и ранее большинство в парламенте уже получала левоцентристская популистская партия «Всегреческое социалистическое движение» (ПАСОК).

К левопопулистским партиям и движениям также можно отнести польскую «Lewcia Razem» («Левые Вместе»), ирландскую «Sinn Fein» («Мы сами») и «Непокорённую Францию». Рассмотрение левопопулистских партий на примере Греции и Испании обусловлено в первую очередь тем, что их электоральные результаты в корне преобразовали соотношение политических сил на национальном уровне и поставили вопрос о самом будущем европейского проекта в том виде, в котором он существует на данный момент. Случай СИРИЗА также даёт нам возможность проследить идеологическую преемственность левого популизма и его взаимосвязь с еврокоммунистическими установками, которые можно рассматривать как генезис идеологии и дискурса современных европейских левых популистов.

Одним из основополагающих элементов левого популизма можно назвать представление о «народе» как о субъекте, который противостоит «элитам» и «истеблишменту». К примеру, ключевыми концептами дискурса «Podemos» (*ideas fuerza*) при обозначении целевой аудитории являются «народ», «большинство», «граждане» и «люди» [Ларионова, 2017, с. 392]. Такой подход зачастую вызывает саморефлексию у современных левых, так как обозначение «народ» является достаточно широким и постепенно вытесняет понятие классов, использование которого всегда являлось для них отличительным маркером [Agustín, 2020, p. 33]. Как указывает греческий исследователь Яннис Балампанидис, традиционный классово-ориентированный коммунистический язык имеет «анти-тела» против популистских риторических конструкций, так как в его основе лежат социальные классы, а не народ как недифференцированное целое. Но когда антисистемная (еврокоммунистическая) партия переходит к стратегии превращения в «национальную» политическую силу, то она неизбежно сталкивается с искушением популизма. Этот вопрос тесно связан с системным кризисом антикапиталистических левых и поиском радикальными левыми «нового революционного субъекта». Во многом поиск новых целевых групп радикальными левыми был обусловлен становлением «общества потребления» в европейских странах и событиями «Красного мая» 1968 г. во Франции. Наиболее иллюстративным здесь является саморепрезентация Французской коммунистической партии, которая именно под влиянием событий 1968 года заявила, что как партия рабочего класса она всегда являлась также выразительницей интересов и французской нации [Balampandis, 2018, p. 154]. Схожие тенденции можно проследить и в политических документах Итальянской коммунистической партии (ИКП), стоявшей у истоков еврокоммунизма. На своём VIII съезде ИКП заявила о необходимости постоянного союза рабочего класса со «средними слоями», а также об обеспечении их права на участие в управлении государством в рамках демократического пути к социализму. В материалах партийного съезда, помимо традиционного для коммунистов акцента на роли пролетариата, приоритет получила формулировка «рабочий класс и весь народ» [Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии, 1957]. Положение о расширении социальной базы левых сил развивает Сантьяго Каррильо, генеральный секретарь Коммунистической партии Испании (КПИ) в 1960–1982 гг. В своей работе «Еврокоммунизм и государство» (1977) он указывает, что социалистические преобразования в Европе не являются необходимыми только для пролетариата, они отвечают интересам «большинства населения».

Далее он делает вывод о том, что компартии должны научиться выступать «от имени нации» – наиболее передовых сил труда и культуры, выражая интересы самых широких социальных слоёв [Попов, 2008, с. 86–87].

Ещё одним тезисом еврокоммунизма, который в иной форме воспроизводится современными левыми популистами – движение от капитализма к социализму через стадию так называемой «прогрессивной демократии». Лидер итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти считал, что благодаря сложившимся в послевоенное время запросам общества и имплементации некоторых пунктов коммунистической программы в Конституцию Италии возможен переход от «чистой» демократии к «прогрессивной». Под последней он понимал демократическое устройство общества и государства, при котором легальными методами будут осуществлены некоторые социалистические преобразования: ограничение права собственности общественными интересами, рабочий контроль и создание фабрично-заводских советов, вмешательство государства в экономику и введение элементов планирования. Таким образом, «прогрессивную демократию» можно считать своеобразным этапом транзита, который можно охарактеризовать как «несоциалистическое и некапиталистическое государство» [Kindersley, 1981, p. 131–132]. Данная концепция во многом созвучна лозунгу левопопулистских партий о «Другой социальной Европе». В своём политическом манифесте ПЕЛ не выдвигает требований немедленного установления социализма через диктатуру пролетариата, современные левые говорят о преодолении всевластия корпораций, расширения социального обеспечения, демилитаризации и *трансформации* капитализма и европейского интеграционного проекта как такового. При этом в качестве механизмов реализации своей повестки они, как и еврокоммунисты XX в., видят уже существующие демократические институты: «Мы хотим действовать так, чтобы избранные институты, Европейский парламент и национальные парламенты, а также представительные комитеты (Экономический и социальный комитет и Комитет регионов) имели больше полномочий для действий и контроля» [European Left Manifesto]. Стоит отметить, что воспроизводство этой стратегии создаёт вызовы для левых сил, так как современные левопопулистские партии экстраполируют еврокоммунистический опыт с национального уровня на общеевропейский в совершенно отличных условиях. Если в Италии второй половины прошлого столетия компартия участвовала в разработке основного закона страны и была одной из наиболее авторитетных политических сил, то современные «леворадикалы», обладая значительно меньшим влиянием, пытаются преобразовать европейскую демократию с помощью тех инструментов, принцип устройства и функционирования которых сами же критикуют.

Исходя из стремлений еврокоммунистических партий двигаться к социализму в рамках демократического политического процесса, необходимо также упомянуть политику «исторического компромисса», которой следовала ИКП в 1970-х годах. Анализируя причины военного переворота в Чили, генсек ИКП (1972–1984) Энрико Берлингуэр пришёл к выводу, что свержение социалистического правительства Сальвадора Альенде стало возможным из-за того, что чилийские левые не смогли найти компромисс с христианско-демократическими силами. С 1975 г. итальянские коммунисты, опираясь на политику «исторического компромисса», призывали к созданию коалиционного правительства «национального единства» [Kindersley, 1981, p. 149]. КПИ, стоявшая на правом фланге еврокоммунизма, озвучивала схожие идеи. После смерти Франсиско Франко и начала демократического транзита лидеру испанских коммунистов С. Каррильо удалось достичь компромисса с премьер-министром Адольфо Суаресом, после чего КПИ перестала выступать против института монархии и призывала к созданию «всеобъемлющего демократического правительства» [Larsen, 2012]. Обращаясь к опыту современных левопопулистских партий, следует упомянуть случай СИРИЗА, которая после парламентских выборов в январе 2015 г. в Греции буквально на следующий день сформировала коалиционное правитель-

ство с правой националистической партией «Независимые греки», что многие расценили как идеологически непоследовательный шаг. Альянс СИРИЗА с правыми был продиктован необходимостью формирования правительства и невозможностью сформировать его своими силами [Agustín, Briziarelli, 2018, p. 34]. В то же время здесь прослеживается воспроизведение еврокоммунистической политики «исторического компромисса». Греческие левые популисты, пытаясь реализовать свою программу и оставаясь в рамках правил демократической политической системы, предпочли союз с идеологическими оппонентами идеи «ортодоксальных коммунистов» о подчинении парламентской деятельности революционным целям и использованию имеющейся народной поддержки для демонтажа существующего конституционного строя [Katsourides, 2016, p. 104].

Заключение

Современные «радикальные» левые и левопопулистские партии продолжают воспроизводить еврокоммунистические практики, хотя на символическом уровне и пытаются разорвать всякие ассоциации с еврокоммунизмом. Вместе с тем еврокоммунизм возник во второй половине XX в. в специфических условиях, которые частично перестали быть актуальными после падения мировой социалистической системы и концептуального оформления неоллиберализма. Помимо этого, еврокоммунистические партии действовали на национальном уровне, и на тот момент вопрос об отношении к проекту европейской интеграции и взаимодействии с наднациональными институтами не стоял на повестке дня.

Стратегия левых популистов на данный момент создаёт противоречие между их «революционными» целями и стремлением не выходить за рамки либеральной демократии европейского образца, вынуждая их воспроизводить еврокоммунистическую тактику в отсутствие тех факторов, благодаря которым еврокоммунизм сформировался как модификация коммунистической идеологии. Можно прогнозировать, что политическая практика последних десятилетий, которую трудно назвать успешной в части реализации предвыборных обещаний и коренной трансформации политических систем в своих странах, вынудит левопопулистские партии к идеологической саморефлексии и переосмыслению своих ключевых идеологических позиций.

Список литературы

- Ларионова М.В. 2017. Дискурсивная стратегия испанской партии «Подemos»: политика как борьба за смыслы. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 17 (4): 389–394.
- Материалы VIII съезда Итальянской коммунистической партии. М., Госполитиздат, 1957, 344.
- Попов Л.Б. 2008. Воспоминания о еврокоммунизме. М., Международные отношения, 160.
- Шмелев Д.В. 2018. Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л. Меланшона. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 11 (3): 69–84.
- Agustín Ó.G. 2020. Left-wing populism: The politics of the People. Bingley, Emerald Publishing Limited, 153.
- Agustín Ó.G., Briziarelli M. 2018. Podemos and the new political cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics. Cham, Springer, 299.
- Balampanidis I. 2018. Eurocommunism: From the communist to the radical European Left. London, Routledge, 266.
- Casullo M.E., Ostiguy P. 2017. Left versus right populism: antagonism and the Social Other. Available at: www.psa.ac.uk/sites/default/files/conference/papers/2017/Ostiguy%20and%20Casullo_0.pdf (accessed 22 September 2022).
- Charalambous G., Ioannou G. 2020. Left Radicalism and Populism in Europe. London, Routledge, 288.
- Elhefnawy N. 2022. Centrism and Populism: A Note. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4137523>. (accessed 22 September 2022).
- European Left Manifesto Available at: <https://www.european-left.org/manifesto>.
- Identity and democracy Party Available at: <https://www.id-party.eu>.

- Katsourides Y. 2016. *Radical left parties in government: The cases of SYRIZA and AKEL*. London, Palgrave Macmillan, 170.
- Kindersley R. 1981. *In search of Eurocommunism*. London, Macmillan Press, 218.
- Larsen P. 2012. *Santiago Carrillo (1915–2012): el hombre que traicionó dos revoluciones socialistas*. Available at: <https://www.marxist.com/carrillo-obituary-es.htm>. (accessed 22 September 2022).
- March L. 2012. *Radical left parties in Europe*. London, Routledge, 259.
- Mouffe C. 2018. *For a left populism*. London, Verso Books, 101.
- Mudde C. 2016. *SYRIZA: The failure of the populist promise*. Cham, Springer, 98.
- Prentoulis M. 2021. *Left Populism in Europe: Lessons from Jeremy Corbyn to Podemos*. London, Pluto Press, 184.
- Rosanvallón P. 2021. *The Populist Century: History, Theory, Critique*. Cambridge, Cambridge Polity Press, 223.

References

- Larionova M.V. 2017. *Diskursivnaya strategiya ispanskoj partii «Podemos»: politika kak bor'ba za smysly* [Discursive strategy of the Spanish Podemos party: politics as a struggle for meanings]. *Proceedings of the University of Saratov. New Series. Series Philology. Journalism*. 17 (4): 389–394 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-389-394
- Materialy VIII sjezda Ital'janskoj kommunističeskoj partii [Materials of the VIII Congress of the Italian Communist Party]. M., Gospolitizdat, 1957, 344 (in Russian).
- Popov L.B. 2008. *Vospominanija o evrokommunizme* [Memories of Eurocommunism]. Moscow, International Relations, 160 (in Russian).
- Shmelev D.V. 2018. *Levyj populizm v stranah Zapada. Fenomen ŽH.-L. Melanshona. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Left-wing populism in Western countries. The phenomenon of J.-L. Melanchon. Contours of global transformations: politics, economy, law]. 11 (3): 69–84 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-69-84
- Agustín Ó.G. 2020. *Left-wing populism: The politics of the People*. Bingley, Emerald Publishing Limited, 153.
- Agustín Ó.G., Briziarelli M. 2018. *Podemos and the new political cycle. Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics*. Cham, Springer, 299.
- Balampanidis I. 2018. *Eurocommunism: From the communist to the radical European Left*. London, Routledge, 266.
- Casullo M.E., Ostiguy P. 2017. *Left versus right populism: antagonism and the Social Other*. Available at: www.psa.ac.uk/sites/default/files/conference/papers/2017/Ostiguy%20and%20Casullo_0.pdf (accessed 22 September 2022).
- Charalambous G., Ioannou G. 2020. *Left Radicalism and Populism in Europe*. London, Routledge, 288.
- Elhefnawy N. 2022. *Centrism and Populism: A Note*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4137523>. (accessed 22 September 2022).
- European Left Manifesto Available at: <https://www.european-left.org/manifesto>.
- Identity and democracy Party Available at: <https://www.id-party.eu>.
- Katsourides Y. 2016. *Radical left parties in government: The cases of SYRIZA and AKEL*. London, Palgrave Macmillan, 170.
- Kindersley R. 1981. *In search of Eurocommunism*. London, Macmillan Press, 218.
- Larsen P. 2012. *Santiago Carrillo (1915–2012): el hombre que traicionó dos revoluciones socialistas*. Available at: <https://www.marxist.com/carrillo-obituary-es.htm>. (accessed 22 September 2022).
- March L. 2012. *Radical left parties in Europe*. London, Routledge, 259.
- Mouffe C. 2018. *For a left populism*. London, Verso Books, 101.
- Mudde C. 2016. *SYRIZA: The failure of the populist promise*. Cham, Springer, 98.
- Prentoulis M. 2021. *Left Populism in Europe: Lessons from Jeremy Corbyn to Podemos*. London, Pluto Press, 184.
- Rosanvallón P. 2021. *The Populist Century: History, Theory, Critique*. Cambridge, Cambridge Polity Press, 223.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 28.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Принята к публикации 11.11.2022

Received 28.09.2022

Revised 10.10.2022

Accepted 11.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каторжевский Павел Николаевич, аспирант кафедры теории и философии политики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

 [ORCID: 0000-0002-4640-9018](https://orcid.org/0000-0002-4640-9018)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel N. Katorzhevskij, Postgraduate student in the Department of Theory and Philosophy of Politics at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

УДК 327

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-906-914

Оригинальное исследование

Борьба элит за власть в Италии в конце 1940-х гг. и влияние её исхода на выбор страной евроатлантического курса

Еряшев Н.И.

МГИМО МИД России,

Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76

Email: eryashev_n_i@my.mgimo.ru

Аннотация. В статье указывается на неубедительность существующих теоретических объяснений формирования союзов в послевоенной Европе. Предпринята попытка очертить механизм выстраивания союзнических отношений между государствами, для чего сформулирована модель внутривнутриполитической элитной конкуренции с косвенным участием в ней внешних игроков. Проводится проверка выведенных из модели гипотез на примере борьбы за власть между коммунистами и социал-демократами в Италии во второй половине 1940-х гг. Согласно анализу, иностранная помощь СССР и США каждой из двух групп соответственно сыграли ключевую роль в определении внешнеполитического курса Рима.

Ключевые слова: союзы, реализм, теория элит, НАТО, Италия, холодная война

Для цитирования: Еряшев Н.И. 2022. Борьба элит за власть в Италии в конце 1940-х гг. и влияние её исхода на выбор страной евроатлантического курса. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 906–914. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-906-914

The Elite Struggle in Italy in the Late 1940-s and its Influence on the Country's Euro-Atlantic Strategic Posture

Nikita I. Eriashev

Moscow State Institute of International Relations,

76 Vernadsky Ave., Moscow 119454, Russia

Email: eryashev_n_i@my.mgimo.ru

Abstract: Since the late 1940-s, the United States has played an important role in European economic reconstruction as well as its security. Washington's military strategy of containment and offshore balancing in response to the Soviet threat has been thoroughly analyzed and documented. However, what remains unclear is the reasons why Western Europe opted for the US as an ally when other alternatives were open. Many realist scholars have ascribed this strategic choice to countries' propensity to balance threats. In contrast, the author argues that while the realist theory may be suited for explaining the US interests in the region, it can hardly account for Europe's willingness to accept American involvement in its security affairs. Historical evidence suggests that there existed other paths which were not taken due to specific outcomes of elite struggle in Western European countries. The elite theory proposed by the author, which takes into account domestic factors and conflicting interests, is therefore better equipped to explain why Italy embraced an alliance with America rather than side with the USSR in spite of the popularity communists enjoyed there.

Key words: alliances, realism, elite theory, NATO, Italy, Cold War

For citation: Eriashev N.I. 2022. The Elite Struggle in Italy in the Late 1940-s and its Influence on the Country's Euro-Atlantic Strategic Posture. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 906–914 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-906-914

Введение

В ходе Второй мировой войны США вышли в абсолютные лидеры по объемам промышленного производства, финансовых ресурсов и уровню развития технологий [Amadeo, 2019]. На долю Америки приходилась примерно половина мирового ВВП, в стране было сконцентрировано до 66 % мировых золотовалютных резервов [Green, 1999].

При этом другая сверхдержава – СССР, потеряв в ходе войны около половины национального богатства [Вознесенский, 1948], при наличии сопоставимой военной мощи значительно уступала Соединенным Штатам в объемах материального производства. Тем не менее победа в войне существенно укрепила имидж СССР и коммунизма в целом, а экономическая разруха на европейском континенте дала новый импульс подъему левых движений, которые в своей политике ориентировались на СССР [Mawdsley, 2017].

Послевоенная Европа в условиях становления биполярности утратила свой статус мирового центра силы: ее экономика потерпела серьезный ущерб от войны [Федечко, 2015], военные возможности были существенно ограничены, а собственные ресурсы для восстановления фактически отсутствовали [MacMillan, 2009].

В таких условиях европейские страны встали перед стратегическим выбором своего дальнейшего пути. Отслеживая ход исторических событий, можно увидеть, что существовало три основные альтернативы: примкнуть к США, что сулило существенные экономические выгоды, присоединиться к СССР, привлекательность которого значительно выросла благодаря победе Красной Армии в борьбе с фашистами, а также занять нейтральную позицию или объявить о своем «неприсоединении» к военно-политическим блокам.

Каждая альтернатива в долгосрочной перспективе имела как плюсы, так и недостатки. Так, примыкание к тому или иному лагерю хоть и давало определенные преимущества в обеспечении безопасности и, пускай и в разной степени, послевоенного восстановления, все же увеличивало зависимость данных стран от решений Вашингтона и Москвы. В то же время нейтралитет закреплял за страной относительную свободу действий, но не гарантировал приток внешних ресурсов для восстановления экономики и предоставление обязательств по защите.

Какие факторы стали определяющими в выборе между тремя вариантами долгосрочного стратегического курса? Предложенные исследователями ответы служат примерами двух диаметрально противоположных подходов к объяснению формирования союзов. В соответствии с первым, внешнеполитическая ориентация европейских государств была определена принадлежностью войск, находившихся на их территории на момент окончания войны [Наринский, 2008; Петров, 2011]. Во многих случаях очертания военно-политических блоков действительно совпали с размещением советских и американских частей. Однако при более детальном рассмотрении можно увидеть, что такая точка зрения упускает из виду ряд важных обстоятельств.

Во-первых, популярность СССР среди населения стран заметно выросла еще до того, как туда вошли части Красной армии [Томпсон, 1958; Кемелария, 2013]. Во-вторых, советская модель вызвала интерес и в Западной Европе: социалисты и коммунисты пользовались широкой поддержкой во Франции и Бельгии [Markham, 1986], а в Италии у них существовал реальный шанс завоевать победу на выборах [Del Piero, 2001]. В-третьих, в силу природы национализма сложно представить, что какому-либо государству удастся на долгое время подчинить другое за счет угрозы применить силу, – для закрепления влияния необходима как минимум настроенная на сотрудничество элита, которую поддерживает часть населения [Mearsheimer, 2018]. Наконец, Соединенные Штаты до создания НАТО имели весьма ограниченный контингент на территории западноевропейских стран [Zimmermann, 2009].

Что касается детерминистского объяснения, то его предлагает ведущая теоретическая школа исследования международных отношений – реализм. Реалисты обращают внимание на

то, что, несмотря на абсолютный отрыв США по экономическим и военным показателям, география западноевропейских стран предопределила их союз с Вашингтоном [Walt, 1985].

С.М. Уолт справедливо отмечает, что способность проецировать силу обратно пропорциональна расстоянию. СССР обладал самой крупной сухопутной армией и после войны сумел укрепить свои стратегические позиции, продвинувшись далеко на запад. Несмотря на то, что Москва значительно уступала Вашингтону в морских и воздушных силах и временно не обладала ядерным оружием, Красная Армия во много раз превосходила контингенты других стран по численности, что, с точки зрения западноевропейских государств, представляло угрозу их суверенитету [Karber, Combs, 1998]. С другой стороны, непосредственная близость может породить и присоединение к доминирующей силе, сопротивление которой в силу разрыва военных возможностей не представляется оправданным.

С точки зрения неореалистов, раскол Европы на два лагеря был неизбежен: у восточноевропейских государств не было альтернатив, кроме как примкнуть к СССР, тогда как единственно разумным выбором для западноевропейских стран стал союз с США.

Однако при кажущейся аналитической силе реализма этот подход не лишен недостатков. Он страдает излишним детерминизмом, предоставляя географии право определять внешнеполитическую ориентацию государств. Получается, Западной Европе было предназначено вступить в НАТО, кто бы ни пришел к власти в этих странах после окончания войны. В условиях, когда география определяет все, политикам тщетно пытаться привлечь на свою сторону другие государства, а исследователям – формулировать рекомендации для достижения данной цели. В то же время история изобилует примерами, когда позиция руководства сыграла определяющую роль в формировании внешнеполитического курса стран.

В рамках данной работы автор предлагает отказаться от упрощенных представлений об истоках формирования военно-политических союзов в послевоенной Европе. Ситуативный фактор наличия военных контингентов на определенной территории не является ни необходимым, ни достаточным объяснением союзнических отношений. С другой стороны, попытки вывести «универсальные» закономерности слишком абстрактного характера иногда чреваты подгонкой действительности под теорию, что существенно снижает доверие исследователя последней. Следовательно, для объяснения рассматриваемого феномена – формирования союзов – необходимо сформулировать теоретическую модель, которая бы указывала на более расширенный набор переменных, не отрицая при этом социальную природу международных отношений.

Межэлитная конкуренция и формирование союзнических отношений

В качестве методологии для анализа формирования союзов автор предлагает использовать модель конкуренции политических элит [Eriashv, Makarycheva, 2021]. В рамках данной концепции отрицается монолитная природа государства. Напротив, оно выступает в виде арены, на которой отдельные группы борются за власть, впоследствии определяя не только контуры внутреннего развития, но и внешнеполитический курс [Moravcsik, 1997]. Поскольку управление без легитимности весьма затруднительно, противоборствующие элиты стремятся заручиться поддержкой населения, обещая взамен определенный набор благ [Putnam, 1988].

Нередко для победы во внутривнутриполитической борьбе задействуется внешняя помощь со стороны более ресурсобеспеченных держав. Следовательно, чтобы повлиять на исход борьбы, заинтересованному государству необходимо предоставить дружественной группе материальную или дипломатическую поддержку, которая позволит ей продемонстрировать населению выгоды от сотрудничества. Пришедшая к власти группа заключит союз с тем актором, который предоставлял ей помощь. Таким образом, внешняя поддержка может стать источником повышения легитимности элиты, что увеличивает ее шансы прихода к власти и ее удержания.

Важно отметить, что в зависимости от ресурсной обеспеченности того или иного крупного государства, а также от его интересов поддержка может иметь разный охват. Расширив ее масштаб, можно добиться удовлетворения большинства населения союзом и надолго обезоружить внутривнутриполитического оппонента младшего партнера. Сужение охвата в краткосрочной перспективе позволяет добиться экономии ресурсов, однако опора на узкую группу чревата ростом недовольства населения, что может спровоцировать смену элит в том случае, если патрон существующего режима вдруг откажется поддерживать его вооруженной акцией.

Таким образом, страны будут склонны формировать союз с той державой, которая оказала наибольшую поддержку дружественной элите, тем самым обеспечив ее приход к власти. При этом поддержка может иметь различные формы: от экономической помощи и программ восстановления до использования военных контингентов для предотвращения прихода к власти недружественной группировки и пропагандистской кампании, направленной на ее дискредитацию. Помимо этого, она может выражаться в дипломатических жестах, например, в поддержке претензий на территорию, присоединение которой также поднимает популярность элиты в глазах населения, или вступления страны в престижную международную организацию.

По данному сценарию развивались события в рассмотренном автором историческом сюжете – борьбе элит за власть в Италии в конце 1940-х гг., в ходе которой противоборствующие политические группировки активно использовали поддержку извне для того, чтобы прийти к власти и удержать её. Данное противоборство, а также размеры поддержки, выделенной в соответствии с приоритетами и материальными возможностями сверхдержав, определили стратегический выбор государства на долгие годы вперед.

Упущенный шанс Итальянской коммунистической партии: роль дипломатии СССР

На политическом ландшафте Италии после окончания войны доминировали две политические силы. Коммунистическая партия Италии (ИКП) к концу 1945 года насчитывала 1,7 млн членов. Благодаря своей роли в сопротивлении она пользовалась широкой популярностью среди населения. Учитывая революционный дух партии, не исключался и греческий сценарий развития событий – перерастание политического противоборства в гражданскую войну.

Однако вооруженного конфликта внутри страны удалось избежать, чему в немалой степени способствовала линия Советского Союза. Сталин занимал весьма сдержанную позицию в отношении участия коммунистических партий Франции и Италии во власти, призывая их формировать коалиции с другими политическими силами [Pons, 2005, pp. 205–220]. В то время советский руководитель еще сохранял надежду на продолжение сотрудничества с западными союзниками и их участие в восстановлении СССР путем предоставления кредитов [Pons, 2000].

Осторожный курс Москвы изменился, когда было объявлено о введении в действие плана Маршалла. 3 июля 1947 года один из наиболее известных лидеров итальянской компартии Умберто Террачини предупредил советского посла М.А. Костылева о том, что поступивший из Москвы запрет на участие в плане Маршалла может быть использован Западом против СССР и Италии, под чем, очевидно, имел в виду Италию во главе с коммунистами [Запись, 1947]. Политик был крайне обеспокоен позицией СССР по данному вопросу, учитывая тот факт, что итальянские коммунисты участие в плане оценивали, в целом, положительно и боялись, что отказ приведет к падению их популярности [Martinelli, Righi, 1992].

Итальянские коммунисты безуспешно призывали Москву сделать публичное заявление о предоставлении экономической помощи в случае их победы на выборах. Сталин, осознавая положение экономики в СССР, уклончиво заявил, что такой шаг станет крайне опасным и будет расценен как нарушение суверенитета страны [Pons, 2001]. Более того, советский лидер не считал нужным компенсировать отказ дипломатической поддержкой. В вопросе о принадлежности Триеста И.В. Сталин первоначально занял позицию, не способствующую

росту популярности итальянских коммунистов, проинформировав Тольятти о том, что город необходимо будет передать Югославии [Aga-Rossi, Zaslavsky, 1996]. Это нанесло серьезный урон по имиджу Итальянской коммунистической партии, которая перед предстоящими выборами начала всерьез рассматривать в качестве опции вооруженный переворот.

На это руководство СССР в лице В.М. Молотова отреагировало весьма категорично. 26 марта 1948 года он направил послу М.А. Костылеву телеграмму с требованием уведомить Тольятти о том, что СССР рассматривает силовое решение проблемы только как крайнюю меру – к ней прибегать следовало только в случае, если «реакционные силы» выступят с оружием в руках [Pons, 2001]. На тот момент, по мнению советского наркома, вооруженное восстание было бы авантюрой. В результате итальянские коммунисты оказались в патовой ситуации: позиция СССР по плану Маршалла и отсутствие у Москвы возможности предложить привлекательную альтернативу выставили партию в качестве реакционной силы, а отсутствие обещаний о поддержке в случае прихода к власти непарламентским путем сделало революцию бесперспективной [Ефимова, 2007].

Благодаря этому политика коммунистов в Италии и Западной Европе в целом свелась к пропагандистским мерам. Движение сторонников за мир стало проводником политических интересов итальянской компартии, позволило в некоторой степени использовать миротворческую риторику для привлечения сторонников. Однако с начала 1950-х гг. политический курс страны прочно закрепляется в направлении евроатлантической интеграции. Дальнейшие всплески популярности компартии приходится уже на период утраты Советским Союзом влияния над лидерами итальянских коммунистов в силу идеологических расхождений.

Роль американской дипломатии в победе христианских демократов и вступлении Италии в НАТО

Противники коммунистов в лице христианских демократов во второй половине 1940-х гг., напротив, пережили подъем популярности на фоне обещаний материальной поддержки США. Их замысел состоял в том, чтобы добиться более благоприятных условий мира для Италии, заручиться помощью США в восстановлении страны и постепенно укрепить союз с ключевыми западными державами, преодолев прошлое государства «оси».

Поначалу, когда Риму еще была необходима поддержка СССР в вопросе о судьбе Триеста, Москва рассматривалась как своеобразный противовес Лондону в дискуссиях о статусе итальянских колоний [Yergin, 1977], правительство поддерживало участие коммунистов в управлении страной и имело партнерские отношения с Советским Союзом. Однако, увидев возможность избавиться от необходимости делить власть с ИКП при помощи опоры на США, премьер-министр Альчиде Де Гаспери решился на кардинальный шаг.

31 мая 1947 года он сформировал новое правительство, исключив из него коммунистов [Олла, 2005]. Данная мера не могла не встретить положительной оценки США: участие страны в плане Маршалла сразу было одобрено. Однако на 18 апреля 1948 г. были намечены парламентские выборы. Перед голосованием развернулась ожесточенная борьба между христианскими демократами и коммунистами, в которой на исход повлиял ряд факторов.

Во-первых, против коммунистов выступила католическая церковь: священники в проповедях призывали не голосовать за «безбожников», что в условиях глубокой религиозности итальянского народа стало ударом по позициям последних. По всей Италии демонстрировали пропагандистские кадры, изображающие, как коммунисты сбрасывают купола с церквей. Эта программа развернулась не без активного содействия США: недавно образованному ЦРУ была поставлена задача повлиять на исход выборов. С этой целью разведывательное управление предприняло ряд информационно-психологических операций [Miller, 1983; Ellwood, 1993; Del Pero, 2001]. На американские деньги была проведена предвыборная кампания христианских демократов. Из США эмигрантами итальянского происхождения были направлены тысячи писем членам семей с призывами не голосовать за коммунистов.

Наконец, немаловажную роль играло обещание материальной поддержки в рамках программы восстановления. Итальянцы были крайне обеспокоены сложившимся экономическим положением. Особый страх вызывала перспектива остаться без работы. Противники Де Гаспери осознавали это, как и тот факт, что без помощи США реконструкция будет практически невозможной. Тем не менее под давлением Москвы они были вынуждены отвергнуть план, заклеив его как попытку «американского империализма» проникнуть в Европу.

Однако в ответ на эту риторику у прозападных сил был свой аргумент: они выступили с лозунгом «Программа восстановления Европы – мир и рабочие места!» [Whelan, 2003]. Не последнюю роль в популярности идеи участия в плане Маршалла играла пропаганда американского образа жизни, на которую только в Италии ежегодно тратилось около 1 млн долларов. Итальянской публике показывались документальные фильмы, в которых американские рабочие приезжали на завод на собственных машинах [Ellwood, 2003].

Изначально перспективы вхождения Италии в НАТО были весьма туманными. Во-первых, союзники не демонстрировали особого энтузиазма в данном вопросе. Во-вторых, в итальянском обществе были распространены нейтралистские настроения. Однако в условиях наличия внепарламентской оппозиции, способной начать вооруженное восстание, правящие элиты осознавали, что вхождение в западные военные структуры является единственной возможностью обеспечить стабильность в стране и удержаться у власти. Вступление в НАТО и включение страны в программу восстановления Европы – план Маршалла – поставило точку на внутривнутриполитической борьбе и придало правительству Де Гаспери устойчивости [Mansfield et al., 1949].

Заключение

Из анализа итальянского кейса видно, что упомянутые в первой части работы теоретических подходов не могут в полной мере претендовать на объяснение динамики формирования союзов в послевоенной Европе.

Последние солдаты из состава американских оккупационных войск покинули Италию на войсковом транспортном судне «Адмирал Симс» в декабре 1947 года. Следовательно, тезис об определяющем влиянии иностранных контингентов при выборе страной членства в одном из противоборствующих блоков лишен оснований.

Что касается модели баланса сил, то и она неспособна объяснить поведение Рима. Италию с определенной долей условности можно назвать равноудаленной географически от США и СССР. Страна отделена от континентальных держав Альпийским хребтом, прикрывающим северную границу. На тот момент в распоряжении Москвы находилось меньше свободных сил и средств, которые были задействованы в других регионах. Следовательно, Рим был застрахован от внезапного вторжения Красной Армии, имел мало оснований опасаться угрозы своей независимости со стороны СССР. На этом фоне его подпись в числе учредителей НАТО выглядит необоснованной, учитывая какие обязательства накладывает Вашингтонский договор на членов альянса.

Ситуация развивалась не под прямым внешним военным контролем или не на основе абстрактных теоретических соображений, а в условиях ожесточенной внутривнутриполитической борьбы, участники которой имели внешних покровителей, обладающих возможностями для того, чтобы склонить чашу весов при выборе союзника в свою сторону.

Соединенным Штатам, обладавшим достаточным количеством материальных средств, удалось ими грамотно распорядиться для приобретения союзника на Средиземном море. На тактическом уровне путем ряда успешных психологических операций и финансовых вливаний они помогли христианским демократам победить на выборах. В стратегическом отношении участие Италии в плане Маршалла укрепило популярность консервативного правительства и его курса ориентации на США.

Что касается СССР, то, обладая меньшим количеством ресурсов, он не сумел предоставить тот же уровень материальной поддержки коммунистам. В то же время Москва не попыталась компенсировать ее дипломатическими мерами: изначальное отсутствие поддержки в вопросе о Триесте выставило Коммунистическую партию в роли непатриотичных агентов внешнего влияния. Шанс на включение Рима в свою орбиту был упущен.

Список литературы

- Вознесенский Н.А. 1948. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., Госполитиздат, 192.
- Ефимова Е.Ю. 2007. Эволюция Итальянской коммунистической партии во второй половине XX в. Глобальные и региональные проблемы современности: истоки и перспективы, 2: 88–89.
- Запись беседы между М.А. Костылёвым и У.Э. Террачини от 3 июля. 1947. АВП РФ. Ф. 098, Оп. 30, П. 170, Л. 7.
- Кемулария Л.А. 2014. К вопросу о «советизации» Восточной Европы в 1944–1945 гг. Материалы ЛП отчетной научной конференции за 2013 г. Воронеж, Воронежский государственный университет инженерных технологий, 3.
- Наринский М.М. 2008. Советское руководство: проблема границ и сферы влияния СССР в 1941–1946 годах. Вестник МГИМО Университета, 3: 3–12.
- Олла П.Б. 2005. Итальянский транзит: к происхождению внешней политики Италии после Второй мировой войны. Уральский вестник международных исследований, 4: 100–111.
- Петров Н.В. 2011. По сценарию Сталина: роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы 1945–1953 гг. М., РОССПЭН: Фонд «Президентский Центр БН Ельцина», 351.
- Федечко С.А. 2015. ВВП основных стран-участниц Второй мировой войны. Материалы конференции «Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы. Пинск, Полесский государственный университет, 292–294.
- Aga-Rossi E., Zaslavsky V. 1996. The Soviet Union and the Italian Communist Party, 1944–8. The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–53, 161–184.
- Amadeo K. 2019. The Economic Impact of World War II. The Balance. Available at: <https://www.thebalance.com/world-war-ii-economic-impact-4570917> (accessed: 05.10.2022).
- Del Pero M. 2001. The United States and «Psychological Warfare» in Italy, 1948–1955. The Journal of American History, 87 (4): 1304–1334.
- Dinardo R.S. 1997. Glimpse of an Old World Order? Reconsidering the Trieste Crisis of 1945. Diplomatic History, 21 (3): 365–81.
- Ellwood D. 1993. The 1948 Elections in Italy: A Cold War Propaganda Battle. Historical Journal of Film, Radio and Television, 13 (1): 19–33.
- Ellwood D. 2003. The Propaganda of the Marshall Plan in Italy in a Cold War Context. Intelligence and National Security, 18 (2): 225–236.
- Green T. 1999. Central Bank Gold Reserves: an historical perspective since 1845. World Gold Council, 23.
- Karber P.A., Combs J.A. 1998. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: military estimates and policy options, 1945–1963. Diplomatic History, 22 (3): 399–429.
- MacMillan M. 2009. Rebuilding the world after the second world war. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2009/sep/11/second-world-war-rebuilding> (accessed: 05.10.2022).
- Mansfield M., et al. 1949. Mike's Report on Europe-A Survey of Political Economic Developments During 1949 in Europe. In: University of Montana-Missoula. Mansfield Library. Available at: https://scholarworks.umt.edu/mansfield_speeches/35/ (accessed: 21.09.2022).
- Markham J.M. 1986. Communists in Western Europe: Once-Powerful Parties Stagnate. The New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/1986/02/03/world/communists-in-western-europe-once-powerful-parties-stagnate.html> (accessed: 21.09.2022).
- Mawdsley E. 2017. World War II, Soviet power and international communism. Available at: <https://doi.org/10.1017/9781316459850>(accessed: 21.09.2022).
- Mearsheimer J.J., et al. 2001. The tragedy of great power politics. New York: WW Norton & Company, 44.

- Moravcsik A. 1997. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International organization*, 51 (4): 513–553.
- Pons S. 2000. In the Aftermath of the Age of Wars: The Impact of World War Two on Soviet Security Policy. In Silvio Pons and Andrea Romano, eds., *Russia in the Age of Wars 1914–1945*. Fondazione Feltrinelli, Annali, Vol. 34, 277–307.
- Pons S. 2001. Stalin, Togliatti, and the Origins of the Cold War in Europe. *Journal of Cold War Studies*, 3 (2): 3–27.
- Putnam R. 1988. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*, 42 (3): 427–460.
- Toma P.A. 1958. The Slovak Soviet Republic of 1919. *American Slavic and East European Review*, 17 (2): 203–215.
- Walt S.M. 1985. Alliance formation and the balance of world power. *International security*, 9 (4): 3–43.
- Whelan B. 2003. Marshall Plan Publicity and Propaganda in Italy and Ireland, 1947–1951. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, 23 (4): 311–328.
- Yergin D. 1977. *Shattered peace: The Origins of the Cold War and the National Security State*. Boston, Houghton Mifflin Company, 526.
- Zimmermann H. 2009. The improbable permanence of a commitment: America's troop presence in Europe during the Cold War. *Journal of cold war studies*, 11 (1): 3–27.

References

- Voznesenskij N.A. 1948. *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny* [The military economy of the USSR during the Patriotic War]. M., Gospolitizdat, 192.
- Efimova E.Yu. 2007. *Evoluciya Ital'yanskoj kommunisticheskoj partii vo vtoroj polovine XX v.* [Evolution of the Italian Communist Party in the Second Half of the 20th Century]. *Global'nye i regional'nye problemy sovremennosti: istoki i perspektivy*, 2: 88–89.
- Zapis' besedy mezhdu M.A. Kostilyovym i U.E. Terrachini ot 3 iyulya [Recording of a conversation between M.A. Kostylev and U.E. Terracini on July 3]. 1947. AVP RF. F. 098, Op. 30, P. 170, L. 7.
- Kemulariya L.A. 2014. K voprosu o «sovetizacii» Vostochnoj Evropy v 1944–1945 gg. [On the Sovietization of Eastern Europe in 1944–1945]. *Materialy LII otchetnoj nauchnoj konferencii za 2013 g. Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj universitet inzhenernyh tekhnologij*, 3.
- Narinskij M.M. 2008. *Sovetskoe rukovodstvo: problema granic i sfery vliyaniya SSSR v 1941–1946 godah* [Soviet Leadership: the Issue of Borders and Spheres of Influence of the USSR in 1941–1946]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 3: 3–12.
- Olla P.B. 2005. *Ital'yanskij tranzit: k proiskhozhdeniyu vneshnej politiki Italii posle Vtoroj mirovoj vojny* [Italian Transit: on the Origins of Italian Foreign Policy after World War II]. *Ural'skij vestnik mezhdunarodnyh issledovanij*, 4: 100–111.
- Petrov N.V. 2011. *Po scenariyu Stalina: rol' organov NKVD-MGB SSSR v sovetizacii stran Central'noj i Vostochnoj Evropy 1945–1953 gg.* [According to Stalin's Scenario: the Role of Soviet Security Services in the Sovietization of Eastern Europe in 1945–1953]. M., ROSSPEN: Fond «Prezidentskij Centr BN El'cina», 351.
- Fedechko S.A. 2015. *VVP osnovnyh stran-uchastnic Vtoroj mirovoj vojny* [GDP of the main participating countries of the Second World War] *Materialy konferencii «Ustojchivoe razvitie ekonomiki: sostoyanie, problemy, perspektivy*. Pinsk, Polesskij gosudarstvennyj universitet, 292–294.
- Aga-Rossi E., Zaslavsky V. 1996. *The Soviet Union and the Italian Communist Party, 1944–8. The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–53*, 161–184.
- Amadeo K. 2019. *The Economic Impact of World War II. The Balance*. Available at: <https://www.thebalance.com/world-war-ii-economic-impact-4570917> (accessed: 05.10.2022).
- Del Pero M. 2001. *The United States and «Psychological Warfare» in Italy, 1948–1955*. *The Journal of American History*, 87 (4): 1304–1334.
- Dinardo R.S. 1997. *Glimpse of an Old World Order? Reconsidering the Trieste Crisis of 1945*. *Diplomatic History*, 21 (3): 365–81.
- Ellwood D. 1993. *The 1948 Elections in Italy: A Cold War Propaganda Battle*. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, 13 (1): 19–33.

- Ellwood D. 2003. The Propaganda of the Marshall Plan in Italy in a Cold War Context. *Intelligence and National Security*, 18 (2): 225–236.
- Green T. 1999. Central Bank Gold Reserves: an historical perspective since 1845. *World Gold Council*, 23.
- Karber P.A., Combs J.A. 1998. The United States, NATO, and the Soviet threat to Western Europe: military estimates and policy options, 1945–1963. *Diplomatic History*, 22 (3): 399–429.
- MacMillan M. 2009. Rebuilding the world after the second world war. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2009/sep/11/second-world-war-rebuilding> (accessed: 05.10.2022).
- Mansfield M., et al. 1949. Mike's Report on Europe-A Survey of Political Economic Developments During 1949 in Europe. In: University of Montana-Missoula. Mansfield Library. Available at: https://scholarworks.umt.edu/mansfield_speeches/35/ (accessed: 21.09.2022).
- Markham J.M. 1986. Communists in Western Europe: Once-Powerful Parties Stagnate. *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/1986/02/03/world/communists-in-western-europe-once-powerful-parties-stagnate.html> (accessed: 21.09.2022).
- Mawdsley E. 2017. World War II, Soviet power and international communism. Available at: <https://doi.org/10.1017/9781316459850> (accessed: 21.09.2022).
- Mearsheimer J.J., et al. 2001. The tragedy of great power politics. New York: WW Norton & Company, 44.
- Moravcsik A. 1997. Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics. *International organization*, 51 (4): 513–553.
- Pons S. 2000. In the Aftermath of the Age of Wars: The Impact of World War Two on Soviet Security Policy. In Silvio Pons and Andrea Romano, eds., *Russia in the Age of Wars 1914–1945*. Fondazione Feltrinelli, Annali, Vol. 34, 277–307.
- Pons S. 2001. Stalin, Togliatti, and the Origins of the Cold War in Europe. *Journal of Cold War Studies*, 3 (2): 3–27.
- Putnam R. 1988. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*, 42 (3): 427–460.
- Toma P.A. 1958. The Slovak Soviet Republic of 1919. *American Slavic and East European Review*, 17 (2): 203–215.
- Walt S.M. 1985. Alliance formation and the balance of world power. *International security*, 9 (4): 3–43.
- Whelan B. 2003. Marshall Plan Publicity and Propaganda in Italy and Ireland, 1947–1951. *Historical Journal of Film, Radio and Television*, 23 (4): 311–328.
- Yergin D. 1977. *Shattered peace: The Origins of the Cold War and the National Security State*. Boston, Houghton Mifflin Company, 526.
- Zimmermann H. 2009. The improbable permanence of a commitment: America's troop presence in Europe during the Cold War. *Journal of cold war studies*, 11 (1): 3–27.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.10.2022

Received 05.10.2022

Поступила после рецензирования 05.11.2022

Revised 05.11.2022

Принята к публикации 10.11.2022

Accepted 10.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Еряшев Никита Игоревич, преподаватель кафедры истории международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, г. Москва, Россия

Nikita I. Eriashev, history lecturer, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0003-1892-1492](https://orcid.org/0000-0003-1892-1492)

УДК 327+321.61

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-915-923

Оригинальное исследование

Процесс принятия внешнеполитических решений в Королевстве Саудовская Аравия: основные институты и факторы влияния

Магазинникова Е.А. , Рыжов И.В.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2
E-mail: magazinnikova.liza@bk.ru, ivr@fmo.unn.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс принятия внешнеполитических решений в Саудовской Аравии. Подробно описываются внутригосударственный, международный и индивидуальный уровни, поскольку из их взаимодействия складываются окончательные внешнеполитические решения. В исследовании ставится цель – проанализировать, какие формальные и неформальные ограничения влияют на процесс принятия решения на внутригосударственном уровне; какое место занимает Королевство в системе международных отношений; какую роль играет индивидуальный фактор. Исходя из полученных результатов, делаются выводы не только о факторах, влияющих на принятие внешнеполитических решений, но и определяются их значения при продвижении тех или иных интересов. Кроме того, отдельно подводится итог о когерентности, модернизированности и эффективности саудовской системы принятия решений в целом.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, династия, Мухаммед ибн Салман, государственный аппарат, ограничения, система международных отношений

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039А «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

Для цитирования: Магазинникова Е.А., Рыжов И.В. 2022. Процесс принятия внешнеполитических решений в Королевстве Саудовская Аравия: основные институты и факторы влияния. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 915–923. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-915-923

Foreign Policy Decision-Making in the Kingdom of Saudi Arabia: Main Institutions and Factors of Influence

Elizaveta A. Magazinnikova , Igor V. Ryzhov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
2 Ulyanova St., Nizhny Novgorod 603005, Russia
E-mail: magazinnikova.liza@bk.ru, ivr@fmo.unn.ru

Abstract. Saudi Arabia is one of the leaders in the Arab-Muslim world. The kingdom dominates most regional organizations and through them exerts influence by promoting its interests. Thus, there is a need to understand the Saudi logic, exactly how the Kingdom makes foreign policy decisions. This article examines the foreign policy decision-making process in Saudi Arabia. The intra-state, international and individual levels are described in detail, as their interaction makes up the final foreign policy decisions. In examining the process of foreign policy decision-making in Saudi Arabia, special attention is paid to the individual level, which subsequently allowed us to reveal the role of the crown prince in this mechanism

and to analyze his behavior in terms of leadership typology. Based on the results, the article draws conclusions not only about the factors that influence foreign policy decisions, but also determines their importance in the promotion of certain interests. In addition, the coherence, modernization, and effectiveness of the Saudi decision-making system as a whole are summarized separately.

Keywords: Saudi Arabia, dynasty, Mohammed bin Salman, state apparatus, restrictions, system of international relations

Acknowledgments: The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-014-00039A «Models and risks of cooperation in the region of the Near and Middle East in the first quarter of the 21st century».

For citation: Magazinnikova E.A., Ryzhov I.V. 2022. Foreign Policy Decision-Making in the Kingdom of Saudi Arabia: Main Institutions and Factors of Influence. *Via in tempore. History. Political Science*, 49 (4): 915–923 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-915-923

Введение

Саудовская Аравия является одним из лидеров в арабо-мусульманском мире. Королевство занимает доминирующее положение в большинстве региональных организаций и активно использует этот инструмент для оказания влияния и продвижения своих интересов. Таким образом, возникает необходимость в понимании саудовской логики, то, как именно Королевство принимает внешнеполитические решения.

Цель работы – проанализировать, какие формальные и неформальные ограничения влияют на процесс принятия решения на внутригосударственном уровне; какое место занимает Королевство в системе международных отношений; какую роль играет индивидуальный фактор.

Особое внимание уделяется индивидуальному уровню, так как «...политические решения принимают конкретные люди с их конкретными психологическими особенностями» [Алексеева, Казанцев, 2012, с. 19]. Учитывая, что Саудовская Аравия – это абсолютная монархия с правящей королевской династией Аль Сауд, личностный фактор приобретает еще большую актуальность.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить, какие формальные и неформальные ограничения влияют на процесс принятия того или иного решения на внутригосударственном уровне;
- 2) установить, какое влияние имеет Саудовская Аравия на международной арене;
- 3) выявить роль индивидуального фактора.

В рамках рассмотрения процесса принятия внешнеполитических решений в Саудовской Аравии впервые установлено значение индивидуального уровня, что позволило раскрыть роль наследного принца в этом механизме и проанализировать его поведение с точки зрения типологии лидеров.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является процесс принятия внешнеполитических решений. В основе исследования лежат общенаучные методы – исторический подход и анализ научной литературы. Данные методы используются для установления исторических процессов, в рамках которых устанавливается архитектура принятия решения, частнонаучные – системный подход, анализ политических решений, которые определяют факторы и их вес в процессе принятия внешнеполитических решений.

Результаты и их обсуждение

В центре процесса принятия политических решений королевская династия Аль Сауд. Высшей инстанцией законодательной, исполнительной и судебной власти является король.

Король обеспечивает применение шариата (Коран и сунна – Конституция [Основной низам..., 1992] КСА) и, обладая титулом хранителя двух святынь – Мекки и Медины, защищает «истинный» ислам, что только подчёркивает «...образ Саудовской Аравии как «мусульманского Ватикана» [Останин-Головня, 2019, с. 1]. Также король координирует общую политику государства, защиту и оборону нации; назначает должностных лиц, в том числе и наследного принца.

Следующим по важности в процессе принятия решений является Совет или Кабинет министров. Министры-члены Совета являются центром планирования и теоретического обоснования всех аспектов политики Королевства [Нейматов, 2015, с. 5]. Совет собирается каждую неделю, и его возглавляет король или наследный принц. Кабинет занимается как внутренней, так и внешней политикой, а также следит за административными делами государства и координирует деятельность Консультативного совета [Закон Совета Министров]. Кабинет включает премьер-министра (короля), первого заместителя премьер-министра (наследного принца), 23 министров (с 2015 г.), возглавляющих министерства, и 7 государственных министров. Решения Кабинета носят обязательный характер, если они имеют большинство голосов. Если же количество голосов равно, то решающий голос остаётся за премьер-министром.

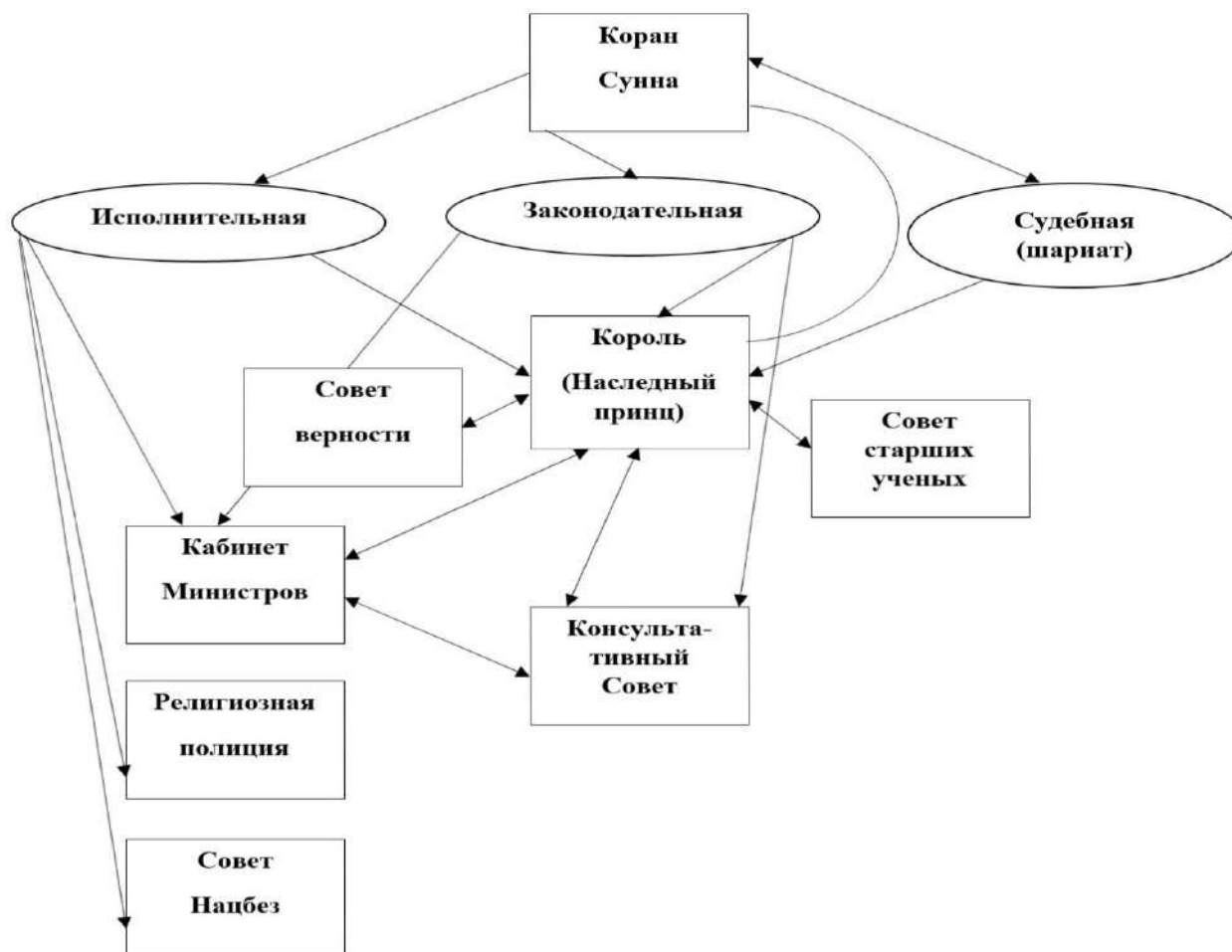

Рис. 1. Государственный аппарат

Fig. 1. State apparatus

Маджлис аш-Шура или Консультативный совет – это законодательный орган, который занимается консультацией короля по вопросам, первостепенным для Саудовской Аравии. В совет входят учёные и иные авторитетные люди.

Консультативный совет состоит из 150 членов, назначаемых королем на четырехлетний возобновляемый срок. Благодаря своему опыту члены назначаются в комитеты. Есть 15 комитетов, включающие: комитет по исламским и судебным вопросам; комитет по торговле и инвестициям; комитет по энергетике и промышленности; комитет по безопасности и военным вопросам; комитет по иностранным делам; комиссия по людским ресурсам и социальному развитию; комитет по образованию и научным исследованиям; комитет по культуре, спорту и туризму; комитет по информации; финансово-экономический комитет; комитет по здравоохранению; комитет по транспорту, связи и информационным технологиям; комитет по правам человека; хадж, жилищно-коммунальный комитет; комитет по водным ресурсам, сельскому хозяйству и окружающей среде ¹⁰⁶.

Совет может предлагать новые законы, вносить поправки в существующие, пересматривать международные договоры и соглашения, концессии [Закон Консультативного совета]. Совет обязан составлять отчеты, которые представляются кабинету министров и непосредственно королю. Также действуют различные министерства и ведомства. Например, Совет верности (в него входят дети, внуки и правнуки Абдул-Азиза по мужской линии) отвечает за престолонаследие; Совет старших ученых (Совет улемов), который еженедельно консультирует короля по религиозным вопросам и гарантирует политическую гегемонию [Косач, 2015, с. 105] династии Аль Сауда. Совет улемов возглавляет Верховный муфтий; Комитет по поощрению добродетели и предотвращению порока (религиозная полиция), которая следит за поведением в общественных местах [Brown, 2018, p. 11]; Совет национальной безопасности.

Международные отношения контролирует МИД, непосредственно отчитываясь перед королём, и по необходимости консультируясь с Маджлис аш-Шура. Основная задача министерства – поиск путей и методов осуществления внешней политики (рис. 1).

Стоит отметить, что в Королевстве действует институт дипломатических исследований, который напрямую связан с Министерством иностранных дел. Цели этого учреждения:

- во-первых, обеспечение сотрудников Министерства иностранных дел и других сотрудников государственных органов знаниями в различных научных областях, связанных с дипломатической работой, с целью повышения их эффективности и производительности;
- во-вторых, подготовка и публикация исследований, связанных с арабскими, исламскими и международными проблемами;
- в-третьих, организация конференций и семинаров по международным дипломатическим и политическим вопросам.

Таким образом, институт дипломатических исследований является важным учреждением не только для подготовки кадров, но и для консультаций по международным делам.

Племена и предприниматели имеют влияние на продвижение того или иного политического решения. В «Основном низаме (положении) о власти» от 1992 года сказано, что «основой саудовского общества является семья». Следовательно, совокупность семей представляет род, а объединение родов образует племя.

Племена играют значимую роль во внутренней политике Королевства Саудовская Аравия, так как они важны для исполнения функций социальной и хозяйственной сферы общества. Так, Г.Г. Косач и Е.С. Мелкумян в книге «Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения» писали, что вожди племен решают конфликты, которые возникают внутри их племен. И это, безусловно, делает их «важными игроками». Однако роль вождей ограничена и контролируется государством, цель которого не только создание из племенных структур гаранта стабильности и безопасности, но и вовлечение их в процесс созидания и развития [Косач, Мелкумян, 2003, с. 196–197].

¹⁰⁶ Специализированные комитеты [Электронный ресурс] // официальный сайт Маджлис аш-Шура. URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/ShuraArabic/internet/Committees/Committees+Jurisdiction+and+Duties/> (дата обращения: 28.07.2022).

Что касается предпринимателей, то большую часть этой группы составляют члены семьи Аль Сауд, которые не являются прямыми наследниками престола, но имеют королевский титул. Например, Фейсал ибн Саттам Аль Сауд – принц и владелец инвестиционной холдинговой компании Jeem. Она включает такие сферы деятельности, как транспорт, строительные материалы, недвижимость. Хуссам ибн Сауд Аль Сауд [Биография Хуссама ибн Сауда Аль Сауд] – принц и владелец торговой компании «Amral Amr», крупной компании по производству пластмассы «Saudi Plastic» и др. Бадр бин Абдалла Аль Сауд [Abul, Alomar, 2017] – принц и бизнесмен, председатель международной медиа-компании «Saudi Research and Marketing Group», владелец саудовской онлайн-службы финансовых новостей «Arqaam» и др.

Таким образом, большинство членов королевской семьи имеют свой бизнес. Более того, практически все принцы входят в Совет министров, а это, несомненно, позволяет им лоббировать первостепенные для них интересы.

Королевство Саудовская Аравия обладает выгодным географическим положением со стратегической точки зрения (в зонах Красного моря и Персидского залива находятся основные грузовые порты, нефтяные и газовые ресурсы, на территории Королевства расположены значимые нефтепроводы и газопроводы, торговые пути); экономика Саудовской Аравии находится в плюсе (реальный ВВП Саудовской Аравии вырос на 7,6 % в 2022 г. по сравнению с 2021г.)¹⁰⁷.

Королевство имеет торговые связи с разными странами (США, РФ, КНР, ЕС и др.), является весомым для мировой экономики экспортером нефти.

Саудовская Аравия уделяет особое внимание обороне, и её рейтинг военной мощи далеко не последний (на 2022 г. в рейтинге военной мощи стран по индексу Global Firepower (GFP) Королевство Саудовская Аравия занимает 20 место¹⁰⁸): государство может не только обеспечивать противодействие или сдерживание военной силы извне, но использовать эти силы для помощи другим странам.

Королевство, с одной стороны, имеет достаточно хорошо организованную систему управления, хотя, с другой стороны, такая модель неидеальна и слишком бюрократизирована, что неизбежно тормозит процесс принятия решений.

Саудовская Аравия состоит во многих международных организациях (ООН, МВФ, ВБ, ВТО), имеет широкий круг дипломатических связей (Саудовская Аравия имеет 102 посольства, 18 консульств, 5 делегаций и коммерческий офис за рубежом).

Королевство Саудовская Аравия позиционирует себя в роли центра суннитского мира [Барановский, Наумкин, 2018, с. 548], что придаёт Королевству особую значимость среди мусульман. Это важно для Саудовской Аравии, потому что Эр-Рияд заинтересован в усилении суннитского влияния в регионе и сохранении той региональной ситуации, при которой в большинстве ближневосточных государств у власти будут находиться мусульмане-сунниты [Рыжов, Бородина, 2019, с. 623]. В Королевстве находятся учреждения, занимающиеся защитой ислама: Всемирная мусульманская лига и Организация Исламского Сотрудничества.

Саудовская Аравия занимает лидирующую роль в большинстве региональных организаций и именно через них оказывает влияние на регион и продвигает свои интересы. КСА состоит в таких организациях, как ССАГПЗ, ОИС, ИВК, ЛАГ, ОПЕК [Cook, Indyk, 2022, p. 16].

Таким образом, Саудовская Аравия может быть определена как региональная держава. Королевство не может оказывать сильное влияние на международной арене, как, например, Россия или США, но может определять полярность в регионе стран Персидского Залива, который, в свою очередь, может оказывать давление на систему международных отношений.

¹⁰⁷ IMF [Электронный ресурс] // официальный сайт INTERNATIONAL MONETARY FUND. URL: <https://www.imf.org/en/Countries/SAU#countrydata> (дата обращения: 28.07.2022).

¹⁰⁸ GFP [Электронный ресурс] // официальный сайт the GlobalFirepower. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=saudi-arabia (дата обращения: 29.07.2022).

Король Саудовской Аравии является последней инстанцией при принятии внешне-политического решения. За монархом всегда остается последнее слово. Однако нынешний король Салман ибн Абдул-Азиз ибн Абдуррахман Аль Сауд, будучи уже в преклонном возрасте, большинство обязанностей возлагает на наследного принца: Мухаммеда ибн Салмана Аль Сауда.

Мухаммед ибн Салман Аль Сауд является министром обороны Королевства Саудовская Аравия, главой Королевского двора и специальным советником хранителя двух Священных мечетей, т. е. короля. Более того, наследный принц возглавляет Совет по экономике, который занимается развитием Королевства, является членом Совета по политическим вопросам и вопросам безопасности, который определяет основные направления политической программы Саудовской Аравии, возглавляет Государственный инвестиционный фонд.

Наследный принц координирует внешнюю политику Королевства, так как король Салман ибн Абдул-Азиз ибн Абдуррахман Аль Сауд наделил его рядом полномочий, к примеру, «...доверил ему множество документов по внешней политике, поручив ему совершить множество зарубежных визитов и от его имени посетить ряд важных мероприятий за рубежом...» [Мухаммед ибн Салман Аль Сауд]. Стоит добавить, что Мухаммед ибн Салман Аль Сауд возглавлял военную операцию международной коалиции «Буря решимости» в Йемене в 2015 г. [Мухаммед ибн Салман Аль Сауд], поддержал оппозицию в гражданской войне в Сирии¹⁰⁹, сформировал исламскую военную коалицию по борьбе с терроризмом – Islamic Military Alliance to Fight Terrorism (IMAFT) в 2015 г.¹¹⁰, создал компанию по военной промышленности Saudi Arabian Military Industries (SAMI)¹¹¹ в 2017 г.

Что касается внутренней политики, то большим успехом пользуется программа Мухаммеда ибн Салмана Аль Сауда «Видение 2030». Несомненно, этот документ является новшеством для традиционного уклада Саудовской Аравии, так как включает в себя реформы, затрагивающие практически все важные сферы жизни Королевства¹¹²: оборону, законодательство (расширение прав женщин), финансы, инвестиции, здравоохранение, космос и др. Однако главная цель программы «Видение 2030» – это снижение использования нефтяных ресурсов и диверсификация экономики Королевства Саудовская Аравия. Следовательно, она направлена на «переход от добычи и экспорта природных ресурсов к глобально интегрированной диверсифицированной экономике с надеждой на привлечение иностранных инвестиций» [Бородина и др., 2020, с. 24].

Наследным принцем была осуществлена и деятельность, связанная по борьбе с коррупцией. Так, в 2017 г. было арестовано «...11 принцев, в том числе миллиардер Альвалид бен Талал» [The New York Times]. Также было предположено, что аресты были вызваны в связи с подозрениями Мухаммеда ибн Салмана Аль Сауда о том, что «...его родственники могут отказать от присяги на верность после смерти короля Салмана» [Parker, Lynch III, 2021, p. 30].

Таким образом, Мухаммед ибн Салман Аль Сауд оказывает сильное влияние на принятие того или иного внешнеполитического решения, потому что практически все изменения и новшества, которые сейчас имеют место в политике Королевства, начали происходить именно после появления наследного принца на политической арене. На Мухаммеда ибн Аль Сауда «...возлагает большие надежды молодое поколение страны» [Федорченко, 2021, с. 67]. Более того, оценивая наследного принца по типологии лидеров по Маргарет Херман, можно предположить, что на внешнеполитическом уровне Мухаммед ибн Салман Аль Сауд

¹⁰⁹ The London Free Press [Электронный ресурс]. URL: <https://lfpres.com/2017/02/08/risk-taking-saudi-prince-gambling-with-stability> (дата обращения: 01.08.2022).

¹¹⁰ IMAFT [Электронный ресурс] // официальный сайт Islamic military counter terrorism coalition: <https://www.imctc.org/ar/AboutUs/History/Pages/default.aspx> (дата обращения: 01.08.2022).

¹¹¹ SAMI [Электронный ресурс] // официальный сайт Saudi Arabian Military Industries. URL: <https://www.sami.com.sa/> (дата обращения: 01.08.2022).

¹¹² «Видение 2030» [Электронный ресурс] // официальный сайт Saudi Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/> (дата обращения: 01.08.2022).

имеет образ «знаменосца», так как, во-первых, у него есть «мечта» о создании мощного Королевства, которое в будущем имело бы значительный «вес» на международной арене. Во-вторых, наследный принц в основном самостоятельно оценивает политическую «повестку дня». В-третьих, Мухаммед ибн Салман Аль Сауд пользуется популярностью среди населения, он способен увлечь массы, иначе как объяснить высокий интерес к совершенно нетрадиционной для Королевства программе «Видение 2030». Что касается внутривластного уровня, то по той же типологии можно выделить два типа – «лидер-служитель» и «лидер-торговец». С одной стороны, наследный принц действует из интересов своих конституэнтов, которыми могут выступать министры, а с другой – Мухаммед ибн Салман Аль Сауд не забывает и о своих интересах. В первую очередь это сохранение и укрепление монархии. Следовательно, для него важно убедить людей, что все действия, предпринимаемые династией, направлены на благо народа.

Заключение

Учитывая все три уровня (внутригосударственный, международный и индивидуальный), можно сделать вывод, что на процесс принятия внешнеполитических решений в Саудовской Аравии влияют, как официальные институты, в частности, связанные с верхушкой власти (Кабинет министров) и исламом, то есть союз власти и улемов остается краеугольным камнем политической системы [Косач, 2015, с. 120], так и положение Королевства в системе международных отношений и связанные с этим ограничения; конкретные люди, имеющие прямой доступ к власти (король, наследный принц). Что касается неофициальных институтов, то они не имеют сильного влияния, хоть и играют далеко не последнюю роль.

Говоря о процессе принятия внешнеполитических решений в Королевстве Саудовская Аравия в целом, можно сказать, что, с одной стороны, государственный аппарат обладает хорошей когерентностью, так как большинство принятых формальных решений выполняется, есть структуры, которые регулируют появляющиеся противоречия, в системе практически отсутствуют «серые зоны». С другой же стороны, система слишком бюрократизирована и не обладает модернизированностью, так как все управление осуществляется из одного центра и принятие основных решений остается всегда за королем, что явно тормозит развитие эффективности, а следовательно, и способности добиваться поставленных целей.

Список источников

- Биография Хуссама ибн Сауда Аль Сауд. URL: <https://web.archive.org/web/01.08.2022> (дата обращения: 01.08.2022).
- Закон Консультативного совета. URL: <https://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/28.07.2022> (дата обращения: 28.07.2022).
- Закон Совета Министров. URL: <https://laws.boe.gov.sa/BoeLaws/Laws/LawDetails/27.07.2022> (дата обращения: 27.07.2022).
- Мухаммед ибн Салман Аль Сауд. URL: <https://www.aljazeera> (дата обращения: 01.08.2022).
- Основной низам (положение) о власти от 1992 года. URL: <https://saudianews.ru/27.07.2022> (дата обращения: 27.07.2022).
- The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/04/world/middleeast/saudi-arabia-waleed-bin-talal.html> (дата обращения: 11.08.2022).

Список литературы

- Алексеева Т.А., Казанцев А.А. 2012. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: учеб. пособие для студентов вузов. М., Аспект Пресс, 223.
- Барановский В.Г., Наумкин В.В. 2018. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: «коллективная монография». М., ИВ РАН, 555.

- Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Аверьянова Д.А. 2020. Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке. *Мировая политика*, 4: 18–31. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.4.34673.
- Косач Г.Г. 2015. Саудовская Аравия: власть и религия // *Политическая наука: Науч. журн. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед.*, 2: 100–125.
- Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. 2003. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М., 236 с.
- Нейматов А.Я. 2015. Внешняя политика и дипломатия Саудовской Аравии в контексте цветных революций «Арабской весны». М., Горячая линия – Телеком, 148 с.
- Останин-Головня В.Д. 2019. Саудовская Аравия и региональная суннитская солидарность // *Сборник по итогам III Международного конкурса студенческих научно-аналитических работ по ближневосточной проблематике им. Е.М. Примакова*. М.: 104–114.
- Рыжов И.В., Бородина М.Ю. 2019. Противостояние шиитов и суннитов на Ближнем Востоке: история вопроса и анализ современного состояния. *Труды Института востоковедения РАН*, 26: 611–629.
- Федорченко А.В. 2021. Экономические реформы в Саудовской Аравии: концепция, первые итоги и перспективы. *Арабский Восток в поиске оптимальных социально-экономических решений: (Коллективная монография) / Отв. ред. А.О. Филоник; Ин-т востоковедения РАН*. М., ИВ РАН, 264 с.
- Abul N., Alomar M. 2017. Bloomberg and Saudi Research and Marketing Group (SRMG) Sign Agreement to Launch «Bloomberg Al Arabiya». E-book. URL: <https://web.archive.org> (дата обращения: 01.08.2022).
- Brown N. 2018. Politics over doctrine: the evolution of sharia-based state institutions in Egypt and Saudi Arabia. George Washington University; Carnegie Endowment for International Peace.
- John W. Parker and Thomas F. Lynch III. 2021. Russia and Saudi Arabia: Old Disenchantments, New Challenges, National Defense University Press Washington, D.C., Institute for National Strategic Studies Strategic Perspectives, 35: 1–82.
- Steven A. Cook and Martin Indyk. 2022. The Case for a New U.S.-Saudi Strategic Compact. Council Special Report, 94: 1–50.

References

- Alekseeva T.A., Kazancev A.A. 2012. Vneshnepoliticheskij process. Sravnitel'nyj analiz The Foreign Policy Process. [A comparative analysis]: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. М., Aspekt Press, 223.
- Baranovskij V.G., Naumkin V.V. 2018. Blizhnij Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste [The Middle East in a Changing Global Context]: kollektivnaja monografija. М., IV РАН, 555 p.
- Borodina M.Ju., Ryzhov I.V., Aver'janova D.A. 2020. Modeli mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva na Blizhnem Vostoke [Models of Interstate Cooperation in the Middle East] // *Mirovaja politika*, 4: 18-31. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.4.34673.
- Kosach G.G. 2015. Saudovskaja Aravija: vlast' i religija [Saudi Arabia: Power and Religion] // *Politicheskaja nauka: Nauch. zhurn. / РАН. INION. Centr social'nyh nauch.-inform. issled.*, 2: 100–125.
- Kosach G.G., Melkumjan E.S. 2003. Vneshnjaja politika Saudovskoj Aravii. Priority, napravlenija, process prinjatija reshenija [Saudi foreign policy. Priorities, directions, decision-making process]. М., 236.
- Nejmatov A.Ja. 2015. Vneshnjaja politika i diplomatija Saudovskoj Aravii v kontekste cvetnyh revoljucij «Arabskoj vesny» [Saudi foreign policy and diplomacy in the context of the color revolutions of the Arab Spring]. М., Gorjachaja linija – Telekom, 148.
- Ostaniin-Golovnja V.D. 2019. Saudovskaja Aravija i regional'naja sunnitskaja solidarnost' [Saudi Arabia and Regional Sunni Solidarity] // *Sbornik po itogam III mezhdunarodnogo konkursa studencheskih nauchno-analicheskikh rabot po blizhnjevostochnoj problematike im. E.M. Primakova*. М.: 104–114.
- Ryzhov I.V., Borodina M.Ju. 2019. Protivostojanie shiitov i sunnitov na Blizhnem Vostoke: istorija voprosa i analiz sovremennogo sostojanija [Shiite-Sunni Confrontation in the Middle East: History and Analysis of the Present Situation]. *Trudy Instituta vostokovedenija RAN*, 26: 611–629.
- Fedorchenko A.V. 2021. Jekonomicheskie reformy v Saudovskoj Aravii: koncepcija, pervye itogi i perspektivy. Arabskij Vostok v poiske optimal'nyh social'no-jekonomicheskikh reshenij [Economic reforms in Saudi Arabia: Concept, Initial Results, and Prospects. The Arab East in search of

optimal socio-economic solutions]: (Kollektivnaja monografija) / Ed. By A.O. Filonik; In-t vostokovedenija RAN.M., IV RAN, 264.

Abul N., Alomar M. 2017. Bloomberg and Saudi Research and Marketing Group (SRMG) Sign Agreement to Launch «Bloomberg Al Arabiya». Electronic resource. Available at: <https://web.archive.org> (accessed: 01.08.2022).

Brown N. 2018. Politics over doctrine: the evolution of sharia-based state institutions in Egypt and Saudi Arabia. George Washington University; Carnegie Endowment for International Peace.

John W. Parker and Thomas F. Lynch III. 2021. Russia and Saudi Arabia: Old Disenchantments, New Challenges, National Defense University Press Washington, D.C., Institute for National Strategic Studies Strategic Perspectives, 35: 1–82.

Steven A. Cook and Martin Indyk. 2022. The Case for a New U.S.-Saudi Strategic Compact. Council Special Report, 94: 1–50.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.09.2022

Received 26.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Revised 10.10.2022

Принята к публикации 10.11.2022

Accepted 10.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Магазинникова Елизавета Алексеевна, бакалавр, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Elizaveta A. Magazinnikova, bachelor, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky state University, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0003-4628-8639](https://orcid.org/0000-0003-4628-8639)

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Igor V. Ryzhov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia. National Research Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6417-1517](https://orcid.org/0000-0002-6417-1517)

УДК 323.3+327

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-924-934

Оригинальное исследование

Особенности формирования политической элиты Украины

Иванков К.В.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
Россия, 295007, г. Симферополь, проспект Академика Вернадского, 4
E-mail: admiralmyers@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам генезиса и особенностей формирования политической элиты Украины в период с 1991 по 2005 годы и её взаимодействия с крупными политико-экономическими группами как факторами, определившими специфику осуществляемой политической деятельности. Политические процессы, которые разворачивались на Украине после дезинтеграции Советского Союза, создали предпосылки для возникновения в стране системного политического, экономического и культурного кризиса. Его развитие привело к расколу украинского общества, повлияло на вектор трансформации российско-украинских отношений, детерминировало особенности государственного переворота на рубеже 2013–2014 годов и вооруженного конфликта на юго-востоке страны. Действия военно-политического руководства Украины привели к срыву реализации «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений» и, как следствие, невозможности разрешения конфликта мирным путём. Более того, украинская сторона осуществила ряд шагов по милитаризации государства и общества, проводила подготовку к установлению контроля над территориями Донецкой и Луганской народных республик военным путём, а также выдвигала притязания на территории Крымского полуострова. Эти события стали одними из предпосылок специальной военной операции вооруженных сил России. Данные обстоятельства подчеркивают необходимость изучения причин, а также этапов становления и развития сложившейся кризисной ситуации, представляющей собой крупнейший исторический вызов перед российским государством и обществом после распада СССР. Одним из ключевых акторов, обусловивших развитие указанного кризиса, является политическая элита Украины. При подготовке работы автор опирался на нормативные документы, экспертные и аналитические работы, автобиографические материалы. В результате исследования были сформулированы особенности формирования политической элиты Украины, определившие как характер её деятельности, так и вектор социальной и политической трансформации страны. Наиболее значимыми из них являются: построение в государстве системы олигархического капитализма; тесная связь, а впоследствии – и синтез политической элиты, крупных политико-экономических групп, а также части криминальных группировок страны; невозможность разработки и реализации долгосрочной стратегии государственного строительства как результат столкновения противостоящих друг другу региональных элитарных групп, обладающих противоположными взглядами относительно развития страны и необходимого вектора внешнеполитической ориентации. Кроме того, в рамках исследования рассмотрены характеристики политической элиты Украины, определившие низкую эффективность её политической деятельности: nepotизм, клановость, политическая прокрастинация, ориентированность на реализацию преимущественно личных либо групповых интересов в ущерб интересам государства и общества.

Ключевые слова: политическая элита Украины, политический кризис, олигархия, политико-экономические группы, российско-украинские отношения

Для цитирования: Иванков К.В. 2022. Особенности формирования политической элиты Украины. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 924–934. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-924-934

The Features of the Formation of the Ukrainian Political Elite

Kirill V. Ivankov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
4 Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Republic of Crimea, Russian Federation
E-mail: admiralmyers@mail.ru

Abstract. The article considers the problematic aspects of the genesis of Ukrainian political elite, as well as the issues of its relations and synthesis with the main financial and industrial groups of the country. The purpose of the research is to reveal the key features of the formation and evolution of the political elite of Ukraine, which determined the nature of its political activity. The research is based upon a set of sources, including laws, regulatory documents, autobiographical materials, research working papers and reviews. In addition, the sociological data have been analyzed. In context of the analysis of political activities carried out by the political elite of Ukraine, the status and functional approach have been used. In this regard, the concept of political elite is considered as group of people with certain capital and administrative resources that united by a number of common interests: the desire to possess the levers of real power, and after receiving them – the desire to maintain a monopoly on this power. In addition the main characteristics of the political elite of Ukraine which determined the low efficiency of its political activity have been examined, including nepotism, political procrastination and tribalism. In the result of research under consideration the set of inferences was given. The key feature of political power in Ukraine is the system of clan-based oligarchic capitalism with strong connection and synthesis of government with political and economical groups (especially financial and industrial groups). The mentioned feature resulted in impossibility of developing and implementing a long-term strategy for state building and social transformations. The policies conducted by Ukrainian political elite have determined the crisis vector of social and political transformations. In addition, they have created the preconditions for social split and territorial fragmentation of Ukraine.

Keywords: political elite of Ukraine, political crisis, oligarchy, political and economical groups, Russian-Ukrainian relations

For citation: Ivankov K.V. 2022. The Features of the Formation of the Ukrainian Political Elite. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 924–934 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-924-934

Введение

События рубежа 2021–2022 годов ознаменовали начало фундаментальных трансформаций системы международных отношений. Рост напряженности на мировой арене и риск эскалации конфликтов вблизи западных границ Российской Федерации актуализировали дискуссии по вопросам международной и региональной безопасности. 15 декабря 2021 года российской стороной были представлены проекты Договора между Россией и США о гарантиях безопасности, а также Соглашения о мерах обеспечения безопасности России и государств-членов Организации Североатлантического договора. Однако ответ американской стороны по указанным вопросам продемонстрировал отсутствие единой позиции по ключевым позициям обеспечения международной безопасности [Текст послания Министра..., 2022].

19 февраля 2022 года Президент Украины В. Зеленский в своём выступлении на 58-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности озвучил заявление о намерении поставить под сомнение положения «Меморандума о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к «Договору о нераспространении ядерного оружия», что в перспективе означало разработку украинской стороной собственного оружия массового уничтожения [Выступление Президента Украины..., 2022]. Вместе с тем украинской стороной продолжалось систематическое нарушение ключевых положений «Комплекса мер по вы-

полнению Минских соглашений», осуществлялась подготовка к разрешению конфликта на юго-востоке страны силовым методом. Украинское общество милитаризовалось, увеличивалась численность личного состава националистических военизированных формирований. В дополнение к этому иностранными государствами, в частности государствами-членами Организации Североатлантического договора, осуществлялись поставки на территорию страны вооружений и техники, а также размещалась военная инфраструктура.

Указанные обстоятельства представляли собой значительную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Действия украинской стороны привели к объявлению 24 февраля 2022 года начала специальной военной операции на её территории [Обращение Президента Российской Федерации..., 2022; В МИД РФ..., 2022]. После начала специальной военной операции государствами так называемого «коллективного Запада» стала оказываться значительная финансовая, идеологическая, дипломатическая, разведывательная, а также военно-техническая помощь украинской стороне. Санкционное и экономическое давление на Российскую Федерацию беспрецедентно усилилось.

Ход специальной военной операции, а также описанные действия иностранных государств инициировали трансформацию системы международных отношений, характеризующуюся значительным ростом напряженности межгосударственных отношений, кризисом и переформатированием международной экономической системы, риском возникновения новых вооруженных конфликтов, а также их спонтанной эскалации, что может привести к началу новой мировой войны. Данные обстоятельства представляют собой экзистенциальный исторический вызов для России.

С целью разработки эффективного ответа на указанный вызов необходимо исследовать этапы его становления и развития, установить причины и определить движущие силы. Отдельного внимания исследователей заслуживают субъекты, чья деятельность определяет возможный вектор трансформации указанного вызова. В этой связи значительный научный интерес представляет вопрос об особенностях формирования, эволюции и специфики деятельности политической элиты Украины. Следует подчеркнуть, что она выступает одним из ключевых субъектов, ответственных за формирование вектора внешнеполитической интеграции Украины, создание и углубление социального раскола внутри страны, развязывание вооруженного противостояния на Донбассе в 2014 году, а также за саботаж мер по мирному урегулированию данного конфликта. Определение причин указанных шагов военно-политического руководства Украины необходимо в контексте разработки и реализации внешней политики Российской Федерации в отношении Украины и государств «коллективного Запада» как в условиях продолжающейся специальной военной операции, так и в контексте разработки внешнеполитической стратегии России после её завершения.

Объект и методы исследования

Целью работы является выявление особенностей формирования и эволюции политической элиты Украины, определивших характер её политической деятельности. Объектом исследования выступает политическая элита Украины. Предмет исследования – особенности генезиса и развития политической элиты Украины, определившие специфику политических процессов в стране.

В ходе исследования использовались положения неинституционального подхода, историко-сравнительного и автобиографического методов. Также применялся вторичный анализ социологических данных. Политическая элита Украины рассматривалась сквозь призму статусно-функционального подхода, который, в отличие от ценностного подхода, предполагает исследование деятельности лиц, занимающих ключевые должности в тех или иных институтах политической системы и обладающих возможностью разработки и принятия управленческих решений, вне зависимости от их профессиональных и личностных качеств [Ашин, 2015].

Хронологические рамки исследования охватывают период с 24 августа 1991 года, момента обретения Украиной независимости, по январь 2005 года – окончание президентства Л. Кучмы, а также события государственного переворота, известного как «Оранжевая революция». В данный период было завершено формирование на Украине системы «олигархического капитализма», которая в дальнейшем определила вектор ряда ключевых политических процессов в стране.

Результаты исследования и их обсуждение

Начало процесса формирования политической элиты Украины было положено в рамках политической системы Советского Союза, что в значительной степени определило особенности функционирования и эволюции политического руководства страны после обретения независимости. Элитарная модель, сложившаяся в СССР, характеризовалась замкнутой структурой, принадлежность к которой определялась занятием руководящих должностей в органах государственной власти. В литературе данная система характеризуется как «партократия», «политическая (или партийная) бюрократия», или же «номенклатура». В этом отношении под «номенклатурой» подразумевались «перечень руководящих должностей, замещение которых производит не руководитель данного ведомства, а вышестоящий партийный орган; а также перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения» [Гаспарян, 2009, с. 90–91].

Важно подчеркнуть, что в рамках системы партийной номенклатуры были распространены коррупционные явления, а различные виды коррупционного поведения были присущи многим союзным, республиканским, краевым и областным государственным и партийным органам [Архипова, 1999]. В этом отношении, указанные практики получили значительное распространение после дезинтеграции Советского Союза, что в значительной степени негативно отразилось на формирующихся политических и экономических системах новых независимых государств.

Ещё одной особенностью начального этапа формирования политической элиты Украины является её разрыв с широкими слоями населения. В этом отношении одной из причин разрушения советского государства был разрыв народа и политического руководства. Возрастающая закрытость правящего класса, его несменяемость на протяжении многих лет привели к низкой эффективности политической деятельности и неспособности быстро и квалифицированно как реагировать на возникающие вызовы, так и разрабатывать и воплощать в жизнь результативную стратегию государственного развития. Более того, образ жизни политического руководства СССР углублял поляризацию общества. Д.В. Омельчук так характеризовал эту проблему: «Хуже всего было то, что таким образом они отделились от народа, возбуждая к себе зависть, злобу и недоверие. Последнее не дает морального права на лидерство. Лидер по приказу или по положению – это уже не лидер, а ненавистный начальник, от которого хочется избавиться. Вожди дискредитировали Идею, и страна рухнула» [Омельчук, 2017, с. 129].

Кроме того, интересы элит ряда новых независимых государств и России начали вступать в противоречие ещё до дезинтеграции СССР. Так, политическое руководство ряда республик считало возможным реализацию планов по их успешному независимому развитию. При этом одним из ключевых элементов данных планов выступали возможные политические договорённости с государствами «коллективного Запада», убеждённости в которых подкреплялась декларациями западных государств относительно предоставления экономической помощи и содействия «вхождению в клуб развитых стран мира». Вместе с тем, указанные элиты не располагали четкими планами действий по организации государственного строительства [Жильцов, 2018, с. 327].

После крушения СССР в новых независимых государствах, в частности на Украине, начался процесс формирования новой элиты, которая стремилась максимально дистанци-

роваться от советского прошлого. Главными силами, отстаивавшими идею независимого украинского государства, выступили две социальные группы: часть общества, выступавшая за капиталистические преобразования и взаимодействие с государствами «коллективного Запада», разделявшая антироссийские и националистические идеи; а также часть интеллигенции. Вместе с тем успех данных групп в политической деятельности был бы невозможен без взаимодействия с представителями бывшей партийно-хозяйственной номенклатуры и поддержки с её стороны [Грач, 2005, с. 20].

В данной связи кардинальной смены элит в молодом украинском государстве не произошло [Бухарин, 2014, с. 138]. Приведённый тезис подтверждается, в частности, тем, что три четверти персонального состава институтов государственной власти Украины на рассматриваемом этапе были представлены выходцами из рядов прежней советской номенклатуры [Гаспарян, 2009, с. 83]. В результате политическую элиту Украины в начале 1990-х годов составляли в основном бюрократические группировки, сформированные из советской административно-партийной, комсомольской и хозяйственной элиты, которые направили свою деятельность на получение контроля над крупными экономическими объектами, предприятиями, а также финансовыми потоками. Политическое руководство страны на указанном этапе не было готово к деятельности в условиях глобализации, не обладало необходимым политическим опытом. Кроме того, оно было неспособно выработать собственную политическую стратегию, не имело планов дальнейшего развития страны в качестве самостоятельного государства [Шайгородский, 2013б; Жильцов, 2018].

В процессе формирования политической элиты Украины в первой половине 1990-х годов одна часть прежнего правящего класса перешла в состав новообразованных органов власти, другая сумела конвертировать свой политико-административный капитал, представленный им высокими должностями, в капитал экономический – частную собственность, либо в должности в учреждениях и на предприятиях, основанных на частной собственности. Часть хозяйственной элиты сумела адаптироваться к рыночным условиям и возглавить в ходе приватизации те предприятия, которые управлялись ею в советское время [Шульга, 2006, с. 27–28].

Явлением, в значительной степени определившим вектор дальнейших трансформаций политической элиты Украины, стало формирование политико-экономических групп, осуществлявшееся в условиях либерализации и демократизации политической и экономической систем, при отсутствии эффективно функционирующих правоохранительных и контрольных органов. [Шульга, 2006]. Во время президентства Л. Кучмы (с 1994 по 2005 годы) развивались процессы формирования крупных бизнес-групп, вхождения предпринимателей в институты государственной власти. Именно в указанный период была сформирована система «кланового капитализма», при которой государство разделялось на сферы влияния различных финансово-промышленных групп, имевших противоположные экономические и политические интересы [Неменский, 2014, с. 104].

Данные группы, согласно принятому в 1995 году закону «О промышленно-финансовых группах в Украине», рассматривались как «объединения, в состав которых могут входить промышленные предприятия, сельскохозяйственные предприятия, банки, научные и проектные учреждения, другие учреждения и организации всех форм собственности, имеющие целью получение прибыли, и которое создано по решению Правительства Украины на определённый срок с целью реализации государственных программ развития приоритетных отраслей промышленности и структурной перестройки экономики Украины, включая программы в соответствии с международными договорами, а также производство конечной продукции» [Закон України..., 1995]. Однако на практике политико-экономические группы, называемые в общественно-политическом дискурсе «финансово-промышленными» (а также «олигархическими» либо «бизнес-политическими»), не соответствовали приведённому в законе определению ни с точки зрения их организационной структуры, ни с точки зрения целей деятельности и подотчетности органам государ-

ственной власти. Кроме того, попытка создания промышленно-финансовых групп на Украине в соответствии с положениями указанного закона была предпринята только через 5 лет после его принятия – речь идёт о создании ПФГ «Титан» в 2001 году [Постанова Кабінету Міністрів України..., 2001].

Приведённая трактовка финансово-промышленных групп не отражает их роли в политической системе страны. Вместе с тем одно из наиболее релевантных определений данного понятия было предложено А.В. Сушко и О.В. Лисничуком. С точки зрения авторов, финансово-промышленные группы (или ФПГ) представляют собой сложный симбиоз политических, экономических, административных, финансовых, организационных, информационных, социальных, культурных и личных составляющих, фактически концентрированное проявление групповых интересов бизнеса и политики. Такие группы занимают ведущую нишу в экономической системе Украины, выступают особым субъектом политической системы, выполняют квазипредставительскую общественно-политическую функцию. Формирование ФПГ происходит в результате получения крупными бизнес-группами контроля над отдельными отраслями промышленности с помощью системы политико-административного патронажа. Ключевым элементом ФПГ выступает финансовый капитал, который концентрируется в эксклюзивно контролируемой банковской структуре [Лісничук, Сушко, 2005, с. 7–8].

Рассмотренным группам присуще рентоориентированное поведение, то есть деятельность, направленная на максимизацию извлекаемой ренты как в экономической, так и в политической деятельности, включая использование механизмов так называемой «хищнической ренты» [Линецкий, 2016; Tullock, 1967; Krueger, 1974]. Кроме того, экономическая деятельность финансово-промышленных групп зачастую связана с использованием торговых компаний, зарегистрированных в так называемых «оффшорах» – территориях, в пределах которых для компаний-нерезидентов определяется особый режим регистрации и деятельности. Указанные компании используются в первую очередь с целью уклонения от уплаты налогов и сокрытия нелегальной финансовой деятельности [Быстрова, 2011, с. 227]. В рамках политической деятельности финансово-промышленными группами применяется широкий спектр методов воздействия на политические институты с целью воздействия на принимаемые управленческие решения, включая лоббизм, подкуп депутатов Верховной Рады Украины, подчинение интересам группы отдельных политических партий, коррупционные и иные криминальные методы воздействия, а также введение в состав органов законодательной и исполнительной власти подконтрольных функционеров. Ещё одной характерной особенностью деятельности финансово-промышленных групп на территории Украины стала значительная концентрация медиаресурсов в подконтрольных им медиа-холдингах. При этом получение контроля над медиа-системой страны осуществлялась не только в формате покупки медиа-активов, но и в создании собственных проектов. Данное положение привело к снижению объемов объективной информации в украинских медиа и превратило государственные СМИ в средство поддержки и защиты интересов своих владельцев [Дегтярева, 2016, с. 113].

На начальном этапе существования Украины как независимого государства сформировались крупнейшие политико-экономические группы, действовавшие в исследуемый период: корпорация «Единые энергетические системы Украины» (известна также под названием «бизнес-империи Ю.В. Тимошенко»); группа «Приват» И.В. Коломойского; группа «Интерпайп» В.М. Пинчука; группа «System Capital Management» Р.Л. Ахметова. В период с 1995 по 1999 годы система власти на Украине представляла собой «федерацию различных политико-экономических кланов, которые фактически получили монопольное право на использование целых регионов или ведомств» [Касьянов, 2009; Дегтярева, 2016, с. 36]. На рубеже XX–XXI веков формирование организованных финансово-промышленных групп Украины, известных также под названием «кланы», было завершено. Созданные ими «бизнес-империи», или «корпорации», включали в себя промышлен-

ные предприятия, банки, медиахолдинги, политические организации, движения и партии, а также футбольные команды. Наиболее крупными и влиятельными «кланами» на данном этапе являлись «Донецкий», «Днепропетровский» и «Киевский».

Влияние финансово-промышленных групп на политические процессы в стране значительно усилилось, в результате чего институты государственной власти оказались ими подчинены. Начался процесс синтеза политической власти и крупного бизнеса. Президент Украины, в свою очередь, оказался вынужден сохранять баланс между указанными группами влияния путём регулирования доступа к механизмам приватизации и изъятия ренты. Таким образом, было завершено формирование системы «кланового капитализма», обозначаемой также в отдельных источниках как «олигархический капитализм». В рамках данной системы ограниченное число лиц, связанных с крупными политико-экономическими группами, получило возможность определять развитие политических процессов в стране, включая разработку и реализацию стратегий государственного строительства и внешнеполитической интеграции. Сложившееся положение системной политической коррупции в государстве и обществе, которое позволяет олигархическим кругам манипулировать политическими процессами, направлять их, а также воздействовать на государственные институты с целью реализации собственных интересов, следует характеризовать как явление «state capture», или «захват государства», «приватизация государства» [Sitorus, 2011; Balabushko et al., 2018; Kjaer, 2018].

Указанные особенности политической элиты Украины и связанных с ней финансово-промышленных групп (фактически ставших её частью) привели к ряду деструктивных для государства и общества последствий. Например, политическая элита оказалась неспособна в условиях стремительной социальной и экономической трансформации разработать стратегию, которая позволила бы воспользоваться крайне выгодными экономическими, демографическими условиями, которыми обладала Украина после дезинтеграции Советского Союза, а также её удобным географическим положением. Кроме того, она продемонстрировала неспособность выстраивания добрососедских отношений с Российской Федерацией. Напротив, украинское государство направило свою деятельность на то, чтобы максимально дистанцироваться от России.

Так, украинской стороной вместе с декларированием «многовекторного подхода» во внешней политике и необходимости сохранения тесных связей с государствами-членами Содружества Независимых Государств был взят курс на евроатлантическую интеграцию, что было, в частности, отражено в Постановлении Верховной Рады Украины «Об основных направлениях внешней политики Украины» от 02.07.1993 года [Постанова Верховної Ради України..., 1993]. Кроме того, украинской стороной осуществлялись системные шаги по выстраиванию тесных отношений с Североатлантическим альянсом. В частности, в июле 1997 года была подписана Хартия об особом партнёрстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной, в рамках которой декларировалась необходимость укрепления и углубления отношений между сторонами [Хартия об особом партнерстве..., 1997]. Указанные действия украинской стороны стали началом поэтапного ухудшения российско-украинских отношений.

Построение на Украине олигархического капитализма привело к значительному сокращению каналов рекрутирования новых членов в состав политической элиты. Вместо меритократического принципа отбора кадров для работы в органах государственного управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее профессиональные и способные люди, вне зависимости от их происхождения и связей в украинской элите распространился nepotism (или кумовство). Результатом низкого уровня профессиональной подготовки представителей правящего класса, а также их стремления сохранить положение в институтах государственной власти стала политическая прокрастинация – практика откладывания на более поздний срок необходимых управленческих решений [Шайгородський, 2013а, с. 18–19].

Действия политического руководства Украины в экономической сфере в рассматриваемый период привели и к многочисленным социальным проблемам. Так, значительная часть общества оказалась за чертой бедности, произошла его быстрая поляризация. Были маргинализированы многие профессии, представители которых в СССР составляли своеобразный «средний класс» (в частности, работники сфер образования и здравоохранения). Кроме того, действия политической элиты Украины привели к утрате населением доверия к органам власти. Например, согласно результатам социологических опросов (2 тысячи респондентов в возрасте старше 18 лет), проведённых в мае 2003 года во всех регионах Украины Киевским международным институтом социологии, Центром «СОЦИС», Украинским институтом социальных исследований, Центром «Социальный мониторинг», а также Украинским центром экономических и политических исследований имени А.В. Разумкова, удалось сформулировать ряд позиций, характеризующих отношение широких слоёв населения к политическому руководству страны. В числе прочего исследователями были отмечены проблемы низкого уровня доверия к Верховной Раде Украины (парламенту) и государственной власти в целом, а также нежелание граждан наделять значительными полномочиями президента и судебную власть [Кочубей, 2005 с. 112–113]. Указанные обстоятельства стали основой для социального взрыва и послужили одной из причин массовых акций протеста и государственного переворота на рубеже 2004–2005 годов.

Заключение

Формирование политической элиты Украины осуществлялось в условиях системных трансформаций на рубеже 1980–1990-х годов. Утрата релевантности коммунистической идеологии, разрыв между партийно-хозяйственной номенклатурой и широкими слоями населения страны, а также реформы периода «Перестройки» определили образ действий политической элиты нового независимого государства. После крушения СССР при господствующих тенденциях глобализации и вестернизации на территории Украины происходило формирование нового общества. Его главными целями стали соответствие так называемым «западным ценностям», а также максимизация потребления.

Вместе с тем политическая элита Украины направила свою деятельность на извлечение прибыли из происходящих в стране политических процессов и реформ. Данной цели были подчинены мероприятия по приватизации промышленных предприятий, финансовые реформы, трансформация отраслей здравоохранения и образования. Действия элиты привели к поляризации общества, её тотальному отчуждению от широких слоёв населения. Данные обстоятельства, а также неспособность политического руководства выработать и реализовать эффективную стратегию государственного строительства привели к системному кризису и заложили основы для социального взрыва.

События государственного переворота на рубеже 2004–2005 годов ознаменовали начало нового этапа трансформации украинского государства и общества. Отказ от «многовекторного подхода» во внешней политике и радикальный поворот к евроатлантической интеграции усилили социальные противоречия. Возник цивилизационный раскол в обществе, которым в дальнейшем пользовались противоборствующие политические силы и националистические организации. Указанное обстоятельство создало предпосылки для территориальной фрагментации и разрушения государства.

Список источников

- В МИД РФ рассказали, когда завершится спецоперация России на Украине. 21.04.2022. <https://tass.ru/politika/14431955> (дата обращения: 21.04.2022).
- Выступление Президента Украины на 58-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. 19.02.2022. <https://www.president.gov.ua/ru/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-58-j-myunhenskij-konferenciyi-72997> (дата обращения: 28.03.2022).

- Закон України «Про промислово-фінансові групи в Україні». 21.11.1995. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/437/95-%D0%B2%D1%80#Text> (дата обращения: 12.04.2022).
- Обращение Президента Российской Федерации. 24.02.2022. <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 24.02.2022).
- Постанова Верховної Ради України Про Основні напрями зовнішньої політики України. 02.07.1993. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=3360-12#Text> (дата обращения: 03.11.2022).
- Постанова Кабінету Міністрів України «Про утворення промислово-фінансової групи «Титан». 16.05.2001. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/547-2001-%D0%BF#Text> (дата обращения: 26.06.2022).
- Текст послания Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по тематике неделимости безопасности, направленного 28 января с.г. главам внешнеполитических ведомств США, Канады и ряда европейских стран. 01.02.2022. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1796679/ (дата обращения: 04.11.2022).
- Хартия об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной. 09.07.1997. https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (дата обращения: 04.11.2022).

Список литературы

- Архипова Т.Г. 1999. История государственной службы в России: XVIII–XX века: учеб. пособие. М., Рос. государств. гуманитар. ун-т, 231.
- Ашин Г.К. 2015. Элита: история термина и его применение. <http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatie-termin-pareto-jelitarnyj-vlast-obshhestvo/> (дата обращения: 12.11.2022).
- Бухарин С.Н. 2014. Эволюция элиты (материалы исследования). М., Академический проект; Гаудеамус, 281.
- Быстрова Ю.В. 2011. Оффшоры – налоговый рай. Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 1: 227–230.
- Гаспарян Л.С. 2009. Феномен политической силы в транзитивном украинском обществе: Крым в постсоветский период: дис. ... канд. полит. наук. Симферополь, 189.
- Грач Л.И. 2005. Україна після Кучми. К., «Оріяни», 224.
- Дегтярева О.В. 2016. Коммуникативные стратегии медиахолдингов Украины в легитимации власти и лоббировании интересов финансово-промышленных групп. дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 300.
- Жильцов С.С. 2018. История становления украинского государства (до распада СССР). Проблемы постсоветского пространства, 5 (3): 309–328.
- Касьянов Г.В. 2009. Система владних відносин у сучасній Україні: групи інтересу, клани та олігархія. Український історичний журнал, 1: 160–180.
- Кочубей Л. 2005. Проблемы дослідження електорального простору. Методологічний контекст. Політичний менеджмент: науковий журнал, 2: 108–117.
- Линецкий А.И. 2016. Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития. Полис. Политические исследования, 2: 152–170.
- Лісничук О.В., Сушко О.В. 2005. Чи є політико-економічні групи перешкодою для політичного розвитку України? Київ, Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні, Білорусі та Молдові, 76.
- Неменский О.Б. 2017. Центробежные процессы на Украине после 2014 года. Журнал «Проблемы национальной стратегии», № 6 (45): 103–126.
- Омельчук Д.В. 2017. Александр Панарин. Народ без элиты. В чём оказался прав российский политолог. Взгляд через десятилетия. В кн.: Религия и политика в постсекулярном обществе. Симферополь, ИТ «АРИАЛ», 310.
- Шайгородський Ю.Ж. 2013. Синдром політичної прокрастинації: причини і наслідки. Політичний менеджмент: науковий журнал, 59: 16–29.
- Шайгородський Ю.Ж. 2013. Українська політична еліта: стереотипні практики і виклики сучасності. Сучасна українська політика, 29: 311–334.

- Шульга Н.А. 2006. Этапы становления политической элиты в Украине в годы независимости. Социология: теория, методы, маркетинг, 4: 24–37.
- Balabushko O., Betliy O., Movchan V., Piontkivsky R., Ryzhenkov M. 2018. Crony Capitalism in Ukraine. Relationship between Political Connectedness and Firms' Performance (English). Policy Research working paper. Washington, D.C., World Bank Group, 18.
- Kjaer A.M. 2018. State capture. URL: <https://www.britannica.com/topic/state-capture> (accessed 1 December 2022).
- Krueger A.O. 1974. The Political Economy of the Rent-seeking Society. The American economic review, vol. 64: 293–301.
- Sitorus L.E. 2011. State Capture: is it a Crime? How the World Perceived it? INDONESIA Law Review, 1 (2): 45–68.
- Tullock G. 1967. The Welfare Costs of Monopolies, Tariffs and Theft. Western Economic Journal, 5: 224–232.

References

- Arkhipova T.G. 1999. Istoriya gosudarstvennoy sluzhby v Rossii: XVIII–XX veka [The History of public service in Russia: XVIII–XX centuries]: ucheb. posobie. M.: Ros. gosudarstv. gumanitar. un-t, 231 (in Russian).
- Ashin G.K. 2015. Elita: istoriya termina i ego primenenie [Elite: the history of the term and its application]. Available at: <http://www.elitarium.ru/jelita-ponjatie-termin-pareto-jelitarnyj-vlast-obshchestvo/> (accessed 12 November 2022) (in Russian).
- Bukharin S.N. 2014. Evolyutsiya elity (materialy issledovaniya) [The evolution of the elite (research materials)]. Moscow, Akademicheskii proekt; Gaudeamus [Academic project; Gaudeamus], 281 (in Russian).
- Bystrova Yu.V. 2011. Offshory – nalogovyy ray [The Offshores as a Tax Haven]. Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Scientific notes of OSU. Series: Humanities and social sciences], №1: 227–230 (in Russian).
- Gasparyan L.S. 2009. Fenomen politicheskoy sily v tranzitivnom ukrainskom obshchestve: Krym v postsovetkiy period [The Phenomenon of Political Power in Transitive Ukrainian Society: Crimea in the Post-Soviet Period]. Candidate's Thesis. Simferopol', 189 (in Russian).
- Grach L.I. 2005. Ukraïna pislya Kuchmi [Ukraine after Kuchma]. Kiev, «Oriyani», 224 (in Ukrainian).
- Degtyareva O.V. 2016. Kommunikativnye strategii mediakholdingov Ukrainy v legitimatsii vlasti i lobbirovanii interesov finansovo-promyshlennykh grupp [Communicative Strategies of Ukrainian Media Holdings in Legitimizing Power and Lobbying the Interests of Financial and Industrial Groups]. Candidate's Thesis. Saint Petersburg, 300 (in Russian).
- Zhil'tsov S.S. 2018. Istoriya stanovleniya ukrainskogo gosudarstva (do raspada SSSR) [The history of the formation of the Ukrainian state (before the collapse of the USSR)]. Problemy postsovetkogo prostranstva [Problems of the post-Soviet space], 5 (3): 309–328 (in Russian).
- Kas'yanov G.V. 2009. Sistema vladnikh vidnosin u suchasniy Ukraïni: grupi interesu, klani ta oligarkhiya [The System of Power Relations in Modern Ukraine: Interest Groups, Clans and Oligarchy]. Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal [Ukrainian Historical Journal], 1: 160–180 (in Ukrainian).
- Kochubey L. 2005. Problemi doslidzhennya elektoral'nogo prostoru. Metodologichniy kontekst [Problems of electoral space research. Methodological context.]. Politichniy menedzhment : naukovi zhurnal [The Political Management: scientific journal], 2: 108–117 (in Ukrainian).
- Linetskiy A.I. 2016. Mekhanizm vozdeystviya politicheskikh institutov na khod ekonomicheskogo razvitiya [The Mechanism of Influence of Political Institutions on the Course of Economic Development]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies], 2: 152–170 (in Russian).
- Lisnichuk O.V., Sushko O.V. 2005. Chi je politiko-ekonomichni grupi pereshkodoyu dlya politichnogo rozvitku Ukraïni? [Are The Political and Economic Groups an Obstacle to the Political Development of Ukraine?]. Kïiv, Fond im. Fridrikha Eberta, Regional'ne predstavnistvo v Ukraïni, Bilorusi ta Moldovi [The Friedrich Ebert Foundation, regional agency in Ukraine, Belarus and Moldova], 76 (in Ukrainian).
- Nemenskiy O.B. 2017. Tsentrobezhnye protsessy na Ukraine posle 2014 goda [Centrifugal processes in Ukraine after 2014.]. Zhurnal «Problemy natsional'noy strategii» [Journal «Problems of National Strategy»], 6 (45): 103–126 (in Russian).

- Omel'chuk D.V. 2017. Aleksandr Panarin. Narod bez elity. V chem okazalsya prav rossiyskiy politolog. Vzglyad cherez desyatiletia [Alexander Panarin. A people without an elite. In what the Russian political scientist turned out to be right. A look through the decades]. In: *Religiya i politika v postsekulyarnom obshchestve* [Religion and politics in a post-secular society]. Simferopol', IT «ARIAL», 310 (in Russian).
- Shaygorods'kiy Yu.Zh. 2013. Sindrom politichnoï prokrastinatsii: prichini i naslidki [Political procrastination syndrome: causes and consequences]. *Politichniy menedzhment: naukoviy zhurnal* [The Political Management: scientific journal], 59: 16–29 (in Russian).
- Shaygorods'kiy Yu.Zh. 2013. Ukraïns'ka politichna elita: stereotipni praktiki i vikliki suchasnosti [Ukrainian political elite: stereotypical practices and modern challenges]. *Suchasna ukraïns'ka politika* [The Modern Ukrainian Politics], 29: 311–334 (in Ukrainian).
- Shul'ga N.A. 2006. Etapy stanovleniya politicheskoy elity v Ukraine v gody nezavisimosti [Stages of formation of the political elite in Ukraine during the years of independence]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing], 4: 24–37 (in Russian).
- Balabushko O., Betliy O., Movchan V., Piontkivsky R., Ryzhenkov M. 2018. Crony Capitalism in Ukraine. Relationship between Political Connectedness and Firms' Performance (English). Policy Research working paper. Washington, D.C., World Bank Group, 18.
- Kjaer A.M. 2018. State capture. Available at: <https://www.britannica.com/topic/state-capture> (accessed 7 December 2022).
- Krueger A.O. 1974. The Political Economy of the Rent-seeking Society. *The American economic review*, vol. 64: 293–301.
- Sitorus L.E. 2011. State Capture: is it a Crime? How the World Perceived it? *INDONESIA Law Review*, 1 (2): 45–68.
- Tullock G. 1967. The Welfare Costs of Monopolies, Tariffs and Theft. *Western Economic Journal*, 5: 224–232.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.11.2022

Received 05.11.2022

Поступила после рецензирования 10.11.2022

Revised 10.11.2022

Принята к публикации 10.11.2022

Accepted 10.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Иванков Кирилл Владимирович, аспирант кафедры политических наук и международных отношений, Институт «Гаврическая академия» (структурное подразделение), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация

Kirill V. Ivankov, Postgraduate Student, Chair of Political Sciences and International Affairs, Taurida Academy (Structural Unit), V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0001-9474-8412](https://orcid.org/0000-0001-9474-8412)

УДК 327

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-935-943

Оригинальное исследование

Проблемы и перспективы российско-казахстанских отношений в контексте украинского кризиса

Белашенко Д.А. , **Бурков А.Д.** , **Шоджонов И.Ф.** Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,

Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru, sposhock29@gmail.com, shodzhonov@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются российско-казахстанские отношения, претерпевшие в 2022 г. ряд изменений вследствие обострения украинского кризиса, запустившего трансформацию ряда ключевых принципов действующей системы международных отношений. Целью данного исследования является характеристика современного этапа взаимодействия России и Казахстана. Достижению поставленной цели сопутствует ряд задач, среди которых: сформировать на основе нарративно-исторического материала представление о становлении и развитии российско-казахстанских отношений в постсоветский период; установить ключевые конфликтные точки в отношениях между государствами; выявить основные события и процессы, повлиявшие на динамику двусторонних отношений; спрогнозировать дальнейший характер межгосударственного взаимодействия на основе существующих между Россией и Казахстаном связей с учетом усиления роли внешних акторов (Китая и Турции) на постсоветском пространстве и в Центральной Азии.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, Китай, Турция, украинский кризис, постсоветское пространство, двусторонние отношения

Для цитирования: Белашенко Д.А., Бурков А.Д., Шоджонов И.Ф. Проблемы и перспективы российско-казахстанских отношений в контексте украинского кризиса. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 935–943. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-935-943

Issues and Prospects in Bilateral Russian-Kazakh Relations in the Context of Ukrainian Crisis

Dmitry A. Belashchenko , **Artem D. Burkov** , **Imomidin F. Shodzhonov**

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia

E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru, sposhock29@gmail.com, shodzhonov@inbox.ru

Abstract. The article examines Russian-Kazakh relations, which underwent a number of changes in 2022 due to the aggravation of the Ukrainian crisis, which launched the transformation of a number of key principles of the current system of international relations. The purpose of this study is to characterize the current stage of interaction between Russia and Kazakhstan. The achievement of this goal is accompanied by a number of tasks, including: to form, on the basis of narrative and historical material, an idea of the formation and development of Russian-Kazakh relations in the post-Soviet period; to identify key conflict points in relations between states; to identify the main events and processes that influenced the dynamics of bilateral relations; to predict the further nature of interstate interaction based on the existing ties between Russia and Kazakhstan, taking into account the increasing role of external actors (China and Turkey) in the post-Soviet space and in Central Asia.

Keywords: Russia, Kazakhstan, China, Turkey, Ukrainian crisis, post-Soviet area, bilateral relations

For citation: Belashchenko D.A., Burkov A.D., Shodzhonov I.F. Issues and Prospects in Bilateral Russian-Kazakh Relations in the Context of Ukrainian Crisis. *Via in tempore. History and political science.* 49 (4): 935–943 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-935-943

Введение

Дипломатические отношения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан были установлены практически спустя год после распада СССР, а именно – 22 октября 1992 г. С тех пор сотрудничество двух стран динамично развивается уже 30 лет, и к началу 2022 г. характер взаимоотношений можно было охарактеризовать как полноформатное взаимовыгодное партнерство во всех сферах деятельности. Россия и Казахстан были государствами-основателями и на данный момент состоят в целом ряде международных организаций, в число которых входят Содружество Независимых Государств, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности и Шанхайская организация сотрудничества. Обе страны последовательно выступали и выступают с дипломатическими инициативами, направленными на организацию и развитие Большого Евразийского партнерства [Кортунов, 2020]. Взаимодействие России и Казахстана в рамках этих организаций и за их пределами затрагивает вопросы экономического развития, инвестиционных проектов и двусторонних проектов, международной безопасности и борьбы с терроризмом. Кроме того, налажено тесное сотрудничество в сферах культуры и образования. Динамично развивается общий рынок образовательных услуг, открываются филиалы ведущих государственных и частных учебных организаций [Юнь, 2020].

Вместе с тем отношения между государствами на данный момент переживают не самый лучший период в своём развитии. Определенный тренд на охлаждение межгосударственных отношений был заложен в 2014 г. с началом кризиса в Украине. Важным фактором в этом процессе были экономические проблемы, испытываемые Республикой Казахстан вследствие санкционной политики стран Запада против России – крупнейшего экономического партнера РК на постсоветском пространстве. Роль в этом сыграли также и опасения по поводу возможности повторения «крымского сценария» на территории других государств региона (например, в северных регионах Казахстана) [Walker, 2015]. Дальнейшее усложнение двусторонних отношений связано с эскалацией украинского кризиса в феврале 2022 г.: экономические санкции, введенные Евросоюзом и странами «коллективного Запада» в ответ на проведение Россией специальной военной операции (СВО), привели к установлению Москвой запрета на вывоз нескольких категорий товаров, в перечень которых вошли сложное механическое и электронное оборудование, промышленная техника и транспортные средства. Кроме того, на две недели – с 14 по 31 марта 2022 г. – был ограничен экспорт зерна и кукурузы. Взаимные экономические ограничения ЕС и РФ вызвали беспокойство руководства Казахстана в отношении будущего ЕАЭС, что выразилось в публичных сомнениях насчет смысла существования объединения при появлении нерыночных запретов на общем таможенном пространстве.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования являются двусторонние отношения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, которые по состоянию на 2022 г. имеют особую динамику вследствие трансформации действующей системы международных отношений в контексте современного этапа украинского кризиса. Методологическая база имеет в своей основе системно-структурный метод рассмотрения процессов, происходящих в отношениях этих двух государств. Кроме того, в работе был применён историко-генетический метод, при помощи которого последовательно были рассмотрены события, происходившие во внутренней и внешней жизни исследуемых государств, выявлены особенности их возникновения и влияния их на текущие процессы. Исследование было выполнено в соответствии с принципом си-

стемности, следование которому предполагает комплексное рассмотрение процессов с учетом ключевых факторов их развития. Авторы прибегают также к таким общенаучным методам, как анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, обобщение, систематизация.

Результаты и их обсуждение

Фактически с момента распада СССР между Российской Федерацией и Республикой Казахстан налаживались тесное сотрудничество и взаимодействие, имеющие статус стратегических для обоих государств. Так, 22 октября 2022 г. стало юбилеем установления дипломатических связей между двумя странами [Казахстан и Россия отмечают...]. За столь долгий срок государствам с самой протяженной сухопутной границей в мире удалось наладить взаимодействие в многочисленных сферах, начиная от экономики и заканчивая освоением космоса. Кроме того, необходимо отметить, что Россия и Казахстан является странами основателями, идейными вдохновителями и членами большого числа международных организаций и форумов на постсоветском и евразийском пространстве, имеющих интеграционную или военно-политическую подоплеку. К ним следует отнести СНГ, ЕАЭС, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), ШОС и др. Соответственно, учитывая данные факторы, можно сделать вывод о глубокой взаимозависимости государств. Такой расклад неизбежно влечет за собой также и возникновение кризисных моментов и определенных претензий государств (или части их элит) друг к другу. Так, за 30 лет взаимодействия это были и темы политической и экономической свободы и суверенитета (неоднократно поднимавшиеся Казахстаном), и проблема русофобии в РК, расхождение взглядов на ведение внешней политики (в т. ч. на пространстве бывшего СССР) и, соответственно, порою разные трактовки одних и тех же событий и процессов. Однако в целом это не вызывало эскалации напряженности между странами. Свообразным триггером, вскрывшим ряд «болевых точек» российско-казахстанских отношений, стали события 2022 г. (в частности СВО), что в кратко- или среднесрочной перспективе может существенно повлиять на их стратегический статус.

Первой кризисной точкой становится экономика. Ориентируясь на торговые и инвестиционные показатели Казахстана, можно отметить, что они демонстрируют плюралистичную картину. Казахстан, будучи государством-экспортером нефти и природного газа, имеет прочные торговые отношения с Китаем, который является его крупнейшим торговым партнером; государствами Европы (Италия, Нидерланды, Франция и др.); Россией и странами СНГ, а также Турцией [Умбиталиев, Куланова, 2016, с. 20]. Именно активное развитие нефтегазовой отрасли в середине 2000-х гг. позволило Казахстану достичь опережающих темпов экономического развития и стать одним из богатейших государств постсоветского пространства не только в регионе Центральной Азии, но и за его пределами – так, после экономического кризиса 2008 г. и последующего восстановления экономики Казахстан по объему внутреннего валового продукта обошёл Украину, а в конце 2010-х гг. по показателю ВВП на душу населения вплотную приблизился к России [Мухтарова, 2016]. Свыше половины внутреннего валового продукта обеспечивается добывающей промышленностью. Лидирующее положение Казахстан занимает в производстве урана. Инвестиционный профиль в экономике страны несколько отличается от торгового [Цой, 2022]. Крупнейшими инвесторами в казахскую экономику выступают Нидерланды, США и Швейцария. Россия по инвестиционным показателям занимает четвертое место, Китай – пятое. Ухудшение экономической ситуации в Казахстане, связанное с экстренными мерами России в отношении товарооборота и каскадным эффектом антироссийских санкций, привели к ожидаемому ухудшению двухсторонних отношений [Добринская, Старостенко, 2021].

Второй кризисной точкой становится политическая сфера, здесь резко выделяются сразу несколько событий:

1. Визит министра обороны КНР Вэй Фэнхэ в Казахстан 25 апреля 2022 г., по результатам которого Китай выразил готовность противостоять «вмешательству некоторых крупных

держав в дела Центральной Азии», сохраняя приверженность Декларации о долговременном стратегическом партнерстве между государствами. Традиционно для встреч высокого уровня прозвучали заявления сторон о наращивании сотрудничества в оборонной, антитеррористической и военно-технической областях. Высоко китайской стороной были оценены усилия Казахстана по модернизации вооруженных сил и оборонного потенциала страны [Китай против подстрекательства...].

2. Визит президента Казахстана К.-Ж.К. Токаева в Анкару, в ходе которого с Турцией было заключено соглашение о военном сотрудничестве и открытии в Алматы производства беспилотных летательных аппаратов АНКА. Военно-техническое сотрудничество между двумя государствами уверенно развивалось ещё с 1993 г. вскоре после подписания Межправительственного соглашения о сотрудничестве в области военного образования, на основе которого велось обучение военнослужащих ВС Казахстана в образовательных учреждениях Турции. Кроме того, на протяжении последних трех десятилетий Турцией оказывались и безвозмездные поставки военно-технического оборудования [Игнатова, 2020]. Примечательным открытием нового предприятия является при рассмотрении его как качественно нового взаимодействия, направленного на развитие военно-промышленного комплекса Казахстана. Отдельного внимания также заслуживает заявление сторон о готовности Турции прийти на помощь Казахстану в случае внешней агрессии: ранее подобные союзнические обязательства турецкой стороной открыто не декларировались.

3. Выступление президента Республики Казахстан К.-Ж.К. Токаева на Петербургском международном экономическом форуме, во время которого главой государства было сделано заявление об отказе в дипломатическом признании республикам Донбасса. Вместе с заявлением представителя администрации президента Т.М. Сулейменова 29 марта 2022 г. о том, что «Казахстан не будет инструментом для обхода санкций против России со стороны США и ЕС» [Gotev, 2022], это может быть расценено как напрямую недружественный шаг, однако следует учитывать как контекст высказывания, так и особенности внешней политики Казахстана. В своей речи К.-Ж.К. Токаев выразил обеспокоенность насчет того, что в современном мире в противоречие вступают два принципа: территориальной целостности и права народов на самоопределение. Следствием приверженности именно первому из них президент Казахстана обуславливает то, что республика не признает также «ни Тайвань, ни Косово, ни Южную Осетию, ни Абхазию» [Пленарное заседание Петербургского...]. Важным является и полное отсутствие в речи главы государства критики проводимой Россией специальной военной операции при значительном акцентировании внимания на предоставляемых сложной геополитической обстановкой возможностях для развития сотрудничества между Россией и Казахстаном. Не менее значимой в речи К.-Ж.К. Токаева является приверженность существующим интеграционным потокам и оптимизм насчет будущего ЕАЭС: «Отрадно, что сейчас целый ряд стран проявляет практический интерес к тому, чтобы в том или ином качестве подключиться к деятельности Евразийского экономического союза» [Пленарное заседание Петербургского...].

При прогнозировании перспектив развития отношений между Россией и Казахстаном следует учитывать то, что российское участие в ряде ключевых сфер двустороннего взаимодействия по-прежнему остаётся существенным. Одной из таких областей является высшее образование, где позиции РФ на постсоветском пространстве остаются, безусловно, лидирующими. Во многом это обусловлено статусом русского языка в этих странах, знание которого позволяет студентам из стран СНГ и ЕАЭС поступать в российские учебные заведения и получать образование за счет средств федерального бюджета. Из Казахстана в России за период с 2017 по 2021 гг. ежегодно обучение проходили от 64 до 75 тысяч человек [Осташова, 2022]. По сравнению с аналогичными показателями в 2000–2006 гг. демонстрируется шестикратный рост в количестве студентов из Казахстана. Этому способствует, кроме общего культурного и образовательного пространства, ещё и качество оказываемых образовательных услуг и используемые в обучении технологии. Россия играет важную

роль в модернизации системы образования Казахстана, и глава государства К.-Ж.К. Токаев выразил оптимизм в связи с достигнутым в феврале 2022 г. соглашением по открытию на территории страны филиалов ведущих российских вузов: «Я думаю, что они внесут очень серьезный вклад в развитие образования в нашей стране» [Филиалы каких российских вузов...]. При сохранении данной тенденции количество обучающихся в России или в филиалах российских вузов граждан Казахстана будет неуклонно расти.

Следует учитывать и тот факт, что Россия для Казахстана остаётся неизменно ключевым партнером не только по транзиту энергоресурсов: участие страны в общем рыночном и таможенном пространстве ЕАЭС обеспечивает товарам беспрепятственный доступ к морским торговым путям, рынкам Европы и Северной Америки. На фоне роста российского участия в гуманитарной и торгово-транспортной жизни Казахстана следует обратить внимание на то, что Китай и Турция сохраняют с Россией определенный паритет в данных сферах взаимодействия. Это отвечает стратегическому запросу Казахстана на многовекторность и нейтральность внешней политики [Матюхин и др., 2022]. Так, при содействии Турции активно развивается Транскаспийский транспортный маршрут через Азербайджан и Грузию, что по замыслу казахстанского руководства должно обеспечить безопасность нефтегазового экспорта страны. Китай проводит ограниченную экспансию в сфере образования: количество казахстанских студентов в КНР выросло в последнее десятилетие до отметки в 11–15 тысяч человек и продолжает расти [Serikkaliyeva et al, 2019], что частично удовлетворяет растущий спрос на развитие человеческого капитала.

Тем не менее, несмотря на высокую степень взаимозависимости между государствами, поступательные движения Казахстана в сторону тюркского мира в перспективе могут потеснить Российскую Федерацию как минимум с точки зрения распространения своего влияния в Центральной Азии. Усиление турецких позиций в Киргизии, Узбекистане и в самом Казахстане становится все более заметным. Так, одним из примеров может послужить пограничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном, где Турция, поставляя вооружение Киргизии, вносит определенный дисбаланс в расстановку сил в регионе, провоцируя и без того сложный регион на большие политические и военные потрясения. С учетом дальнейшего военно-политического сотрудничества Казахстана и Турции можно прогнозировать возможную эскалацию напряженности между РФ и РК после завершения СВО на Украине на фоне в том числе неоднозначных заявлений представителей властных структур РК по отношению к своему стратегическому партнёру.

Безусловно, показательными в отношениях между двумя государствами стали январские события в Казахстане. Решительность действий ОДКБ, несмотря на ряд упущений при определении целей и задач миротворческих сил, позволила на практике реализовать главное предназначение организации по защите своих членов, прописанное в статье 4 Устава. Тем не менее даже в этой ситуации нашлось место для критических замечаний со стороны Казахстана. Так, президент К.-Ж.К. Токаев, комментируя распространившееся медиапространстве мнение о «долге» Казахстана перед Россией за «спасение» в январе, ответил, что «миротворческий контингент ОДКБ не является личной армией В. Путина или России», а служит интересам всех стран-участниц, а помощь организации в январских событиях является не «спасением», а защитой интересов всех членов ОДКБ [Токаев призвал прекратить...]. В словах президента отразилась позиция страны по сохранению собственного суверенитета, но в то же время январские события продемонстрировали, что без вмешательства ОДКБ, где большая часть миротворческого контингента и транспорта для его доставки были предоставлены Россией, попытка государственного переворота (либо максимальной внутренней дестабилизации Казахстана) вполне могла быть доведена до конца.

В сентябре-октябре 2022 г. важным кейсом в отношениях между Россией и Казахстаном стал существенно возросший поток мигрантов в РК на фоне объявленной В.В. Путиным 21 сентября частичной мобилизации [Указ «Об объявлении...»]. МВД Казахстана заявило о порядке ста тысяч российских граждан, въехавших на территорию республики за

указанный период [Злобин, 2022]. Ситуация интересна сразу с нескольких сторон. Во-первых, такими темпами в Казахстане начнет воссоздаваться российская диаспора, которая на протяжении последних 30 лет уменьшалась и размывалась под воздействием ряда внешних и внутренних факторов. Соответственно, ее реорганизация повлечет необходимость создания правовых и социокультурных условий в стране их пребывания, а это уже похоже на некое расширение границ «русского мира». Во-вторых, активизируются русофобские тенденции в казахстанской политике и общественных отношениях, неоднократно проявлявшиеся в предыдущие годы, когда, например, за незнание казахского языка можно было получить отказ в медицинской помощи или подвергнуться травле и физическому насилию со стороны «языковых патрулей». Впоследствии такая ситуация может, с одной стороны, интенсифицировать диаспоральную политику Москвы, с другой – создать еще одну кризисную точку в отношениях двух стран.

Заключение

На современном этапе Казахстан, активно предпринимая дипломатические действия в отношении государств региона и за его пределами, демонстрирует традиционное желание сохранить нейтралитет и независимость в принятии решений. Президент К-Ж.К. Токаев наследует в этом устоявшуюся внешнеполитическую традицию Казахстана, а привлечением на первом президентском сроке внешних «гарантий» по защите суверенитета от России (ОДКБ), Китая и Турции он консолидировал свои позиции во властных структурах государства и на мировой арене. Демонстрируемый политическими деятелями республики дискомфорт в отношении российской специальной военной операции в Украине с этой позиции выглядит именно как стремление сохранить устоявшийся внешнеполитический курс, а не желание дистанцироваться от российских проектов в области евразийской интеграции. Это отвечает декларируемым должностными лицами РФ заявлениям. По словам министра иностранных дел России С.В. Лаврова, «Россия не рассматривает регион Центральной Азии как арену для геополитического противоборства – в духе колониальной концепции «большой игры» [Сергей Лавров: Россия – Центральная Азия...]. Ограниченность и соразмерность инвестиций всех сторон в регион обеспечивает динамику взаимодействий в духе «позитивной конкуренции», а не столкновения сфер влияния.

Существует определенный риск того, что российское участие в двусторонних отношениях вынужденным образом станет ограничено вследствие финансовых трудностей, испытываемых Россией в связи с беспрецедентным санкционным давлением стран «коллективного Запада». Об этом говорит и президент России В.В. Путин: «Эти действия, ограничения наносят ущерб нашей экономике. Многие риски еще сохраняются» [Путин: Россия работает над...]. Особенно высоким риск роста экономического ущерба становится, вероятно, в случае введения странами Европейского союза эмбарго на импорт энергоресурсов из РФ, что уже было частично достигнуто в рамках так называемого «шестого пакета» санкций и затрагивает до 90 % всего российского нефтяного экспорта в Европу [Gadzo, 2022]. Несмотря на возможные экономические трудности, вопрос необходимости именно активных инвестиций является спорным. Имеющиеся инструменты влияния не зависят от прямого финансового вмешательства, в отличие от, например, инфраструктурных и транспортных инвестиций Китая и Турции.

Российское влияние в Казахстане имеет, скорее, институциональный характер, охватывает гуманитарную сферу, а сотрудничество между государствами отвечает взаимным стратегическим интересам. В результате, хотя взаимоотношения между Россией и Казахстаном не являются однозначно простыми, значительных рисков по осложнению партнерского взаимодействия она не несет: китайское присутствие в регионе на данный момент ограничено (аналогично европейскому) прямыми финансовыми инвестициями в отдельные сектора экономики и не сталкивается напрямую с российскими интересами; Турция, в

свою очередь, является государством с ограниченными финансовыми и политическими ресурсами, имеет стратегические амбиции в других регионах (интереса заслуживает возобновление военной операции против курдских формирований на севере Сирии) и испытывает в данный момент экономический кризис на фоне непоследовательной финансовой политики администрации Р.Т. Эрдогана [Devranoglu, 2022], что не позволяет ей в полной мере сместить фокус своего геополитического влияния на Центральную Азию и бросить вызов российским проектам в данном регионе, даже несмотря на явную привлекательность для населения Казахстана идей тюркского мира.

Список источников

- Казахстан и Россия отмечают 30-летие установления дипломатических отношений. ИА ТАСС. 22.10.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16126775> (дата обращения: 30 октября 2022).
- Казахстан начал переговоры с Росатомом по поводу возможного строительства АЭС. ИА ТАСС. 27.12.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13304461> (дата обращения: 15 августа 2022).
- Казахстан недоволен введенным РФ запретом на экспорт зерна в страны ЕАЭС. Интерфакс. 22.04.2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/837487> (дата обращения: 15 августа 2022).
- Китай против подстрекательства внешних сил к цветной революции в Казахстане. Sputnik Казахстан. 29.04.2022. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220429/china-kazakhstan-voennoe-sotrudnichestvo-24534397.html> (дата обращения: 15 августа 2022).
- Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 2022. Президент России. Официальный сайт. 17.06.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 15 августа 2022).
- Путин: Россия работает над развитием ж/д и иных поставок нефти в дружественные страны. ИА ТАСС. 8.07.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15168461> (дата обращения: 15 августа 2022).
- Сергей Лавров: Россия – Центральная Азия. 30 лет на пути дружбы и сотрудничества. Российская газета. 05.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/05/sergej-lavrov-rossiia-centralnaia-azii-30-let-na-puti-druzhy-i-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 15 августа 2022).
- Токаев призвал прекратить разговоры о задолжавшем Путину Казахстане Lenta.ru. 17.02.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/17/tokaev/> (дата обращения: 30 октября 2022).
- Указ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» от 21 сентября 2022 года. Президент России. Официальный сайт. 21.09.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69391> (дата обращения: 30 октября 2022).
- Филиалы каких российских вузов откроют в Казахстане. Sputnik Казахстан. 10.02.2022. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220210/filialy-kakikh-rossiyskikh-vuzov-otkroyut-v-kazakhstane-22694488.html> (дата обращения: 15 августа 2022).

Список литературы

- Добринская Е.А., Старостенко А.А. 2021. Анализ транспортно-логистических систем России и Казахстана (транзит Казахстана). Конкурс научно-исследовательских работ студентов Волгоградского государственного технического университета: тезисы докладов, Волгоград, 26–30 апреля 2021 года. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 160.
- Злобин А.В. 2022. Казахстан с начала частичной мобилизации въехали почти 100 000 россиян. Forbes. 27.09.2022. URL: <https://www.forbes.ru/society/478195-v-kazahstan-s-nacala-casticnoj-mobilizacii-v-ehali-pocti-100-000-rossian> (дата обращения: 15 августа 2022).

- Игнатова В.С. 2020. Турция как геополитический фактор в регионе Центральной Азии и Южного Кавказа. Научно-практические исследования, 1–2 (24): 37–40.
- Кортунов А.В. 2020. Восемь принципов Большого евразийского партнерства. Российский совет по международным делам. 25.09.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 15 августа 2022).
- Матюхин А.В., Давыдова А.Ю., Каргаполова Е.В. 2022. Казахстан: векторы внешней политики. Социально-гуманитарные знания, 2: 283–293.
- Осташова Я.В. 2022. Инструменты мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном. Вопросы политологии, 12 (1): 212–217.
- Умбиталиев А.Д., Куланова Д.А. 2016. Позиция Казахстана в мировой экономике. Вестник университета «Туран», 2: 18–22.
- Юнь П. 2020. Сотрудничество России и Казахстана в области высшего образования в контексте единого (общего) образовательного пространства. Образование и право, 4: 286–290.
- Devranoglu N. 2022. Turkey's lira, bonds extend decline on inflation, rate cut concerns. Reuters. 6.08.2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/turkish-lira-weakens-05-against-dollar-2022-06-08> (accessed: 15 August 2022).
- Gadzo M. 2022. 'Shooting themselves in the foot': Western sanctions on Russia. Al Jazeera. 2.06.2022. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2022/6/2/shooting-themselves-in-the-foot-western-sanctions-on-russia> (accessed: 15 August 2022).
- Gotev G. 2022. Kazakh official: We will not risk being placed in the same basket as Russia Euractiv. 29.03.2022. URL: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/interview/kazakh-official-we-will-not-risk-being-placed-in-the-same-basket-as-russia/> (accessed: 15 August 2022).
- Serikkaliyeva A.E., Nadirova G.E., Saparbayeva N.B. 2019. Educational Migration from Kazakhstan to China: Reality and Prospects. Integration of Education, 23 (4): 504–517.
- Walker S. 2015. Annexation of Crimea has magnified divisions inside Kazakhstan. The Guardian. 3.05.2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/may/03/annexation-of-crimea-magnified-divisions-inside-kazakhstan> (accessed: 15 August 2022).

References

- Dobrinskaja E.A. Starostenko A.A. 2021. Analiz transportno-logisticheskikh sistem Rossii i Kazahstana (tranzit Kazahstana) [Analysis of transport and logistics systems of Russia and Kazakhstan (transit of Kazakhstan)]. Konkurs nauchno-issledovatel'skikh rabot studentov Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta: tezisy dokladov, Volgograd, 26–30 aprelja 2021 goda. – Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2021. 160 (in Russian)
- Zlobin A.V. 2022. Kazahstan s nachala chastichnoj mobilizacii v#ehali pocti 100 000 rossijan [Almost 100,000 Russians have entered Kazakhstan since the beginning of partial mobilization.]. Forbes. 27.09.2022. Available at: <https://www.forbes.ru/society/478195-v-kazahstan-s-nacala-casticnoj-mobilizacii-v-ehali-pocti-100-000-rossian> (accessed: 15 August 2022) (in Russian).
- Ignatova V.S. 2020. Turcija kak geopoliticheskij faktor v regione Central'noj Azii i Juzhnogo Kavkaza [Turkey as a geopolitical factor in the Central Asian region Asia and the South Caucasus]. Nauchno-praktičeskie issledovanija, 1–2 (24): 37–40 (in Russian).
- Kortunov A.V. 2020. Vosem' principov Bol'shogo evrazijskogo partnerstva [The eight principles of the Greater Eurasian Partnership. Russian Council for International Affairs]. RSMD. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (accessed on: 15.08.2022) (in Russian).
- Matjuhin A.V. Davydova A.Ju., Kargapolova E.V. 2022. Kazahstan: vektory vneshnej politiki [Kazakhstan: foreign policy vectors]. Social'no-gumanitarnye znanija, 2: 283–293.
- Ostashova Ja.V. 2022. Instrumenty mjagkoj sily vysshego obrazovanija Rossii v kontekste sotrudnichestva s Kazahstanom [Soft power instruments of higher education in russia in the context of cooperation with Kazakhstan]. Voprosy politologii, 1 (77): 212–217 (in Russian).
- Umbitaliev A.D., Kulanova D.A. 2016. [Position of Kazakhstan in world economy] Pozicija Kazahstana v mirovoj jekonomike. Vestnik universiteta «Turan», 2: 18–22 (in Russian).

- Jun', P. 2020. Sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana v oblasti vysshego obrazovaniya v kontekste edinogo (obshhego) obrazovatel'nogo prostranstva [Cooperation of Russia and Kazakhstan in the field of higher education in the context of a unified (general) educational space]. *Obrazovanie i pravo*, 4: 286–290 (in Russian).
- Devranoglu N. 2022. Turkey's lira, bonds extend decline on inflation, rate cut concerns. Reuters. 6.08.2022. Available at: <https://www.reuters.com/markets/europe/turkish-lira-weakens-05-against-dollar-2022-06-08> (accessed: 15 August 2022).
- Gadzo M. 2022. «Shooting themselves in the foot»: Western sanctions on Russia. Al Jazeera English. 2.06.2022. Available at: <https://www.aljazeera.com/economy/2022/6/2/shooting-themselves-in-the-foot-western-sanctions-on-russia> (accessed: 15 August 2022).
- Gotev G. 2022. Kazakh official: We will not risk being placed in the same basket as Russia. Euractiv. 29.03.2022. Available at: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/interview/kazakh-official-we-will-not-risk-being-placed-in-the-same-basket-as-russia/> (accessed: 15 August 2022).
- Serikkaliyeva A.E., Nadirova G.E., Saparbayeva N.B. 2019. Educational Migration from Kazakhstan to China: Reality and Prospects. *Integration of Education*, 23 (4): 504–517.
- Walker S. 2015. Annexation of Crimea has magnified divisions inside Kazakhstan. *The Guardian*. 3.05.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/may/03/annexation-of-crimea-magnified-divisions-inside-kazakhstan> (accessed: 15 August 2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 26.09.2022

Поступила после рецензирования 10.10.2022

Принята к публикации 10.11.2022

Received 26.09.2022

Revised 10.10.2022

Accepted 10.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белашенко Дмитрий Александрович, доцент кафедры истории и теории международных отношений, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID 0000-0002-0692-3418](https://orcid.org/0000-0002-0692-3418)

Бурков Артем Дмитриевич, магистрант кафедры истории и теории международных отношений, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID 0000-0001-5246-4147](https://orcid.org/0000-0001-5246-4147)

Шоджонов Имомидин Фозилович, ассистент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID 0000-0003-0913-2440](https://orcid.org/0000-0003-0913-2440)

Dmitry A. Belashchenko, Associate Professor of History and Theory of International Relations Department, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Artem D. Burkov, Master Student of History and Theory of International Relations Department, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Imomidin F. Shodzhonov, Assistant of Regional Studies and Local History Department, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

УДК 323.45.6

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-944-953

Оригинальное исследование

Особенности построения политико-мифологических конструктов региональных этнократий в постсоветской России: изобретение, смыслы, нарративы

Волкова А.Е.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84
E-mail: alina-volkova@ro.ru

Аннотация. В настоящее время все более актуальным становится вопрос о том, как внутри Российской Федерации сосуществуют представители разных этносов и наций. В первую очередь это касается национальных республик, где русские не являются большинством (Татарстан, Башкортостан, Мордовия, Удмуртия и т. д.). Учитывая напряженную международную обстановку, лидеры партий и движений националистической направленности в указанных субъектах страны становятся теми акторами, которые начинают транслировать сепаратистские идеи, цель которых – дестабилизация политической системы Российской Федерации вплоть до полного выхода обозначенных выше субъектов из состава страны. Одним из инструментов подогревания радикальных настроений становятся политические мифы. Автор статьи пытается разобраться с тем, как в политическом процессе современной России сформировались определенные мифы, на чем они основываются и кто является основным выразителем и ретранслятором в медиапространстве.

Ключевые слова: политический миф, этнократия, сепаратизм, политическая культура

Для цитирования: Волкова А.Е. Особенности построения политико-мифологических конструктов региональных этнократий в постсоветской России: изобретение, смыслы, нарративы. Via in tempore. История. Политология. 49 (4): 944–953. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-944-953

Features of the Construction of Political and Mythological Constructs of Regional Ethnocracies in Post-Soviet Russia: Invention, Meanings, Narratives

Alina E. Volkova

Voronezh State Technical University,
84 20th of October St., Voronezh 394006, Russia
E-mail: alina-volkova@ro.ru

Annotation. Currently, the question of how representatives of different ethnic groups and nations coexist within the Russian Federation is becoming more and more urgent. First of all, this applies to national republics where Russians are not the majority (Tatarstan, Bashkortostan, Mordovia, Udmurtia, etc.). Given the tense international situation, the leaders of nationalist parties and movements in the above-mentioned subjects of the country become the actors who begin to broadcast separatist ideas, the purpose of which is to destabilize the political system of the Russian Federation until the complete withdrawal of the above-mentioned subjects from the country. Political myths are becoming one of the tools for fueling radical sentiments. The author of the article tries to understand how certain myths have formed in the political process of modern Russia, what they are based on, and who is the main exponent and repeater in the media space.

Keywords: political myth, ethnocracy, separatism, political culture

For citation: Volkova A.E. Features of the Construction of Political and Mythological Constructs of Regional Ethnocracies in Post-Soviet Russia: Invention, Meanings, Narratives. *Via in tempore. History. Political Science.* 49 (4): 944–953 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-3-944-953

Введение

Начало специальной военной операции на Украине стало катализатором целого ряда противоречий внутри российского общества. Помимо того, что часть населения в принципе не приняла политику руководства страны, большую роль стали играть отдельные акторы, отмечающие, что раз ЛДНР, Запорожская и Херсонская области имеют право на проведение референдума на том основании, что на этих территориях проживает большинство русских, национальные республики также при желании могут заявить о своем выходе из состава страны. Подобные сепаратистские настроения умело подогреваются представителями ряда СМИ-иноагентов. Несмотря на то, что доступ к «Радио Свобода» по решению Генеральной прокуратуры запрещен с 1 марта 2022 г., СМИ ведет активную работу в социальной сети Телеграм – там у него есть каналы «Idel.Реалии» для национальных республик Поволжья, «Idel. Урал» для пространства за Уральскими горами, «Idel. Кавказ» – для южных республик и ряд других. В этих телеграм-каналах активно продвигаются сепаратистские концепции, в ряде случаев ориентированные на политические мифы о самости и особости народов, их угнетенности от русских и необходимости скорейшего отделения. В этой связи нам представляется, что изучение смыслов, нарративов, самого процесса изобретения политических мифов в национальных республиках является крайне актуальной с научной точки зрения и важной с прикладной для недопущения дестабилизации политической системы страны из-за притязаний этнократий. Цель исследования состоит в изучении особенностей построения политико-мифологических конструкций лидерами этнократий на территории современной России. Методология исследования базируется на концептах «политический миф», «мифотворчество в политическом процессе», «этнократия». Инструментарий исследования строится на методах ивент-анализа, компаративного анализа, контент-анализа СМИ и новых медиа, дедукции и наблюдения. Итоги проведенного исследования будут интересны широким слоям населения: научному и экспертному сообществам, правоохранительным структурам и ведомствам и др.

От культурологического к политическому мифу

Для начала представляется необходимым рассмотреть, что такое политический миф, поскольку именно он является одним из ключевых концептов данного исследования. В настоящее время существует несколько подходов к оценке роли мифов в формировании коммуникационного окружения и политической действительности. Как отмечает исследователь Б. Малиновский, миф начинает играть важную роль уже в первобытнообщинных обществах [Малиновский, 1998, с. 27]. Кроме того, в течение XX в. к теме мифов обращались историки, социологи, антропологи, которые пытались понять взаимосвязь между созданием людей в разные времена, их верованиями и влиянием на эти процессы мифов. Румынский культуролог М. Элиаде еще в 1940–1960-е годы отмечал, что в европейских странах «наблюдается до сих пор интерес к этому возврату... иметь хорошие "истоки", иметь благородное происхождение было почти равнозначным» [Элиаде, 2000, с. 193–194]. Автор также писал, что миф является «концептуальным выражением отношения человека со временем» [Цит. по Флад, 2004, с. 33]. Следует отметить, что если в начале XX в. интерес к мифу был скорее теоретический, то во второй половине указанного столетия в научные оборот начинает входить понятие «политический миф». Немецкий философ Э. Кассирер акцентировал свое внимание на том, насколько эффективным будет использование того или иного мифа в рамках крупных и всеобъемлющих общественно-политических процессов

[Cassirer, 1946]. Он отмечал, что «Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения. Созданные и ловкими «мастерами» [Кассирер, 2000, с. 580–581]. Кроме того, автор, в отличие от своих предшественников, уделял особое внимание тому, что у мифа есть особая символическая природа. Соответственно, изменения в социальной среде индивидуумов коренным образом влияли и на символы внутри тех или иных мифов. Особую актуальность работы Э. Кассирера приобрели при анализе воздействия процессов манипулирования сознанием немецкими пропагандистами в годы Второй мировой войны.

Российский социолог А.Г. Иванов, подробно изучая социальную природу мифа, отмечает следующие его особенности. Во-первых, миф представляет собой не что иное, как «один из искусственных миров и составляющая символического опыта» [Иванов, 2019, с. 33]. Получается, что миф – далеко не окончательное представление о реальности, а сама его суть является чем-то сконструированным, ненастоящим, что существует лишь в определенном образом настроенном сознании. Во-вторых, миф как таковой является продуктом архаической, древней культуры, когда каждое непонятное явление могло рассматриваться как знак свыше. В-третьих, мифы обладают удивительной живучестью. Несмотря на то, что прошло уже несколько тысячелетий, мифы Древней Греции, Египта, скандинавских стран остаются важной частью мировой культуры, на них продолжают строиться новые литературные произведения, кинофильмы и иные продукты массовой культуры. В-четвертых, с течением времени мифы не только не теряют своей актуальности, но и, наоборот, имеют свойство приращать новые символы и знаковое выражение.

В данном контексте представляет интерес работа австрийского философа и социолога А. Шюца «Символ, реальность и общество». В ней автор подробно рассматривает разницу между понятиями знака и символа, разводит их по разные стороны на основании теории множественных реальностей. А Шюц подчеркивает высокую востребованность символической формы выражения мифа, которая в первую очередь основана на коммуникационном аспекте [Шюц, 2004, с. 456–532]. Как нами уже было сказано ранее, ретрансляция мифа позволяет получать ему наибольшее количество последователей, расширяя, по сути, ареал своего существования. Вместе с тем подобное распространение невозможно без использования разнообразных коммуникационных средств: от простейшего сарафанного радио до современных СМИ и новых медиа. А. Шюц, говоря о том, какие символы или знаки наиболее предпочтительны в коммуникации, отмечал, что коммуникация основывается на так называемых «нецеленаправленных знаках», то есть первая пришедшая в голову человеку мысль после соприкосновения с мифом носит случайный характер.

Важно учесть следующую особенность в подходе к изучению мифа. Как отмечает финский профессор фольклора и сравнительного религиоведения Л. Хонко, «мифологическое мировоззрение статично; оно не предполагает ни изменения мира, ни его развития» [Honko, 2013, p. 53]. Несмотря на то, что с течением времени миф может использоваться совершенно по-разному (в зависимости от интересов лиц, его использующих), его основа, суть, наполнение остаются прежними – в нем всегда содержатся давно известные истины.

Как отмечает российский политолог А.А. Гончарик, во второй половине XX в. исследователи «уходят от трактовки мифа как сакрального средства управления и от субъективности в его понимании» [Гончарик, 2009, с. 80]. В этот период времени особую актуальность приобретает рассмотрение политического мифа как способа восприятия, описания и объяснения происходящих событий. А все акценты смещаются на символическую и идеологическую составляющие. В 1970-х годах французский философ Р. Барт начинает рассматривать политический миф как сообщение и коммуникативную систему, а также обращает внимание на то, с помощью каких знаков воплощаются те или иные мифы. Он отмечал, что «материальными носителями мифического сообщения (собственно язык, фотография, живопись, реклама, ритуалы, какие-либо предметы и т. д.), какими бы различными они ни были сами по себе, как только они становятся составной частью мифа, сводятся к функции означивания, все они представ-

ляют собой лишь исходный материал для построения мифа; их единство заключается в том, что все они наделяются статусом языковых средств» [Барт, 1994, с. 73].

Особый интерес вызывает работа американского политолога К. Флада «Политический миф», в которой он переосмысливает само понятие изучаемого явления. Автор также дает современное определение термину «политический миф» – «идеологически маркированное повествование» [Флад, 2004, с. 15]. К. Флад акцентирует внимание на том, что мифы вовсе не обязательно должны выполнять в обществе некую объединяющую функцию. Наоборот, миф может привлекать внимание к отдельным проблемам – расслоению общества, социальному неравенству, несправедливому распределению общественных благ. К. Флад отмечает, что мифы «могут стать инструментами полемики, конфликта, даже разрушения, объединяя одну социальную группу на основе ее противопоставления с другой» [Флад, 2004, с. 15]. Важно отметить, что политический миф впоследствии трактуется так и только так, как это выгодно лицам, начавшим его ретрансляцию в широкое общественное мнение.

Вместе с тем важно понимать, в каких условиях политические мифы обретают наибольшую силу и получают поддержку со стороны последователей. Нам представляется очевидной связь между типом политической культуры в том или ином государстве и спецификой создаваемых политических мифов. Американские политологи Г. Алмонд и С. Верба выделяют три типа политической культуры: подданическая, патриархальная и участническая [Алмонд, Верба, 2014]. Патриархальной политической культуре свойственна вера в традицию, сакрализация власти, долговременность пребывания на посту лидеров-управленцев. Для участнической политической культуры особую важность приобретает сменяемость власти, демократия и прозрачность всех общественно-политических процедур. Исходя из указанных характеристик, можно сделать вывод о том, что к странам с патриархальной политической культурой относятся Россия, Белоруссия и ряд других стран. Участническая политическая культура характерна для стран Запада и тех государств, которые ранее входили в состав СССР. В этой связи в разных политических культурах создаются разные политические мифы. Если говорить об участнической политической культуре, то для нее характерны те мифы, которые всеми возможными способами служат легитимации новой власти. Например, политическим мифом можно считать тезис о том, что выборная система в США – самая прозрачная и современная в мире. Как минимум исходя из того, что решение о том, кто будет руководить страной в следующем цикле будет выносить некая группа «выборщиков», тогда как мнение населения, хотя и учитывается, решающим не является. Или же страны бывшего СССР, в особенности прибалтийские государства и Грузия. Для них также важна легитимация новых политических лидеров, в связи с чем основным политическим мифом, особенно в годы «парада суверенитетов», было угнетение их народов со стороны России, которое в СМИ и новых медиа транслируется и в настоящее время.

Этнократии как инициаторы распространения политических мифов

В данном контексте важно понимать, что собой представляют современные этнократии на территории России, что позволяет считать их таковыми, какую роль они играют при принятии решений о взаимодействии с федеральным центром по ключевым вопросам развития страны, к которым, несомненно, относится проведение специальной военной операции.

Начнем с того, что такое этнократия. Как отмечает российский политолог Ж.Т. Тощенко, под данным понятием следует понимать не власть какого-то отдельно взятого этноса, но «этнической группы, захватившей власть в стране» [Тощенко, 2003, с. 58]. Применительно к национальным республикам можно переформулировать определение следующим образом: власть этническими группами получена не во всей стране, а в одном отдельно взятом субъекте, где национальным большинством являются представители иного, отличного от русского, этноса. Под властью в данном контексте следует понимать

ключевые посты в органах власти и управления, в правоохранительной и судебной системах, в СМИ и общественных организациях.

Этнократия как форма политического управления становится возможной тогда, когда происходит ее легитимация и легализация. Важно отметить, что легитимация этнократии происходит в тот момент, когда политическим акторам удается сформировать единую этнополитическую картину мира. Причем она создает как на основе предыдущего теоретического опыта, так и с привлечением фактов актуальной действительности (разделенные народы, угнетение со стороны «захватчика», отсутствие прежних прав и свобод, стремление к получению большей независимости внутри государства на основании преваширования одной нации над коренным населением всей страны). Российский политолог А.В. Лубский выделяет следующие способы легитимации этнократии: ментальные представления об общности этнического происхождения (метафоры «единой семьи», «священной земли» (территория), «родной речи» (язык), «правоверные» и «иноверные»; ментально-исторические представления (этнопамять, существующая в виде легенд и мифов); успех, особенно во взаимоотношениях с чужими; время и традиция (признание факта длительности нахождения у власти того или иного клана) [Лубский, 2006, с. 38]. Все указанные характеристики легитимации этнократии были и остаются свойственны для ряда национальных республик в составе Российской Федерации. В частности, если рассматривать Татарстан, то идеологи татарского национализма обращали внимание на важность единой территории для татар всего мира, родного языка вместо русского (неслучайно в 2018–2019 гг. в республике были серьезные споры по языковому вопросу, которые даже вышли на федеральный уровень). В качестве примеров сохранения этнопамяти выступают, с одной стороны, легенды о местных правителях, происхождение от Чингисхана и Золотой Орды, а также стабильное проведение акций в честь взятия Рязани Батыем, которые сопровождают символическим сожжением русского города. И, наконец, роль лидера этнократии. В 90-е и нулевые годы эту роль исполнял М.Ш. Шаймиев, президент Татарстана, который всегда отстаивал тем или иным образом особое положение республики в сравнении с другими национальными субъектами. Нынешний глава республики Татарстан Р.Н. Минниханов хоть и потерял наименование должности «президент», однако в остальном остается верным последователем этнократических традиций М.Ш. Шаймиева.

В целях своей легитимации этнократия использует следующие типы этнической идеологии: этноцентризм, этноэгоизм и этноэтатизм. Российский политолог А.А. Шаов отмечает, что этноцентризм и этноэгоизм в своем базисе ориентируются на приоритетность ценностей одной этнической группы над другой [Шаов, 2001, с. 5]. В свою очередь, этатизм предполагает создание национального государства, которое является идеалом общественного устройства для определенной группы этнократов. Во втором случае ситуация с противостоянием между этнократами и иными силами является более конфликтной, поскольку на первый план выходит идея создания совершенно нового государства, которое, возможно, раньше находилось в составе другой страны. Именно этноэтатистские тенденции легли в основу идей ряда политических движений в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, когда начался т. н. «парад суверенитетов». Важно отметить, что этноэтатистские тенденции характерны и для современных европейских государств, например, для прибалтийских стран. Как отмечают исследователи В.В. Бузаев и И. Никифоров, «в марте 2008 г. судом были запрещены все акции антифашистов, а марши сторонников легионеров СС запрещены не были» [Бузаев, Никифоров, 2009, с. 238]. Авторы отмечают, что для прибалтийских государств подобные методы конструирования собственной этнократии являются совершенно обычным делом. Вместе с тем события текущего года, связанные со сносом памятников советским воинам, косвенно подтверждают мысль авторов.

Таким образом, этнократические режимы во всех их разновидностях существуют и функционируют в настоящее время. Их стремления понятны – объявление себя независимым государством на том основании, что именно эти народы могут объединить своих соро-

дичей по всему миру, экономическая независимость, общее этнокультурное пространство с иными государствами и народами, а также наличие собственной, более длинной и славной истории, чем это принято считать в официальных источниках. В ряде республик РФ этнократии уже прошли стадии становления, поэтому там акцент делается на том, чтобы политический миф получил максимально широкую поддержку в массах. В следующем пункте мы подробно рассмотрим сам процесс создания этнократического политического мифа.

Этапы создания политического мифа

В какой момент простой рассказ о героизме или превосходстве кого-либо начинает приобретать идеологическую окраску? Каким образом на созданный философско-коммуникационный продукт накладываются черты мифа? С помощью каких инструментов созданный политический миф обретает не только четкие контуры, но и сравнительно большое количество последователей? И, наконец, как политический миф превращает в доктрину того или иного политического движения? На эти вопросы постараемся ответить. Итак, ранее мы выяснили, что политический миф представляет собой набор определенных символов и знаков, которые определенной группой общественности толкуются единообразно, воспринимаются в соответствии с их морально-этическими и политическими установками. Получается, что политический миф должен обладать важным компонентом – эмоциями, которые в некотором смысле заменяли бы рациональные мотивы поведения и поступков. В качестве основных архетипов, которые используются при создании мифов, используются следующие: герой, который спасает вверенный ему народ, землю; историческое прошлое – основным лейт-мотивом таких конструкций становится мысль о том, что «раньше было лучше», причем для разных представителей социума категории «раньше» и «лучше» значительно различаются; сильный, единый и великий в прошлом народ – данная почва для политических мифов зачастую используется представителями этнократий для того, чтобы доказать, как в худшую сторону трансформировалась жизнь из-за прихода «завоевателей». Это основные категории политических мифов, которые получают широкое распространение на территории Российской Федерации, в особенности после начала специальной военной операции на Украине.

В настоящее время наибольшим политическим весом при принятии определенных решений как внутри субъектов РФ, так и на федеральном уровне обладают следующие этнократии: татарско-башкирская, финно-угорская, северо-кавказская. У каждой из выделенных нами этнократий существуют собственные политические мифы, которые в ряде случаев противоречат официальной политике государства, что впоследствии приводит к нарастанию напряженности в рассматриваемых национальных республиках, росту протестных и сепаратистских настроений, которые могут привести к саботированию решений федеральной власти и дестабилизации всей политической системы.

Политические мифы могут возникать разными способами. Некоторые появляются стихийно, на фоне идеологического подъема, другие же создаются целенаправленно, для того чтобы создать в обществе определенные настроения. По словам Ю.В. Балахонской, при втором сценарии «миф вначале появляется в индивидуальном сознании и затем коллективизируется, превращаясь в факт общественного сознания» [Балахонская, 2015, с. 189]. Логичным выглядит предположение о том, что политический миф может носить как позитивный характер (донесение до общества целей и задач органов власти, создание консолидирующей парадигмы, веры в развитие даже в сложные времена), так и деструктивный (развитие сепаратистских настроений, возвращение недовольства действующей властью, создание у населения ложных представлений о кардинально лучшем уровне жизни в других странах и т. д.). Политическим мифам свойственно появляться из ниоткуда, проживать определенный период и впоследствии быть развенчанными. Например, в настоящее время неоднозначное отношение складывается к теме Голодомора. В начале 2000-х на

Украине была совершена относительно удачная попытка внедрения в сознание населения вины России за голод в УССР, в ходе которого якобы произошел геноцид только украинцев. Вместе с тем в эти годы голод был распространен на многих территориях СССР, и в ходе него страна потеряла не только представителей указанной нации [Прудникова, 2019, с. 159].

Появление политического мифа в том случае, если он создан искусственно, может быть связано со следующими событиями: нарастание народного недовольства действующей властью, стремление объединить население в борьбе с общим врагом, мобилизация населения для решения общих для всего государства социально-экономических и политических задач, поиск своего особенного пути, стремление к независимости и борьба за нее. Для этнократий на территории РФ свойственен последний тип мотивации – попытка выхода из состава страны, формирование независимого государства. Стоит напомнить, что в 90-е годы тем же Татарстаном уже была совершена попытка получения максимального суверенитета в составе страны. В частности, между республикой и Россией был заключен Конфедеративный договор, о котором подробно писала Л.М. Дробижева [Дробижева, 2003]. Документ дал региону исключительное право распоряжаться землей и ресурсами, создать систему госорганов, формировать бюджет, иметь свое гражданство и участвовать в международных отношениях. Срок действия договора не ограничивался. Впоследствии договоры с центром заключили еще 45 регионов. Однако в нулевые годы федеральным центром были совершены первые шаги по формированию четкой вертикали власти. Данная политика не могла найти поддержки в национальных республиках, поэтому Татарстан вплоть до 2021 г. боролся за то, чтобы глава республики именовался президентом, так же как и руководитель всего государства. После последней реформы по унификации наименований органов исполнительной власти, все наименования руководителей субъектов страны были приведены к единому стандарту, а президент Татарстана превратился в главу республики. Естественно, данная реформа не получила поддержки в среде политических лидеров республики.

На первом этапе формирования политического мифа его создателями ищется привлекательный образ, который отвечает запросам как лиц, принимающих решение, так и простого населения. В Татарстане большую популярность имеют мифы о «Великой Татарии», о происхождении государства от Чингисхана, тогда как идею происхождения от Волжской Булгарии этнократы называют пережитком советской эпохи. У финно-угорских народов популярным является миф о разделенности всех народов этой группы – мордвы, эрзян с венграми, финнами и т. д.

Второй этап политического мифотворчества представляет собой поиск интеллектуалов, готовых на своих площадках ретранслировать те самые идеологически сформированные представления о чем-либо (в нашем случае – о государственном устройстве). В 90-е годы проводились многочисленные конгрессы финно-угорских народов, на которых обсуждались темы разъединенности и зависимости от России.

На третьем этапе происходит вовлечение в процесс политического мифотворчества общественных активистов, НКО. Именно эти люди начинают проводить креативные акции, которые попадают на страницы СМИ и социальные сети. Благодаря подобным акциям граждане узнают о политическом мифе. Например, в столице Татарстана ежегодно проводятся акции, посвященные дню «захвата Казани Иваном Грозным». Активисты общественных организаций ВТОЦ (Всетатарский общественный центр, признана экстремистской в РФ) и «Азатлык». Обе организации имеют давнюю политическую историю, имеют определенный вес в обществе и выражают интересы националистически настроенной части Татарстана. В частности, активисты ВТОЦ (признана экстремистской в РФ) выступали за еще большее выделение часов для изучения татарского языка и оставление его в числе обязательных предметов школьной программы наравне с русским языком. В течение СВО на Украине общественники были участниками антивоенных акций, пикетов и других подобных мероприятий.

Четвертый этап включает в себя задействование ангажированных СМИ, блогеров, представителей коммуникационной среды, которые на своих площадках публикуют определенным образом маркированную информацию. Например, в Татарстане одним из наиболее популярных СМИ, которые в высокой степени поддерживают национально ориентированных активистов, является издание «Бизнес-онлайн». Его журналисты присутствуют на всех мероприятиях, проводимых движениями с националистической направленностью, активно выступают против того, чтобы татарский язык убрали из обязательной школьной программы, дают площадку для высказывания своих мыслей и позиции ярко политизированным мыслителям.

Пятый этап – заключительный. Политический миф благодаря стараниям его создателей становится заметной частью общественной жизни, его поддерживает население и готово отстаивать его в борьбе с политическими противниками. Подобная ситуация сложилась в конце 80-х гг. – начале 90-х годов XX века, когда СССР только начинал распадаться, а республикам дали право «брать суверенитета столько, сколько захочется». И бывшие страны взяли. К ним присоединились и некоторые национальные республики.

Что касается современности, то 22–24 июля в Праге проходил Форум свободных народов России, на котором были приняты решения о создании «правительства в изгнании» для регионов Кавказа с «последующей интеграцией этих стран в Европу». На форуме также была представлена альтернативная карта России, на которой страна была поделена между отдельными сепаратистами – так, на макете появились Соединенные штаты Сибири, Республика Черноземье, Московская Республика, Ингрия, Балтийская Республика, Ичкерия, Федерация Поволжье. Башкортостан, Татарстан и иные национальные республики на этой карте названы отдельными самостоятельными государствами¹¹³. В числе участников Форума были не только граждане России, но и многих других государств, а председательствующий на нем бывший аналитик ЦРУ Пот Гобл – и вовсе гражданин США. Активисты, присутствовавшие на мероприятии, требовали независимости своим республикам, поскольку те «находятся в зависимом положении от «федерального центра». При этом представители официальных диаспор и общественники из тех самых нацреспублик никакой уязвленности не ощущают.

К данному мероприятию вполне можно было бы относиться скептически, если бы не тот факт, что Украина на законодательном уровне признала независимость Ичкерии. Несмотря на внешнеполитический контекст, данный факт свидетельствует о том, что политический миф о возможном существовании Ичкерии – достаточно живой и находит отклик у тех специалистов, которые имеют опыт в тиражировании подобных политических мифов в мире.

Таким образом, политический миф является достаточно серьезным инструментом для создания напряженности в сфере межнациональных отношений. Учитывая стремление этнократических элит к независимости и приобщение к процессу распространения мифов западных специалистов, можно сделать вывод о том, что конфликтогенность темы единства России будет только увеличиваться, поскольку запрос на сепаратизм за 2021–2022 гг. значительно вырос в среде этнократии.

Список литературы

- Алмонд Г., Верба С. 2014. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М., Мысль, 560.
- Балахонская Ю.В. 2015. Отличительные особенности политической мифологии. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 3: 189–194.
- Барт Р. 1994. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., Издательская группа Прогресс Универс. 72–130.

¹¹³ Волков С. 2022. Все поделить? URL: <https://newizv.ru/article/general/25-07-2022/vse-podelit-rossiyskaya-oppozitsiya-sozdast-pravitelstva-regionov-rf-v-izgnanii> (дата обращения: 16.11.2022).

- Бузаев В.В. 2009. Современная российская этнократия: Нарушение прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М., Фонд «Историческая память», 280.
- Гончарик А.А. 2009. Понятие мифа и его применение в исследованиях политики. М. ИНИОН, 4: 79–87.
- Дробижева Л. М. 2003. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., Аспект-Пресс, 376.
- Иванов А.Г. 2019. Система современной социальной мифологии. СПб., Алетейя, 182.
- Кассирер Э. 1990. Техника современных политических мифов. М., Гардарика, 580–581.
- Лубский А.В. 2006. Лики этнократии. Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. 37. Ростов-на-Дону, 38.
- Малиновский Б. 1998. Магия. Наука. Религия. М., Рефл-бук, 288.
- Прудникова Е.А. 2019. Мифология «Голодомора». М., Вече, 488.
- Тощенко Ж.Т. 2003. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М., Аспект-Пресс. 432.
- Петров А.Е. 2011. Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., ИА РАН, 381.
- Флад К. 2004. Политический миф. Теоретическое исследование. М., Прогресс-Традиция, 264.
- Шаов А.А. 2001. Этническая идеология как предмет социально-философского знания (анализ этнического самосознания абхазов и адыгов). Автореф ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 25.
- Шевченко О.М. 2006. Ксенофобия как фактор легитимации этнократии. Этноэтатизм и этнократии на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. 37. Ростов-на-Дону, 191.
- Шюц А. 2004. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1056.
- Элиаде М. 2000. Аспекты мифа. М., Академический проект, 240.
- Cassirer E. 1948. The myth of the state. – New Haven: Yale univ. press, 263.
- Honko Lauri. 2013. Theoretical Milestones: Selected Writings of Lauri Honko. Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica. 413.

References

- Almond G., Verba S. 2014. Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah [Civic culture: Political attitudes and democracy in five countries]. М., Thought, 560.
- Balakhonskaya Yu. 2015. Otlichitel'nye osobennosti politicheskoy mifologii [Distinctive features of political mythology]. Bulletin of the Saint Petersburg University of MDV of Russia, 3: 189–194.
- Barth R. 1994. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. М. Publishing Group Progress University. 72–130.
- Buzaev V.V. 2009. Sovremennaya rossijskaya etnokratiya: Narushenie prav nacional'nyh men'shinstv v Estonii i Latvii [Modern Russian ethnocracy: Violation of the rights of national minorities in Estonia and Latvia]. М., 280.
- Goncharik A.A. 2009. Ponyatie mifa i ego primenenie v issledovaniyah politiki [The concept of Myth and its application in Political Studies]. М. INION, 4: 79–87.
- Drobizheva L. M. 2003. Social'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v postsovetsoj Rossii [Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia]. М., Aspect-Press, 376.
- Ivanov A.G. 2019. Sistema sovremennoj social'noj mifologii [The system of modern social mythology]. Saint Petersburg, Alethea, 182.
- Cassirer E. 1990. Tekhnika sovremennyh politicheskikh mifov [The technique of modern political myths]. М., Gardarika, 581.
- Lubsky A.V. 2006. Liki etnokratii. Etnoetatizm i etnokratii na yuge Rossii [Faces of Ethnocracy. Ethnoethatism and Ethnocracy in the South of Russia]. South Russian Review of the Central Research Institute of the Russian State University and ISPI RAS. 37. Rostov-on-Don. 38.
- Malinovsky B. 1998. Magiya. Nauka. Religiya [Magic. The science. Religion]. М., Refl-book, 288.
- Prudnikova E.A. 2019. Mifologiya «Golodomora» [The mythology of the «Holodomor»]. М., Veche, 488.
- Toshchenko J.T. 2003. Etnokratiya: istoriya i sovremennost'. Sociologicheskie ocherki [Ethnocracy: History and Modernity. Sociological essays]. М. Aspect-Press. 432.

- Petrov A.E. 2011. Fal'sifikaciya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov [Falsification of historical sources and construction of ethnocentric myths]. M. IA RAS, 381 p.
- Flood K. 2004. Politicheskij mif. Teoreticheskoe issledovanie [A political myth. Theoretical research]. M. Progress-Tradition, 264.
- Shaov A.A. 2001. Etnicheskaya ideologiya kak predmet social'no-filosofskogo znaniya (analiz etnicheskogo samosoznaniya abkhazov i adygov) [Ethnic ideology as a subject of socio-philosophical knowledge (analysis of ethnic identity of Abkhazians and Adygs)]. Author's thesis ... Candidate of Philos. sciences'. Rostov-on-Don, 25.
- Shevchenko O.M. 2006. Ksenofobiya kak faktor legitimacii etnokratii. Etnoetatism i enokratii na Yuge Rossii. [Xenophobia as a factor of legitimation of ethnocracy. Ethnoethatism and enocracy in the South of Russia]. The South Russian review of the Central Research Institute of the Russian State University and ISPI RAS. 37. Rostov-on-Don. 191.
- Schutz A. 2004. Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom [Favorites: A world glowing with meaning]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 1056.
- Eliade M. 2000. Aspekty mifa [Aspects of myths]. M. Academic project. 240 pp. Eliade M. 2000. Aspects of myths. M.: «Academic project». 240 pp.
- Cassirer E. 1948. The myth of the state. – New Haven: Yale univ. press, 263.
- Honko Lauri. 2013. Theoretical Milestones: Selected Writings of Lauri Honko. Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica. 413.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.11.2022

Received 05.11.2022

Поступила после рецензирования 20.11.2022

Revised 20.11.2022

Принята к публикации 20.11.2022

Accepted 20.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Волкова Алина Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», г. Воронеж, Россия

Alina E. Volkova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

 [ORCID 0000-0002-0573-3874](https://orcid.org/0000-0002-0573-3874)

УДК 325.14
DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-954-964
Обзорная статья

К вопросу о терминологии миграции: русский и французский взгляды

Ашмарина А.А.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: ashmarina@imomi.unn.ru

Аннотация. Целью работы является исследование терминологического аппарата, используемого при анализе политических процессов миграции с позиции российских и французских ученых, а также выявление основных различий в используемых подходах. В данной работе приводятся следующие термины: «миграция», «иммиграция», «мигрант», «беженец», «убежище», «интеграция», «ассимиляция», «миграционная политика», «миграционный кризис» и др. В качестве основных методов исследования автор использует метод контент-анализа и сравнительный метод. Для анализа российской и французской терминологии автор использовал материалы известных российских исследователей (Л.Л. Рыбаковский, Ж. Зайончковская, Т.Н. Юдина, С.В. Рязанцев, Н.Н. Тоцкий, О.Д. Воробьева, В.А. Ионцев, С.Н. Раковский) и французских ученых (Ришар Перрушо, Жан Люк Ришар, Анжел Минге, Мишель Агье, Анна Лендаро, Кэролайн Труйе, Жан Лека). Кроме того, целесообразным явилось использование российских и европейских, французских словарей, тематика которых связана с политологией, демографией, социологией и юриспруденцией. В заключении подтверждается тезис о «размывании» терминологии в области миграции, что в некоторой степени затрудняет исследования миграционной ситуации во Франции российскими исследователями, и наоборот.

Ключевые слова: терминология, миграция, иммиграция, исследования, Франция, миграционная политика

Для цитирования: Ашмарина А.А. 2022. К вопросу о терминологии миграции: русский и французский взгляды. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (4): 954–964. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-954-964

On the Question of Migration Terminology: Russian and French Approaches

Aleksandra A. Ashmarina

Lobachevsky University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarina St., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: ashmarina@imomi.unn.ru

Abstract. The aim of the work is to study the terminological apparatus used in the analysis of the political processes of migration from the standpoint of Russian and French scientists, as well as to identify the main differences in the approaches used. In this paper, the following terms are given: «migration», «immigration», «migrant», «refugee», «asylum», «integration», «assimilation», «migration policy», «migration crisis» and others. The author uses the content analysis method and the comparative method as the main research methods. For the analysis of Russian and French terminology, the author used the materials of famous Russian researchers (L.L. Rybakovsky, Zh. Zayonchkovskaya, T.N. Yudina, S.V. Ryazantsev, N.N. Totsky, O.D. Iontsev, S.N. Rakovsky) and French scientists (Richard Perruchoud, Jean Luc Richard, Angel Minguet, Michel Agier, Anna Lendaro, Caroline Trouillet, Jean Leca). In

addition, it was expedient to use Russian and European, French dictionaries, the topics of which are related to political science, demography, sociology and jurisprudence. In conclusion, the thesis about the “blurring” of terminology in the field of migration is confirmed, which leads to some extent complicates of the studying of the migration situation in France by Russian researchers, and vice versa.

Keywords: terminology, migration, immigration, research, France, migration policy

For citation: Ashmarina A.A. 2022. On the Question of Migration Terminology: Russian and French Approaches. *Via in tempore. History and political science.* 49(4): 954–964 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-4-954-964

Введение

Миграционная сфера является актуальной темой для исследований как в России, так и в Европейском союзе. Сам по себе феномен миграции приводит к постепенному изменению всех сфер жизни страны-реципиента иммигрантов, включая перемены в политическом, экономическом и социальном положении. Трансформация затрагивает также этнический состав населения и его культурные нормы. В целом эти изменения несут положительный характер. В ЕС миграционные потоки регулируются как на общеевропейском уровне, так и на уровне национальных правительств, к тому же масштабы иммиграции до середины 2010-х гг. не представляли угрозу для безопасности стран. Однако политические и экономические кризисные ситуации, происходящие в странах Ближнего Востока и Африки с 2010-х гг., спровоцировали увеличение иммиграционных потоков в государства Западной Европы. Повышение уровня миграционной мобильности привносят в терминологический аппарат миграционной сферы новые термины, например, «неконтролируемая миграция», «миграционный кризис». Трактовки определенных процессов и явлений, характерных для миграции, имеют особое значение не только для медийного освещения миграционных процессов, но и для политического измерения, включающего контроль и управление миграционными потоками. При этом важно понимать, что существуют определенные различия между российской и западноевропейской терминологиями, которые в некоторой степени «смазывают» картину представления о миграционной ситуации при исследовании миграционных процессов в ЕС российскими исследователями, и наоборот. Поэтому необходимым, по нашему мнению, является прояснение российского и европейского (в данной работе используются как европейские наднациональные источники, так и французские документы) терминологического аппарата для выявления тенденций, сопутствующих развитию исследований миграции в России и в ЕС.

Обзор научной литературы

Несмотря на большое количество исследований по теме миграции как в Европе, так и в России, современные отечественные и зарубежные работы по терминологии миграции представлены в ограниченном количестве. В первую очередь в российском научном поле следует выделить исследования Л.Л. Рыбаковского, О.Д. Воробьевой, О.Р. Гулиной, В.А. Ионцева, С.Н. Раковского, В.С. Малахова, С.В. Рязанцева. Часть исследователей в своих работах анализирует особенности легитимного употребления миграционных определений [Тоцкий, 1999; Хабриева, 2019], другие занимаются изучением семантики миграционных терминов и операционализацией объектов исследований по миграции [Гулина, 2016; Лисицын, 2017]. В европейском исследовательском дискурсе фигурируют Ришар Перрушо, Жан Люк Ришар, Анжель Минге, Мишель Агье, Анна Лендаро, Кэролайн Труйе, Жан Лека. Их идеи и подходы к определению различных миграционных терминов будут рассмотрены далее. По словам О.Р. Гулиной, необходимо определять «гуманность» используемых дефиниций, исключая дискриминирующие личность термины, а также сформировать легитимную политически корректную семантику миграционных определе-

ний [Гулина, 2016]. Кэролайн Труйе в своей статье «Семантические дрейфы иммиграции» заявляет, что иммиграция «страдает от того, что о ней слишком много говорят». Термины, обозначающие человека (иностранец, иммигрант, мигрант), вызывают путаницу в ходе использования в научных дебатах, политических речах, административных и медийных дискурсах, а затем распространяются на население, формируя общественное мнение. С 1980-х гг. вопросы иммиграции становятся все более политизированными, и термины постоянно обновляются в соответствии с социально-политическими и экономическими контекстами. Это явление Труйе называет «терминологическим перегревом» [Trouillet, 2014]. Политолог Жан Лека в своих работах отмечал, что «весь французский дискурс пропитан иммиграцией» [Sayad, 1990].

Методы

В качестве основного метода работы автор использует сравнительный метод, позволяющий сопоставить трактовки терминов с позиций отечественных и зарубежных научных деятелей и официальных источников РФ и ЕС. При этом вспомогательным методом выступает контент-анализ, позволяющий проанализировать труды российских и европейских (французских) исследователей, рассмотреть особенности их интерпретации терминов «миграция», «иммиграция», «мигрант», «беженец», «убежище», «интеграция», «ассимиляция», «управление миграционными потоками», «миграционная политика», «миграционный кризис». Кроме того, в работе используется дискурс-анализ для сопоставления ряда концепций терминологического ряда.

Результаты анализа

Проведенное исследование демонстрирует различия в подходах к определению ряда терминов, относящихся к области миграционного регулирования. Ниже представлен анализ ряда терминов, относящихся к сфере миграции и являющихся объектом исследования в российском и французском научном и политическом дискурсе.

Л.Л. Рыбаковский рассматривает миграцию в узком и широком смысле. В узком смысле исследователь пишет о «регистрируемых безвозвратных перемещениях, совершаемых между разными населенными пунктами». В широком смысле обращает внимание на то, что эти перемещения могут быть и возвратными, и невозвратными, а также фиксируются различными способами [Рыбаковский, 2019, с. 179]. О.Д. Воробьева расширяет определение Рыбаковского, добавляя понятие «притягивающих или выталкивающих факторов», которые оказывают влияние на перемещение населения [Воробьева, 2003, с. 35]. Об этом также рассуждает и Н.Н. Тоцкий, определивший миграцию как «перемещение по различным причинам людей через границу тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного места жительства» [Тоцкий, 1999, с. 153].

Отдельные авторы выделяют термин «международная миграция населения», к примеру В.А. Ионцев, описывая процесс именно международной миграции, отмечает, что люди двигаются через государственные границы, хотят поменять не только место жительства, но и гражданство. При этом В.А. Ионцев расширяет ряд факторов, влияющих на перемещения, приводя в качестве примера семейные, национальные, политические и другие. Исследователь также отмечает, что «международная миграция может иметь сезонный и маятниковый характер, предполагает и долгосрочное (более 1 года) пребывание в стране въезда, и поездки для работы, отдыха, лечения и тому подобное» [Ионцев, 1999, с. 129]. Подобные идеи высказывает и Л.Л. Рыбаковский, выделяя факт пересечения людьми государственной границы в качестве отличительного признака международной миграции населения [Рыбаковский, 2003, с. 160]. Ученый также опирается на рекомендации ООН, принятые для статистического учета.

В Европейском глоссарии МОМ под редакцией Ришара Перрушо миграция определяется как перемещение одного человека или группы людей между странами или внутри страны между двумя местами на ее территории, т. е. данный термин распространяется на все виды перемещений независимо от причин, состава потоков, продолжительности. Поэтому далее приводятся определения различных типологий миграции: нелегальная, незаконная, нерегулярная, регулярная, сезонная, вторичная, спонтанная, массовая, индивидуальная, обратная, трудовая, упрощенная, вынужденная, международная, внутренняя миграция и т. д. [Glossaire de la migration..., 2007]. По данным Европейского глоссария об убежище и миграции, выделяются и другие типы миграции, такие как миграция в целях эксплуатации, миграция по семейным обстоятельствам, циркулярная (круговая), цепная миграция. Стоит особо отметить тот факт, что «Migration (Illégale)» и «Migration (Irrégulière)» выделяются обособленно. Первый термин распространяется на миграцию с использованием нелегальных средств (поддельных или документов, незаконного въезда и т. д.), второй же выходит за рамки нормативного стандарта стран транзита или приема мигрантов [Glossaire, 2012].

С.Н. Раковский определяет иммиграцию как «въезд в страну на постоянное или временное длительное проживание граждан другой страны» [Демографический энциклопедический словарь, 1985]. При этом исследователь приводит ряд причин, по которым происходит иммиграция: экономические, политические, религиозные и другие. С.Н. Раковский отмечает ускорение процесса складывания новых наций и народностей в результате смешения различных этнических групп, образующихся в ходе иммиграции. Т.Н. Юдина и Н.А. Волгин подчеркивают в определении иммиграции одной из главных целей получение гражданства страны, в которую прибывают иностранные граждане [Юдина, 2003, с. 314–315].

Согласно определению из европейского глоссария МОМ, термин содержит действие по поездке в страну, гражданином которой человек не является, с намерением поселиться там [Glossaire de la migration..., 2007]. Справочник Европейской комиссии содержит уточнение о том, что иммиграция происходит, если лицо, устанавливающее место своего жительства в стране ЕС, проживает там более 12 месяцев [Glossaire..., 2012]. В словаре Евростата термин относится к количеству иммигрантов в данном географическом районе в течение данного года [Glossaire..., 2021].

Т.Н. Юдина трактует термин «мигрант» как «лицо, совершающее миграцию, т. е. пересекающее границы тех или иных территорий со сменой постоянного места жительства навсегда или на более или менее длительное время» [Юдина, 2007]. В демографическом словаре расширяются границы предыдущего определения, включая в список лиц, которые совершают маятниковые миграции [Демографический энциклопедический словарь..., 1985].

Что касается терминологии, которая применяется в федеральных законах РФ, стоит отметить тот факт, что понятие «мигрант» употребляется нечасто. В Федеральном законе от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» раскрывается понятие «иностранец» как физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства иностранного государства [Федеральный закон..., 2002]. Причем данный термин употребляется в разных классификациях в зависимости от статуса иностранного гражданина в стране: «законно находящийся», «временно пребывающий», «временно проживающий», «постоянно проживающий в Российской Федерации»; «зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя»; «прибывший в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы»; «иностранец-работник», а также «лицо без гражданства» [Федеральный закон..., 2002].

Согласно информации из словаря Евростата, мигрантом называется лицо, которое закрепило свое местожительство, приехав в другую страну, как правило, на 12 месяцев [Glossaire, 2021]. На портале Совета Европы утверждается, что определить термин «ми-

грант» сложно, поскольку он относится, в зависимости от контекста, к различным категориям людей. Международная организация по миграции называет мигрантами тех, кто принимает решение о переселении свободно для личного удобства и без вмешательства внешних факторов [Manuel..., 2012].

По определению Т.Н. Юдиной, иммигрант – это лицо, въезжающее в другую страну на постоянное место жительства, как правило, с целью получения ее гражданства. Причем в разных странах есть своя нормативно-правовая база, регулирующая порядок определения статуса иммигранта, в зависимости от времени пребывания в стране и целей въезда [Юдина, 2006, с. 209]. И.И. Санжаревский и В.Н. Коновалов описывают иммигрантов как «граждан одного государства, поселяющихся постоянно или на длительное время на территории другого государства» [Санжаревский, 2010].

Согласно европейской точке зрения, иммигрант прибывает или возвращается из-за границы для проживания на определенный период времени. Широко используются рекомендации ООН по статистике международной миграции 1998 года (Rev. 1), в которых появляется понятие «долгосрочный иммигрант» – он остается на срок 12 месяцев или более в стране прибытия.

Французская терминология содержит несколько значений понятия «иммигрант»: «иммигрант-иностранец» и «иммигрант-потомок» [Définitions, 2021]. Можно отметить характерные особенности при определении данных понятий: во-первых, некоторые иммигранты смогли стать французами, а некоторые остались иностранцами; во-вторых, иммигрантское население и иностранное население не всегда смешиваются, поскольку некоторые иностранцы рождаются во Франции, а некоторые иммигранты не являются иностранцами. Тем не менее статус иммигранта является во Франции постоянным, даже если человек приобрел французское гражданство. То есть главным критерием при определении является страна рождения. Иммигрант-потомок либо мигрирует со своими родителями в несовершеннолетнем возрасте, либо имеет хотя бы одного родителя-иммигранта. Его географическое происхождение определяется по происхождению родителя-иммигранта [Définitions, 2020].

Трактовка понятия «беженец» из российского справочника МОМ основана на цитатах из Конвенции о статусе беженцев: человек, который «в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой» (Конвенция о статусе беженцев, 1951 г., ст. 1 А (2) с поправками в Протоколе, 1967 г.) [Поздоровкина, 2011].

Похожее определение существует в официальной терминологии РФ (Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»). Отличительной чертой является добавление к причинам преследования признака национальности и акцента на том, что беженец не является гражданином РФ, либо же не имеет определенного гражданства [Федеральный закон..., 1993].

Л.Л. Рыбаковский объединяет понятия «беженцы и ищущие убежище лица» и добавляет к определению «угрожающие обстоятельства», вследствие которых люди прибывают на территорию другого государства: «военные и политические конфликты, катастрофы, стихийные бедствия, преследования по различным мотивам и т. д.» [Рыбаковский, 2003, 14–17; Юдина, 2006, 246–250].

Согласно европейской терминологии, беженцы определяются как граждане третьей страны, которые из-за опасений подвергнуться преследованию по различным признакам находятся за пределами страны гражданства и не могут или в силу такого страха не желают воспользоваться защитой этой страны, или лица без гражданства, которые, находясь за пределами страны прежнего обычного проживания по тем же причинам, что указаны вы-

ше, не могут или в силу такого опасения не желают к ней возвращаться и на которых статья 12 Директивы 2011/95/ЕС не распространяется.

Т.Н. Юдина определяет убежище как «возможность иностранного гражданина или лица без гражданства временно пребывать на территории определенной страны» [Юдина, 2007]. Официальная российская терминология (Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах») использует то же определение, но к самому термину добавляет прилагательное «временное» и обосновывает возможность нахождения беженцев на территории РФ «статьей 12 настоящего Федерального закона, с другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации» [Федеральный закон..., 1993].

По данным Евростата, убежище – это форма защиты, предоставляемая государством на своей территории на основе принципа невыдворения и признанных на национальном или международном уровне прав беженцев. Этот статус предоставляется лицу, которое не может искать защиты в стране своего гражданства и/или проживания в частности из-за страха подвергнуться преследованию из-за своей расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических взглядов [Glossaire, 2021].

В.И. Козлов обозначает межэтническую интеграцию как этнические процессы внутри многонациональных государств, которые предполагают экономическое, социальное взаимодействие, которое ведет «к постепенному сближению и слиянию этносов в сфере культуры и по др. этническим параметрам» [Демографический энциклопедический словарь..., 1985].

Авторы российского справочника МОМ акцентируют внимание на процессе «приема иностранных граждан в обществе – в индивидуальном порядке и как группу» [Поздоровкина, 2011]. Причем требования к интеграции меняются в зависимости от принимающей страны. Авторы справочника подчеркивают ответственность обеих сторон за результативность интеграции: иммигрантов и правительства принимающей страны, а также различных организаций и самого принимающего общества.

Французский ученый, специалист в области демографических исследований Жан Люк Ришар предполагает, что интеграция бывает одновременно демографической (каждый индивид является частью населения, проживающего на территории), социальной (индивид является заинтересованным лицом в жизни общества) и иногда политической (обладание качеством «французский язык» обеспечивает условия принадлежности к национальному сообществу) [Richard, 2004]. Другие ученые подчеркивают, что интеграция предоставляет мигрантам место в обществе, не заставляя принимать образ жизни большинства, в отличие от ассимиляции, способствующей формированию абсолютно идентичного коренному населению сознания приезжих [Devecchio, 2021].

Л.Л. Рыбаковский описывает понятие «ассимиляция» как «процесс, в ходе которого две или более группы, ранее различавшиеся внутренней организацией, ценностными ориентациями, культурой, создают новую общность, в которой происходит смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности» [Демографический понятийный словарь..., 2003, 11–13; Юдина, 2003, с. 29–30].

И.И. Санжаревский и В.Н. Коновалов отмечают, что лишь один из народов теряет при слиянии свой язык, культуру, национальное самосознание. Они также выделяют два вида ассимиляции: «естественную, возникающую при контакте этнически разнородных групп населения, смешанных браках и т. п., и насильственную ассимиляцию, характерную для стран, где национальности неравноправны» [Санжаревский, 2010]. В.И. Козлов добавляет, что «одним из мощных рычагов процессов ассимиляции являются смешанные в национальном отношении браки» [Демографический энциклопедический словарь..., 1985].

В глоссарии МОМ под редакцией Ришара Перрушо ассимиляция выступает как процесс, в ходе которого одна социальная или этническая группа, трактуемая часто как меньшинство, перенимает культурные особенности второй группы, обычно являющейся

большинством. Вследствие этого процесса меняется чувство принадлежности. Как и российские исследователи, авторы говорят о том, что ассимиляция выходит за рамки аккультурации. Однако при этом полное исчезновение культуры меньшинства происходит крайне редко [Glossaire de la migration..., 2007].

Миграционная политика

А.В. Нестеров и Б.С. Хорев рассуждают о миграционной политике как о способах и мерах целенаправленного воздействия на миграционное движение, субъектом проведения которой является государство [Демографический энциклопедический словарь..., 1985]. Л.Л. Рыбаковский определяет миграционную политику системой идей и концептуально объединенных средств, общепринятых на уровне властных структур, с помощью которых осуществляется поставленных в этой сфере целей [Рыбаковский, 2003].

Национальный институт демографических исследований Франции трактует миграционную политику совокупностью мер по контролю или поощрению миграционных перевозок между соответствующей страной и зарубежными странами [INED, 2022].

Миграционный кризис

С.В. Рязанцев определяет миграционный кризис в узком и широком смысле. Спецификой узкого определения является масштабный рост числа в первую очередь вынужденных и экологических иммигрантов за относительно короткий период времени, что сильно нагружает рынок труда, экологическую обстановку и социальную инфраструктуру страны или региона приема. Широкое же определение, помимо притока, включает еще и резкий отток населения (эмигрантов), который негативно сказывается на демографической ситуации, «в том числе потери трудоспособного, экономически активного молодого населения репродуктивного возраста» [Рязанцев, 2021].

Французский политолог Анжель Минге называет выражение «миграционный кризис» или «мигрантский кризис» передающим идею угрозы, которая означает, что люди, въезжающие в Европу, радикально меняют ее культуру и угрожают ее социально-экономическому статусу, что, по мнению эксперта, ложный постулат. А. Минге считает, что использование данного выражения отражает отказ европейских государств интегрировать современное и международное измерение явления, которое нельзя искоренить и которое не является чем-то новым и непредсказуемым [Minguet, 2019].

Специалист по антропологии Мишель Агье в работе «Кризис гостеприимства. Границы, права, сопротивление» делает вывод, что установление государственными структурами категорий «беженец» и «мигрант» напрямую влияет на поведение населения по отношению к мигрантам, а также между самими приезжими [Agier, 2019]. Его коллега Анна Лендаро отмечает, что в государстве противопоставляется друг другу два типа беженцев: хороший проситель убежища и плохой, нелегальный [Lendaro, 2019]. Ученые предупреждают о том, что предвзятое отношение к терминам миграции приводит к несправедливости по отношению к мигрантам [Lendaro et al., 2019].

Заключение

Работы, посвященные изучению миграционной терминологии, представлены как в России, так и в Европейском союзе, в частности во Франции. Однако проблематика отечественного и зарубежного понимания терминов по миграции изучается не столь широко. Отсутствуют комплексные и детальные исследования в данной области. В России исследованиями терминологического аппарата в сфере миграции занимаются в основном представители академических кругов. В Европе и во Франции эти вопросы акцентируются в работах политических журналистов и общественных деятелей.

Политический дискурс в России и во Франции нуждается в прояснении ряда терминов, относящихся к сфере миграционного регулирования, поскольку достаточно часто возникает проблема непонимания или путаницы в тех или иных определениях. Кроме того, в связи с развитием международной ситуации в политическом измерении появляются новые термины, нуждающиеся в разъяснении, например, «миграционный кризис». Источники международного уровня предлагают один вариант определения и классификации представленных дефиниций, российские ученые говорят о другом варианте, французские ученые рассуждают о возможности использования третьего варианта. Часть исследователей, например, отказываются признавать существование миграционного кризиса, следовательно, для них подобного термина не существует.

Анализ проведенных исследований подтверждает тезис об отсутствии четких границ определений как на государственном, так и на международном уровнях, что, в свою очередь, ведет к искажению картины представлений при изучении российскими учеными миграционной ситуации во Франции, и наоборот. Необходима комплексная работа по систематизации разнообразия миграционных дефиниций на всех уровнях принятия решений с привлечением экспертов в сфере миграции из академического поля и представителей властных структур.

Список источников

- Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах». Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10105682/paragraph/28119/doclist/7409/showentries/0/highlight/бегенцы:0> (дата обращения: 13.10.2022).
- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Гарант. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/184755/paragraph/485087/doclist/3650/showentries/0/highlight/%22О%20правовом%20положении%20иностранн%20граждан%20в%20Российской%20Федерации%22:4> (дата обращения: 13.10.2022).

Список литературы

- Воробьева О.Д. 2003. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики. Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации. Аналитический сборник Совета Федерации ФС России. 9 (202): 9–22.
- Гулина О.Р. 2016. Семантика миграционных терминов. Журнал исследований социальной политики, 14 (3): 331–346.
- Демографический понятийный словарь. 2003. Ред. Л.Л. Рыбаковский. М., ЦСП, 2003, 352.
- Демографический энциклопедический словарь. 1985. Гл. ред. Д.И. Валентей. М., Советская энциклопедия. URL: <http://geography.su/demogr/item/f00/s00/e0000393/index.shtml> (дата обращения: 13.09.2022).
- Ионцев В.А. 1999. Международная миграция: населения: теория и история изучения. М., Диалог-МГУ, 1999, 3, 370.
- Лисицын П.П. 2017. Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 1: 11–28. DOI: 10.14515/monitoring.2017.01.02.
- Миграция населения: учебное пособие для вузов. 2019. Сост. Л.Л. Рыбаковский. М., Изд-во Юрайт, 2019, 480. URL: <https://urait.ru/bcode/446023> (дата обращения: 12.10.2022).
- Миграция: словарь основных терминов: учебное пособие. Сост. Т.Н. Юдина. М., Изд-во РГСУ, Академический Проект, 2007, 472.
- Поздоровкина О.Г. 2011. Справочник по терминологии в области миграции (русско-английский). Международная организация по миграции. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/handbook_on_migration_terminology.pdf. (дата обращения: 13.09.2022).

- Политическая наука: Словарь-справочник. 2010. Авт. и сост. И.И. Санжаревский. М., 988.
- Политология. Словарь. 2010. Сост. В.Н. Коновалов. РГУ, 2010. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/politology/> (дата обращения: 13.10.2022).
- Рязанцев С.В. 2021. Миграционный кризис: понятие и критерии. ДЕМИС. Демографические исследования, 2021, 1 (1): 7–16. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1>.
- Социальная политика: Энциклопедический словарь. 2005. Ред. Н.А. Волгин. М., Академический проект, 2005, 687.
- Социология миграции: Учебное пособие для вузов. 2006. Сост. Т.Н. Юдина. М., Академический проект, 2006, 272.
- Тоцкий Н.Н. 1999. Введение в миграционное право. Миграционное право как подотрасль конституционного права Российской Федерации. Нормативные акты, регулирующие правоотношения с участием мигрантов. М., Диалог МГУ, 153.
- Хабриева Т.Я. 2019. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИД Юриспруденция, 400.
- Юдина Т.Н. 2004. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М., Академический Проект, 400.
- Agier M. 2019. La lutte des mobilités. Catégories administratives et anthropologiques de la migration précaire. La crise de l'accueil. Frontières, droits, résistances, Paris, La Découverte: 81–95.
- Définitions, méthodes et qualité. Insee. URL: <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c1328> (accessed: 15.10.2022).
- Devecchio A. 2021. L'assimilation, une politique à réhabiliter. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/l-assimilation-une-politique-a-rehabiliter-20210122> (accessed: 15.10.2022).
- Glossaire de la migration. 2007. Éd. J. Perruchoud. Organisation internationale pour les migrations (OIM). URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_9_fr.pdf (accessed: 13.10.2022).
- Glossaire: Migration. Eurostat Statistics Explained. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Migration/fr> (accessed: 13.10.2022).
- Glossaire 2.0 sur l'asile et les migrations – Un outil pour une meilleure comparabilité. 2012. Réseau Européen des Migrations. Commission Européenne. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f61baaae-c95d-4655-89ce-c6ac0e755ad2/language-fr.doi:10.2837/76990> (accessed: 13.10.2022).
- Immigré (descendant d'). Insee. URL: <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c1676> (accessed: 13.10.2022).
- Manuel pour la pratique de l'éducation aux droits de l'homme avec les jeunes. La migration et les migrants. 2012. Conseil de l'Europe. URL: <https://www.coe.int/fr/web/compass/migration#1> (accessed: 15.10.2022).
- Lendaro A. 2019. Le réfugié, le migrant économique et le passeur. Ce que catégoriser veut dire, ou le poids des mots. La crise de l'accueil: 97–18.
- Lendaro A., Rodier C., Vertongen Y.L. 2019. La crise de l'accueil. Frontières, droits, résistances. Recherches. La Découverte. URL: <https://www.cairn.info/la-crise-de-l-accueil--9782348042843.htm?contenu=citepar> (accessed: 18.10.2022).
- Minguet A. 2019. Sémantique de la migration. Institut Convergences Migrations. URL: <https://www.icmigrations.cnrs.fr/2019/10/15/defacto-012-05/> (accessed: 18.10.2022).
- Politique migratoire. Institut national d'études démographiques. URL: <https://www.ined.fr/fr/lexique/politique-migratoire/> (accessed: 15.10.2022).
- Richard J.-L. 2004. Partir ou rester? Les destinées des jeunes issus de l'immigration étrangère en France. Presses universitaires de France, 272.
- Sayad A. 1990. Les maux-à-mots de l'immigration. Entretien avec Jean Leca. Persée. URL: https://www.persee.fr/doc/polix_0295-2319_1990_num_3_12_1420 (accessed: 15.10.2022).
- Trouillet C. 2014. Les dérives sémantiques de l'immigration. Africultures 2014, 1 (97): 83–93. URL: <https://www.cairn.info/revue-africultures-2014-1-page-83.htm#s1n2> (accessed: 15.10.2022).

References

- Vorob'jova O.D. 2003. Migracionnye processy naselenija: voprosy teorii i gosudarstvennoj migracionnoj politiki. Problemy pravovogo regulirovanija migracionnyh processov na territorii Rossijskoj Federacii [Migration processes of the population: issues of theory and state migration policy. Problems of legal regulation of migration processes on the territory of the Russian Federation]. Analiticheskij sbornik Soveta Federacii FS Rossii. 9 (202): 9–22.
- Gulina O.R. 2016. Semantics of migration terms. Journal of Social Policy Research, 14 (3): 331–346 (in Russian).
- Demograficheskij ponjatijnyj slovar' [Demographic conceptual dictionary]. Ed. L.L. Rybakovskiy. M.: CSP, 2003, 352.
- Demograficheskij jenciklopedicheskij slovar' [Demographic encyclopedic dictionary]. 1985. Chief Ed. D.I. Valentej. M., Sovetskaja jenciklopedija. URL: <http://geography.su/demogr/item/f00/s00/e0000393/index.shtml> (accessed: 13.09.2022).
- Ioncev V.A. 1999. Mezhdunarodnaja migracija: naselenija: teorija i istorija izuchenija [International migration: populations: theory and history of study]. Mezhdunarodnaja migracija naselenija: Rossija i sovremennij mir, 3. M., Dialog-MGU, 370.
- Lisitsyn P.P. 2017. Granicy i sodержanie migracionnogo processa: teoreticheskoe opredelenie i operacionalizacija ob'ektov migracionnyh issledovanij [The scope and content of the migration process: theoretical definition and operationalization of objects of migration studies]. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2017, 1: 11–28. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.02 (in Russian).
- Migracija naselenija: uchebnoe posobie dlja vuzov [Migration of the population: a textbook for universities]. 2019. Comp. L.L. Rybakovskiy. M., Izdatel'stvo Jurajt. 480. URL: <https://urait.ru/bcode/446023> (accessed: 12.10.2022).
- Migracija: slovar' osnovnyh terminov: uchebnoe posobie [Migration: a dictionary of basic terms: a study guide]. 2007. Comp. T.N. Yudina. M., Izdatel'stvo RGSU; Akademicheskij Proekt. 2007, 472.
- Pozdorovkina O.G. 2011. Spravochnik po terminologii v oblasti migracii (russko-anglijskij) [Migration terminology guide (Russian-English)]. Mezhdunarodnaja organizacija po migracii. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/handbook_on_migration_terminology.pdf. (accessed: 13.09.2022).
- Politicheskaja nauka: Slovar'-spravochnik [Political science: Dictionary-reference book]. 2010. Ed. and comp: Sanzharevskij I.I. M., 2010, 988.
- Politologija. Slovar'. [Political science. Dictionary]. 2010. Comp. V.N. Konovalov. RGU, 2010. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/politology/> (accessed: 13.10.2022).
- Ryazantsev S.V. 2021. Migration Crisis: Concept and Criteria. DEMIS. Demographic Research, 1 (1): 7–16. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1> (in Russian).
- Social'naja politika: Jenciklopedicheskij slovar' [Social Policy: Encyclopedic Dictionary]. 2005. Ed. N.A. Volgin. M., Akademicheskij proekt, 2005: 112–114.
- Sociologija migracii: Uchebnoe posobie dlja vuzov [Sociology of migration: Textbook for universities]. 2006. Comp. T.N. Judina. M., Akademicheskij Proekt, 2006: 246–250.
- Tockij N.N. 1999. Vvedenie v migracionnoe pravo. Migracionnoe pravo kak podotrasl' konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii. Normativnye akty, regulirujushhie pravootnoshenija s uchastiem migrantov [Introduction to Migration Law. Migration law as a sub-branch of the constitutional law of the Russian Federation. Normative acts regulating legal relations with the participation of migrants]. M., Dialog MGU, 153.
- Habrieva T.Ja. 2019. Migracionnoe pravo: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografija [Migration law: a comparative legal study: a monograph]. M., Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, ID Jurisprudencija. 400.
- Judina T.N. 2004. Sociologija migracii: k formirovaniju novogo nauchnogo napravlenija [Sociology of migration: towards the formation of a new scientific direction]. M. Akademicheskij Proekt, 2004, 400.
- Agier M. 2019. La lutte des mobilités. Catégories administratives et anthropologiques de la migration précaire. La crise de l'accueil. Frontières, droits, résistances, Paris, La Découverte: 81–95.
- Définitions, méthodes et qualité. Insee. URL: <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c1328> (accessed: 15.10.2022).

- Devecchio A. 2021. L'assimilation, une politique à réhabiliter. *Le Figaro*. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe/l-assimilation-une-politique-a-rehabiliter-20210122> (accessed: 15.10.2022).
- Glossaire de la migration. 2007. Éd. J. Perruchoud. Organisation internationale pour les migrations (OIM). URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_9_fr.pdf (accessed: 13.10.2022).
- Glossaire: Migration. Eurostat Statistics Explained. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Migration/fr> (accessed: 13.10.2022).
- Glossaire 2.0 sur l'asile et les migrations – Un outil pour une meilleure comparabilité. 2012. Réseau Européen des Migrations. Commission Européenne. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/f61baaae-c95d-4655-89ce-c6ac0e755ad2/language-fr.doi:10.2837/76990> (accessed: 13.10.2022).
- Immigré (descendant d'). Insee. URL: <https://www.insee.fr/fr/metadonnees/definition/c1676> (accessed: 13.10.2022).
- Manuel pour la pratique de l'éducation aux droits de l'homme avec les jeunes. La migration et les migrants. 2012. Conseil de l'Europe. URL: <https://www.coe.int/fr/web/compass/migration#1> (accessed: 15.10.2022).
- Lendaro A. 2019. Le réfugié, le migrant économique et le passeur. Ce que catégoriser veut dire, ou le poids des mots. *La crise de l'accueil*: 97–18.
- Lendaro A., Rodier C., Vertongen Y.L. 2019. La crise de l'accueil. *Frontières, droits, résistances. Recherches. La Découverte*. URL: <https://www.cairn.info/la-crise-de-l-accueil--9782348042843.htm?contenu=citepar> (accessed: 18.10.2022).
- Minguet A. 2019. Sémantique de la migration. Institut Convergences Migrations. URL: <https://www.icmigrations.cnrs.fr/2019/10/15/defacto-012-05/> (accessed: 18.10.2022).
- Politique migratoire. Institut national d'études démographiques. URL: <https://www.ined.fr/fr/lexique/politique-migratoire/> (accessed: 15.10.2022).
- Richard J.-L. 2004. *Partir ou rester? Les destinées des jeunes issus de l'immigration étrangère en France*. Presses universitaires de France, 272.
- Sayad A. 1990. Les maux-à-mots de l'immigration. Entretien avec Jean Leca. *Persée*. URL: https://www.persee.fr/doc/polix_0295-2319_1990_num_3_12_1420 (accessed: 15.10.2022).
- Trouillet C. 2014. Les dérives sémantiques de l'immigration. *Africultures* 2014, 1 (97): 83–93. URL: <https://www.cairn.info/revue-africultures-2014-1-page-83.htm#s1n2> (accessed: 15.10.2022).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.10.2022

Received 20.10.2022

Поступила после рецензирования 10.11.2022

Revised 10.11.2022

Принята к публикации 11.11.2022

Accepted 11.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ашмарина Александра Алексеевна, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Aleksandra A. Ashmarina, lecturer of Regional Studies and Local History Department, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0003-4065-5047](https://orcid.org/0000-0003-4065-5047)